Sovremennik 169

СОВРЕМЕННИКЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ИЗДАТЕЛИ И РЕДАКТОРЫ: ВЪ 1836 А. С. ПУШКИНЪ; ВЪ 1837 В. А. ЖУКОВСКІЙ И КНЯЗЬ П. А. ВЯЗЕМСКІЙ СЪ НѢКОТОРЫМИ ДРУГИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ СЪ 1838 П. А. ПЛЕТНЕВЪ.

41

ТОМЪ СОРОКЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Военно-Учебныхъ Заведеній.

1846.

СОВРЕМЕННИКЪ.

XLI.

СОВРЕМЕННИКЪ.

ГОДЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ИЗДАТЕЛИ И РЕДАКТОРЫ: ВЪ 1836 А. С. ПУШКИНЪ; ВЪ 1837 В. А. ЖУКОВСКІЙ И КНЯЗЬ П. А. ВЯЗЕМСКІЙ СЪ НѢКОТОРЫМИ ДРУГИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ. СЪ 1838 П. А. ПЛЕТНЕВЪ.

ТОМЪ СОРОКЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Военно-Учебныхъ Заведеній.

1846.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/70 — 1167

ВЫБОРЪ КРЕСТА.

Изъ Шамиссо.

Усталый шелъ крутой горою путникъ;
Съ усиліемъ передвигая ноги,
По гладкимъ онъ скаламъ горы тащился,
И наконецъ достигъ ея вершины.
Съ вершины той широкая открылась
Равнина, вся облитая лучами
На край небесъ склонившагося солнца.
Свершивъ свой путь, великое свѣтило
Послѣдними лучами озаряло,
Прощаясь съ нимъ, полузаснувшій міръ,
И былъ покой повсюду несказанный.
Утѣшенный видѣніемъ такимъ,
Сталъ странникъ на колѣна, прочиталъ
Вечернюю молитву, и потомъ
На благовонномъ лонѣ муравы
Простерся, и сошелъ ему на вѣжды
Миротворящій сонъ, и сновидѣньемъ
Былъ духъ его изъ бренныя тѣлесной
Темницы извлеченъ. Предъ нимъ явилось
Господнимъ ликомъ пламенное солнце,
Господнею одеждой твердь небесъ,
Подножіемъ Господнихъ ногъ земля;
И къ Господу воскликнулъ онъ: Отецъ,

Не отвратись во гнѣвѣ отъ меня,
Когда всю слабость грѣшныя души
Я исповѣдую передъ Тобою!
Я знаю: каждый, кто здѣсь отъ жены
Рожденъ, свой крестъ нести покорно долженъ;
Но тяжестью не всѣ кресты равны;
Мой слишкомъ мнѣ тяжелъ, не по моимъ
Онъ силамъ; облегчи его, иль онъ
Меня раздавитъ, а моя душа
Погибнетъ. Такъ въ безсмысліи онъ Бога
Всевышняго молилъ. И вдругъ великій
Повѣялъ вѣтеръ; и его умчало
На высоту неодолимой силой;
И онъ себя во храминѣ увидѣлъ,
Гдѣ множество безчисленное было
Крестовъ; и онъ потомъ услышалъ голосъ:
«Передъ тобою всѣ кресты земные
«Здѣсь собраны; какой ты самъ изъ нихъ
«Захочешь взять, тотъ и возьми.» И началъ
Кресты онъ разбирать, и тяжесть ихъ
Испытывать, и каждый класть на плечи,
Дабы узнать, какой нести удобнѣй.
Но выбрать было не легко: одинъ
Былъ слишкомъ для него великъ; другой
Тяжелъ; а тотъ, хотя и не великъ
И не тяжелъ, но не удобенъ, рѣзалъ
Краями острыми ему онъ плечи;
Иной былъ слитъ изъ золота, за то
И невподъемъ, какъ золото. И, словомъ,
Ни одного креста не могъ онъ выбрать,
Хотя и всѣ пересмотрѣлъ. И снова
Ужъ начинать хотѣлъ онъ пересмотръ;

Какъ вдругъ увидѣлъ онъ простой, имъ прежде
Оставленный безъ замѣчанья крестъ;
Былъ не легокъ онъ, правда, былъ изъ твердой
Сработанъ пальмы; но за то какъ будто
По мѣркѣ для него былъ сдѣланъ, такъ
Ему пришелся по плечу онъ ловко.
И онъ воскликнулъ: Господи, позволь мнѣ
Взять этотъ крестъ! И взялъ. Но что же? — Онъ
Былъ самый тотъ, который онъ ужъ несъ.

В. Жуковскій.

—

ПАЛАЧЬ.

Подражаніе Шамиссо.

Въ тѣ времена, когда Буонапарте
Оковывалъ безжалостной рукой
Испанію, прекрасный полуостровъ,
Давался пиръ въ высокостѣнной Мендѣ.
То пировалъ, при грохотѣ музыки,
Испанскій Грандъ, Маркизъ де лосъ Леганесъ.
И былъ въ числѣ поназванныхъ гостей
Французскаго отряда офицеръ —
И не было прекрасно-величавѣй
Двухъ отраслей прославленнаго рода
Леганесовъ, Іуанито и Клары.

Огни горятъ. Шипитъ бѣлѣя пѣна
Въ узорами украшенныхъ бокалахъ.
Всѣ въ золотѣ. Но хохота не слышно,
Но не видать безпечнаго лица —
И наконецъ, предчувствіемъ томимый,
Изъ-за стола уходитъ комендантъ
Въ душистый садъ. Тамъ кто-то подошелъ
И прошепталъ: — не все благонадежно. —
«Что сдѣлалось?» — Кровавый заговоръ
Противу насъ. — «Откуда эта смѣлость?»
— Вы видите ль, гдѣ грозовая туча,
Облитая сіяніемъ луны,
Коснулася трепещущаго моря,
Чернѣется — то Англійскій корабль.... —
И въ этотъ мигъ взвился огневый шаръ
Надъ городомъ зловѣщею кометой —
И въ этотъ мигъ раздался ярый вопль:
«Къ оружію, несчастные Испанцы!
«Къ оружію — и смерть иноплеменнымъ!»
За тучею скрывается луна.
Ни звѣздочки. Но яркою струей
Скользитъ огонь изъ гибельнаго дула,
Да иногда, умышленно зажженный,
Пылаетъ домъ. И при такихъ огняхъ
Свершается отчаянное мщенье:
Тамъ женщина на спящаго врага
Подъемлетъ ножъ; тамъ цѣлится мальчишка
Въ бѣгущаго; тамъ безоружный воинъ
Старается противника сломить.....
И стихнулъ бой — и скачетъ офицеръ,
Чтобъ донести о гибели отряда
Начальнику.

Подъ шлемомъ посѣдѣвшій
И, посреди дозволенныхъ убійствъ,
Отвыкнувшій считать враговъ людьми,
Велѣлъ бить сборъ Французскій генералъ.
Какъ за звеномъ подобное звено,
Такъ мщеніе за мщеніемъ. О Менда,
Страшнѣе бурь и язвы моровой
Приходитъ онъ, и нѣтъ тебѣ защиты —
И нѣтъ ея! Британскія суда
Въ твоихъ водахъ являлися случайно.
И какъ одна ты зачинала тяжбу,
Такъ ты одна заплатишь за все.
И видѣли, какъ, при восходѣ солнца,
Предъ городомъ, сверкающей змѣей
Развился фронтъ; какъ мѣрными шагами,
При ропотѣ зловѣщихъ барабановъ,
Онъ двигнулся на приступъ. Ворота
Раскрылися. Иные поспѣшали
Покорностью умалить наказанье,
А прочіе, какъ изнемогшій левъ,
Ударились, не мысля объ отпорѣ,
На хорошо-наточенныя копья.
Гдѣ длинный столъ вчера трещалъ отъ брашенъ,
Гдѣ пѣнилось янтарное вино,
И дѣвушки, нетронутыя розы,
Толпилися — за форменнымъ столомъ
Сидѣлъ судья, всевластный въ дѣлѣ крови.
И онъ глядѣлъ, какъ предъ его окномъ
Рабочіе натаскивали бревна,
Какъ молотокъ запрыгалъ по гвоздямъ,
И принесли погибельную плаху —
И легъ топоръ, съ котораго струсй

Отпрянулъ лучь, какъ будто испугавшись,
И какъ потомъ, на роковомъ помостѣ,
Потухшихъ глазъ не подымая къ небу,
Воздвигнулся ужасный человѣкъ.
И онъ глядѣлъ, какъ, тяжкими цѣпями
Окованный и ими же гордясь,
Стоялъ старикъ, Маркизъ де лосъ Леганесъ;
Какъ близъ него съ послѣднею мольбой
Его жена сложила кротко руки;
Какъ малый внукъ на млекополномъ лонѣ
Кормилицы привѣтно улыбался,
И сыновья, съ сигарами во рту,
Смѣялися, и плакали рабыни
Объ участи своей и господина,
И руку далъ на скорое свиданье
Іуанито черноволосой Кларѣ.
    Тогда, ружье товарищу отдавъ
И выступивъ три шага вонъ изъ строя,
Какой-то тамъ Аркольскій ветеранъ
Проговорилъ: «я не прошу пощады,
«Но милости.» — Ты многаго достоинъ. —
«И такъ почти почтенное въ врагѣ,
«И чтобы къ нимъ не прикасался подлый.»
— Да будетъ такъ. — «Духовника.» — Согласенъ. —
«И если ты еще имѣешь жалость,
«То пощади хоть одного изъ нихъ».
— Такъ выслушай послѣднее рѣшенье:
Я обѣщалъ не предавать позору
Леганесовъ, и обѣщаю жизнь
Тому изъ нихъ, кто будетъ палачемъ
Своей семьи. — Сказалъ, и отвернулся,
И волосы у многихъ стали дыбомъ.

На тѣ слова отвѣтствуетъ Маркиза:
«Мы всѣ умремъ.» Смиренно подошли
Шесть сыновей, прося благословенья.
Какъ будто бы надѣясь защитить,
Безпечная ребенка обхватила
Кормилица. Но вотъ, какъ почка розы,
Раскрылися плѣнительныя губы:
«О братія, вы слабы, вы жестоки!
Взгляните же на этаго ребенка,
Которому и жизнь и смерть равны,
Но тяжело малѣйшее страданье:
Вы можете ль увидѣть хладнокровно
Въ рукѣ того, что въ красное одѣли
Родителя священныя сѣдины?
И можетъ ли меня схватить палачь,
Меня остричь, меня прижать ко плахѣ,
Меня сразить? я Клара лосъ Леганесъ!»
Тогда, простря окованную руку
Надъ милыми, заговорилъ старикъ:
«Была пора, кровавая какъ нынѣ —
Король бѣжалъ, сдавались города,
И дикій Мавръ съ презрительной улыбкой
Произносилъ прозваніе Вестготѳа;
Но онъ блѣднѣлъ, когда вашъ прародитель
Сопровождалъ Великаго Пелайо.
Была пора — предъ Павіей сошлись
Державный Вождь съ измѣнникомъ Бурбономъ;
Но этотъ бой дотолѣ не рѣшался,
Пока одинъ изъ нашихъ, Донъ Рамиро
Не обошелъ строптиваго Франциска.
Я, наконецъ — не я ль освободилъ —
Не надолго — мою родную Менду —

И кровію запечатлѣю подвигъ!
Погибнуть ли, какъ звѣздочкѣ падучей,
Какъ выродку тлетворнаго порока,
Одиннадцать столѣтій пережившимъ?
О, никогда! Вы, юноши и дѣва,
Всѣ дѣти мнѣ — всѣ милы, всѣ равно!
Но красотой и нравомъ благороднымъ
Всѣхъ выше ты — ты будешь нашъ палачь —
Іуанито́!
Означенный вздрогнулъ,
А прочіе возвеселились духомъ.
Какъ легкій строй веселыхъ привидѣній,
По воздуху несутся облака;
Съ умильною улыбкой добротворца
На міръ глядитъ пылающее солнце —
И вѣя вѣтръ, какъ будто чучу, гонитъ
Душистое дыханье апельсиновъ;
И лепестки отъ вишневыхъ цвѣтовъ,
Какъ звѣздочки, кружатся въ вышинѣ;
И синій токъ, по камушкамъ различнымъ
Журча, бѣжитъ. Но для кого жъ все это
Прекрасное?
Вкругъ по́моста народъ.
У лѣсенки съ поникшими глазами
Сѣдой монахъ. Съ оружьемъ наголо
Ряды солдатъ. Ничто не шелохнется —
И все то ждетъ. Вотъ забѣлѣлъ платокъ.
«На караулъ!» Задребезжали ружья,
Загрохоталъ сигнальный барабанъ —
И сталъ всходить на страшныя ступени
Іуанито̀. Обычная походка.
Обычный взглядъ. Но только былъ онъ блѣденъ.

Такъ блѣденъ былъ, какъ будто вовсе крови
Въ немъ не было; какъ будто бы не самъ
Онъ двигался, но охладѣвшій трупъ,
Воздвигнутый ужаснымъ заклинаньемъ.
И вотъ онъ сталъ. И блещущіе кудри
Таинственнымъ сіяньемъ окружили
Его лице. Младенца поднесли.
Несмыслящій, подушкою считая,
Головкою прижался къ жесткой плахѣ.
Топоръ блеснулъ. Ни трепета, ни крика —
И мячикомъ скатилась голова.
«Вотъ мой чередъ», воскликнулъ семилѣтній
Донъ Себастьянъ — и выбѣжалъ на пóмостъ.
Рука вѣрна. За нимъ пошли другіе.
И всякій разъ, когда, изъ-подъ удара
Отпрянувши, летѣла голова,
Какъ плескъ струи раждался умирая
Невольный вздохъ: то порывались струны
У матери въ любвеобильномъ сердцѣ.
Блѣднѣлъ сильнѣй, ярчей Іуанитò —
И знакъ давалъ, чтобы скорѣй всходили.
И стала мать, взглянула на него —
И ринулась. Объ намощенный камень
Разбилась кость. На сына кровь и мозгъ.
«Иди же, дочь!» И приступила Клара.
Какъ на цвѣткѣ уханная росинка,
Въ ея глазахъ жемчужилась слеза.
Какъ былочка, лобзаемая вѣтромъ,
Роскошный станъ тихонько колебался.
Нагнулася..... ударило..... невѣрно.....
Жестокій вопль..... Еще ударъ, и третій —
И голова, обвитая кудрями,

Скатилася. Тогда взошелъ послѣднiй
И провѣщалъ: «Маркизъ де лосъ Леганесъ —
«Рази отца!»
Кто это тамъ стоитъ,
Облокотясь на заднюю скамейку,
Весь въ траурѣ? Еще лице такъ блѣдно,
Такъ хорошо! Когда передъ Дарами
Склонились мы — не шевельнулся онъ,
Но задрожалъ, когда служившiй молвилъ:
«Сгубившему своихъ единокровныхъ
«Проклятiе!» Его въ народѣ знаютъ;
Его зовутъ въ народѣ *Палачемъ!*
Ему бѣжать отъ прочихъ человѣковъ;
Ему не спать безъ страшныхъ сновидѣнiй;
Ему не смыть имъ пролiянной крови;
Ему любить уже нельзя живое —
Но должно жить! Когда же у него
Родится сынъ — тогда въ могилу ляжетъ
Iуанитò, Маркизъ де лосъ Леганесъ.

Дмитрiй Коптевъ.

ОСМАНЫ *.

Къ числу лучшихъ современныхъ историковъ безспорно можно отнести Берлинскаго Профессора, Леопольда Ранке. Его замѣчательное произведеніе: *Государи и народы южной Европы въ XVI и XVII столѣтіяхъ* обратило на себя общее вниманіе образованныхъ читателей всей Европы. Этотъ трудъ, выказывающій огромную его ученость, заключаетъ въ себѣ исторію Папъ, изъ которой отрывки помѣщены были въ XXVIII т. Современника, исторію Испанской имперіи и Османовъ. Авторъ свелъ вмѣстѣ этихъ разнородныхъ дѣйствователей, потому-что они находились въ то время на высшей степени своей силы, и отъ того около нихъ сосредоточивалась политика почти всѣхъ остальныхъ державъ западной Европы. Большая часть исторіи Папъ переведена на Русскій языкъ — и мнѣніе объ ней уже произнесено нашею публикою. Теперь мы представимъ читателямъ, какимъ образомъ смотритъ знаменитый Профессоръ на Османовъ. Но прежде-нежели мы приступимъ къ разсмотрѣнію подробностей этаго труда, скажемъ вообще нѣсколько словъ объ немъ. Это не есть собственно исторія; тутъ вы не видите

* Османы обижаются, когда ихъ называютъ Турками — именемъ, которое они употребляютъ для означенія человѣка грубаго.

ряда происшествій, изложенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ отъ начала основанія Османской имперіи до настоящаго времени: но вамъ представляется яркая и, при всей краткости, полная картина государственнаго быта Оттоманской имперіи — картина движущаяся, такъ сказать, драматическая.

Авторъ заставляетъ читателя смотрѣть на государственный бытъ Турецкой имперіи съ разныхъ пунктовъ, и читатель, увлеченный интересомъ изложенія, видитъ передъ собою организмъ огромнаго общества, въ началѣ грознаго и сильнаго дикимъ мужествомъ и фанатическимъ изступленіемъ своихъ членовъ. Какъ волны, гонимыя порывистымъ вѣтромъ, выступаютъ изъ береговъ и разливомъ своимъ угрожаютъ потопить всю землю, такъ Османы, движимые духомъ завоеваній, воспламененные религіозною ревностію, ринулись сначала на Малую Азію, а потомъ путемъ побѣдъ проникли и въ Европу. Но ослабѣлъ духъ завоеванія въ слѣдствіе многихъ причинъ, которыя такъ прекрасно изложены авторомъ, и Турецкая имперія стала упадать. Прошло неестественное напряженіе силъ и наступило безсиліе — его необходимое слѣдствіе.

Со временъ великаго Солимана, котораго Турки называютъ *великолѣпнымъ*, началось уже паденіе, и съ тѣхъ поръ Османы именемъ своимъ перестали внушать суевѣрный страхъ восточнымъ и западнымъ своимъ сосѣдамъ. Только случайныя обстоятельства — съ одной стороны безсиліе Востока, а съ другой политика Европейскихъ державъ —

по словамъ автора, были причиною того, что Турція осталась еще до сихъ поръ государствомъ самостоятельнымъ.

При составленіи исторіи Османовъ главнымъ источникомъ для Ранке служило множество манускриптовъ, относящихся къ концу XVI и началу XVII стол. Это были реляціи Венеціанскихъ посланниковъ, жившихъ въ Турціи по дѣламъ республики — именно Наважеро, Барбаро, Флоріани, Морозини, Цедолини, Вальери и другихъ. Слѣдовательно самая новость и рѣдкость источниковъ придаетъ исторіи Османовъ Ранке еще большую цѣну.

Слогъ Ранке въ этомъ сочиненіи, какъ и вездѣ, сжатъ, а потому силенъ, выразителенъ и, что всего труднѣе соблюсти при сжатости, ясенъ. У него нѣтъ пустословія, набора словъ, подбираемыхъ для эффекта многими и даже хорошими историками.

Нельзя также не замѣтить въ исторіи Османовъ превосходной характеристики нѣкоторыхъ лицъ, какъ напр. Султановъ Солимана I, Селима II, Амурата III, Ахмета I и особенно Амурата IV, также великаго визиря Мехмета и другихъ. Словъ не много, а характеры выдаются выпукло, поражаютъ трепетомъ жизни. Истинный историкъ долженъ быть поэтомъ — и именно такимъ часто является Ранке.

Авторъ раздѣляетъ все свое сочиненіе на четыре отдѣла (не считая здѣсь коротенькаго введенія и заключенія), и потомъ разсматриваетъ каждый изъ нихъ.

Въ 1-мъ отдѣлѣ онъ говоритъ объ основахъ мо-

гущества Османовъ. По его мнѣнію, три главныхъ причины этаго могущества: 1) ленная система, 2) институтъ рабовъ и 3) положеніе верховнаго повелителя среди подданныхъ. Все, что приводитъ авторъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, очень основательно и чрезвычайно интерессно. Начнемъ съ ленной системы.

«Всякая страна, завоеванная Османами, тотчасъ послѣ завоеванія раздѣлялась по знаменамъ и саблямъ на нѣсколько помѣстьевъ (леновъ), для того, съ одной стороны, чтобы упрочить извнѣ и внутри владѣніе покоренною страною, а съ другой, чтобы содержать старыхъ воиновъ всегда въ готовности къ новымъ завоеваніямъ. Чтобы понять всѣ выгоды подобнаго учрежденія, надобно знать, что всякой владѣтель, получавшій умѣренный доходъ въ 3000 аспровъ (50 аспровъ равняются тремъ франкамъ или 75 коп. сер.), долженъ былъ доставлять всадника, во всякое время готоваго къ походу; далѣе, съ каждыми пятью тысячами аспровъ сверхъ этаго дохода соединялась обязанность выставлять по одному всаднику. Такимъ образомъ Европейскія владѣнія могли доставить 80 т., а Малоазійскія 50 т. сипаевъ (такъ называются эти всадники). Для поднятія всѣхъ этѣхъ силъ достаточно было дать указъ двумъ *беглеръ-беямъ* имперіи, которые отправляли его къ начальникамъ знаменъ — *санджакъ-беямъ*, тѣ въ свою очередь къ начальникамъ дружинъ — *алай-беямъ*, и въ такомъ порядкѣ доходилъ указъ до каждаго владѣтеля помѣстья — *сіамета* или *тимара*: наконецъ

смотръ войскамъ и отправленіе ихъ дѣлались безъ всякаго замедленія.

Чрезвычайно важно то обстоятельство, что эта іерархическая система всегда исключала начало наслѣдства, господствовавшее въ феодальныхъ постановленіяхъ западной Европы. Это были лены, не доставлявшіе правъ дворянства и не переходившіе по наслѣдству къ сыновьямъ.

Солиманъ постановилъ, что, въ случаѣ, если санджакъ-бей, владѣтель дохода въ 700 тысячь аспровъ, оставляетъ малолѣтнаго, то этотъ наслѣдникъ получаетъ изъ имѣнія только одинъ тимаръ въ пять тысячь аспровъ и то съ непремѣнною обязанностію доставлять однаго всадника.

Многіе подобные законы предоставляютъ bòльшій ленъ сыновьямъ сипаевъ, погибшихъ на полѣ сраженія, а mèньшій и даже всегда маленькій тимаръ такимъ, которыхъ отцы померли дома. Вотъ почему, говоритъ Барбаро, нѣтъ между ними ни дворянъ, ни богатыхъ; дѣти вельможъ видятъ, какъ сокровища ихъ отцевъ переходятъ въ руки другихъ вельможъ, и живутъ безъ всякаго отличія отъ прочихъ.

Но былъ однако у нихъ родъ наслѣдства, только не личнаго, а общаго. Сынъ не наслѣдовалъ отцу, но генерація генераціи. По коренному закону никто не могъ получить тимаръ, если онъ не былъ сынъ тимарлія, т. е. владѣтеля тимара. Такимъ образомъ

всякой здѣсь принужденъ былъ начинать съ низшихъ степеней *.»

Но особенно хорошо развилъ Ранке, какимъ образомъ институтъ рабовъ содѣйствовалъ могуществу Османской имперіи, а потому мы передадимъ это мѣсто вполнѣ.

«Самый оригинальный изъ всѣхъ институтовъ, которому подобнаго, сколько я знаю, нигдѣ не существовало, былъ (говоритъ авторъ) слѣдующій: молодыхъ мальчиковъ, похищенныхъ во время войны, воспитывали такъ, чтобы образовать изъ нихъ для службы Султану воиновъ, или государственныхъ мужей.

Всякія пять лѣтъ дѣлался по имперіи наборъ дѣтей Христіанскихъ. Небольшіе отряды войска, предводимые каждый своимъ начальникомъ, снабженные каждый особеннымъ фирманомъ, обходили всѣ мѣста. Вездѣ, гдѣ они являлись, протогеросы собирали жителей и ихъ дѣтей. Начальникъ отряда имѣлъ право забирать съ собою всѣхъ молодыхъ людей, красивыхъ, стройныхъ, хорошо сложенныхъ, всѣхъ

* Но и въ Турціи было средство передавать семейству наслѣдство не только движимымъ, но и недвижимымъ имѣніемъ. Именно: всякой владѣлецъ, желавшій спасти отъ хищности правительства свое недвижимое имѣніе, уступалъ его за умѣренную сумму какой-нибудь мечети, съ тѣмъ условіемъ, чтобы мечеть эта вступала въ полное и свободное владѣніе уступленнымъ ей имѣніемъ только послѣ совершеннаго прекращенія прямаго потомства продавца. Такая сдѣлка, чрезвычайно выгодная для духовенства, называлась *вакуфомъ;* она отчуждала между-прочимъ навсегда отъ наслѣдства всѣ боковыя линіи прямаго владѣльца. Нерѣдко моровая язва истребляла цѣлыя семейства, и такимъ образомъ въ полное владѣніе мечетей поступали огромныя богатства.

тѣхъ, въ которыхъ, начиная съ семи лѣтъ до возмужалаго возраста, обнаруживались особенныя способности.

Этихъ мальчиковъ приводили ко Двору великаго повелителя въ видѣ десятины, платимой ему подданными. Туда доставляли также мальчиковъ, похищенныхъ во время военныхъ походовъ, какъ часть добычи, которая по закону слѣдуетъ повелителю. Ни одинъ паша не возвращался съ войны, не представивъ султану подарка, состоящаго изъ молодыхъ невольниковъ, между которыми были Поляки, Богемцы, Русскіе, Итальянцы и Нѣмцы.

Эти молодые люди раздѣлялись на два класса. Одни, особенно сначала, отправлялись въ Малую Азію и тамъ отдавались въ услуженіе поселянамъ для образованія въ духѣ магометанства. Потомъ стали удерживать ихъ въ сералѣ, гдѣ употребляли ихъ для носки воды и дровъ, для работъ въ садахъ и на баркахъ, также при постройкахъ, но всегда подъ присмотромъ надзирателя, который палкою гонялъ ихъ на работу.

Что касается до другихъ дѣтей, т. е. тѣхъ, которыхъ считали болѣе способными — многіе наивные Нѣмцы убѣждены были, что Османы узнавали о способностяхъ дѣтей посредствомъ злыхъ духовъ — они помѣщались въ сераляхъ Адріанопольскомъ, Галатскомъ, или въ одномъ изъ двухъ, находившихся въ Стамбулѣ.

По прибытіи туда, дѣти получали легкія одежды изъ полотна, или изъ матеріи Салоникской; шапки

ихъ были изъ сукна Брусскаго; всякое утро являлись къ нимъ учители, изъ которыхъ каждый получалъ по 8 аспровъ въ день, и упражняли ихъ до вечера въ чтенiи закона, или въ письмѣ.

Въ опредѣленный срокъ всѣхъ ихъ обрѣзывали. Тѣ, которыхъ присуждали къ труднымъ работамъ, зачислялись въ корпусъ янычаръ. Воспитываемые же въ сералѣ дѣлались безпомѣстными сипаями, получающими жалованье и служащими Портѣ, или назначались къ отправленiю высшихъ государственныхъ должностей.

Тѣ и другiе подчинялись строгой дисциплинѣ. Соранцо доноситъ въ своей реляцiи, какъ первые, лишенные въ продолженiи цѣлаго дня пищи и удобной одежды, упражнялись въ стрѣлянiи изъ лука и пищалей, какъ они проводили ночи въ длинной, освѣщенной залѣ подъ присмотромъ надзирателя, который ходилъ взадъ и впередъ передъ ними, не позволяя имъ и шевельнуться. Когда они уже зачислялись въ корпусъ янычаръ, то переходили въ казармы, похожiя на монастыри, гдѣ различные *одасы* жили вмѣстѣ, молодые въ повиновенiи у старшихъ *. Законы, которымъ они подчинялись,

* Корпусъ, или орта янычаръ, раздѣлялся по регламентамъ великаго Солимана на *196 одасъ*, по числу комнатъ, назначенныхъ для помѣщенiя этаго войска въ казармахъ Константинопольскихъ. Между этими *одасами* 101 назывались *одасъ жажа-бей*, 61 — *одасъ болюкисъ* и 34 — *одасъ сейманисъ*. Первые, которымъ собственно ввѣрялось охраненiе границъ и важнѣйшихъ постовъ, отличались отъ послѣднихъ двухъ тѣмъ, что офицеры ихъ носили желтые сапоги и могли, сидя верхомъ на лошади, сопровождать агу яны-

были до такой степени строги, что никому не позволялось проводить ночи внѣ этѣхъ казармъ; получившій тѣлесное наказаніе еще обязанъ былъ поцѣловать руку того, кто съ покрытымъ лицемъ наказывалъ его *.

Молодые люди, жившіе въ сералѣ, подчинялись дисциплинѣ столько же строгой. Неумолимый эвнухъ бдительно наблюдалъ за каждыми десятью мальчиками. Все свое время они обыкновенно проводили въ гимнастическихъ упражненіяхъ, въ наѣздничествѣ и въ ученьѣ наукамъ. Великій повелитель позволялъ имъ разъ въ продолженіи трехъ лѣтъ оставлять сераль. Тѣ, которые предпочитали оставаться тамъ, переходили, смотря по возрасту, въ непосредственную службу султана и достигали со-временемъ одной изъ четырехъ высокихъ должностей при самой внутренней комнатѣ сераля, что открывало имъ путь къ званію беглеръ-бея, капитанъ-деири, т. е. адмирала и даже визиря. Тѣ же, которые пользовались позволеніемъ выйти изъ сераля, вступали, каждый, смотря по своему чину, въ четыре первыя дивизіи сипаевъ, получающихъ жалованье и служащихъ при Портѣ. Султанъ

чарскаго; офицеры же остальныхъ одасъ носили красные сапоги и обязаны были слѣдовать пѣшкомъ за своимъ агою.

* Оригиналенъ условный знакъ принятія въ корпусъ янычаръ. *Башъ-теяусъ*, завѣдывающій этимъ и ведущій счетъ янычарамъ, деретъ новопоступающаго за уши и даетъ ему пощечину. Подобное обхожденіе, неунизительное въ такой странѣ, гдѣ побои — обыкновенное наказаніе за каждый проступокъ, имѣетъ цѣлію дать почувствовать молодымъ невольникамъ, принимаемымъ въ корпусъ янычаръ, что они въ отношеніи къ старшимъ должны находиться въ строжайшей зависимости и слѣпомъ повиновеніи.

оказывалъ имъ явное предпочтеніе предъ всѣми другими тѣлохранителями. Весело прибѣгали они къ дверямъ, ведущимъ изъ сераля, въ новыхъ платьяхъ, потрясывая кошелькомъ наполненнымъ золотомъ, — подаркомъ щедраго султана.

Бузбекъ, уполномоченный при Дворѣ Солимана посланникъ Австрійскій, котораго реляціи можно считать лучшими и достовѣрнѣйшими, говоритъ съ удивленіемъ о строгой дисциплинѣ янычаръ, придающей имъ видъ то аскетовъ, то полустатуй, объ ихъ форменной одеждѣ, чрезвычайно простой, за исключеніемъ плюмажей изъ перьевъ цапли, украшающихъ ихъ голову, объ ихъ трезвой жизни и способѣ приправлять голодомъ морковь и дикую рѣпу. Дѣйствительно дисциплина эта, молодыхъ мальчиковъ, похищенныхъ изъ гостинницъ, изъ кухонъ, или изъ школъ, устроенныхъ близъ монастырей въ странахъ христіанскихъ, преобразовывала въ людей, обладающихъ замѣчательными достоинствами, а потому всякой, выросшій въ нѣгѣ и среди удовольствій родительскаго дома, не ужился бы между янычарами. Неоспоримо, что они одни поддержали имперію Оттоманскую въ рѣшительныхъ битвахъ. Сраженіе подъ Варною — основа величія Османовъ — было бы потеряно безъ нихъ. Арміи Румеліи и Малой Азіи бѣжали уже близъ Коссова предъ Іоанномъ Гунніадомъ; одни янычары поправили сраженіе и одержали побѣду. Они хвалились тѣмъ, что никогда не обращались въ бѣгство съ поля битвы. Лазарь Швенди, который долго командовалъ Нѣ-

мецкими арміями противъ нихъ, отдаетъ имъ въ этомъ полную справедливость. Во всѣхъ реляціяхъ они называются нервомъ и ядромъ арміи Оттоманской. *

По рѣшительно-одинаковымъ началамъ съ янычарами воспитывались сипаи и рабы сераля, приготовляемые для высшихъ должностей. Надобно

Объ учрежденіи корпуса янычаръ вотъ что расказываетъ Juchereau de Saint-Denys: „Первые султаны Турецкіе обязаны были своими успѣхами въ войнѣ противъ слабыхъ Грековъ добровольному и случайному соединенію своихъ соотечественниковъ Татаръ, которые въ надеждѣ добычи стекались подъ ихъ знамена. Но служба этихъ воиновъ, мало знакомыхъ съ дисциплиною, сдѣлалась безполезною, или по крайней мѣрѣ почти перестала приносить пользу съ того времени, какъ они получили вознагражденіе, ихъ привлекавшее. Только стеченіе новыхъ, равно жадныхъ, искателей приключеній поддерживало и питало войска Оттоманскія. Амуратъ I чувствовалъ ненадежность такаго войска и рѣшился образовать новое постоянное войско, которое, не обладая тимарами, должно было получить особенное устройство и содержаться жалованьемъ изъ казны султанской. Для этой цѣли онъ употребилъ своихъ собственныхъ невольниковъ, и приказалъ, чтобы пятой изъ военноплѣнныхъ дѣтей и десятой изъ дѣтей Христіанъ-данниковъ причисляемы были къ новому корпусу. Государь этотъ находилъ средства, при экономіи своей, снабжать новыхъ солдатъ здоровою и достаточною пищею и кромѣ того платить имъ исправно жалованье. Своею безпристрастною строгостію и милостями онъ сдѣлалъ ихъ послушными, а примѣромъ собственнаго своего мужества и дѣятельности возбудилъ въ нихъ храбрость и неутомимость. Чтобы связать ихъ узами религіи, всегда сильно дѣйствующей на молодыхъ людей, только-что обращенныхъ въ новую вѣру, онъ приказалъ призвать Гаджи-Бекташа, знаменитѣйшаго изъ пустынниковъ того времени, и просилъ его благословить и дать имя этому обществу молодыхъ воиновъ. Бекташъ назвалъ ихъ янычарами (новыми солдатами), благословилъ ихъ, внушилъ имъ рѣчами своими пылкій энтузіазмъ и составилъ для нихъ правила дисциплины. Бѣлый рукавъ этаго пустынника, привѣшенный къ шапкѣ каждаго янычара, напоминаетъ имъ безпрестанно его совѣты и законы. Бекташъ сдѣлался ихъ небеснымъ заступникомъ. Имя его, призываемое въ битвахъ, часто одушевляло янычаръ мужествомъ и утверждало за ними побѣду.“

быть Скандербергомъ, чтобы въ душѣ устоять противъ дѣйствія этаго воспитанія и потомъ воротиться къ Христіанамъ при первомъ представившемся случаѣ. Трудно было бы найти другой примѣръ подобнаго возвращенія подъ кровъ отеческой — и могло ли быть иначе? Здѣсь не было наслѣдственныхъ дворянъ, которые могли бы оспаривать почести у болѣе мужественныхъ и даровитыхъ изъ невольниковъ; напротивъ, высшія должности имперіи, даже всѣ санджакаты назначались для послѣднихъ; изъ ихъ рядовъ выбирался ага янычарскій; не только администрація, но и начальство надъ войскомъ находилось въ ихъ рукахъ. Всякой видѣлъ обширное поле дѣятельности, открывающееся передъ нимъ, и могъ такимъ образомъ забыть о своемъ рабствѣ. Подобное положеніе, напротивъ, казалось, имѣло прелесть для Христіанъ — искателей приключеній и высшихъ должностей. Многіе Христіане добровольно оставляли свое отечество, чтобы обрѣсти счастіе между этими рабами. Они строго отдѣлялись отъ другихъ и не допускали, чтобы природный Турокъ, хотя бы и сынъ визиря, возвысившагося однако изъ ихъ рядовъ, сдѣлался санджакомъ. Дѣти этихъ вѣроотступниковъ вступали въ 5-ю и 6-ю дивизіи сипаевъ на жалованьѣ, или въ разрядъ владѣтелей помѣстьевъ-тимарліевъ, между которыми раздѣлена была имперія, и такимъ образомъ дополняли и обновляли безпрестанно эту общину тимарліевъ. Таковъ былъ этотъ институтъ рабовъ.» «Въ высшей степени замѣчательно», восклицаетъ Барбаро, «что богатство,

управленіе, сила, однимъ словомъ, всѣ должности имперіи Оттоманской предоставляются рабамъ магометанскимъ, родившимся Христіанами.»

Показавъ, что главную силу Оттоманской имперіи составляютъ тимарліи и рабы, выходящіе изъ института, авторъ выводитъ отсюда необходимость войны для поддержанія могущества государства и наконецъ необходимость въ воинственномъ государѣ для управленія имъ.

«Если теперь ясно, что сила Оттоманской имперіи заключается въ двухъ корпораціяхъ: тимарліевъ и этомъ, еще вдвое бо̀льшемъ, количествѣ рабовъ, которыхъ большая часть составляетъ цвѣтъ кавалеріи и пѣхоты, или завѣдываетъ администраціею и начальствомъ надъ войскомъ; то не менѣе очевидно, что такая имперія имѣетъ надобность въ войнѣ, во первыхъ для тимарліевъ: число ихъ должно увеличиваться по мѣрѣ пріобрѣтенія новыхъ рабовъ — слѣдственно надобно было пріобрѣтать и новые тимары; во вторыхъ для янычаръ и сипаевъ на жалованьѣ, чтобы они могли упражняться въ томъ, чему учились, и такимъ образомъ предохранять себя отъ порчи среди бездѣйственной жизни сераля.

Только во время войны можно видѣть въ настоящемъ свѣтѣ это воинственное государство. Стекаются со всѣхъ сторонъ тимарліи, соединенные по знаменамъ въ дивизіи; оружіе ихъ — луки и колчаны, желѣзные палицы и кинжалы, сабли и копья; ими умѣютъ они владѣть очень искусно и кстати.

Особенно опытны они въ искуствѣ преслѣдовать непріятеля и отступать отъ него, то скрываясь въ засадѣ, то нападая открыто. Нельзя не упомянуть и объ ихъ лошадяхъ, которыхъ воспитывали большею частію въ Сиріи съ особеннымъ стараніемъ и почти съ нѣжностію родителей къ дѣтямъ. Знатоки по-справедливости находили, что этѣ лошади были не довольно чувствительны къ стремени, ходили криво и не красиво; но это, можетъ быть, скорѣе зависѣло отъ всадниковъ, которые употребляли тѣсныя узды и короткія стремена; наконецъ эти животныя оказывались послушными и столько же полезными на горахъ и каменистыхъ мѣстахъ, сколько и на равнинахъ; при томъ они были неутомимы и всегда пылки. Лучшіе кавалеристы съѣзжались изъ разныхъ провинцій. Съ изумленіемъ смотрѣли, какъ они, бросивъ предъ собою желѣзныя палицы, подхватывали ихъ потомъ на скаку. Пустивъ лошадь во весь опоръ, они умѣли, посредствомъ легкаго уклоненія, обративъ лукъ назадъ, вѣрно попадать въ цѣль.

Далѣе Порта имѣла своихъ сипаевъ на жалованьѣ и своихъ янычаръ. Кромѣ сабель первые всѣ носили копья, на оконечности которыхъ насаживались маленькіе значки, служившіе для ихъ отличія; нѣкоторые были вооружены луками; очень немногіе носили латы и каски, и то болѣе для украшенія, нежели для защиты; они считали себя достаточно защищенными круглымъ щитомъ и чалмою. Наконецъ янычары въ длинныхъ одеждахъ были вооружены

саблею, пищалью, ятаганомъ и маленькимъ топоромъ, привѣшеннымъ къ поясу; густой плюмажъ осѣнялъ ихъ чалму.

Лагерь, казалось, былъ настоящимъ жилищемъ этаго народа; удивительный порядокъ царствовалъ въ немъ: не слышно было ни ругательствъ, ни ссоръ; пьянство и игры были строго оттуда изгнаны; все носило тамъ характеръ изысканной чистоты.

Люди, привыкшіе къ величію и великолѣпію этихъ лагерей, естественно должны были чувствовать себя стѣсненными въ своихъ частныхъ жилищахъ.

Лошади, содержимыя на счетъ великаго повелителя, носили поклажу янычаръ; въ общей палаткѣ ихъ было по 25 человѣкъ; они соблюдали тамъ правила своихъ казармъ, и младшіе прислуживали старшимъ.

Сипаги помѣщались отдѣльно въ паллаткахъ, имъ принадлежавшихъ. Какой блестящій видъ имѣли они, сидя на лошади въ шелковыхъ платьяхъ, надѣтыхъ сверхъ латъ, со щитомъ въ лѣвой рукѣ, испещреннымъ и искусно убраннымъ, съ саблею въ правой рукѣ, богато украшенною, и съ чалмою, убранною перьями различныхъ цвѣтовъ. Вообще нарядъ начальниковъ отличался необыкновеннымъ богатствомъ. Уши ихъ лошадей, сѣдла и сбруя были унизаны драгоцѣнными каменьями; золотыя цѣпи висѣли на уздечкахъ. Палатка убиралась матеріями Турецкими и Персидскими; въ ней среди множества эвнуховъ и рабовъ выставлялась добыча.

Религія и нравы гармонировали съ воинственными наклонностями этаго народа. Много разъ уже замѣчали, какъ сильно исламизмъ благопріятствуетъ оружію, какъ фатализмъ, проповѣдываемый этою религіею, подкрѣпляетъ мужество воиновъ въ битвахъ. Кромѣ того въ XVI стол. существовалъ въ лагеряхъ религіозный обычай различныхъ умовеній, обычай, предохранявшій отъ нечистоты, источника столькихъ болѣзней. Нельзя также довольно нахвалиться ихъ закономъ, изгонявшимъ употребленіе вина, потому-что, кромѣ необходимыхъ издержекъ на покупку и перевозъ этаго напитка, онъ пораждаетъ множество безпорядковъ, которые такъ часто видимъ въ войскахъ западныхъ.

Старались даже обыкновенную жизнь устроить по образцу лагерной. Простой коверъ, говоритъ Морозини, постланный на землѣ, служитъ для нихъ стуломъ, столомъ и постелью, чтобы никому не могло показаться непривычнымъ и дикимъ то, что было необходимо въ лагеряхъ и палаткѣ. Дѣйствительно, Османы смотрѣли на самихъ себя, какъ на племя по-преимуществу воинственное. Въ указахъ Константинопольскихъ, для отличія отъ Христіанъ, называемыхъ гражданами, они величаются именемъ *аскери* — солдатъ. Ежели сообразить теперь, что всѣ подданные въ Турціи — рабы, а высшіе сановники — рабы по-преимуществу, что ни у кого нѣтъ независимости, родовыхъ имѣній, что вся дѣятельность зависитъ отъ однаго знака великаго повелителя, потому-что отъ него однаго можно ожи-

дать блестящаго вознагражденія, или отставки и смерти, что государство это имѣетъ организацію совершенно военную, и его единственное занятіе — война; тогда становится яснымъ, что великій повелитель долженъ быть душею этаго общества, такъ оригинально организованнаго, началомъ каждаго его побужденія, и что воинственныя наклонности особенно необходимы въ немъ для поддержанія могущества государства. Баязетъ II испыталъ это въ своей старости. Когда физическія силы не позволяли ему болѣе воевать, безпорядки послѣдовали за безпорядками, и онъ принужденъ былъ уступить престолъ своему воинственному сыну Солиману, который соединялъ въ себѣ всѣ качества, необходимыя для Турецкаго султана. Его высокій ростъ, его мужественная физіономія, его широкой лобъ и большіе черные глаза возвѣщали тотчасъ, что этотъ человѣкъ рожденъ для битвъ. Онъ обладалъ тою дѣятельностію, тѣмъ великодушіемъ, тою справедливостію, которыя заставляютъ любить и вмѣстѣ бояться властителя. Съ величайшимъ трудомъ удерживался онъ отъ побѣдоносныхъ походовъ. Книга законовъ: «*Мултека*» которую онъ приказалъ составить, поставляетъ въ числѣ особенно-строгихъ обязанностей, налагаемыхъ на каждаго правовѣрнаго — обязанность воевать съ невѣрными.» «Надобно требовать,» говорится въ ней, «чтобы они принимали исламизмъ, или платили поголовную подать; если же они вздумаютъ отказываться отъ этаго, должно поражать ихъ стрѣлами и всѣми во-

енными оружіями, сжигать ихъ дома, срубать ихъ деревья и истреблять ихъ жатвы.» Въ фанатической книгѣ, извѣстной намъ подъ именемъ: «*Труба священной войны*», изложены всѣ поощренія, всѣ обѣщанія, всѣ приказанія, которыя могутъ довести правовѣрныхъ до изступленія въ войнѣ за вѣру. Въ ней предписывается «не оставлять до самой смерти волосъ съ гривы лошадиной и проводить жизнь подъ тѣнію копій до тѣхъ поръ, пока всѣ люди не признаютъ вѣры Магомета.» Книга эта переведена на Турецкій языкъ въ концѣ царствованія Солимана, можетъ быть, для того, чтобы служить руководствомъ юношеству, воспитывающемуся въ сералѣ.»

Во второмъ отдѣлѣ говорится о Грекахъ. Бѣдственно было положеніе этаго несчастнаго народа въ первыя времена его рабства. Это уже не были тѣ свободные, сочувствующіе всему изящному Эллины. Нѣтъ, жители Пелопонеса въ XVI стол. состояли изъ огрубѣлыхъ рабовъ, заботившихся только о сохраненіи жалкой жизни. Приведемъ слова автора, описывающаго положеніе Грековъ въ этомъ столѣтіи.

«Греки со времени Солимана находились въ состояніи безусловной покорности своимъ властителямъ. Тѣ между ними, которые принимали участіе въ войнахъ, въ дѣлахъ Европы, въ жизни общественной, были богоотступники, или рабы. Османъ умножалъ свои сокровища, получая *хараҗъ* — подать, которую Греки платили произведеніями своей

промышленности и посредствомъ которой они покупали право жить въ своей странѣ. Для націи всего необходимѣе значительное число благородныхъ людей, посвящающихъ себя общему благу. Османы правильнымъ образомъ перевели цвѣтъ юношества Греческаго въ свои серали. Эта мѣра, обезпечивъ покорность побѣжденныхъ, служила основаніемъ силы побѣдителей.

Въ этомъ состояніи униженіи знатнѣйшіе Греки старались угождать своимъ повелителямъ. Весьма многіе, происходившіе изъ первыхъ фамилій Константинопольскихъ, Палеологи и Кантакузены въ столицѣ, Мамалы и Нотарады въ Пелопонесѣ, Батазиды, Хризолоры, Азанеи въ гаваняхъ Чернаго моря, взяли на откупъ доходы султана. Имѣвшіе возможность къ этѣмъ выгодамъ присоединить еще прибыль отъ торговыхъ спекуляцій, которыми многіе Греки занимались въ Москвѣ, Антверпенѣ и другихъ мѣстахъ, собрали въ короткое время большія богатства. Михаилъ Кантакузенъ могъ въ 1571 г. предложить въ подарокъ султану пятнадцать галеръ. О пышности его можно судить уже потому, что предъ нимъ шли семь слугъ впереди и осьмой сзади, когда онъ, сидя на мулѣ, проѣзжалъ по городу.

Эти богатые Греки, подобно тому, какъ соотечественники ихъ заимствовали обычаи Итальянскіе среди Венеціанъ, переняли и обыкновенія Азіатскія у Османовъ. Они носили чалму, подражали домашнимъ привычкамъ Турокъ, и любили, подобно имъ, блистать дорогими нарядами. Греческія дамы покрывали свою

голову золотыми сѣтками, украшали лобъ жемчужными діадемами и привѣшивали къ ушамъ тяжелыя серьги, блестящія драгоцѣнными каменьями. Всѣ спѣшили наслаждаться счастіемъ, зная, что оно очень ненадежно, и чувствуя надъ собою тяжелую руку сильнаго властителя.

Напрасно Михаилъ Кантакузенъ былъ покоренъ и щедръ къ султану. Не смотря на то, по приказанію его, онъ былъ схваченъ присланнымъ къ нему капидши-баши и повѣшенъ на воротахъ своего великолѣпнаго дома, построеннаго въ Ахило, а сокровища его перешли въ сераль. Простой же народъ жилъ въ бѣдности и рабствѣ. Большая часть страны была разорена, лишена народонаселенія, покрыта развалинами. Могла ли благоденствовать такая страна, гдѣ всякой санджакъ старался удвоить свои доходы, гдѣ часто хищные откупщики замѣняли его, гдѣ всякой Османъ дѣйствовалъ какъ деспотъ?»

Далѣе Ранке задаетъ себѣ вопросъ: какимъ образомъ Греки, при крайней степени угнетенія, сохранили свою народность? и приписываетъ ея сохраненіе вліянію религіи и духовенства. И дѣйствительно. Духовенство Греческое хотя съ самаго начала покоренія Греціи получило большія права еще отъ Магомета II, но, не смотря на то, всегда старалось удерживать народъ въ отдаленіи отъ враговъ его вѣры *).

* Вотъ нѣкоторыя изъ привилегій, данныхъ *каттишерифомъ* Магомета II Греческому духовенству: Патріархъ Константинопольскій есть глава націи Греческой, президентъ синода и верховный судья во всѣхъ гражданскихъ и религіозныхъ дѣлахъ своего народа. Онъ, равно какъ и всѣ члены синода, составляющаго верховный совѣтъ націи Греческой, освобождаются отъ личной подати — ша-

Авторъ находитъ стѣснительнымъ для народа то необыкновенное вліяніе на него духовенства и особенно патріарха, который могъ вмѣшиваться и вмѣшивался даже въ семейныя дѣла Грековъ. Положимъ, что онъ правъ; но развѣ положеніе народа не было бы еще хуже, если бы во всѣ дѣла непосредственно вмѣшивались Турки? Да наконецъ безъ этаго вліянія Греки слились бы совершенно съ своими побѣдителями, съ чѣмъ соглашается и Ранке. Слѣдовательно здѣсь добро отъ вліянія духовенства на дѣла народа очень превышаетъ зло, отъ этаго происходившее.

Указавъ на основы силы Османской и опредѣ-

ла (Синодъ состоитъ изъ 12 митрополитовъ и патріарха Іерусалимскаго подъ предсѣдательствомъ патріарха Константинопольскаго). Всѣмъ кади и военнымъ губернаторамъ Турецкимъ приказано было приводить въ исполненіе судебные приговоры патріарха надъ Христіанами Греческаго закона, также приговоры епископовъ надъ ихъ прихожанами. Патріархъ Константинопольскій и всѣ митрополиты имѣли право требовать каждый годъ въ свою пользу подать въ 12 асперовъ съ каждаго семейства Греческаго и одинъ секинъ съ каждаго священника. Всѣ завѣщанія въ пользу Церкви признавались законными. Османамъ было приказано считать церкви мѣстами священными и неприкосновенными. Грека нельзя было принуждать къ отреченію отъ вѣры отцевъ его, чтобы принять вѣру побѣдителей. Патріархъ два раза судилъ дѣла гражданскія, а судъ надъ уголовными дѣлами принадлежалъ Туркамъ (къ которымъ Греки впрочемъ очень рѣдко обращались). Право суда составляло одинъ изъ главныхъ доходовъ патріарха и митрополитовъ, въ пользу которыхъ шелъ десятой процентъ съ каждой тяжбы, смотря по оцѣнкѣ спорнаго имѣнія. О значительности этаго рода доходовъ патріарха можно судить уже потому, что онъ обязанъ былъ платить въ казну Турецкую за одно право суда семьдесятъ кошельковъ (въ каждомъ кошелькѣ 500 піастровъ). Кромѣ этого патріархъ обыкновенно бралъ съ каждаго митрополита за его посвященіе 20 кошельковъ, также и съ каждаго духовнаго лица получалъ при утвержденіи его въ должности извѣстную сумму, соразмѣрную важности и прибыльности мѣста.

ливъ отношеніе побѣдителей къ побѣжденнымъ Грекамъ, Ранке въ третьемъ отдѣлѣ, на основаніи предыдущаго, выводитъ, почему Оттоманское государство ослабѣло, сдѣлалось безсильнымъ. Надобно отдать справедливость автору, что выводы его въ этомъ отношеніи строго логическіе и притомъ опирающіеся на фактахъ самыхъ достовѣрныхъ. Турецкая имперія, какъ извѣстно, на высшей степени своего могущества находилась при Солиманѣ великомъ, чему между прочимъ содѣйствовали и личныя высокія качества этаго султана, войнолюбиваго и побѣдоноснаго, также и первыхъ девяти султановъ его предмѣстниковъ, отличавшихся большими дарованіями. Такой именно властитель и нуженъ былъ для государства, основаннаго на завоеваніяхъ и поддерживающагося только ими. Но къ несчастію Порты Оттоманской со временъ Солимана не было преемниковъ сколько-нибудь достойныхъ его — и это обстоятельство должно было имѣть пагубное вліяніе на все государство, потрясти его до самаго основанія. Само собою разумѣется, что паденіе имперіи Турецкой совершалось постепенно, начиная съ Селима II, сына Солиманова.

«Селимъ II, на котораго можно смотрѣть какъ на родоначальника новаго ряда султановъ, необходимо имѣлъ сильное вліяніе на своихъ преемниковъ, примыкающихъ къ этому ряду, какъ примѣромъ собственной жизни, такъ и природными качествами, которыя онъ передалъ имъ вмѣстѣ съ своею кровью. Замѣчательно, что престолъ достался ему не закон-

ымъ пўтемъ наслѣдственнаго права, но хитростію го матери и жестокостію отца къ другому его бра-у гораздо достойнѣйшему.

У Солимана былъ сынъ старше Селима, именно Иустафа. Принцъ этотъ, дитя его молодости, по-одилъ на него во всемъ. Народъ смотрѣлъ на его какъ на даръ Неба: столько приписывалъ онъ му благородства, мужества и величія души. Подра-ая отцу своему, онъ обладалъ всѣми доблестями го предшественниковъ и самъ обыкновенно гово-илъ, что надѣется нѣкогда прославить фамилію смана.

Какъ же Солиманъ дошелъ до того, что возне-авидѣлъ въ своемъ наслѣдникѣ тѣ качества, кото-ыя сдѣлали его самаго столь великимъ?

Надобно знать, что установленіе гарема тѣснѣй-имъ образомъ связывалось съ военнымъ деспотиз-омъ, и напротивъ исключительная страсть къ одной енщинѣ несовмѣстима съ этимъ деспотизмомъ, по-ому-что подобная страсть внушаетъ охоту къ осѣд-ой жизни и дѣлается источникомъ опаснаго вліянія енщинъ на дѣла государственныя. Если принять о въ соображеніе, въ такомъ случаѣ чрезвы-йная любовь Солимана къ рабѣ его Роксоланѣ ановится обстоятельствомъ очень важнымъ. По а любовь сдѣлалась еще опаснѣе, когда Солиманъ рушилъ основный законъ гарема, презрѣвъ мать аслѣдника престола, которой слѣдовало первое ѣсто, и избравъ себѣ въ супруги Роксолану.

Кодиньякъ, Французскій посланникъ при Портѣ,

расказываетъ, какъ совершился первый шагъ къ дѣлу столь чрезвычайному. Роксолана для спасенія души своей хотѣла построить мечеть; но когда муфти сказалъ ей, что благочестивое дѣло рабыни приноситъ пользу только ея господину, то Солиманъ далъ ей свободу. Сдѣлавшись свободною, Роксолана стала толковать буквально фетфу муфти, которая гласитъ, что только рабыня можетъ, не грѣша, уступать сладострастнымъ желаніямъ султана. Страсть съ одной стороны, упорство съ другой были столь сильны, что Солиманъ принужденъ былъ дать названіе супруги женщинѣ, которою онъ былъ такъ очарованъ. Доходъ въ 5 тысячь султаниӣъ по брачному договору былъ утвержденъ за Роксоланой.

Едва заключенъ былъ этотъ бракъ, какъ Роксолана начала стараться всѣми средствами доставить, ко вреду Мустафы, наслѣдство престоломъ одному изъ своихъ сыновей. Всѣ знали объ ея намѣреніяхъ и ими только объясняли ту честь, которую она оказала Рустену, великому визирю, выдавъ за него одну изъ своихъ дочерей. Когда увидѣли потомъ, что Рустенъ по своему выбору опредѣляетъ вездѣ санджаковъ и агъ, пріобрѣтаетъ друзей щедростію, возможною для него при его огромныхъ богатствахъ (говорили, будто у него было столько золота, что онъ могъ покрыть имъ весь свой дворецъ), возвышаетъ брата своего въ достоинство капуданъ-дерьи, или начальника морскихъ силъ, то приписали все это той же цѣли, т. е. что когда умретъ Солиманъ, то Рустенъ воспрепятствуетъ Му-

стафѣ, жившему въ Амазіи, прибыть въ Европу. Безспорно менѣе боялись самаго Солимана.

Мать Мустафы, которая жила при своемъ сынѣ, нѣжно любившемъ ее, увѣщевала его (и это случалось каждый день) беречься яду своей счастливой соперницы. Турки полагали, что борьба за наслѣдство престола начнется уже по смерти Солимана, и что эта борьба будетъ имѣть для имперіи слѣдствія самыя гибельныя.

Но они ошиблись въ томъ. Качества Мустафы, которыя, по видимому, должны были возвести его на тронъ и которыя сдѣлали его любимцемъ народа — эти качества именно и погубили его въ глазахъ отца. Всѣ желали видѣть его на престолѣ. Янычары открыто обнаруживали свою любовь къ нему. Ни одинъ невольникъ не возвращался изъ провинцій, управляемыхъ имъ, не будучи очарованъ его щедростію и добротою. При всемъ томъ Мустафа, окруженный такою общею любовію, былъ столько благороденъ, что никогда не обижался тѣмъ, что Солиманъ былъ благосклоннѣе къ его братьямъ, нежели къ нему. Въ отцѣ же его это общее обнаруженіе любви къ Мустафѣ возбуждало только подозрѣнія и безпокойство. Одно имя Мустафы, произносимое предъ нимъ, замѣтно производило въ немъ сильное душевное волненіе. Ни прекрасныя лошади, посылаемыя Мустафою въ подарокъ Портѣ, ни принятая имъ изъ предосторожности рѣшимость не только не приближаться, но и (какъ говорилъ онъ) не обращаться лицемъ ко Двору отца своего—

ничто не помогло ему. Наконецъ, когда заговорили о союзѣ, который Мустафа будто бы хотѣлъ заключить съ Персами, когда Рустенъ сталъ сѣтовать на преданность, какую янычары показывали Мустафѣ во время похода на Востокъ, Солиманъ пришелъ въ величайшую ярость, отправился въ Азію и приказалъ сыну своему явиться къ себѣ. Мустафа безъ сомнѣнія могъ бы бѣжать, могъ бы воспротивиться отцу своему; но мулла объяснилъ ему, что вѣчное блаженство надобно предпочитать временному господству надъ всею вселенной, и что, будучи невиннымъ, онъ не долженъ бояться смерти. Вотъ почему Мустафа повиновался и безоружный явился къ Солиману. Едва онъ показался, какъ *нѣмые* напали на него; Солиманъ изъ-за занавѣски поощрялъ ихъ своими грозными взглядами: они задушили Мустафу.

Два сына, и оба отъ Роксоланы, остались еще у падишаха; старшій, теперь наслѣдникъ престола — Селимъ, и младшій — Баязетъ. Послѣдній, поступками своими болѣе походившій на отца, болѣе привѣтливый и любимый, нежели братъ его, былъ, по обычаю Турокъ, обреченъ вѣрной смерти. Послѣ многихъ жалобъ и попытки къ возмущенію со стороны Баязета, оба брата, еще при жизни Солимана, вступили въ открытую войну. Мустафа паша, о которомъ мы будемъ говорить еще, хвалился тѣмъ, что онъ рѣшилъ судьбу сраженія, положившаго конецъ ихъ распрѣ. Селимъ обратился уже въ бѣгство; Мустафа прибѣжалъ къ нему на помощь, схватилъ его

лошадь за узду и привелъ его опять на поле сраженія. Баязетъ, видя, что братъ его возвратился и сраженіе опять завязалось, потерялъ всякую надежду на побѣду и рѣшился бѣжать въ Персію; но ему не удалось спастись: шахъ позволилъ палачамъ Солимана схватить Баязета въ своихъ владѣніяхъ и задушить его.

Вотъ какою цѣною достался Селиму престолъ Османа. Все показываетъ, что его братья ознаменовали бы себя тѣми мужественными и воинственными свойствами, которыя такъ прославили его фамилію. Что касается до Селима, который предпочиталъ удовольствія гарема безпокойной жизни въ лагеряхъ, который проводилъ время въ пьянствѣ и праздности, то никто — посмотрѣвъ на его лице, багровое отъ излишняго употребленія Кипрскаго вина, на его маленькій ростъ при чрезвычайной тучности тѣла, привыкшаго къ бездѣйствію — никто не могъ предполагать въ немъ качествъ, необходимыхъ воину и полководцу. Въ самомъ дѣлѣ, природа и образъ жизни дѣлали его совершенно неспособнымъ быть главою, т. е. жизнію и душею этаго великаго, воинственнаго государства.

Селимъ открываетъ собою рядъ тѣхъ праздолюбивыхъ султановъ, которыхъ испорченная натура была одною изъ главныхъ причинъ паденія имперіи Оттоманской. Чрезвычайно многія причины способствовали такой испорченности султановъ.

Первые султаны, отправляясь на войну, всегда брали съ собою своихъ сыновей и, не питая къ

нимъ зависти, посылали ихъ даже въ отдѣльные походы. Еще при жизни Османа, сынъ его Орханъ совершилъ самый блестящій подвигъ его царствованія — завоеваніе Прузы. Въ царствованіе Орхана также самымъ важнымъ дѣломъ былъ переходъ въ Европу, совершенный сыномъ его Солиманомъ. Позже слѣдовавшіе султаны уклонились отъ этаго обычая. Сыновья ихъ жили вдали отъ нихъ и отъ войны, въ глухой провинціи, подъ присмотромъ паши. Предполагаемый наслѣдникъ престола, какъ плѣнникъ, содержался въ заключеніи до самаго времени вступленія на престолъ.

При такомъ положеніи дѣлъ что же оставалось съ того времени дѣлать султанамъ? Марсильи расказываетъ, какъ янычары лишены были Солиманомъ привилегіи, состоявшей въ томъ, что ихъ не могли принудить итти на войну, если самъ султанъ не участвовалъ въ походѣ. Надобно спросить: кому болѣе вреда сдѣлалъ этимъ Солиманъ, янычарамъ, или своей фамиліи? Такъ-какъ нельзя было обойтись безъ янычаръ, служившихъ подпорою войска, то всякая война заставляла прежде султановъ участвовать въ походахъ, и такимъ образомъ не позволяла имъ истощать безумно жизненныя силы въ бездѣйствіи гарема — самаго гибельнаго изъ ихъ учрежденій.

Можно однако замѣтить нѣсколько благородныхъ качествъ у многихъ султановъ, слѣдовавшихъ послѣ Солимана. Но воспитаніе, которое получали они въ сералѣ, образъ ихъ тамошней жизни и осо-

бенно безграничная власть, по праву которой они не обращали, если хотѣли, вниманія и на фетфы муфти (они, которые стояли такъ высоко, что на самые недостатки ихъ смотрѣли, какъ на внушеніе божественное) — все это заставило султановъ уступить неблагороднымъ чувствамъ и выродило ихъ въ другую природу. Власть, столь безусловная — не для человѣка.

Какія прекрасныя надежды возбуждалъ Амуратъ III-й, сынъ Селима! Онъ, казалось, одаренъ былъ, особенно въ сравненіи съ отцемъ своимъ, воздержностію и мужественными доблестями, любилъ науки и вмѣстѣ съ тѣмъ пылалъ воинскимъ жаромъ. Начало его царствованія было достойно большой похвалы. Подробности объ немъ, содержащіяся въ Европейскихъ реляціяхъ, дѣлаютъ много чести ему, какъ Турецкому султану. Извѣстенъ ужасный обычай, по которому султаны, едва вступивъ на престолъ, спѣшили задушить своихъ братьевъ. Этаго варварскаго обычая не знали въ первыя времена Османской имперіи: братья Османа участвовали въ его походахъ подъ его начальствомъ. Но нечувствительно обычай этотъ получилъ силу закона ненарушимаго. Амуратъ, сказано въ реляціи, по добротѣ своего сердца не могшій даже видѣть крови, не хотѣлъ ни вступить на престолъ, ни объявить о своемъ вступленіи до тѣхъ поръ, пока не доставитъ безопаснаго убѣжища своимъ девяти братьямъ, которые жили въ сералѣ. Онъ говорилъ объ этомъ своему муаллиму, муфти и другимъ ученымъ. Но необходи-

мость умертвить принцевъ казалась для нихъ столь неизбѣжною, что Амуратъ никакъ не могъ склонить ихъ на свою сторону. Послѣ борьбы, продолжавшейся осьмнадцать часовъ, онъ принужденъ былъ подчиниться установленному обычаю, призвалъ начальника *нѣмыхъ* и, показывая ему на тѣло отца своего, далъ ему девять простынь, чтобы задушить своихъ девять братьевъ; но, давая ихъ, онъ плакалъ.

Въ немъ были человѣколюбіе, порывъ къ поэтическимъ занятіямъ и даже нѣкоторая рѣшительность характера. Приказавъ однажды читать исторію своихъ предшественниковъ, онъ спросилъ у присутствовавшихъ: «какая война, совершенная его предками, показалась имъ самою трудною.» Ему отвѣчали: война съ Персами. «Ну, такъ съ ними-то я и начну войну», возразилъ онъ — и война началась. Посланники Нѣмецкіе, уполномоченные при его Дворѣ, сознаются, что онъ былъ благоразуменъ, воздерженъ, справедливъ и умѣлъ также хорошо награждать, какъ и наказывать.

Таково было начало царствованія Амурата. Но не всѣ люди сохраняютъ въ продолженіе цѣлой жизни характеръ своей молодости. Часто характеръ первыхъ лѣтъ продолжаетъ развиваться въ зрѣломъ возрастѣ, и доброта не всегда замѣняется жестокостію, тихій нравъ мятежнымъ: но случается, что иногда молодые люди, скромные, кроткіе и спокойные, дѣлаются мужами страстными, неукротимыми и безпокойными.

Амуратъ развился совсѣмъ не такъ, какъ ожидали. Онъ предался сначала бездѣйственному уединенію, избѣгалъ личнаго участія въ войнахъ, не ѣздилъ даже на охоту, и молчаливый, задумчивый проводилъ дни въ сокровеннѣйшей глубинѣ своего дворца, среди нѣмыхъ, карликовъ и эвнуховъ. Двѣ ненасытныя страсти управляли имъ: страсть къ женщинамъ, которой онъ предался до того, что истощилъ всѣ свои жизненныя силы и тѣмъ сильно развилъ въ себѣ прежнее расположеніе къ падучей болѣзни, и страсть къ золоту. Послѣдняя отчасти была наслѣдственною. Расказывали, что Селимъ обыкновенно заставлялъ сплавлять въ одинъ большой шаръ цехины — ежегодную подать многихъ государствъ — и этотъ шаръ *нѣмые*, по приказанію его, скатывали въ цитерну, гдѣ находились его собственныя сокровища, *Шазинегъ*. Въ Амуратѣ замѣчали почти невольную страсть къ чеканенной монетѣ. То, что расказываютъ объ немъ въ этомъ отношеніи, почти баснословно. Такъ, напримѣръ, говорятъ: онъ приказалъ сдѣлать квадратную мраморную яму, видомъ похожую на бассейнъ, и бросалъ туда ежегодно около двухъ съ половиною милліоновъ золотомъ, все цехиновъ и султаниновъ. Онъ снималъ всѣ золотыя украшенія съ древнихъ памятниковъ искуства, для того, чтобы чеканить изъ нихъ монету съ своимъ именемъ и потомъ сложить ее въ яму, тщательно закрытую. Какъ бы то ни было, но безъ частыхъ подарковъ невозможно было поддерживать милости Амурата къ себѣ. Въ слѣд-

ствіе чего мѣста скоро сдѣлались продажными, а потому можно сказать, что повелитель имперіи позволялъ самъ себя подкупать: такъ владѣла имъ эта несчастная страсть. Обыкновеннымъ, ежедневнымъ занятіемъ этаго человѣка было давать аудіенцію, во время которой проносили предъ окнами, такъ, чтобы онъ могъ видѣть, подарки, которые посланникъ, или проситель должны были поднести ему. Эта аудіенція состояла въ томъ, что онъ слушалъ нѣсколько минутъ посланника, котораго быстро подводили къ нему и также скоро отводили. Въ продолженіе этаго короткаго времени онъ смотрѣлъ на него своими большими глазами, утомленными и печальными, и слегка покачивалъ головою: потомъ онъ спѣшилъ воротиться въ свои сады, гдѣ незримыя никѣмъ жены его играли, пѣли и плясали передъ нимъ. Тамъ карлики забавляли его; неуклюжіе *нѣмые*, сидя на лошадяхъ еше болѣе неуклюжихъ, предавались вмѣстѣ съ нимъ смѣшной борьбѣ, въ продолженіе которой онъ колотилъ то лошадей, то людей; комедіанты-жиды приходили туда разыгрывать передъ нимъ сладострастныя пьесы.

Это ли былъ государь имперіи, которая, будучи основана завоеваніями, ими только и могла поддерживаться? Тоже самое можно сказать о его преемникахъ? Наши реляціи не говорятъ о Мегметѣ; но мы знаемъ, что этотъ слабый государь не управлялъ, а самъ былъ управляемъ. Ахметъ имѣлъ характеръ очень благородный. Онъ вступилъ на престоль 14 лѣтъ и достигъ возмужалости только въ

концѣ своего царствованія. Тогда казался онъ добрымъ, дѣятельнымъ, въ высшей степени благонамѣреннымъ. Онъ меньше жалѣлъ о своихъ собственныхъ корабляхъ, отнятыхъ Христіанами, нежели о корабляхъ, принадлежавшихъ бѣднымъ Мусульманамъ, и скорѣе готовъ былъ считать безумнымъ человѣка, бросившаго въ него камнемъ, нежели наказывать его. Особенно старался онъ водворить неподкупное правосудіе — и для того, чтобы прекратить злоупотребленія, на которыя могли жаловаться его подданные, самъ отыскивалъ ихъ. Такіе поступки не могли не привлечь къ нему любви народа, о счастіи котораго онъ заботился. Проекты, имъ обдумываемые, были обширны. По цѣлымъ днямъ онъ не сходилъ съ лошади, занимался охотою и упражнялся въ искуствѣ стрѣлять изъ лука: всѣ мысли его были устремлены къ войнѣ. Чтеніе о великихъ подвигахъ Солимана приводило его въ величайшій восторгъ, и ему казалось тогда, что онъ не только сравнился съ Солиманомъ, но и превзошелъ его.

Но мечты его не сбылись. Имперіи, ослабленной войнами и мятежами, не доставало силы, необходимой для великихъ предпріятій. Убѣжденіе въ этомъ естественно охладило воинственный пылъ Ахмета. По-этому онъ долженъ былъ ограничиться только одними проектами — и душа его, не могшая развить всей своей силы въ славныхъ походахъ, впала въ уныніе, лишилась напряженія и ослабѣла среди незначительныхъ занятій. Безграничная власть, которою онъ былъ облеченъ, вводила Ахмета въ

странныя противорѣчія съ самимъ собою. Онъ не привыкъ къ возраженіямъ другихъ и не былъ расположенъ сносить ихъ; но самъ себѣ противорѣчилъ постоянно. Часто мысли его находились между собою въ видимомъ разладѣ. Онъ раскаявался въ своихъ дѣлахъ въ ту минуту, когда начиналъ ихъ, возвращалъ свои приказанія въ началѣ ихъ исполненія. Никогда и на одну минуту не зналъ онъ покоя; не было мѣста, не было занятія, не было удовольствія, которыя бы тотчасъ не наскучили ему. Такимъ образомъ всѣ его усилія должны были погибнуть и всѣ его проекты исчезнуть какъ дымъ.

Между всѣми преемниками его одинъ только обнаружилъ истинную силу, настоящую независимость: это былъ Амуратъ IV. Но мы увидимъ какъ характеръ его упалъ, и тогда убѣдимся, что у него не было качествъ, которыя дѣлаютъ государя способнымъ управлять народомъ.

Довольно сказать, что со времени несчастнаго брака Солимана съ Роксоланою въ имперіи Оттоманской не было Государя-вождя, которымъ только могла поддерживаться ея жизнь. Султаны, подобно своимъ предкамъ, по-прежнему оставались эмирами, и рабы по-прежнему были ихъ товарищами въ битвахъ; но когда эмиръ первый утрачиваетъ духъ общества, имъ управляемаго, то гибельныя слѣдствія такой перемѣны не замедливаютъ обнаружиться.

(*Продолженіе въ слѣдующемъ №.*)

ПИСЬМО ГРАБОВСКАГО О СОЧИНЕНІЯХЪ ГОГОЛЯ.

М. Грабовскій извѣстенъ въ Польской литературѣ, какъ авторъ нѣсколькихъ прекрасныхъ повѣстей и романовъ, основанныхъ на народныхъ преданіяхъ, а гораздо болѣе, какъ превосходный критикъ. Соединяя съ глубокомысліемъ обширныя познанія въ наукахъ и обладая притомъ самостоятельнымъ, вѣрнымъ вкусомъ, онъ своими рецензіями * указалъ Польскимъ повѣствователямъ и романистамъ истинные элементы поэзіи и, можно сказать, пересоздалъ въ Польской литературѣ теорію повѣсти и романа. Строгое безпристрастіе управляетъ его перомъ. Живя въ своей Украинской деревнѣ (въ Чигиринскомъ уѣздѣ), посреди семейства своего, онъ не знаетъ ни литературныхъ партій, ни книжныхъ спекуляцій; пишетъ изъ одной любви къ истинѣ и красотѣ, и служитъ образцомъ литератора благороднаго и возвышеннаго надъ мелочными видами. Сужденіе такаго критика о самомъ оригинальномъ изъ современныхъ писателей Русскихъ должно быть любопытно для нашихъ читателей уже по одному тому, что Польскій критикъ стоитъ внѣ атмосферы кружащихся у насъ понятій и толковъ какъ о литературѣ вообще,

* Онѣ частію разсѣяны въ періодическихъ изданіяхъ подъ буквами: M. Gr., а частію изданы особо подъ заглавіемъ: *Korrespondencia Literacka.*

такъ и о Гоголѣ въ особенности; но въ предлагаемомъ здѣсь письмѣ есть много интереснаго и въ другихъ отношеніяхъ, на что мы указывать впрочемъ не будемъ, предоставляя каждому увидѣть то изъ самаго дѣла.

«Возвращаю вамъ * съ великою благодарностію два тома (2-й и 3-й) Гоголя. Прочелъ я ихъ съ неописаннымъ удовольствіемъ. Во второмъ томѣ прочелъ я съ тѣмъ же наслажденіемъ, какъ и прежде, небольшую повѣсть: *Старосвѣтскіе Помѣщики* — съ тѣмъ самымъ наслажденіемъ, но съ сильнѣйшимъ чувствомъ изящества этаго чуднаго созданія; а вторичное чтеніе есть проба, которую выдерживаютъ только немногія произведенія. Третій томъ также мнѣ очень понравился. Не могу согласиться съ вами, чтобы Гоголь сбился съ своей дороги, переставъ брать предметы для повѣстей изъ жизни Малороссійской. Видно, что явленіе естественное и необходимое. Главное, важнѣйшее свойство таланта Гоголя есть *тонкая наблюдательность* ** и сильное уразумѣніе поэзіи дѣйствительности. Это свойство сопутствуетъ ему вѣрно на жизненной дорогѣ, переноситъ онъ его съ собою всюду, и какъ въ послѣднее время потерялъ изъ глазъ родную свою Малороссію, то изучаетъ и изображаетъ предметы чужіе — что конечно имѣетъ менѣе привлекательности для его земляковъ, однако жъ это не есть до

* Писано къ П. А. Кулѣшу, прежде выхода въ свѣтъ поэмы *Мертвыя Души*.

** Эти слова авторъ написалъ въ скобкахъ по-Русски.

бровольное совращеніе таланта съ надлежащей дороги. Въ нѣкоторомъ отношеніи можно даже сказать, что исключительные предметы провинціальнаго быта Малороссійскаго доставили бы ему содержанія слишкомъ мало, или по крайней мѣрѣ это содержаніе было бы слишкомъ однообразно. Безъ сомнѣнія, въ высокомъ родѣ исторической поэзіи рудники Малороссійскіе неисчерпаемы; но, судя по *Тарасу Бульбѣ*, это не родъ Гоголевъ: вдавшись въ него, онъ долженъ былъ бы сильно мучить свой талантъ, и не создалъ бы тѣхъ высоко-изящныхъ произведеній, которыя теперь составляютъ его славу. А потому, какіе бы ни избиралъ предметы для своихъ сочиненій Гоголь, это не должно намъ препятствовать восхищаться чуднымъ выраженіемъ его необыкновеннаго генія: въ противномъ случаѣ мы будемъ такъ несправедливы, какъ тотъ хозяинъ дома, что разсердился на художника, зачѣмъ онъ пишетъ портретъ съ своего Ивана, вмѣсто того, чтобъ намалевать какаго-нибудь генерала со звѣздою *. По моему мнѣнію, чѣмъ предметъ менѣе поэтиченъ самъ въ себѣ, тѣмъ онъ лучше для Гоголя. Мнѣ кажется, что онъ больше извлекъ бы поэзіи изъ пилипода, скупающаго щетину, нежели изъ самаго поэтическаго момента Иліады Малороссійской. Странный, однако жъ высокій талантъ! И по-этому все, что только эта рука обдѣлаетъ согласно съ природнымъ своимъ вдохновеніемъ, будетъ драгоцѣнность. Изъ собранія его повѣстей больше всего по-

* См. повѣсть Гоголя: *Портретъ*.

нравилась мнѣ *Шинель*, и можетъ быть, потому, что содержаніе ея самое простое. Этотъ бѣдный чиновникъ, пьяница-портной и закоулокъ, въ которомъ гнѣздятся эти бѣдняки и который бы Французъ назвалъ: le tableau de son pauvre interieur, это такія вещи, которыми никогда не налюбуется истинный знатокъ. Я мало знаю равныхъ Гоголю, и никого выше, изъ писателей, составляющихъ въ литературѣ школу, которая соотвѣтствуетъ Фламандской школѣ въ живописи. Только здѣсь средства поэзіи во сто разъ выше средствъ кисти и палитры; ибо если мы съ истиннымъ наслажденіемъ всматриваемся въ сцены повседневной жизни, куда насъ переноситъ живописецъ; то, благодаря чародѣйству поэта, какъ несравненно глубже въ нихъ проникаемъ! какую безконечную новость и разнообразіе представляетъ намъ эта душа человѣческая, равно драгоцѣнная во всѣхъ своихъ состояніяхъ и положеніяхъ! сколько находимъ поэзіи въ этихъ зрѣлищахъ повседневной прозы! Въ послѣднемъ отношеніи не знаю писателя, который бы лучше Гоголя умѣлъ самый обыкновенный предметъ обвѣять дыханіемъ поэзіи—и это даетъ ему высокое мѣсто между поэтами всѣхъ вѣковъ и народовъ. Послѣ *Шинели* очень понравился мнѣ эпизодъ влюбленнаго живописца въ *Невскомъ Проспектѣ*. Эта противоположность чистой любви съ недостойнымъ ея предметомъ прекрасна — и тѣмъ болѣе, что Гоголь умѣлъ въ нѣсколькихъ чертахъ, но пластически изобразить свою погибшую дѣвушку. Я впрочемъ не ставлю этой

овѣсти Гоголя наряду съ множествомъ, повиди-
юму, подобныхъ вымысловъ Французской школы.
дѣсь любовь живописца есть потребность молодаго
ердца, которое можетъ тѣмъ болѣе увлечься своимъ
увствомъ, если молодой человѣкъ, живя въ боль-
юмъ городѣ, удаленъ отъ всякихъ общественныхъ
вязей—и потому драма повѣсти Гоголя имѣетъ ко-
оритъ истины и дѣйствительности. Въ повѣсти
Носъ есть также множество отличныхъ мѣстъ.
Портретъ вообще хорошая повѣсть, кое-гдѣ обста-
иенная несравненными сценами и вездѣ исполнен-
ая высокаго разума и возвышенныхъ мыслей. На-
онецъ въ эскизѣ *Римъ* Гоголь является совершен-
о съ новой стороны: это уже наблюдатель не
елкихъ и юмористическихъ сторонъ нравовъ, но
еликихъ задачь общественныхъ и вопросовъ, зани-
ающихъ умы нашего вѣка. Естественная и истин-
ая картина, въ которой онъ представилъ сперва
поеніе молодаго человѣка шумною цивилизаціею
апада, потомъ скорое его пресыщеніе, открытіе
уетности и мишуры подъ этою блестящею наруж-
остью, и предпочтеніе, данное имъ вѣчному эле-
енту Итальянцевъ предъ театральною выставкою
ранцузовъ, сообщаетъ высокую цѣну этому отрыв-
у. Вообще въ 3-мъ томѣ Гоголь является человѣкомъ
олѣе развитымъ и зрѣлымъ, нежели былъ прежде.
ляля на него, какъ на писателя, имѣющаго значе-
іе Европейское, нужно было этаго желать ему отъ
сей души. Я радуюсь, что онъ вышелъ изъ круга
редметовъ Малороссійскихъ, и вы меня въ томъ

простите. Въ послѣднее время, по извѣстнымъ вамъ причинамъ, я очень мало читаю, и потому во второмъ томѣ прочелъ только *Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ*, равную, а если вамъ угодно, то и высшую всѣхъ прочихъ повѣстей Гоголя; да прочелъ еще *Тараса Бульбу*, котораго впрочемъ не сравнивалъ съ прежнимъ изданіемъ. Вы желаете, чтобъ я на поляхъ книги записывалъ свои замѣчанія, какія представятся мнѣ во время чтенія. Я это вспомнилъ на половинѣ уже повѣсти и сдѣлалъ кое-гдѣ замѣтки, которыя по-надлежащему нужно бы стереть, потому-что это сотая часть того, что нужно бы еще сказать. Отрывочныя мои замѣчанія могутъ казаться странными и даже смѣшными. Распространяться же о *Тарасѣ Бульбѣ* нѣтъ охоты, ибо скажу вамъ коротко, что это весьма слабая повѣсть, и кто не зналъ бы прочихъ сочиненій Гоголя, тому она не дала бы о нихъ никакаго понятія, или же дала бы понятіе самое ложное. Характеръ произведеній Гоголя состоитъ, какъ я уже сказалъ, въ особенной мѣткости наблюденія и въ строгой истинѣ живописи. Вездѣ у него видимъ руку, изучающую живую натуру, черпающую краски изъ великой ихъ сокровищницы — изъ дѣйствительности, и потому его сочиненія вообще состоятъ, какъ и у каждаго хорошаго писателя, изъ частностей, которыя и порознь имѣютъ свою безусловную цѣну. Взявши же для сочиненія предметъ изъ историческаго минувшаго, онъ въ первый разъ создавалъ по воображенію рисунокъ и колоритъ, бился безъ дороги и дѣлалъ по-

рѣшности на каждомъ шагу. Однимъ словомъ — овѣсть его *Тарасъ Бульба* принадлежитъ къ числу ѣхъ созданій, которыя—ни поэзія, ни исторія. Вы коечно подумаете, не потому ли я ставлю *Тараса Бульу* ниже всѣхъ произведеній вашего Малороссійскаго оэта, что эта повѣсть мнѣ непріятна какъ Поляку. овсѣмъ нѣтъ! Въ вашей эпопеѣ * козаки дышутъ о сто разъ бо̀льшею ненавистью къ Ляхамъ, одако жъ я отдаю ей должную справедливость. Въ *арасѣ Бульбѣ* замѣтилъ я, что когда авторъ приступаетъ къ изображенію мукъ козацкихъ, то стаается предупредить возраженія, ссылаясь на груость вѣка и обычаевъ. Но для историческаго поѣствователя мало имѣть одно благородное желаніе езпристрастія; нужно къ тому еще достаточное зученіе дѣла, а безъ того и возраженія и оправдаія будутъ ничтожны. Высокій родъ историческаго омана, чадо нашего вѣка, есть произведеніе глубоой учености. Мало того, что я возьму какое-нибудь сторическое событіе, представлю его въ картинѣ и уду подбирать къ ней черту за чертою: нужно мнѣ ерва такъ хорошо уразумѣть историческій фактъ, тобъ онъ представился моему уму въ поэтичесихъ краскахъ; тогда только *дѣйствительность* и *оэзія* станутъ одно, и картина извѣстнаго событія удетъ имѣть оба эти условія. Изъ нѣсколькихъ бщихъ мыслей, выраженныхъ въ *Тарасѣ Бульбѣ*, идно, что Гоголь ошибочно понимаетъ исторію Малороссіи, даже самое происхожденіе Украинскаго на-

* Авторъ разумѣетъ *Украину*, поэму П. А. Кулѣша.

рода и козачества, а потому и не могъ уразумѣть отношеній ихъ къ Польшѣ. Далѣе, опираясь главнымъ моментомъ драмы на жестокостяхъ Поляковъ, онъ подвергаетъ ее, въ отношеніи художественномъ, великой опасности. Вы въ своихъ думахъ повторяете также всѣ преданія о жестокостяхъ Поляковъ, и я первый утверждаю, что безъ потери поэтическихъ красокъ опустить этаго вы не могли. Почему жъ я порицаю то у Гоголя, что хвалю у васъ?* Потому, что различны законы романа и эпопеи. Эпопея представляетъ мнѣ *одинъ* народъ, со всѣми его чувствами и понятіями, которыя въ немъ дѣйствительно образовались въ теченіе исторической его жизни; а романъ есть картина разносторонней дѣйствительности, картина, которая не будетъ имѣть гармонической пропорціи и прелести, коль скоро въ ней что-нибудь переступитъ границу строгой истины. Каковы были, и были ли—жестокости Поляковъ въ отношеніи къ Руси? Были безъ сомнѣнія и были великія; ибо въ такой смертельной борьбѣ, какая происходила между Рѣчью Посполитою и Войскомъ Запорожскимъ, не могло обойтись безъ взаимнаго ожесточенія. Однако жъ уже одно то, что это происходило въ запалѣ отчаянной борьбы, даетъ имъ иной характеръ, нежели когда мы представляемъ одну сторону постоянно торжествующею, а другую попранною, когда представляемъ жестокости, совершаемыя съ хладнокровіемъ, и т. п. Если бъ историческій романистъ изобразилъ самымъ вѣрнымъ

* Авторъ опять говоритъ о поэмѣ *Украинѣ*.

образомъ какую-нибудь казнь въ Варшавѣ, но не предупредилъ этаго изложеніемъ причинъ, справедливыхъ или ложныхъ, которыя истолковали бы дѣйствіе карающей власти; то онъ пренебрегъ бы важною тайною своего искуства, тайною, составляющею существенную принадлежность рода: ибо романъ историческій есть игра самой исторіи предъ нашими глазами, и потому нужно, чтобъ драма его совершалась въ условіяхъ естественныхъ и правдоподобныхъ. Ввесть въ романъ историческое происшествіе или имя не значитъ еще ничего; они извѣстны намъ уже въ лѣтописи: представь это натурально — вотъ искуство! Гоголь въ *Шинели* вводитъ портнаго—предметъ, кажется, ничтожный; но когда онъ мнѣ изображаетъ его какъ портретъ, я любуюсь этимъ родомъ искуства. Пусть же онъ представитъ мнѣ точно такъ въ историческомъ романѣ живую натуру историческаго событія; тогда и оно будетъ картиною — иначе это будетъ ничтожная оперная декорація, которая понравится только дитяти и невѣждѣ. Наконецъ — что такое этѣ повѣсти о быкѣ Фалериса, о дѣтяхъ, вареныхъ въ котлѣ, и проч. и пр.? легко, кажется, можно отгадать. Лѣтъ тридцать съ небольшимъ назадъ, въ Англійской литературѣ не было книги популярнѣе Исторіи Наполеона, въ которой этотъ Корсиканецъ представленъ былъ твореніемъ отвратительнѣйшимъ, оскорбителемъ дѣвицъ, пожирателемъ маленькихъ дѣтей, и т. п. Плимутскіе матросы, Манчестерскіе и Ливерпульскіе ремесленники свято этому вѣрили: такими баснями

питались ненависть и месть народная. Такъ точно и во время продолжительной вражды Поляковъ съ козаками взаимныя клеветы безпрестанно кружились въ народѣ съ той и другой стороны. Однѣ изъ нихъ пущены были въ ходъ съ умысломъ, другія раждались отъ преувеличенныхъ расказовъ и повѣстей; а народъ, съ такимъ баснословнымъ воображеніемъ какъ Украинскій, легко составилъ себѣ изъ всего этаго ужаснѣйшія страшилища — раскаленныхъ быковъ, ксензовъ, ѣздящихъ въ колесницахъ, запряженныхъ дѣвками, и т. п. Можетъ быть, изъ царства описательной поэзіи исключать этаго не слѣдуетъ; но представить это въ драмѣ съ признаками правдоподобія никто не будетъ въ состояніи. Для этаго нужно бы исказить всѣ обычаи; а въ вымышленныхъ обычаяхъ никогда нѣтъ колорита: истинные жъ обычаи будутъ противорѣчить драмѣ. Не зная Польскихъ обычаевъ даже касательно отношеній козаковъ къ Полякамъ въ XVII вѣкѣ, Гоголь не могъ утвердить своей картины на широкомъ основаніи, и сдѣлалъ только парафразу и амплификацію происшествія, взятаго изъ лѣтописи: дѣло, недостойное такаго художника! Я думаю, и вы замѣтили, какая у него бѣдность въ обстановкѣ этой сцены казни козаковъ! какъ онъ не знаетъ мѣста казни, обычаевъ и вѣка! Что за маріонетки — эта толпа Варшавскихъ жителей на мѣстѣ казни? этотъ шляхтичь съ Юзысею, и пр. и пр.? Точно также въ важнѣйшемъ мѣстѣ, при описаніи осады Дубна, какъ некстати юморизмъ этихъ эпитетовъ (очевид-

но, за недостаткомъ лучшихъ): *маленькій полковникъ, длинный, длинный хорунжій.* Если бъ историческій поэтъ умѣлъ только означить разницу между рыцарствомъ Польскимъ и возстаніемъ козаковъ, то уже однимъ этимъ нашелъ бы богатѣйшія краски для обѣихъ сторонъ. Вы читали Паска *—и потому можете себѣ представить, каковъ былъ Польскій жолнеръ XVII вѣка. Наконецъ и вы сами дѣлаете кое-гдѣ (на поляхъ книги) замѣчанія, что Гоголь иногда противорѣчитъ обычаямъ Украинскимъ. Что жъ послѣ того сказать объ обычаяхъ Польскихъ? Можно ли повѣрить этой сценѣ знакомства Андрія съ дочкою воеводы? Полька XVII вѣка, дѣвушка знатной фамиліи, амурится съ мальчишкою, который влѣзъ къ ней сквозь каминъ! Для этаго нужна не *вѣтреная Полька*, а развѣ нынѣшняя воспитанница госпожи Зандъ — и то врядъ ли еще! Я замѣтилъ на поляхъ книги, что Гоголь не знаетъ даже мѣстоположенія той страны, гдѣ происходитъ дѣйствіе его повѣсти, и потому не достаетъ ему важнаго условія романа — исторической вилописи. Характеры дѣйствующихъ лицъ, даже и Тараса Бульбы, тоже плохо выдержаны и ненатуральны: странный, однако жъ справедливый упрекъ тому Гоголю, который въ этомъ отношеніи является такимъ несравненнымъ художникомъ, когда возьметъ для повѣсти сюжетъ изъ обыкновенной жизни! Что же касается до отдѣлки нѣкоторыхъ эпическихъ частей повѣсти, то въ нихъ безспорно есть красоты выс-

* *Pamiętniki Paska,* мемуаръ XVII вѣка.

шаго разряда: но это не украшаетъ цѣлости созданія. Соединеніе родовъ поэзіи никогда не можетъ быть удачно. У эпопеи свои принадлежности, у романа свои: незаконнорожденное дитя обоихъ всегда будетъ безобразно; и тѣмъ болѣе мнѣ жаль этѣхъ эпическихъ прядей, что Гоголь посягнулъ нѣкоторымъ образомъ на вашу собственность. Эти чудныя описанія принадлежатъ по вѣчному праву Украинскимъ думамъ; а потому искренно вамъ совѣтую перенесть ихъ на надлежащее мѣсто. Не бойтесь упрека въ похищеніи; прекрасна мысль Французскаго писателя:

Je prends mon bien partout où je le trouve.

Тѣмъ болѣе еще вамъ это совѣтую, что жаль мнѣ этихъ Гомерическихъ прыжковъ Гоголя; ихъ стòитъ перенесть на такое мѣсто, гдѣ они будутъ жить вѣчно, ибо въ *Тарасѣ Бульбѣ* они приданы трупу, или вѣрнѣе набитой соломою чучелѣ, которая рано или поздо, а должна обратиться въ соръ. Такъ-какъ я все это говорю съ намѣреніемъ обращать вниманіе ваше, чѣмъ далѣе, все на высшее и чистѣйшее понятіе поэзіи исторической (безъ этаго побужденія я даже не сталъ бы и распространяться о слабомъ произведеніи писателя, передъ которымъ въ другихъ его сочиненіяхъ благоговѣю и готовъ бить ему челомъ); то прибавлю еще нѣчто. Картины единообразныхъ битвъ рыцарства козацкаго, по примѣру героевъ Гомеровыхъ, какъ я сказалъ уже, чудесны; нужно, и непремѣнно нужно, присвоить ихъ вашей эпопеѣ—ибо онѣ тамъ совершенно придутся даже

къ общему складу; но не должно забывать, что вообще характеръ этѣхъ воїнъ былъ не таковъ. Не отвергаю вовсе единоборной воинственности козаковъ; однако жъ образъ воїнъ XVII вѣка, а еще больше образъ воїнъ козаковъ съ Поляками не основывался на рукопашномъ бою. Тогда уже были битвы массъ, а не индивидуумовъ.

Вотъ какъ я расписался! Надобно вамъ сказать, что въ теченіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ я едва написалъ нѣсколько писемъ, и ни однаго такаго длиннаго, какъ это. Я теперь живу какъ Гоголевы *Старосвѣтскіе Помѣщики*, только ѣмъ менѣе Аѳанасія Ивановича и хозяйничаю лучше Пульхеріи Ивановны. *1843, Ноября 17. Александровка.*

М. Грабовскій."

КІЕВСКІЕ БОГОМОЛЬЦЫ ВЪ XVII СТОЛѢТІИ *.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Приступая къ описанію Кіева за сто-восемдесятъ лѣтъ назадъ, я готовъ воскликнуть вмѣстѣ съ Дантомъ: «О память моя, теперь-то наступило время показать твое достоинство!» Но къ несчастью, память моя такъ слаба, что не хранитъ всего, что случалось мнѣ читать и слышать о старинномъ Кіевѣ. Сколько ни восклицай къ ней, она представитъ на-лицо не болѣе того, что какъ бы случайно осталось въ ней отъ изученія лѣтописей, нѣмыхъ памятниковъ старины и народныхъ преданій. Притомъ же мѣсто главнаго дѣйствія моей драмы не въ Кіевѣ, и потому я не обязанъ говорить вамъ объ этомъ городѣ больше того, сколько могло захватить вниманіе полковника Шрамка, у котораго въ головѣ сидѣлъ не Кіевъ, а Самко и обѣ стороны Днѣпра подъ властью одной булавы.

* Предлагаемая статья заимствована изъ романа *Черная Рада,* котораго пять главъ помѣщены въ XXXVII и XXXVIII т. Современника. Впрочемъ она представляетъ какъ бы отдѣльное сочиненіе. Авторъ смотритъ на дѣло романиста серьёзно, и для своихъ расказовъ изучаетъ историческіе источники и памятники такъ же прилежно, какъ бы и для самой Исторіи Украины. По-этому изображенная здѣсь картина хотя представлена и въ драматической формѣ, но основана на строгомъ изученіи старины Украинской. Редакц.

Первый предметъ, обратившій здѣсь на себя его вниманіе, была сторожевая башня съ воротами и рогатками. Тутъ подошелъ къ моимъ путникамъ *вартовый* * и, взявши съ нихъ по грошу *обвѣстки* на воеводу, отворилъ предъ ними ворота.

Всѣ почти поселенія Кіевскія помѣщались тогда на одномъ Подолѣ и простирались не далѣе канавы, за которою лежали открытою равниной зеленые луга, бывшіе столько разъ мѣстомъ кровавыхъ битвъ съ непріятелями **. Бѣдственныя обстоятельства сжали въ такой малый объемъ этотъ нѣкогда обширный и многолюдный городъ. Послѣ нашествія Батыева, Кіевъ превратился почти въ пустыню, такъ-что хотя и имѣлъ иногда своихъ князей, но путешественники XIII вѣка видѣли въ немъ только развалины и во всемъ княжествѣ Кіевскомъ очень мало жителей. Кромѣ Татарскаго разоренія, эту несчастную страну опустошали Литовцы безпрестанными своими набѣгами. Князья Галицкіе также вмѣшивались въ дѣла этаго княжества и присвояли себѣ титло великихъ князей Кіевскихъ, не заботясь впрочемъ о обновленіи этой столицы: почему подпаденіе Украины подъ власть Гедымина было благодѣтельно для города Кіева, ибо князья Литовскіе съ тѣхъ поръ защищали уже его и отъ Татаръ и отъ другихъ князей, споривщихъ о на-

* Часовой.

** Нужно впрочемъ замѣтить, что Днѣпръ тогда шелъ отъ города гораздо далѣе и давалъ мѣсто постройкамъ. По ту сторону Днѣпра, рукавъ его, называемый *Старикомъ*, показываетъ прежній его жолобъ.

слѣдствѣ Кіевскаго престола. Но баскаки Татарскіе десять лѣтъ еще усиливались удержать здѣсь власть свою, и потомъ уже отошли къ южнымъ провинціямъ.

Не долго однако жъ Кіевляне наслаждались спокойствіемъ: въ 1399 году, Монголо-Татарскій великій князь Тимуръ-Кутлукъ; озлобясь на Витовта, великаго князя Литовскаго, напалъ съ юга на его области, побѣдилъ его за рѣкою Ворсклою и, подступивъ къ Кіеву, взялъ съ него три тысячи сребряныхъ рублей окупу. Не прошло семнадцати лѣтъ, какъ предъ Кіевомъ явился Черноморскій ханъ Эдигей, и хотя не могъ взять укрѣпленнаго Кіевскаго зàмка, но ограбилъ посады, сжегъ ихъ со всѣми церквами, а нѣсколько тысячь людей увелъ въ плѣнъ. Съ тѣхъ поръ Кіевъ опять совершенно опустѣлъ и медленно населялся.

Въ теченіе шестидесяти шести лѣтъ онъ снова поднялся-было изъ своего упадка, какъ въ одно утро, въ Сентябрѣ 1482 года, Кіевляне увидѣли свои прекрасные Днѣпровскіе луга покрытыми Татарами такъ густо, какъ травою. Татаре окружили Кіевъ, взяли безъ сраженія Литовскаго воеводу Ивана Ходкевича, забрали множество плѣнныхъ и отходя зажгли весь городъ съ посадами, съ Печерскимъ монастыремъ и всѣми ближними селами. Съ той поры Татаре безпрестанно набѣгали на Кіевскую область, какъ бы по проложенной уже дорогѣ, и до начала XVI вѣка владѣли Кіевомъ *.

* Кромеръ

Въ это время на пограничьи Русской земли, подвластной Полякамъ, образовалось козацкое войско и заслонило собою Кіевъ и всю южную Русь отъ Татарскихъ набѣговъ. Кіевъ тогда опять сталъ выходить изъ своего затрудненія. Но къ-несчастью, возникшая въ Польскомъ королевствѣ унія останавливала его на пути къ благосостоянію. Уніаты и католики наѣзжали съ вооруженными людьми на монастыри и монастырскія владѣнія, выгоняли оттуда православныхъ, грабили церковное имущество, уничтожали духовныя школы. Православные, въ свою очередь, пользовались счастливыми обстоятельствами для возвращенія подобнымъ же способомъ своей собственности. Все время проходило въ такихъ распряхъ — и Кіевскія святыни не только не возстановлялись, а приходили еще въ большій упадокъ. Монахъ Кіевопечерскаго монастыря Аѳанасій Кальнофойскій, описывая въ своей *Тератургимѣ* * тогдашній Кіевъ и упоминая о многихъ древнихъ церквахъ, въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что отъ такой-то церкви «остались едва стѣны, а развалины покрыты землею», въ другомъ — что церковныя зданія лежатъ подъ буграми развалинъ и кажутся «погребенными на-вѣки», наконецъ, дошедши до конца Старокіевской возвышенности, бросаетъ грустный взглядъ на Кіевоподолъ, называя его «жалостнымъ», и говоритъ, что онъ едва ли достоинъ имени Кіева, «въ которомъ, по словамъ его, нѣкогда было церквей болѣе 300 каменныхъ, 100 деревян-

* Напечатанной въ 1638 году въ Кіевопечерской типографіи.

ныхъ, а нынѣ всѣхъ едва ли 13». Лѣтопись Украинская, также въ немногихъ словахъ, но живо изображаетъ намъ плачевное состояніе Кіевскихъ церквей около половины XVII вѣка. «Пріиде же, говоритъ она, Хмѣльницкій въ Кіевъ, благодареніе Богу воздавая, давшему ему побѣду, и, видѣвши красоту церквей Божіихъ опустошенну и на землю поверженну, плакася».

Еще предстояло Кіеву одно бѣдствіе. Послѣ несчастной Берестечкой битвы, Радзивилъ пришелъ съ своими Литвинами въ Кіевъ, и тутъ излилъ всю свою месть надъ народомъ: городъ былъ разграбленъ и выжженъ до основанія, а жители, спасшіеся отъ меча и пламени, сѣли на лодки и ушли по Днѣпру къ Переяславу.

Съ того несчастнаго года прошло только двенадцать лѣтъ до описываемаго мною времени, и слѣды пажара еще не исчезли. Въ строеніяхъ весьма часто чернѣли обгорѣлыя бревна между свѣжими брусьями. Мѣстами видны были обожженные сады и пустыри съ развалинами домовъ, съ торчащими безобразною грудою печами и воротами; заборы, ворота и другія строенія были почти вездѣ новые. Картина эта была бы довольно жестка, если бъ не смягчалъ ея Украинскій вкусъ къ выбѣленнымъ хаткамъ, къ окнамъ, обведеннымъ вокругъ красною краской, къ низенькимъ плетнямъ, по которымъ вьется хмѣль вмѣстѣ съ широкими листьями тыквъ, къ огородамъ, наполненнымъ макомъ и подсолнечниками.

Кіевъ тогда немногимъ отличался отъ деревни— отличался только своими церквами и монастырями, деревяннымъ зàмкомъ на горѣ Киселевкѣ * и деревянными стѣнами вокругъ города, съ башнями и бойницами. Что же касается до устройства улицъ, то онѣ напоминали своимъ расположеніемъ теченіе рѣки, которая не пролагаетъ себѣ дороги въ прямомъ направленіи, а только наклоняется туда и сюда отъ встрѣчаемыхъ на пути преградъ. Линіи ихъ образовались случайно, а не по предначертанному плану. Въ иныхъ мѣстахъ улицы были очень тѣсны, въ другихъ расширялись такъ далеко, что только сильная рука могла бы перебросить черезъ нихъ камень.

Путники наши, сдѣлавши нѣсколько извилинъ, выѣхали на одинъ изъ такихъ пустырей, называвшихся *майданами* и, къ удивленію своему, увидѣли, что онъ, не смотря на свою ширину, загроможденъ повозками. Подъѣхавши ближе, можно было замѣтить, что повозки сбились здѣсь не случайно, а были поставлены въ два ряда, такъ-что никто не могъ проѣхать. Шрамко послалъ сына впередъ очистить дорогу; но не такъ-то легко было это сдѣлать: за повозками у дверей одной хаты сидѣла толпа народу вокругъ большаго ковра, уставлен-

* Зàмокъ этотъ, за сто лѣтъ до описываемой мною эпохи, имѣлъ 15 *рубленныхъ* башенъ, изъ которыхъ 14 было шестиугольныхъ, а одна низшая четыреугольная. Въ немъ было три Русскихъ и одна Латинская церковь (Подробное описаніе этаго зàмка см. въ *Zrzódłach do Diejów Polskich*, II, 123—140). Неизвѣстно, до какой степени измѣнился онъ въ теченіе ста лѣтъ.

наго бутылками, кружками, чарками и разнаго рода посудою. Шрамченко тотчасъ догадался, что хозяинъ этой хаты даетъ открытый пиръ по какому-нибудь торжественному случаю; ибо въ то время существовалъ еще патріархальный обычай, по которому отецъ семейства, для изъявленія своей радости о рожденіи сына или дочери, о богатомъ урожаѣ и счастливомъ окончаніи уборки хлѣба, или по какому-нибудь подобному случаю, разстилалъ у порога своей хаты скатерть или коверъ, становилъ на него разныя кушанья и напитки, и приглашалъ выпить и закусить всякаго, кто проходилъ или проѣзжалъ мимо.

Веселая компанія, заграждавшая дорогу нашимъ богомольцамъ, состояла изъ однихъ мѣщанъ, что можно было видѣть во-первыхъ потому, что, кромѣ ножей у пояса, у нихъ не было никакаго оружія: одни козаки и паны имѣли право ходить всегда при саблѣ — мѣщанамъ же позволялось носить оружіе только въ дорогѣ; во-вторыхъ потому, что пояса ихъ подвязаны были по жупану, а кунтуши надѣты на-распашку: въ то время одни паны и козаки опоясывались поясомъ по кунтушу — мѣщанинъ же, опоясавшись такъ, могъ бы показать передъ знатными людьми неприличное высокомѣріе; а въ-третьихъ потому, что въ костюмахъ ихъ не было краснаго цвѣта, составлявшаго принадлежность высщаго сословія: мѣщане носили тогда платья синихъ, зеленыхъ и коричневыхъ цвѣтовъ; а бѣд-

нѣйшіе изъ нихъ носили лычаковые * желтогорячаго цвѣту кунтуши и жупаны, почему козаки и паны называли мѣщанъ *лычакáми*, а тѣ называли ихъ *кармáзинами* **.

Шрамченко сдѣлалъ пирующимъ громкое привѣтствіе, чтобы покрыть своимъ голосомъ ихъ шумный говоръ; и когда нѣсколько головъ оборотилось въ ту сторону, чтобъ видѣть новаго гостя, онъ адресовался къ нимъ съ такою рѣчью: «Пане хозяине, и вы, шановная громада! проситъ полковникъ Шрамко пропуска черезъ вашъ таборъ.»

При имени Шрамка, извѣстномъ каждому не только въ Кіевѣ, но и во всей Украинѣ, нѣсколько человѣкъ поднялось съ любопытствомъ на ноги, и хозяинъ, котораго можно было узнать потому, что онъ вмѣсто жупана и кунтуша былъ только въ синихъ *китаéвыхъ* шароварахъ и въ бѣлой сорочкѣ, съ красною лентою у воротника, сказалъ: «Гдѣ жъ тотъ Шрамко? Мы видимъ передъ собою только развѣ десятую долю Шрамка.»

— Какую десятую! подхватили гости, сотую!

— И сотой нѣтъ! и сотой нѣтъ! кричали многіе голоса. Хоть тысячу такихъ красныхъ жупановъ сложи вмѣстѣ, все-таки не будетъ Шрамко.

Всѣ были довольны такою выходкою, что видно было по смѣху, пробѣжавшему въ толпѣ; но Шрамченко ни мало не сконфузился: онъ понималъ,

* Матерія *лычакъ* дѣлалась изъ пеньки и похожа была нѣсколько на атласъ.

** *Кармáзинъ* — тонкое ярко-краснаго цвѣту сукно.

что этимъ выражалось высокое мнѣніе ихъ объ его отцѣ.

Въ это время подъѣхалъ и самъ старый Шрамко Гости, едва завидѣли сѣдую его бороду, тотчасъ раздвинули повозки и вышли къ нему навстрѣчу подъ предводительствомъ своего хозяина, вооруженнаго большою сулеею и глинянымъ кухлемъ.

— Вотъ нашъ старый Шрамъ! кричало нѣсколько голосовъ, вотъ нашъ батько!

— И батько и панотець! кричали другіе. Батько потому, что полковникъ и лютый ворогъ Ляхамъ, а панотець потому, что священникъ, іерей!

— Ге, Тарасъ! сказалъ Шрамко, узнавши въ хозяинѣ стараго трубача охочекомонныхъ козаковъ своихъ, Тараса Тютюна или Сурмача *, какъ звали его въ Кіевѣ. Противъ кого это ты заложилъ таборъ? Кажется жъ, тихо на Украинѣ?

— Гдѣ тебѣ тихо, пане полковнику! отвѣчалъ Тарасъ Тютюнъ. Сегодня родился у меня такой рыцарь, що вся земля затряслась **. Далъ мнѣ Богъ сына, такаго жъ якъ и я Тараса. Коли мышь головы не откуситъ, то и онъ будетъ по-батьковски трубить козакамъ на приступы, да и теперь уже трубитъ на всю хату!

* *Сурма́чь* — трубачь, отъ слова *сурма* — труба.

** Народъ вѣритъ, что рожденіе великихъ людей знаменуется всегда какимъ-нибудь необыкновеннымъ событіемъ. Въ Кумейкахъ одинъ старикъ, расказывая мнѣ о подвигахъ новѣйшаго козацкаго героя Гладкаго, облеченныхъ уже въ баснословную форму, говорилъ: «Тогдѣ (въ Польскую войну 1793 года) незнать чого народъ затрусився. Було кажуть: Се видно десь великій лыцарь уродився, що вся земля затрусилась. Ажъ отогдѣ саме, якъ схопилась отта заверуха, той Гладкій-то народивсь».

— Нехай великъ росте, да счастливъ буде! сказалъ Шрамко.

— Чимъ же тебе шановать, пане полковнику: «Ой чи медомъ, ой чи пивомъ, ой чи горѣлкою?»

— Ничѣмъ ненадо меня потчевать, Тарасе.

— Якъ то ничѣмъ? сказалъ съ удивленіемъ старый Сурмачь, помнившій, что Шрамко въ старые годы пивалъ не проливая. Якъ то ничѣмъ, пане полковнику? Хиба зарокъ положилъ?

— Не зарокъ, Тарасе, а то, что, вступивши въ Кіевъ, всякому Христіанину должно сперва поклониться церквамъ Божіимъ.

— Добродѣю мой любезный! говорилъ старый Сурмачь, не отставая отъ него. Если бъ я зналъ, что такая мнѣ будетъ на-старость честь отъ полковника Шрамка — врагъ меня побери, когда бъ я затрубилъ вамъ хоть на одинъ приступъ! Хиба жъ ты не радъ моему Тарасу, що не хочешь покропить его сповивача? Тебѣ, видно, все равно, выростетъ ли изъ него добрый козакъ, или закорявѣетъ якъ жидовча!

— Радъ я ему отъ всей души; пошли ему Богъ счастье и долю; но не такая пора теперь, чтобъ пить.

— Для добраго дѣла всегда пора. Смотри, сколько возовъ стоитъ вокругъ моей хаты. Никто не отцурался моего хлѣба и соли. Иной на ярмарокъ ѣхалъ, иной въ лѣсъ за лозою на огорожу; но когда нужно привитать новаго человѣка, то пусть ярмаркуетъ-себѣ кто хочетъ, пусть свиньи лазятъ въ

огородъ, а жинка рветъ на себѣ волосы — пхе! тутъ нужнѣйшее дѣло зашло: треба стараться, щобъ новому человѣку не гирко було на свѣтѣ жить. А то на кого жъ нарекать будетъ? на батька! — Отъ, скаже, у мене батько сякій-такій бувъ! поскупився справить мнѣ, якъ слѣдъ, родины, а теперь и ѣжъ хлѣбъ пополамъ со слезами!

— Образумься, ради Бога, Тарасе! сказалъ Шрамко, начинавшій терять терпѣніе. Пристало ли человѣку, ѣдучи для поклоненія святымъ угодникамъ...

— Да що ты, куме, возлѣ него панькаешь *? сказалъ Тарасу чей-то грубый голосъ. Хиба ты не знаешь, что все это значитъ? Это значитъ: знай нашихъ! Это значитъ *кармазины!* отъ що! Это значитъ, нашъ братъ имъ не компанія! отъ що!

— Чортъ возьми! вскричало еще нѣсколько голосовъ, ибо пьяная чернь подобна горючему веществу, которое можно воспламенить одною искрою — такъ мы только тогда компанія кармазинамъ, когда нужно выручать изъ-подъ кормыги Лядской **?

— Пхе! сказалъ хозяинъ. Если такъ, такъ чего жъ намъ возлѣ нихъ панькать?

— Къ чорту всѣхъ кармазиновъ! раздались въ толпѣ буйные голоса. Они только умѣютъ побрякивать саблями. А гдѣ они тогда были, эти брязкуны, якъ проклятый Радзивилъ застучалъ изъ пушекъ въ городскія ворота? Мы должны были отдуваться сами!

* Отъ слова говорить: *пане, пане.*

** *Кормыга Лядская* — иго Польское.

— А вы жъ, проклятые салогубы, гдѣ были въ то время, когда Ляхи обгорнули насъ подъ Берестечкомъ, якъ баба жаромъ горшокъ, да припекли такъ, що третья часть войска выкипѣла? Гдѣ вы тогда были? вскричалъ Шрамко, весь вспыхнувши отъ такаго пріема пьяныхъ горожанъ. Вы тогда звенѣли талярами да дукатами, что набрали отъ козаковъ за гнилыя подошвы да дыравыя сукна! А Радзивилъ пришелъ—такъ вы, окаянные, не осмѣлились сдѣлать противъ него ни однаго выстрѣла! Подлые трусы! вы добровольно отдали Радзивилу оружіе, и какъ безсильныя женщины просили пощады у Литвиновъ. А когда Кіевъ запылалъ, и Литвины принялись душить васъ какъ волки овецъ, въ то время кто подоспѣлъ къ вамъ на помощь, если не козаки? Бѣдный Джеджелѣй съ горстью своихъ сѣромахъ влетѣлъ въ Кіевъ, какъ голубка въ свое гнѣздо въ-слѣдъ за коршуномъ. А вы поддержали его, подлые зайцы? Джеджелѣй только упоилъ саблю въ Литовской крови — и долженъ былъ уйти изъ Кіева ни съ чѣмъ! Дурень покойникъ! если бъ я былъ тогда, я не Литвиновъ бы рубилъ, а васъ, бѣсовы дѣти! Я научилъ бы васъ защищать то, что отвоевано вамъ козаками.

— Какой дьяволъ отвоевывалъ намъ наше добрoе, кромѣ насъ самихъ? кричали мѣщане. Отвоевано козаками! Да кто жъ были тѣ козаки, если не мы сами? Это теперь, по милости вашей, мы не носимъ ни сабель, ни кармазину. Козачество вы для себя припрятали, а мы изволь строить своимъ

коштомъ стѣны, полисады, башни, платить чиншъ и чортъ знаетъ еще что! А почему жъ бы намъ такъ же, какъ и козакамъ, не привязать къ боку сабли и не сидѣть сложа руки?

— Козаки сидятъ сложа руки? возразилъ Шрамко. *Шо бъ вы такъ по правдѣ дыхали!* Если бъ не они, то давно бъ васъ чортъ побралъ, давно бъ васъ Ляхи съ недоляшками задушили *, або Тата-

* Мѣщане много терпѣли отъ католиковъ и уніатовъ. Въ *актѣ*, или *записи* конфедераціи Виленской 1599 года, заключенномъ диссидентами для опозиціи католикамъ и уніатамъ, сказано, что католики, «не довольствуясь гоненіемъ, воздвигаемымъ на мѣста и лица, посвященныя богослуженію, обратились и на свѣтскія лица, *особенно на мѣщанство*, за различіе въ исповѣданіи, за которое уже надъ нѣкоторыми въ городахъ республики, по образу иностранному, производятся инквизиціи, удаляютъ ихъ отъ цеховъ, художествъ, промысловъ купечества и даже отъ житья въ городѣ; не признаютъ ихъ равенства состоянія, почитаютъ недостойными довѣрія въ свидѣтельствахъ, приписываютъ имъ даже беззаконное рожденіе, особливо, если бракъ благословенъ нашимъ духовенствомъ; время отъ времени чаще отнимаютъ у родителей власть выдавать собственныхъ дочерей въ замужество, а замужнихъ женъ злоумышленно на заключеніе осуждаютъ къ Римскому духовенству, и ему же отдаютъ власть произволить судъ о гражданскихъ записяхъ, производимыхъ со стороны супружествъ,» и проч. (*Приб. къ описан. Кіевософ. Соб. 71*). Замѣчательно, что этотъ актъ, въ которомъ дворянство торжественно присягнуло всѣми мѣрами защищать какъ всѣхъ вообще, такъ и каждаго порознь изъ утѣсняемыхъ католиками, подписанъ былъ князьями: Острожскими, Савгушкомъ, Вишневецкими, Корецкимъ, Рожинскимъ, Горскимъ, Соммирецкими, Пузиною, Радзивилами, Сокольскимъ, Друцкимъ-Борскимъ, Жижемскимъ, множествомъ воеводъ, каштеляновъ и другихъ вельможныхъ пановъ и знатныхъ рыцарей, которые черезъ полвѣка всѣ окатоличились, и козаковъ, такъ сказать исполнившихъ ихъ предпріятіе, считали злѣйшими своими врагами Унія была пагубна какъ для Польши, такъ и для Украины. Поляки потерпѣли со стороны матерьяльной, разстроивъ свои силы, а мы съ нравственной, потерявши свое славное древнее дворянство. Въ Украинѣ, послѣ войнъ Хмѣльницкаго, осталась почти одна черпь, научившаяся владѣть мечемъ, который употребляла нерѣдко себѣ во вредъ, но далекая отъ того, чтобъ поддержать достоинство своей націи.

ре перехватали. Неблагодарныя твари! да только козацкою храбростью и держится Украинскорусскій народъ и православная вѣра; а безъ нихъ тутъ бы сидѣлъ Ляхъ на Ляху! Изволь имъ всѣмъ дать права козацкія! Сказали бъ вы это батьку Хмѣльницкому! Онъ бы потрацилъ на вашихъ безмозглыхъ головахъ булаву свою *. Гдѣ это видано, чтобъ весь народъ имѣлъ одинакія права? Всякому свое. Козакамъ сабля и конь, вамъ счеты и вѣсы, а посполыству плугъ да борона.

— Если всякому свое, пане Шрамко, сказалъ Тарасъ Сурмачь, размахивая сулеею такъ, что обливалъ самъ себя вишневкою, если всякому свое, то почему жъ намъ саблю и козацкую вольность не считать своими? У козаковъ не было войска — мы сѣли на коней и стали подъ ихъ корогвами; у козаковъ не было денегъ и оружія—мы доставили имъ и деньги и оружіе: вмѣстѣ воевали на Поляковъ, вмѣстѣ терпѣли всякія пригоды. А когда пришлось до расчету, то козаки остались козаками, а насъ въ

* Дѣйствительно, иногда Хмѣльницкій долженъ былъ прибѣгать къ такимъ крутымъ мѣрамъ. Когда въ 1581 году онъ трактовалъ въ Бѣлой Церкви съ Польскими депутатами о мирѣ, чернь взбунтовалась противъ него и хотѣла побить депутатовъ. «Тать-то ты, пане Хмѣльницкій гетмане», кричали со всѣхъ сторонъ голоса, „трактуешь съ Ляхами, а насъ хочешь выдать Ляхамъ въ неволю! Но пока до этаго дойдетъ, самъ сперва поляжешь головою, и ни одинъ Ляхъ изъ этаго замку не выйдетъ" (Pamiętniki o wojn. koz. za Chm. Наши лѣтописцы приводятъ тѣ же самыя угрозы). Хмѣльницкій, истощивъ свои убѣжденія, и видя, что слово на этихъ людей не дѣйствуетъ, принялся убѣждать ихъ другимъ способомъ: убилъ нѣсколько человѣкъ гетманскою булавою — и только этимъ спасъ пословъ отъ смерти.

поспольство повернули! Що жъ мы такое? пхе! хиба мы не тѣ жъ козаки?

— Хиба мы не тѣ жъ козаки? подхватили гости, заложивши гордо руки за пояса. Кто жилъ съ нами прежде за-панибрата, тотъ теперь гордуе нашею компаніею!

Шрамко нѣсколько разъ начиналъ говорить, но потокъ народнаго негодованія былъ такъ быстръ, что уносилъ его слова недоконченными.

— Постойте, постойте, паны кармазины, заревѣлъ, какъ бы въ заключеніе этаго нестройнаго концерта, грубый голосъ однаго толстаго мѣщанина: мы вамъ поуменьшимъ немного пыхи. Недолго вамъ орудовать нами: *добрые молодцы* не дадутъ намъ загинуть. Будетъ у насъ *Черная рада*: тогда посмотримъ, кто какія права будетъ имѣть.

— Черная рада? повторилъ Шрамко. Что это за Черная рада?

— Пусть тебѣ вотъ тотъ молодецъ скажетъ, что за Черная рада, коли не знаешь! отвѣчали съ торжествующимъ видомъ мѣщане, указывая на однаго изъ гостей Сурмача.

Шрамко взглянулъ черезъ головы своихъ противниковъ и увидѣлъ возлѣ хаты чубатаго Запорожца, который сидѣлъ, куря коротенькую люльку, и, по видимому, не обращалъ никакаго вниманія на споръ своихъ собесѣдниковъ.

— Эге-ге! такъ вотъ откуда этотъ вѣтеръ вѣетъ? сказалъ Шрамко, и душа его наполнилась самыми горькими предчувствіями. Запальчивость его въ одно

мгновеніе исчезла и уступила мѣсто горячему чувству любви къ родинѣ, которой угрожалъ раздоръ народныхъ сословій, раздуваемый, какъ онъ увидѣлъ, Запорожцами.—Шановная громада! сказалъ онъ ласково. Не думалъ я, чтобъ Кіевъ въ такое короткое время такъ сильно перемѣнился! Давно ли мы въѣзжали сюда съ батькомъ Хмѣльницкимъ—и тогда встрѣчали насъ со слезами радости и съ благословеніями, а теперь Шрамка, который былъ рукою козацкаго батька, вы ни во что уже ставите?

— Батько ты нашъ коханый! отвѣчалъ ему старый Сурмачь, который живѣе всѣхъ былъ тронутъ такимъ оборотомъ рѣчи, кто жъ тебя ни во что ставитъ? Да ты не уважай на ихъ крикъ: *мало чого не буває, що пьяный спѣває.* Сказано: *що въ тверезого на умѣ, то въ пьяного на языцѣ.* Ѣдь-себѣ съ Богомъ, поклонись церквамъ Божіимъ, а тогда, можетъ быть, и къ намъ завернешь.

— Тогда иншая рѣчь, отвѣчалъ Шрамко.

— Такъ прошу жъ твоей милости, пане полковнику, заверни до моего двора: а у меня и конямъ конюшня есть, и новая свѣтлица для тебя и для твоихъ домашнихъ.

Въ это время Черевапъ, соскучившись долго ждать развязки возникнувшаго спора, подъѣхалъ къ Шрамку и окружавшимъ его мѣщанамъ и сказалъ: Братцы! когда вы такъ сердитесь за то, что мы не пьемъ теперь за здоровье крестника; то обождите только, пока мы съѣздимъ до церквей Божіихъ; а

потомъ я готовъ съ вами сѣсть оттутъ, и не знаю, кто въ Кiевѣ перепьетъ меня!

Тогда общее вниманiе обратилось на эту осанистую особу, извѣстную въ Кiевѣ добродушiемъ и гостепрiимствомъ; посыпались поклоны и привѣтствiя, на которыя Череванъ, смѣясь отъ души, снималъ шапку и кланялся.

— Вотъ панъ, такъ панъ! кричали гости. Дай Богъ и повѣкъ видѣть такихъ пановъ! Нѣтъ въ немъ ни капли гордости!

— За то жъ ему Богъ далъ и такую золотую пани, говорили нѣкоторые, какъ бы стараясь замазать этимъ прежнiя свои грубыя выходки противъ *кармазиновъ*.

— За то жъ ему Богъ далъ и такую дочку, что краше маку въ огородѣ! прибавляли другiе.

— Ну, пропустите жъ насъ, когда такъ, сказалъ Шрамко.

— Пропустите, пропустите ясныхъ пановъ. А заѣдете жъ ко мнѣ до господы? говорилъ Тарасъ Сурмачъ.

Шрамко еще разъ обѣщалъ заѣхать, и тогда данъ ему и его спутникамъ безпрепятственный пропускъ.

Пробравшись сквозь шумную толпу, Шрамко долго ѣхалъ потупивши голову. Неожиданная эта сцена сильно его опечалила. Спутники его не прерывали его задумчивости, одни потому, что раздѣляли его чувства, а другiе потому, что занялись разсматриванiемъ города и его жителей, которые,

встрѣчая такой богатый поѣздъ, почтительно кланялись и разминувшись еще останавливались и долго слѣдили за нимъ глазами. Наконецъ онъ облегчилъ глубокимъ вздохомъ свою грудь и сказалъ въ полголоса: *Вскую прискорбна еси, душе моя, и вскую смущаеши мя? уповай на Господа...* Потомъ вздохнулъ еще разъ и прибавилъ: *Господи Боже силъ, блаженъ человѣкъ уповаяй на Тя!.. Богъ намъ прибѣжище и сила, помощникъ въ скорбѣхъ, обрѣтшихъ ны зѣло. Сего ради не убоимся, внегда смущается земля и прелагаются горы въ сердца морская.*

Череванъ, ѣдучи подлѣ Шрамка, прислушался къ этимъ словамъ и, заключивши по нимъ, что душа его пріятеля сильно возмущена, ибо только въ такихъ случахъ онъ прибѣгалъ къ энергическимъ стихамъ Царя Пророка, столь согласнымъ съ пылкою и глубокою душею Украинца, заключивъ поэтому, что душа Шрамка сильно возмущена, добродушный Череванъ почелъ за благо прибавить отъ себя нѣсколько утѣшительныхъ словъ: Бгате Иване! сказалъ онъ, совѣтовалъ бы я тебѣ *ударить лихомъ объ землю.* Чего тебѣ печалиться?...

— Какъ чего? прервалъ его Шрамко. Развѣ ты не слышишь, что на умѣ у этой сволочи? Затѣваютъ *Черную раду*, Иродовы души!

— Да врагъ ихъ возьми, бгате, съ ихъ *Черною радою!* нехай себѣ-затѣваютъ.

— Какъ нехай затѣваютъ? Да развѣ ты не знаешь, что все это значитъ? Вѣдь это все пружины проклятаго Мартынца! Что жъ? мы должны сидѣть

сложа руки, когда огонь уже подложенъ, и пожаръ скоро вспыхнетъ на горе Украинѣ?

— А що намъ, бгате, до Украины? Хиба намъ нечего ѣсть, нечего пить, не въ чемъ ходить? Слава Богу, будетъ съ насъ, пока нашего вѣку. Я, будучи тобою, сидѣлъ бы лучше спокойно дома, да попивалъ наливки съ пріятелями, нежели биться по далекимъ дорогамъ, да ссориться съ пьяными крикунами.

— Врагъ возьми мою душу, вскричалъ съ гнѣвомъ Шрамко, если я ожидалъ отъ тебя такихъ рѣчей въ эту минуту! Ты настоящій Барабашъ!

— Я Барабашъ? сказалъ Череванъ, обиженный этимъ именемъ, обратившимся тогда въ бранное слово. Я Барабашъ?

— Да, тотъ самый Барабашъ, который говорилъ Хмѣльницкому:

Мы дачи не даемъ,
Въ війско Польское нейдемъ:
Не лучче бъ намъ зъ Ляхами,
Мосцивыми панами,
Мирно проживати,
А нижъ пойти лугивъ потирати,
Своимъ тѣломъ комаривъ годовати? — —

Твои слова значатъ то же самое: пусть погибаетъ отчизна, лишь бы намъ хорошо было! Съ этаго времени я не иначе буду называть тебя какъ Барабашемъ, и на той сторонѣ Днѣпра всѣмъ сотникамъ и полковникамъ скажу, что Череванъ теперь добраго слова не стòитъ.

— Брате Шрамко! сказалъ Череванъ съ несвойственнымъ ему выраженіемъ внутренняго волненія; если бъ это было сказано лѣтъ десять назадъ, то я зналъ бы, какъ отвѣчать тебѣ на эти слова: насъ разсудила бъ пуля передъ козацкою громадою; теперь я уже не тотъ — но врагъ меня возьми, если хочу остаться при такомъ паскудномъ прозвищѣ! и отъ кого жъ? отъ Шрамка! Я докажу тебѣ, що я не Барабашъ: ѣду съ тобою за Днѣпръ такъ, якъ есть, съ женою, дочкою и Василемъ Невольникомъ, и буду дѣлать все, что ты сдѣлаешь, хоть бы ты, для блага отчизны, бросился съ мосту въ воду!

— Вотъ это по-козацки! вотъ это по-рыцарски! воскликнулъ Шрамко, восхищенный живою рѣчью Черевана такъ, что даже забылъ на-время свое горе. Дай же руку, пріятелю, и обѣщай, что не отстанешь отъ меня ни въ какомъ случаѣ.

— Даю, брате, и обѣщаю! могъ только промолвить Череванъ, смѣясь отъ довольства самимъ собою. Въ это время онъ, казалось, выпрямился и помолодѣлъ: такъ прежній козацкій духъ, вспыхнувшій въ немъ на-минуту, оживилъ его душу, подавленную тучнымъ и лѣнивымъ тѣломъ.

— Насилу заговорилъ по-людски, сказала его жена, которой желаніе съѣздить за Днѣпръ наконецъ исполнялось, въ чемъ она начала-было сомнѣваться, ибо добрый Череванъ уступалъ своей женѣ только въ такихъ случаяхъ, когда она бралась дѣйствовать за него; если жъ она хотѣла заставить его самаго дѣйствовать, то всегда встрѣчала такое со-

противленіе, какое противопоставляетъ работникамъ тяжелый камень, не подаваясь ни назадъ, ни впередъ, а предоставляя имъ свободу показать надъ нимъ силу.

— Вотъ же и церковь Божія, сказалъ Шрамко, остановившись подлѣ Братскаго монастыря. Войдемъ и помолимся усердно за успѣхъ нашего предпріятія.

И потомъ прибавилъ въ полголоса стихъ изъ любимой своей книги, которая всегда была наставницею и утѣшительницею Украинца: *Азъ же милостію Твоею вниду въ домъ Твой, поклонюся ко храму святому Твоему въ страсѣ Твоемъ.*

Привязавъ коней къ кольцамъ, которыхъ много было прибито для этаго къ монастырскому забору, богомольцы вступили сквозь широкую арку деревянной колокольни въ монастырь, который тогда не имѣлъ еще ни одпаго зданія каменнаго. Внутренность монастыря представляла густой садъ, подаренный Кіевскому Братству основательницею его, Анною Гугулевичевною. За старыми, разросшимися грушами и яблонями невидать было деревянныхъ хороминъ, въ которыхъ помѣщались студенты духовной академіи, называвшейся тогда *коллегіею*, и учители ихъ монахи; только церковь выглядывала изъ-за деревъ тремя расписанными своими башенками. Къ церкви вела отъ колокольни довольно широкая дорога, надъ которою разросшіяся древесныя вѣтви образовали родъ крытой аллеи. Монахи такъ щадили старыя груши и яблони, приносившія ихъ Братству двойную выгоду, что не вырубили ихъ да-

уже вокругъ самой церкви. Вѣтви въ иныхъ мѣстахъ лѣзли въ самыя окна и лежали на нижнихъ кровляхъ, проросшихъ уже мхомъ и травою. Но церковь отъ того нисколько не теряла красоты своей. Напротивъ, возносящіяся надъ темною зеленью, ярко расписанныя ея башенки и украшенные золотыми звѣздами куполы казались стройнѣе и живописнѣе при этѣхъ неправильныхъ массахъ вершинъ древесныхъ, а изображенія иноковъ и архіереевъ, покрывавшія весь передній фасадъ, сквозь вѣтви казались оживленными, какъ бы прохаживающимися въ этомъ тихомъ пристанищѣ, и наполняли все пространство сада какою-то святостью.

Монастырь Братскій въ то время былъ несравненно бѣднѣе постройками, нежели теперь; но въ цѣломъ своемъ онъ имѣлъ что-то невыразимо-привлекательное. Въ этой простотѣ построекъ, въ этой простодушной вычурности украшеній, въ этомъ глухомъ затишьи, столь приличномъ мѣсту молитвы, было нѣчто такое, что дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ восклицаніе Пророка: *Господи, возлюбихъ благолѣпіе дому Твоего и мѣсто селенія славы Твоея!* Можетъ быть, не одному мнѣ случалось встрѣчать гдѣ-нибудь въ бѣдной деревенькѣ, посреди купы липъ, ветхую, съ почернѣвшею колокольнею, церковку, при видѣ которой такъ и приходитъ на умъ какая-нибудь молитва. Отъ чего это происходитъ? Отъ чего, глядя на величественные городскіе храмы, гдѣ архитектура истощила все свое искуство, не чуешь въ душѣ этаго кроткаго молитвеннаго дви-

женія? Не отъ того ли, что здѣсь холодная наука, а тамъ теплая набожность обдумывала идею дома Божія? Не отъ того ли, что здѣсь гордый зодчій думалъ о золотѣ и земной славѣ, а тамъ благоговѣйный строитель искалъ за свои труды благъ вѣчныхъ и славы небесной? Какъ бы то ни было, только набожный мой патріотъ Шрамко почувствовалъ именно то, что я говорю, и отъ всей души произнесъ восклицаніе любимѣйшаго имъ изъ Пророковъ.

Спутники раздѣляли его чувства, и даже кипящая любовью, досадою и ревностью душа Шрамченка здѣсь нѣсколько успокоилась. Вмѣстѣ съ древесною прохладою на него низошелъ какой-то духъ кротости и разума. Ибо бываютъ минуты, когда, посреди самыхъ мучительныхъ волненій любви, на знойную душу юноши вдругъ повѣетъ животворная прохлада божественнаго утѣшенія. Къ-несчастью, это продолжается весьма недолго. Можно сказать, что ангелъ мира противъ воли улетаетъ отъ него съ обожженными крыльями и предоставляетъ его въ жертву собственному пламени.

Въ тѣ времена люди чаще, нежели нынѣ, обращались съ молитвами къ Богу. Ложный стыдъ не налагалъ молчанія на уста, если имъ нужно было говорить отъ избытка сердца. И-потому наши богомольцы произносили въ-слухъ свои молитвы, какъ бы находясь въ присутствіи небеснаго Отца своего. Но громче всѣхъ раздавался, подъ звучными сводами церкви, голосъ стараго Шрамка: *Боже, услы-*

ши молитву мою, и вопль мой къ тебѣ да пріидетъ. Не отврати лица Твоего отъ мене, въ онь же аще день скорблю, преклони ко мнѣ ухо Твое, въ онь же аще день призову Тя, скоро услыши мя!

Слушая эти сердечныя воззванія и зная ихъ цѣль, Шрамченко почувствовалъ всю ничтожность чувства, занявшаго его душу, чувства, относящагося только къ нему одному, тогда-какъ онъ видитъ передъ собою человѣка, все свое благо и счастіе полагающаго въ благоденствіи отечества. И онъ сынъ этаго человѣка! И давно ли еще онъ стремился за его полетомъ, какъ молодой орелъ, а теперь, вмѣсто блага многихъ тысячь людей, онъ привязалъ всѣ свои упованія и цѣли къ женщинѣ, которая почти не замѣчаетъ его жертвы?... Нѣтъ, думалъ онъ, оставлю ее, забуду! Есть въ мірѣ счастіе, гораздо выше и святѣе того, какое можно найти въ любви самой лучшей женщины!

Богомольцы наши пожертвовали на Братство нѣсколько червонцевъ, и, прежде-нежели вышли изъ церкви, еще разъ осмотрѣли живопись, которою она была украшена. Боковыя стѣны заняты были изображеніями святыхъ, а задняя портретами древнихъ Кіевскихъ князей и козацкихъ гетмановъ. Самыя видныя фигуры между гетманами были Петра Сагайдачнаго съ длинною сѣдою бородою и Богдана Хмѣльницкаго. Сагайдачный держалъ въ одной рукѣ свѣтильникъ, а въ другой обнаженную саблю; а Хмѣльницкій въ одной саблю, а въ другой крестъ.

— Вотъ два человѣка, сказалъ Шрамко, кото-

рые всегда будутъ составлять славу и честь нашей родины! Это были люди, «умомъ возвышенные и любовью къ отчизнѣ вельми зѣло изукрашенные»! Къ несчастью, изъ того, что построилъ здѣсь Сагайдачный, уцѣлѣла одна только эта церковь, хранимая отъ пожара густымъ садомъ, а больше, видно, милостью Божіею *. Но и этотъ храмъ потерпѣлъ не-

* Братство Богоявленской церкви, не называвшееся еще монастыремъ, и заведенная имъ школа извѣстны по бумагамъ съ 1594 года. Скоро по заведеніи своемъ оно подверглось гоненіямъ уніи, а, въ довершеніе претерпѣнныхъ имъ бѣдствій, въ 1614 году пожаръ уничтожилъ Богоявленскую церковь и Братскую школу. Тогда-то (въ 1615) жена Мозырскаго маршалка Анна Гугулевичевна пожертвовала для помѣщенія школы нѣсколько зданій и дворъ свой на Подолѣ, съ условіемъ, чтобы при школахъ заведенъ былъ и монастырь. Противъ Богоявленской школы возстаютъ со всѣми своими кознями іезуиты, заводятъ свою школу для противодѣйствія Богоявленской, вооружаютъ правительство противъ нашего духовенства и народа. Поляки производятъ страшные грабежи въ церквахъ и монастыряхъ, и совершенно разоряютъ Братское училище вмѣстѣ съ гостинницею и школою. Но этому свѣтильнику Украины и всей Россіи несуждено было погаснуть. Возстановителемъ училища является лице, первое и самое почтенное во всей Украинѣ—гетманъ Петро Конашевичь Сагайдачный. Долго (съ 1607 года) защищалъ онъ православную вѣру и отечество грознымъ своимъ оружіемъ; неразъ своими личными достоинствами и услугами Польшѣ заставлялъ своенравный сеймъ улучшать жребій козаковъ и Украинскаго духовенства; наконецъ (въ 1621) оставляетъ земное величіе и славу, удаляется въ тихую монастырскую обитель, жертвуетъ для Богоявленскаго Братства съ училищемъ и гостинницею своимъ имуществомъ, и въ стѣнахъ уединенной кельи пишетъ въ защиту святой вѣры сочиненіе, которое сами противники православія назвали *предрагоцѣннымъ* (*Ист. Извѣстіе о возникшей въ Польшѣ уніи.* 77.). Онъ-то построилъ вновь церковь и всѣ монастырскія строенія. Послѣ него другіе гетманы старались о поддержаніи Братскаго монастыря и его училища (названнаго при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ *коллегіею,* а при царѣ Петрѣ I *академіею*) до самаго Мазепы, который въ 1693 году построилъ каменную церковь на мѣстѣ обветшавшей деревянной и одно изъ каменныхъ зданій для коллегіи. Теперь отъ даровъ гетмана Сагайдачнаго уцѣлѣлъ въ Братскомъ монастырѣ только большой серебряный крестъ, съ слѣдую-

мало разоренія отъ нападеній уніатовъ—и не одинъ разъ надъ ними исполнялись слова пророческія: *Яко въ дубравѣ древянѣ сѣкирами разсѣкоша двери его вкупѣ: сѣчивомъ и оскордомъ разрушиша и. Возжгоша огнемъ святило Твое: на земли оскверниша жилище имени Твоего.* Да, продолжалъ подумавши почтенный старецъ, соединявшій въ своемъ лицѣ оба элемента тогдашняго козачества—религіозность и воинственность; за грѣхи, видно, наши *предалъ*-было *насъ* Господь *въ руки враговъ беззаконныхъ, мерзкихъ отступниковъ, въ руки царя неправеднаго и лукавѣйшаго паче всея земли!*

— Дай же, Боже, сказалъ провожавшій ихъ монахъ, чтобъ эти отступники опять не завладѣли нами!

— А этаго можно опасаться при такомъ согласіи козаковъ, какъ теперь, отвѣчалъ ему Шрамко. Козаки давно уже преступили завѣщаніе великаго своего вождя, щобъ *всѣмъ у одно стояти.*

— Да, доходятъ и до насъ вѣсти, что гетманъ Тетера горнется къ нечестивымъ. Но пока живъ полковникъ Шрамко, онъ не осмѣлится ввести въ Украину отступническую унію.

— Полковникъ Шрамко, отвѣчалъ мой герой, не обнаруживая, что это былъ онъ самъ — полковникъ Шрамко силенъ только помощью Божіею и заступленіемъ святыхъ; онъ безпрестанно молится о

щею подписью: «року 1622 подалъ сей крестъ рабъ Божій Петръ Конашевичь Сагайдачный, гетманъ войска Е. К. Милости Запорозкого, до церкви святаго Богоявленія Господня, въ домъ Братскій на отпущеніе грѣховъ своихъ».

соединенія Украины въ одну братскую семью. Молитесь и вы объ этомъ, отцы преподобные!

Разговаривая такимъ образомъ, они обошли весь монастырь, въ которомъ мало было замѣчательнаго, кромѣ развѣ того, что вся ограда, не только снаружи, но и внутри монастыря, была украшена разнаго рода изображеніями изъ священной исторіи, которыхъ разсматриваніе доставляло богомольцамъ во время отдыха приличное занятіе, хотя нерѣдко подавало поводъ къ самымъ фантастическимъ толкованіямъ. Между изображеніями святыхъ нерѣдко можно было видѣть фигуры чисто козацкія; ибо тогдашніе живописцы Украинскіе воображали древнихъ воиновъ не иначе, какъ козаками, противъ чего никто изъ зрителей и не возражалъ. Въ уборахъ мучеництъ также встрѣчались корсеты, косы съ лентами и кораблики Украинскіе; а иногда, особенно въ мѣстахъ менѣе видныхъ, живописцы изображали такія сцены, на которыхъ, вмѣсто набожныхъ надписей, прямо было надписано: *Лыцарь славного войска козацкого Запорозкого Иванъ Морозенко*, а далѣе: *А се проклятыи Ляхи* *. Морозенко, или подобный ему герой, изображался обыкновенно избивающимъ, при заревѣ пожара, Поляковъ, которыхъ художникъ характеризовалъ самыми безобразными рожами и огромными брюхами. Земля подъ ними такъ щедро была накрашена, что въ самомъ дѣлѣ оправдывала стихъ народной пѣсни:

* Въ одномъ домѣ я видѣлъ два портрета, изъ которыхъ на одномъ было надписано: *Гетманъ Мазепа*, а на другомъ: *А се его жена.*

Де проѣде Морозенко — кровавая рѣчка.

Въ эпоху войнъ Хмѣльницкаго все дышало козачествомъ и ненавистью къ утѣснителямъ нашей вѣры и свободы, а потому монахи, натерпѣвшіеся вдоволь отъ католиковъ и уніатовъ, позволяли малярамъ изображать на монастырскихъ оградахъ подобныя сцены, какъ для удовлетворенія чувству собственной мести, такъ и для поддержанія въ народѣ духа ненависти къ гонителямъ.

Обошедши церковь вокругъ и подходя къ воротамъ, богомольцы наши услышали на улицѣ глухой шумъ, сквозь который пробивалась музыка.

— Это добрые молодцы Запорожцы гуляютъ, сказалъ монахъ. Прощайте, грядите съ миромъ. Мнѣ неприлично глядѣть на суету мірскую.

Тутъ онъ ихъ оставилъ въ сопровожденіи пономаря, веселаго старичка въ высокой черной шапкѣ, изъ-подъ которой густые сѣдые волосы развѣвались кудрями, не падая на плеча, и дѣлали его наружность оригинальною. Онъ менѣе своего начальника былъ щекотливъ насчетъ суеты мірской и охотно вышелъ за ворота взглянуть на танцы добрыхъ молодцовъ Запорожцевъ. Подъ колокольнею собралось множество рослыхъ бурсаковъ или *спудеевъ*, для которыхъ, видно, козацкая жизнь была гораздо привлекательнѣе семинарской, а кармазинные жупаны казались гораздо красивѣе ихъ пестрядевыхъ балахоновъ.

Съ возвышеннаго помосту, сдѣланнаго передъ колокольнею, былъ едва ли не лучшій видъ въ городѣ.

Прямо представлялась базарная площадь, обставленная по бокамъ лавками. Справа, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь толкучій рынокъ, стоялъ магистратъ, каменное зданіе въ Нѣмецкомъ вкусѣ, съ высокою башнею, украшенною часами. Прямо на горѣ Киселевкѣ возвышались замковыя башни. Вся гора, какъ и теперь, покрыта была зеленью; только вмѣсто церквей, которыя теперь, стоя внизу, рисуются своими куполами на этомъ темнозеленомъ фонѣ, тогда возвышались вычурныя башенки городской пивоварни; а влѣво надъ домами и церквами виденъ былъ Старый городъ, справедливо называвшійся *верхнимъ*.

Съ этой-то стороны неслась музыка и крикъ гуляющихъ, но еще никого не было видно. Вдругъ изъ одной улицы, какъ изъ рукава, высыпались Запорожцы, и по всей базарной площади раздался радостный крикъ: «Запорожцы, Запорожцы со свѣтомъ прощаются!»

Добрые молодцы, какъ ихъ называли, раздѣлялись на двѣ части. Одна шла, или лучше сказать танцовала, впереди, окруженная съ двухъ сторонъ народомъ и бандуристами, не жалѣвшими струнъ; а другая, какъ бы прикрывая ихъ шествіе, ѣхала медленно за ними на коняхъ. Всѣхъ ихъ было около сотни. Все это былъ народъ рослый, дюжій, съ длинныма усами и съ развѣвающимися по вѣтру чубами. По богатымъ и яркимъ ихъ одеждамъ видно было, что они пріѣхали въ Кіевъ именно съ тѣмъ, чтобъ погулять: ибо лишь въ такихъ случа-

яхъ они одѣвались съ пышностью, какая только возможна была для козака въ тѣ времена; обыкновенно жъ носили платье грубое и запачканное, для показанія презрѣнія своего къ тому, что другими такъ высоко цѣнится. Проѣзжая мимо монастыря, они снимали шапки и набожно крестились: кто былъ на ногахъ, тѣ даже клали поклоны противъ монастырскихъ воротъ, но тотчасъ же вска́кивали и продолжали свой танецъ, выбивая гопака, пускаясь въ присядку, катаясь колесомъ и перекидываясь черезъ голову.

Бурсаки, глядя на нихъ, еще больше чувствовали бѣдное свое житье и неволю, въ какой держали ихъ отцы наставники. Нѣкоторые даже не могли удержаться отъ слезъ, сравнивъ свое состояніе съ жизнію этихъ, по ихъ мнѣнію, блаженствующихъ на землѣ людей. — Не плачьте, дурни, говорили имъ, проѣзжая мимо, Запорожцы: Днѣпръ течетъ прямо до Сѣчи! и рисовались передъ ихъ завистливыми взглядами на своихъ полудикихъ коняхъ.

— Намъ бѣда съ этими Запорожцами, сказалъ пономарь Черевану, къ которому онъ питалъ особенное уваженіе, замѣтивши, какъ щедро этотъ добрякъ пожертвовалъ на церковь. Отецъ ректоръ часто на нихъ гнѣвается. Пріѣдутъ, покрасуются, примѣрно сказать, передъ нашими хлопцами — смотри, на другое лѣто половина бурсы и очутилась въ Сѣчи.

— Э, бгатъ! отвѣчалъ ему Черевань. Що жъ

тутъ нехорошаго! Если бъ я не былъ женатъ, то врагъ меня возьми, если бъ не пошелъ самъ въ Запорожцы! только тамъ люди и знаютъ, какъ прожить на свѣтѣ!

— Богъ знаетъ, что плетешь ты, свате! сказалъ Шрамко. Теперь доброму человѣку стыдно мѣшаться съ этою сволочью. Перевернулись теперь, чортъ знаетъ во что, Запорожцы. Пока Ляхи да паны душили Украину, туда собирался самый лучшій народъ; а теперь на Запорожье уходитъ самая дрянь: или голышъ, прокравшійся гдѣ-нибудь, или лѣнтяй, который не хочетъ заработывать себѣ хлѣбъ честнымъ трудомъ. Сидятъ тамъ окаянные въ Сѣчи, да только пьянствуютъ, а очортѣе горѣлку пить, такъ и ѣдетъ на Гетманщину, да тутъ и *величается якъ порося на брчику* *.

— Э, нѣтъ, панотче! не во гнѣвъ вамъ сказать, возразилъ Шрамку старый пономарь. Добрые молодцы, примѣрно сказать, не совсѣмъ попусту пріѣхали въ святой городъ Кіевъ.

— А зачѣмъ же? развѣ для того, чтобъ подъ пьяный часъ надувать ваши головы чортъ-знаетъ какими бреднями?

— О, да се жъ и панотецъ завзятый! сказалъ онъ въ полголоса. Зачѣмъ? а вотъ я тебѣ, панотче, скажу, зачѣмъ. Видишь ли, у нихъ, примѣрно сказать, есть такое заведеніе, що коли который Запорожецъ состарѣется такъ, якъ отъ я, або хоть и ты, панотче, *нехай Богъ шануе тебе и твою честь*,

* На пристяжкѣ.

то уже думаетъ о томъ, какъ бы, примѣрно сказать, спасти свою душу; бо сказано: *И во грѣсѣхъ роди мя мати моя.* Ну, вотъ собираетъ десятковъ пять-шесть пріятелей, наряжается, примѣрно сказать, какъ можно лучше, и пріятели также будутъ все народъ *одягный,* да такъ собравшись, на добрыхъ коняхъ прибываютъ въ Кіевъ, *прощаться съ свѣтомъ,* то есть, примѣрно сказать, погулять добре.

— Такъ, щобъ ажъ ворогамъ було тяжко! прибавилъ Черевань, которому этотъ расказъ очень нравился, хоть онъ давно зналъ о Запорожскомъ прощаньи со свѣтомъ.

— Да, да, вельможный пане, добре говорите, такъ, примѣрно сказать, щобъ ажъ ворогамъ було тяжко. А погулявши — идутъ уже въ свой Сѣчевый Межигорскій монастырь; до самаго жъ монастыря танцуютъ, примѣрно сказать, и гуляютъ, а больше всѣхъ гуляетъ тотъ, что *со свѣтомъ прощается.* Да уже когда придутъ, примѣрно сказать, подъ самую браму, вотъ и стучитъ Запорожецъ. «Кто тамъ?» — «Запорожецъ» — «Чесо ради?» — «Спасаться». Отворятся ему, примѣрно сказать, ворота. Запорожецъ поклонится на всѣ четыре стороны честноі громадѣ, а самъ въ монастырь — да и давай спасаться. А всѣ пріятели и вся суета мірская съ музыкою и танцами и сладкими, примѣрно сказать, напитками останутся за воротами.

Между-тѣмъ, какъ онъ это говорилъ, Запорожцы разлились по площади, и въ слѣдъ за ними на-

хлынула толпа любопытныхъ зрителей. Площадь уподобилась волнующемуся и шумящему морю; изъ суматохи говора, топота и музыки вырывались только восклицанія добрыхъ молодцовъ: «Гуляй, козацкая душа! Горѣлки добрымъ людямъ!» И Запорожскіе виночерпіи, ходившіе за ними съ деревянными ковшиками, повѣшенными на шнуркѣ черезъ плечо, и съ баклагами въ рукахъ, поили, на счетъ прощающагося со свѣтомъ, всякаго, кто только хотѣлъ пить — въ охотникахъ же не было недостатка. Танцуя по всей площади подъ звуки бандуръ, Запорожцы иногда, будто бы не замѣчая того, вскакивали цѣлою толпою на горшки, стоящіе для продажи, и, выбивая гопака съ самымъ серьёзнымъ видомъ, превращали ихъ въ мелкіе черепья, при хохотѣ народа и вопляхъ торговокъ, которыя хотя увѣрены были, что Запорожцы заплатятъ за все вдвое, однако жъ не могли безъ ужаса видѣть такаго безжалостнаго истребленія своего товара. Если на пути попадались Запорожцамъ бублики, булки, овощи, или чумацкая мажа съ рыбою, все это въ одну минуту было расхватано и разбросано по всей площади. Усачи, танцуя, восклицали только: «Ѣжте, люде добры! гуляй козацкая душа!» Наконецъ, въ заключеніе спектакля, было выкачено нѣсколько бочекъ дегтю и разлито по всей площади. Не обращая на это, повидимому, никакаго вниманія, Запорожцы продолжали танцовать въ дегтѣ въ своихъ дорогихъ платьяхъ, забрызгивая одинъ другаго и заставляя всѣхъ далеко посторониться.

Шрамко, при всей своей досадѣ на Запорожцевъ, вмѣшавшихся въ самое дорогое для него дѣло, не могъ быть равнодушнымъ къ ихъ музыкѣ, къ ихъ танцамъ, къ ихъ особенному, веселому и вмѣстѣ меланхолическому взгляду на прелести міра сего. Запорожцы, не смотря на всѣ свои пороки и злодѣйства, внушали всегда къ себѣ чудную симпатію Украинцу. Не разъ случалось мнѣ встрѣтить сѣдаго дѣда, который, расказывая о ихъ наглостяхъ, потчевалъ ихъ выразительнымъ именемъ *проклятый народъ!* и потомъ самъ, не зная почему, начиналъ говорить о нихъ съ восторгомъ. Не потому ли, что въ быту Запорожца, въ его отчужденіи отъ семейныхъ радостей, въ его презрѣніи къ богатству и роскоши, такъ много поэтическаго? или, можетъ быть, потому, что Запорожье было сердцемъ Украины, что въ Запорожьи національная жизнь кипѣла всегда цѣльнымъ и живымъ ключемъ, что когда враждебныя стихіи вытѣсняли, или по крайней мѣрѣ замораживали ее въ Украинѣ, вся теплота ея сосредоточивалась въ ея источникѣ, въ Запорожьи *: тамъ тѣсныя узы братства, неизмѣнное храненіе древнихъ обычаевъ и любовь къ родной поэзіи не давали погаснуть этой живой искрѣ, безъ которой народъ не былъ бы *народомъ*, ибо какъ тѣло, лишенное души, разлагается въ другія вещества,

* Юрій Хмѣльницкій, убѣждая войско Запорожское принять участіе въ судьбѣ Украины, въ письмѣ своемъ къ кошевому атаману Сѣрку, 1677 года, говоритъ: „Ибо отъ источника струи истекаютъ, яко отъ Вашихъ Милостей Низоваго Войска Запорожскаго, съ котораго основаніе исходитъ.“ (*И. М.* IV. 111.)

такъ и народъ, лишенный національности, исчезаетъ и теряется въ другихъ народахъ.

— Цуръ имъ! сказалъ наконецъ Шрамко. Стóитъ ли глядѣть на такія дурачества, когда у насъ на умѣ гораздо лучшее дѣло? Поѣдемъ еще въ *верхній* городъ.

— Правда, братъ, правда, сказалъ Череванъ: мнѣ уже давно ѣсть хочется, и я надѣюсь, что въ дому Матери Божіей святые отцы предложатъ намъ хорошую трапезу.

Старый Кіевъ соединялся съ Подоломъ посредствомъ того взвоза, который нынѣ называется *Андреевскимъ*; только этотъ взвозъ, расширенный недавно, былъ тогда такъ узокъ, что двѣ повозки съ трудомъ могли разминуться *. Проѣхавъ сквозь *врата Подольскія*, сдѣланныя въ валу подлѣ нынѣшней Андреевской церкви, наши богомольцы очутились въ томъ славномъ городѣ, который Олегъ назвалъ *матерью городовъ Русскихъ*, изъ котораго, первообразъ козацкаго рыцарства, Святославъ вылеталъ, какъ соколъ изъ гнѣзда своего, искать «славы и чти» имени Русскому, и въ которомъ Князь Владиміръ блисталъ какъ солнце своею роскошью. Но, оглядѣвшись вокругъ себя, козаки могли бы назвать этотъ городъ скорѣе кладбищемъ древней своей жизни, нежели

* Онъ спускался тогда не прямо на Подолъ, какъ нынѣ, а поза горою Киселевкою. Узенькая дорожка, поворачивающая налѣво (если ѣхать внизъ), въ живописное межигорье, означаетъ слѣдъ стариннаго взвоза. Нынѣшній же прокопанъ въ горѣ *Вздыхальнѣ* Графомъ Минихомъ.

славною столицею козацкою» *. На каждомъ шагу идны были слѣды пожаровъ и разрушенія. Между емногими домами, построенными въ видѣ отдѣль- ыхъ поселеній, лежали обширные пустыри съ возвы- еніями, усѣянными кирпичемъ и покрытыми бурь- номъ, заглохшіе сады съ обвалившимися плетнями, ерковныя стѣны безъ сводовъ, закуренныя дымомъ, олуобрушенныя на зеленый погостъ.

Во время Польскаго владычества, Старый Кіевъ, азывавшійся *Бискупскимъ* ** городомъ, былъ въ учшемъ состояніи, ибо въ немъ жили аристократы Іольскіе ***; но когда Поляки были изгнаны, а мѣ- щане сосредоточили свою промышленность въ од- омъ Подолѣ или *нижнемъ городѣ*, онъ былъ почти овсѣмъ оставленъ. Послѣднее разореніе Кіева Лит- инами довершило его упадокъ. Старый Кіевъ ле- калъ теперь обширнымъ гробовищемъ, на которомъ бломки плитъ съ древнихъ теремовъ княжескихъ еремѣшаны были съ костями ихъ православнаго

* Такъ названъ Кіевъ въ универсалѣ гетмана Бруховецкаго къ алнѣпровскимъ жителямъ, 1663 года. «И отступивъ (сказано тамъ) тъ славные Запорожскіе столицы козацкіе, откуда славные пред- и, отцы и дѣды ваши, моремъ и полемъ славы у всего свѣта до- ыли, прилѣпилися есте и присовокупилися до иновѣрцевъ» и пр. *И. М.* IV. 43. См. также 11-ю статью Бѣлоцерковскаго договора, *I. М.* III, 63.)

** Епископскимъ. А Подолъ назывался Мѣщанскимъ городомъ. *Опис. Украины,* Боплана, 3.)

*** Также и мѣщане, называвшіеся *бискупскими, монастыр- кими, Софійскими* и *господскими*. Эти мѣщане равно какъ и *зам- овые* были, видно, родъ подданныхъ, ибо въ *Ревизіи замка Кіев- каго*, откуда я заимствовалъ эти названія (Zrzódła do Dziejów Pol- kich, II, 123—140), упоминаются еще *мѣщане, живущіе на город- комъ правѣ въ собственныхъ домахъ*, и это-то, видно, были соб- твенно мѣщане.

народа, погибавшаго здѣсь отъ руки Татарина, Литвина и Поляка въ теченіи четырехъ столѣтій, и на этомъ печальномъ гробовищѣ выше всѣхъ подымались два огромные памятника древней Русской жизни, Софіійскій и Михайловскій храмы.

Чтобы проѣхать къ *Святой Софіи,* нужно было ѣхать сквозь каменныя *Кіевскія* или *Батыевы* ворота, сдѣланныя въ валу, окружавшемъ первоначальный городъ Кіевъ. Изъ воротъ перекинутъ былъ мостъ черезъ оврагъ, который пролегалъ параллельно нынѣшней Житомирской улицѣ, насупротивъ дома Анненкова. Все это существовало еще въ концѣ XVIII столѣтія, указывая предѣлъ, до котораго простирался древній Владиміровъ Кіевъ; ибо Софіійское отдѣленіе Стараго Кіева появилось только послѣ того, какъ Ярославъ, разбивши за городомъ Печенѣговъ, построилъ на полѣ битвы церковь св. Софіи и вокругъ нея «заложи градъ великій, у него же суть Золотыя врата».

— Вотъ мы и у святой Софіи, сказалъ Шрамко. Да благословитъ же Господь вхожденіе наше. Я святую Софію люблю больше всѣхъ храмовъ Кіевскихъ: тутъ я усерднѣе, нежели гдѣ-либо, вспоминаю святое изреченіе царя Давида: *Едино просихъ отъ Господа: еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню и посѣщати храмъ святый Его.* О Боже! если бъ только однѣ такія думы наполняли душу человѣческую!

Набожныя мысли его были однако жъ скоро развлечены. Вошедши съ своими спутниками

въ церковную ограду, онъ увидѣлъ двухъ осѣдланныхъ коней, пасущихся на травѣ, и не могъ скрыть своего негодованія.

— Що за вража мати! воскликнулъ онъ: не уже ли не прошли еще времена уніатства, когда храмы Божіи служили жилищемъ человѣку и коню? Какъ это святые отцы позволяютъ козакамъ такое безчинство?

Видя, что никто не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, Василь Невольникъ сказалъ: — Э, пане полковнику! хиба жъ ты не знаешь, що святые отцы добрымъ молодцамъ ни въ чемъ не поперечатъ? Добрые молодцы щедрые вкладчики: всѣ свои деньги тратятъ на подаянія святымъ церквамъ и Божьимъ служителямъ, або прогуливаютъ съ веселымъ товариствомъ: ни дворовъ, ни полей, ни хуторовъ Запорожецъ не заводитъ. Онъ каждую минуту готовъ оставить сей суетный свѣтъ, и заботится только о томъ, чтобъ напередъ усердными приношеніями дому Божію проложить своей душѣ дорогу къ раю *.

* Только въ послѣдніе годы существованія Сѣчи Запорожцы стали заводить себѣ хутора и дѣлать поселенія на такихъ правахъ, что поселяне считались подданными войска; въ-старину Запорожецъ обязанъ былъ не имѣть никакой собственности, кромѣ коня, одежды и оружія. Вѣруя, что можно искупить всѣ грѣхи молитвами священниковъ и монаховъ, они изъ каждой добычи, полученной на войнѣ, отдѣляли значительную часть для церквей и монастырей. Такъ, напримѣръ, когда гетманъ Самійло Кишка овладѣлъ Турецкимъ кораблемъ, то Запорожцы —

«Срибло-злато на три части паёвали:
Первую часть брали,
На церквы накладали:
На святого Межигорського Спаса,
На Трахтомировській манастыръ,

— Да развѣ жъ это Запорожскіе кони?

— Охъ, Боже правый! чи вже жъ я такъ зледащѣвъ, що не познавъ бы уже и коня Запорожскаго? По скоку, по статьямъ, по ржанью, по тысячѣ примѣтъ я различу коня Низоваго отъ Украинскаго и отъ Татарскаго. Таки жъ недаромъ я прожилъ десятка три годовъ на Запорожьи. Охъ, Боже правый! довелось всего испытать на-вѣку: и гульни козацкой рыцарской, и проклятой каторги Турецкой...

— А хиба жъ гетма́нецъ не можетъ добыть себѣ коня изъ Низу? сказалъ Череванъ. А ну, бгатъ Василь, що ты на это скажешь?

— Почему жъ не можетъ? лишь бы деньги да охота; но только это кони добрыхъ молодцовъ. Смотрите, какіе на нихъ чепраки? кабардинскіе! А кабарда * гдѣ водится больше, какъ не въ лугахъ Днѣпровскихъ?

— И чепракъ такой можетъ достать себѣ добрый козакъ, помѣнявшись конемъ съ Запорожцемъ.

— Ну, если такъ, пане мой коханый, то вотъ же вамъ самая важная примѣта. Видите ли возлѣ

На святую Сѣчовую Покрову давали,
Котори давнимъ козацькимъ скарбомъ будовали,
Щобъ за ихъ встаючи й лягаючи милосердного Бога благали;
А другую часть помижъ собою паёвали, —
А третюю часть брали,
Очертами сѣдами,
Пили да гуляли».

Слава объ ихъ щедрой набожности распространялась такъ далеко, что ежегодно приходили въ Сѣчь за милостынею монахи не только изъ Кіева, но съ Аѳонской горы, изъ Константинополя, Арменіи Іерусалима.

* Такъ Запорожцы называли выдру.

коней два ратища * воткнуты? Запорожцы такъ пріучаютъ своихъ коней, что воткнетъ на степи ратище, пуститъ коня, и хоть бы цѣлую недѣлю туда не возвращался, конь будетъ пастись вокругъ ратища. Иногда погонится за нимъ Татаринъ, онъ уйдетъ отъ Татарина, но опять воротится на прежнее мѣсто, и будетъ ожидать хозяина. Охъ, Боже правый, Боже правый! чи разъ же то случится козаку забиться въ такую глушъ, що только небо да земля! Ѣдешь, бывало, часомъ день и ночь, сонъ тебе знемогае; воткнулъ ратище, разнуздалъ коня, а самъ отошолъ въ сторону, щобъ проклятый Татарюга на соннаго не наѣхалъ, повалился въ траву да й спи, якъ дитя на рукахъ у матери. А не такъ якъ дурные Ногайцы: що самъ спитъ, а коня держитъ въ поводу. Разъ я... Охъ, Боже правый! Богъ знаетъ, какая старина припомнилась: разъ я одного Татарюгу хотѣлъ проучить, якъ спать на степи; подъѣхалъ да ратищемъ въ бокъ. Такъ що жъ? проклятый невѣра надѣлъ таку сорочку, що мое ратище такъ и загнулось якъ кочерга. Схватился поганый, да ко мнѣ! но я ему заразъ доказалъ, що козакъ не даромъ носитъ шаблюку: не защитила его ни подбитая желѣзомъ шапка, ни стальная сорочка. Охъ, Боже правый, Боже правый! чего-то не придется на-вѣку попробовать?

— Такъ говоря, прошли они по зеленой равнинѣ погоста, усѣянной остатками кирпичныхъ зданій,

* *Ратище* — копье.

едва вырѣзывавшимися изъ-подъ травы, и приблизились къ церкви.

Это почтенное зданіе уже и тогда не имѣло своего первоначальнаго вида. Митрополитъ Петръ Могила, отнявши его у уніатовъ въ 1633 году, нашелъ его запущеннымъ, покрытымъ трещинами и, чтобъ предохранить отъ паденія, укрѣпилъ толстыми контрфорсами и придѣлами, а стараясь облечь его въ лѣпоту, подѣлалъ надъ стѣнами въ видѣ гребней фронтиспицы; отъ этаго почти весь фасадъ Ярославскаго храма исчезъ подъ грубою архитектурою XVIII вѣка.

Шрамко и его спутники далеки впрочемъ были отъ того, чтобы подобно намъ, предпочитать иногда старинныя развалины новымъ постройкамъ; они не обратили никакаго вниманія даже на двѣ мраморныя колонны при западномъ входѣ, уцѣлѣвшія отъ временъ Ярослава. Однако жъ темная внутренность храма, толстые столбы съ массивными арками, расписанные еще Византійскими художниками, церковные своды, покрытые полуобвалившеюся мозаикою, и древность, невольно говорящая о себѣ въ этѣхъ мрачныхъ стѣнахъ, сложенныхъ изъ толстыхъ и тонкихъ плитъ, въ этѣхъ грубыхъ колоннахъ, лишенныхъ мрамора, который покрывалъ ихъ шереховатыя грани, въ этихъ тяжелыхъ перилахъ, слабо видпѣющихся вверху надъ низкими арками, все это вмѣстѣ возбудило въ нашихъ богомольцахъ какое-то непонятное для нихъ чувство. Такаго чувства нельзя произвесть никакимъ великолѣпіемъ и изяществомъ новѣйшей

архитектуры. Имъ казалось, будто этѣ стѣны говорятъ что-то многими голосами, какъ-будто всякая душа, здѣсь молившаяся, страдавшая и вопіявшая къ Богу, оставила эхо своихъ вздоховъ и своего вопля въ этомъ мрачномъ, какъ глубина души человѣческой, храмѣ, между его темными галереями, между широкими его столбами и гранитными перилами.

Когда богомольцы наши помолились и приложились къ мощамъ, то услышали еще чьи-то тихіе голоса, которые они прежде считали своими отголосками. Прислушавшись внимательнѣе, они увѣрились, что эти голоса раздаются на хорахъ. Они не похожи были на обыкновенныя молитвы: одинъ слабый и дрожащій голосъ что-то читалъ съ разстановками, два другіе повторяли тихо, но такъ, что можно было разслушать слова: *обѣщаюсь и клянусь.*

— Чтобъ это такое было? сказалъ Шрамко. Вѣнчанье — не вѣнчанье, присяга — не присяга?

— Знаю, знаю, что это, говорилъ, какъ бы самъ къ себѣ, Василь Невольникъ. Это добрые молодцы берутъ *шлюбъ побратимства.* Охъ, Боже правый! не совсѣмъ же, значитъ, зледащѣло славное Запорожье, когда въ немъ есть еще побратимы!

Не мѣсто было распрашивать въ церкви о Запорожскихъ обычаяхъ, тѣмъ болѣе, что Василь Невольникъ не могъ ничего разсказать наскоро, въ нѣсколькихъ словахъ, безъ вздоховъ, безъ постороннихъ восклицаній и чувствительныхъ промежутковъ

молчанія и киванія головою; и-такъ всѣ отправились на хоры по узкой лѣстницѣ, вьющейся между стѣнами, расписанными историческими, аллегорическими и эмблематическими картинами, равно какъ и всѣ хоры.

Тамъ увидѣли они двухъ козаковъ въ богатыхъ и яркихъ нарядахъ, на колѣнахъ передъ сѣдымъ монахомъ, который, давши имъ благословеніе, окончилъ таинственный обрядъ краткимъ наставленіемъ:
—Помните жъ, дѣти мои, въ какомъ святомъ мѣстѣ произнесли вы свой обѣтъ; бойтесь измѣнить одинъ другому посреди превратной жизни; страшитесь участи Ананіи. Взгляните еще разъ на сей лучезарный образъ Пречистой, воздѣвающей къ небу руки о православномъ мірѣ Русскомъ. Какъ эта стѣна Ярославова осталась *нерушимою* посреди «раздѣленія царствъ и домовъ паденія», такъ и святое православіе ничѣмъ непоколебимо. Будьте жъ и вы достойными его чадами; очистивъ послушаніемъ свои души, другъ друга любите усердно, ибо вы рождены словомъ Бога живаго и пребывающаго вовѣки. Аминь. Грядите съ миромъ.

Козаки встали, обнялись и поцѣловались, потомъ поклонились низко монаху, и одинъ изъ нихъ сказалъ:—Прими жъ, святый отче, усердные дары наши, пріобрѣтенные не отъ презрѣннаго барышничества, но отъ меча, обращеннаго всегда на защиту Христіанства. Гнались мы разъ съ побратимомъ за Татариномъ, а Татаринъ не одинъ ѣхалъ, везъ

за сѣдломъ бранку *. Видитъ окаянный, что конь его двоихъ не выноситъ, ударилъ бранку кинжаломъ и бросилъ намъ подъ ноги, а самъ полетѣлъ, какъ птица. Бранка была Христіанка: на шеѣ нашли мы у нея этотъ золотой крестъ и низку дукатовъ. Помолись же, святый отче, за упокой ея души, а за наше здоровье.

Между-тѣмъ Шрамко и его спутники разсматривали новыхъ побратимовъ. Однаго взгляда было довольно, чтобъ узнать въ нихъ Запорожцевъ, ибо Украинскіе, или *городовые,* козаки подстригали волосы въ кружокъ, а Запорожцы брили всю голову, оставляя только длинные чубы.

Вы скажете, что это было безобразно. Согласенъ, и не думаю, чтобъ и сами Запорожцы находили въ бритой головѣ красоту. Эти суровые рыцари презирали, можно сказать, всѣ прелести міра сего. Жили въ бѣдныхъ куреняхъ или подъ открытымъ небомъ, питались грубою пищею, чуждались семейныхъ радостей; и если наряжались иногда въ богатое платье, если любили набивать талерами и дукатами пояса и кишéни **, то только для того, чтобъ доказать на дѣлѣ, какъ они ни во что вмѣняютъ эти суетныя блага жизни: въ нѣсколько дней бѣшенаго пира Запорожецъ превращалъ свои пышные кармазины въ испачканныя дегтемъ тряпки и разсыпалъ свои деньги на всѣ стороны безъ всякаго счету.

* Плѣнницу.

** *Кишеня* — карманъ.

Физіономіи этихъ двухъ молодцовъ были такъ выразительны, что съ нихъ легко бы всякому живописцу написать портреты. Старшій изъ нихъ, лѣтъ, повидимому, тридцати, былъ весьма плотенъ, можно бы сказать даже тученъ, если бъ стройная талія и мускулы, рѣзко вырисованные на вискахъ, на шеѣ и огромныхъ рукахъ, не были яснымъ доказательствомъ, что дородность его происходитъ отъ природнаго атлетическаго сложенія, а не отъ тучности. Онъ былъ безобразенъ и вмѣстѣ красивъ. Вообразите себѣ крѣпкую, опаленную солнцемъ морду съ широкими, какъ будто вылитыми изъ бронзы щеками, съ длиннымъ чубомъ, сперва приподнявшимся немного вверхъ и потомъ пышно упавшимъ на одну сторону головы, какъ конская грива на каскѣ; огромные черные усища, въ которыхъ Запорожцы полагали всю красоту добраго молодца, и широкія, чрезвычайно длинныя брови, разошедшіяся наискось по крѣпкому его лбу, казавшемуся мѣднымъ. Вотъ каковъ былъ этотъ *братчикъ* *. Дѣвушка назвала бъ его страшнымъ, а художникъ воспользовался бъ первымъ случаемъ набросать съ него хоть эскизъ въ своемъ альбомѣ. Чтобъ докончить портретъ, скажу еще, что этотъ молодецъ былъ настоящій типъ Запорожца: черты суровыя, глаза лукавые и проницательные, видъ степенный, но оживленный явною расположенностью къ насмѣшкѣ.

* Такъ Запорожцы называли себя взаимно въ дѣлахъ своего братства. Напримѣръ, когда атаманъ совѣтовался съ товариствомъ, то говорилъ: «А що, братчики, будемъ робити»?

Его товарищъ былъ нѣсколькими годами моложе, но такъ смуглъ, что тотчасъ видно было его неукраинское происхожденіе. Его худощавое, но мускулистое сложеніе, лобъ съ глубокою впадиною, брови, всегда какъ бы нахмуренныя, и изъ-подъ нихъ блестящіе черные глаза обнаруживали въ немъ характеръ угрюмый, горячій и предпріимчивый.

Взглянувши быстро на нашихъ богомольцевъ, онъ не обратилъ на нихъ больше никакаго вниманія. Старый Запорожецъ также бѣгло и съ какимъ-то насмѣшливымъ видомъ оглядѣлъ ихъ съ ногъ до головы; но когда увидѣлъ Лесю, красота ея видимо его поразила: глаза его оживились, и онъ вперилъ въ нее такой острый и жадный взглядъ, какой бросаетъ изъ-за куста волкъ на овечку. Это однако жъ продолжалось неболѣе нѣсколькихъ мгновеній. Запорожецъ умѣлъ тотчасъ преодолѣть предосудительное для него чувство и, закинувши по-молодецки на спину вылеты, прошелъ мимо нашей компаніи, въ сопровожденіи своего товарища,.и спустился внизъ.

Они вышли изъ церкви и намѣрены были ѣхать; но долгоусый медленно поправлялъ подпругу у своего коня и издавалъ такія восклицанія, что младшій Запорожецъ спросилъ его, мѣшая въ свою рѣчь Сербскія частицы и слова: Море, побро! Чего ты крекчешъ, якъ будто выпивъ натощакъ перчакивки?

— Перчакивка, брате, не диво, отвѣчалъ долгоусый, а диво такая дѣвчина, какъ это!

— Тю! чи не скрутився ты, побро, сегодня? Що оце ты городишъ?

— Може и такъ, що скрутився. Ажежъ, кажуть, що всякому человѣку нужно здурѣть хоть разъ на вѣку.

— Поганую жъ ты годину выбравъ для дури.

— Уже чи погану, чи хорошу, а пойду ще разъ погляжу на чорнобровую.

— Отъ спра́вди збожеволѣвъ козакъ! отъ, доиграется чортъ знаетъ за̀ што до кіевъ *! говорилъ Запорожецъ, удивленный такимъ нечаяннымъ припадкомъ волокитства, грѣха, преслѣдуемаго самымъ

* У Запорожцевъ за нѣкоторыя преступленія наказывали кіями, т. е. дубинами. Однимъ изъ такихъ преступленій было прелюбодѣяніе. Этотъ порокъ преслѣдовался ими не только въ самой Сѣчи, но и внѣ оной, какъ это доказываетъ слѣдующее преданіе, записанное мною въ Кумейкахъ изъ устъ одного старика: «...А вже въ Сѣчъ баба не ходи; хочъ бы сестра, хочъ бы мати ридна — не пустять. Такъ, чортъ знае по якому жили тыи Запорозци: сами по собѣ, якъ бурлаки. Бувъ одинъ Запорожець Нягаець да и внадивсь до попади. Коло Сѣчи десь тамъ у селцѣ пипъ живъ; такъ винъ до попади и внадився. А Запорозци пронюхали да й пишли до кошового: *Такій намъ стыдъ робить Нагаець, пане батьку: унадивсь*, кажуть, *до попади якъ той собака.* — *Постойте жъ*, каже, *паны молодци; я козака надежного пошлю; нехай присочить его; тодѣ вже буде ему судъ и росправа.* Отъ, Нагаець поѣхавъ изъ Сѣчи, а козакъ собѣ. Пріѣхавъ до попади: *Очини!* Не очиняе. Винъ якъ супе въ двери ногою, двери такъ и вывалились. У хату, ажъ винъ, той Нагаець, тамъ за запонкою. *А що ты тутъ робишъ, сякій такій сыну!* Якъ узявъ бить его нагаемъ! А той проситься: *Брате мій ридный! уже хочь бій, тилько панови батьку не яси.* А тамъ уже также чортове завеленіе, що симъ разъ якъ ударитъ кіемъ, то вже хлѣба не ѣстимешъ. Такъ що жъ? у такого одмолисся? И нагаемъ выбивъ, и кошовому зъясова̀въ. Ну, звѣсно вже: заразъ до стовба да кіями. Заслужавъ сердечный Нагаець одъ такои бани да и вмеръ незабаромъ».

строгимъ образомъ на Запорожьи. — Послухай, Кирило! послухай, драгій побратиме! кричалъ онъ, видя, что тотъ въ самомъ дѣлѣ пошелъ къ церкви. Чи ты смѣешься, чи дороги пытаешъ?

— Тутъ дорога не далекая, брате! отвѣчалъ тотъ необорачиваясь, небойсь, не собьюсь.

— Да, море! я бачу, што не далекая. Кто лѣзетъ прямо въ пекло, тотъ никогда не собьется съ дороги. Ахъ, Господи! што это съ юнакомъ сдѣлалось! Когда это бывало, чтобъ онъ взглянулъ больше однаго разу на дѣйвоку! И кто жъ? Кирило Туръ, юнакъ межъ юнаками, отаманъ межъ отаманами! Вотъ тебѣ и побратимство! Теперь придется мнѣ, вмѣсто коня и сѣдла, возиться возлѣ этой погани, которой доброму молодцу и вспоминать не годится, возлѣ женщины! тьфу! Однако жъ, море! такъ, чи сякъ, а я докажу тебѣ, што я настоящій побратимъ—услужу тебѣ не только для столба съ кіями, но и для шибеницы *. Пойдемъ и мы за этимъ сумасшедшимъ.

Между-тѣмъ богомольцы продолжали ходить по галереямъ и разсматривать то мозаическія алтарныя картины, которыя оттуда были виднѣе, нежели снизу, то гранитныя перила и аллегорическія изображенія. Ихъ занимали эти кони съ подрѣзанными хвостами, посреди дикихъ звѣрей, похожихъ на тигровъ и львовъ, воины въ странныхъ одеждахъ, защищающіе ихъ копьями, обнаженные люди, которымъ змѣи обвились вокругъ тѣла и свели голову

* *Шибеницѧ* — висѣлица.

съ ногами, чудовища, перепутанныя съ цвѣтами и арабесками. Монахъ изъяснялъ имъ значеніе каждой эмблемы. Подъ изображеніями вещественныхъ предметовъ онъ открывалъ имъ то добродѣтель, окруженную напастями, то мученіе души, опутанной грѣхами, то безобразные пороки, гнѣздящіеся, говоря его словами, «въ вертоградѣ красоты и благихъ насажденій».

— Святый отче, сказалъ Черевань, яку молитву вы читали этимъ Запорожцамъ, что сейчасъ ушли?

— Молитву братолюбія, чадо, отвѣчалъ монахъ. Видите ли: эти добрые молодцы по большей части бываютъ сироты, безродные люди; не къ кому имъ головы приклонить въ сёмъ житіи, исполненномъ горестей. Вотъ они иногда выбираютъ себѣ изъ пріятелей *названнаго брата* или побратима, который заступаетъ у нихъ мѣсто единоутробнаго; и это благо и право: ибо мы Христіане рождены не отъ сѣмене истлѣнна, но неистлѣнна. Если одинъ изъ нихъ попадется въ плѣнъ, другой выкупитъ; если добудутъ что на войнѣ, дѣлятъ пополамъ; никто изъ нихъ не можетъ назвать никакой вещи своею: все у нихъ совмѣстное; даже и жизнь побратима принадлежитъ не одному ему; меньшій старшему повинуется какъ слуга, а старшій за меньшаго стоитъ, какъ за родное дитя. Церковь благословляетъ такой союзъ братской любви особою молитвою, дабы еще болѣе освятить узы дружелю-

бія, и это называется у нихъ *шлюбомъ побратимства* *.

— Намъ не разъ доводилось слышать объ этомъ, честнѣйшій отче, сказалъ Шрамко. Только не думалъ я, чтобъ въ теперешнемъ Запорожьи было что-нибудь лучше дикихъ звѣрей, жадныхъ одной поживы.

— И звѣри не лишены нѣкоторыхъ добродѣтелей. Недавно кто-то мнѣ расказывалъ, что два волка цѣлую зиму кормили третьяго, которому кто-то перебилъ ноги, такъ-что онъ самъ не могъ *взыскати пищу себѣ*. На добрыхъ молодцовъ многіе нападаютъ, порицая ихъ буйство и уподобляя ихъ звѣрямъ хищнымъ. Но все ихъ буйство и всѣ неистовыя дѣла, если они есть въ самомъ дѣлѣ, сугубо выкупаются великими ихъ услугами Церкви православной...

— Да, подумалъ Шрамко; монахъ будетъ смотрѣть сквозь пальцы, чтобъ ни дѣлали эти разбойники, эти возмутители народные....

Добрый старичокъ продолжалъ между-тѣмъ оправдывать Запорожцевъ.

— Отче святый, сказалъ ему Шрамко съ намѣреніемъ отвлечь его отъ непріятнаго для себя предмета, поведите жъ насъ ко гробу создателя святаго храма сего.

* Теперь этотъ обычай въ Украинѣ сохранился, кажется, только между женщинами. Когда двѣ женщины, живя долго между собою дружно, полюбятъ одна другую какъ родныя сестры, тогда, созвавши гостей, дарятъ одна другой по овцѣ или по какой-нибудь другой скотинѣ и говорятъ: «будь ты моею сестрою, а я твоею». Это называется у нихъ *посестричиться*.

— Только развѣ ко гробу! отвѣчалъ вздохнувши старецъ. А гдѣ честное тѣло благовластнаго Ярослава, объ этомъ нужно спросить у тѣхъ, которые *проліяли кровь* нашу *яко воду.* Въ древности, какъ и лѣтописи гласятъ, князья полагаемы были въ *усыпальницѣ* «одинъ подлѣ другаго». Но и самъ блаженныя памяти митрополитъ Петръ не зналъ, гдѣ была княжеская усыпальница. Онъ обрѣлъ его «мраморяну раку» уже на томъ мѣстѣ, гдѣ она теперь находится. Слѣдуйте за мною. Видите ли, какъ этотъ мраморъ обитъ кругомъ? Видно, варвары ругались надъ ракою благовѣрнаго князя и не пощадили самыхъ его останковъ. Блаженной памяти митрополитъ говаривалъ-бывало, что рака эта вдѣлана въ стѣну, чаятельно, для того, чтобы скрыть совсѣмъ выломанную часть ея. Онъ много сѣтовалъ, что нечестивые Монголы и, подобные имъ разорители святыни, уніаты и католики водворили въ этомъ храмѣ *мерзость запустѣнія* намѣсто древняго благолѣпія. Онъ всячески старался разыскать въ древнихъ хартіяхъ, какъ именно устроено и украшено было благовластнымъ Княземъ Ярославомъ сіе святилище, но тщетно. Бывало, по цѣлымъ днямъ проводитъ посреди печальныхъ руинъ—и возвращается къ братіи съ обычнымъ своимъ восклицаніемъ: *обаче всуе сѣтуя хождахъ!* «Тщетно, братіе, говоритъ-бывало намъ, хочу я начертать исторію церкви святой Софіи. Самая вѣрная исторія ея будетъ та, которая находится въ началѣ семьдесятъ осьмаго псалма». И велѣлъ начертать надъ ракою Кня-

зя Ярослава сіи слова, которыя чтущій да разумѣетъ.

Шрамку была по-сердцу эта надпись (къ-сожалѣнію нынѣ уже закрашенная), потому-что она взята изъ любимаго его Пророка. И-такъ онъ возвысилъ голосъ и прочелъ ее въ-слухъ: *Боже, пріидоша языцы въ достояніе Твое, оскверниша храмъ святый Твой, положиша Іерусалимъ яко овощное хранилище, положиша трупія рабъ Твоихъ брашно птицамъ небеснымъ, плоти преподобныхъ Твоихъ звѣремъ земнымъ, проліяша кровь ихъ яко воду окрестъ Іерусалима, и не бѣ погребаяй. Быхомъ поношеніемъ сосѣдомъ нашымъ, подражненіе и поруганіе сущимъ окрестъ насъ.*

Шрамка тронули эти слова за живыя струны. Онъ оборотился къ своимъ спутникамъ съ одушевленнымъ взоромъ и хотѣлъ имъ выразить свое чувство; но вдругъ остановился, увидѣвши, къ великой свей досадѣ, Запорожца. Если бъ это было не въ церкви, онъ вѣрно не удержался бъ отъ какаго-нибудь восклицанія, несвойственнаго священнической его рясѣ; но теперь онъ только нахмурился, такъ-что глаза его почти закрылись длинными бровями.

Запорожецъ, въ то время, когда мущины были заняты разсматриваніемъ неистолкованныхъ донынѣ арабесковъ Ярославовой гробницы, а женщины покланялись княжеской ракѣ, такъ же усердно, какъ и всякой святынѣ, пробрался въ придѣлъ, сталъ возлѣ окна и не спускалъ глазъ съ предмета,

который такъ занялъ его дикую душу. Его товарищъ глядѣлъ на него изъ дверей съ досадою и удивленіемъ.

Непріятное сообщество этихъ молодцовъ заставило Шрамка оставить святую Софію скорѣе, нежели бы онъ желалъ. Но каково было его удивленіе, когда, пріѣхавши къ Михайловскому монастырю, онъ увидѣлъ на погостѣ тѣ же списы, тѣхъ же коней и самихъ Запорожцевъ, идущихъ къ церковнымъ дверямъ.

— Эка, проклятые гайдамаки! сказалъ онъ съ досадою, уже тутъ! Но врагъ съ ними опричь святаго храма! Поѣдемъ прямо въ Лавру, а сюда заѣдемъ на возвратномъ пути.

— Я, бгатъ, отъ всей души на это согласенъ, сказалъ Череванъ, потому-что, правду сказать, у меня давно уже въ животѣ бурчитъ. Дома давно бъ уже миска варениковъ была уничтожена, *аки снѣгъ отъ лица огня.* Видишь, свате, и я-таки трошки шуплю * *письменскую* мову.

— Да, тутъ она какъ разъ къ-стати! отвѣчалъ Шрамко, не могши удержаться отъ усмѣшки.

Нынѣшній Крещатикъ и Печерскъ, въ описываемую мною эпоху, лежали незаселенною пустынею, изрытою байраками и покрытою лѣсомъ **. Теперь мы въ Печерскій ѣздимъ широкими мосто-

* Немножко смыслю.

** Печерскъ и Крещатикъ были почти необитаемы до начала нынѣшняго столѣтія, и монастыри Печерской горы были въ отношеніи къ Кіеву загородными, какъ теперь Выдубицкій монастырь и Китаевская пустыня.

выми, посреди каменныхъ домовъ, магазиновъ, вывѣсокъ, посреди снующаго взадъ и впередъ народа; тогда пролегала къ нему изъ Верхняго Кіева только узкая *Михайловская стежка,* сперва по склону Михайловской горы мимо Кучовскаго сада, въ которомъ, по мнѣнію тогдашнихъ Кіевлянъ, слетались ночью вѣдьмы *, потомъ черезъ *Введенскую ниву* и *Евсьйкову долину*, на которой теперь Крещатицкій фонтанъ передъ театромъ, а отсюда поднималась она на Печерскую гору, извиваясь между старыми березами и соснами.

Тропа эта протоптана была богомольцами, ходившими изъ Кіева въ Никольскій и Печерскій монастыри. Она была такъ узка, что наши путешественники должны были растянуться гусемъ. Шрамко ѣхалъ впереди, за нимъ Череванъ и такъ далѣе. Нужно замѣтить, что въ то время женщина всегда слѣдовала за мушиною, а не мущина за женщиною, какъ водится нынѣ; потому-то обѣ героини наши занимали въ этомъ ходѣ почти послѣднія мѣста. Одинъ только Василь Невольникъ прикрывалъ ихъ съ-тылу, но и то въ качествѣ слуги.

Неровность дороги, то подымающейся на крутизну, то спускающейся въ байракъ, то обходящей обросшій кустарникомъ бугоръ, заставляла ихъ ѣхать медленно. Но медленность тутъ вознагражда-

* Въ половинѣ XVII вѣка, проповѣдникъ Доминиканскаго Кіевскаго монастыря, Петръ Розвадовскій, исчисляя урочища, которыми владѣлъ тотъ монастырь въ Кіевѣ, упоминаетъ о Типографскомъ дворѣ, находившемся между грунтомъ Жида арендатора и садомъ Кучовскаго, «гдѣ *вѣдьмы слетались*».

лась пріятностью лѣсной прохлады, запахомъ свѣжихъ весеннихъ травъ и цвѣтовъ, и разнообразіемъ мѣстоположеній, измѣняющихся почти на каждомъ шагу. Здѣсь представлялся имъ зеленый косогоръ, по которому густыми купами сверкали молодые цвѣты въ такомъ безпорядкѣ, какъ будто божество живописи, размалевавши эту угрюмую, но прекрасную пустыню раскидистыми вѣтвями, потрескавшимися стволами, корнями, переплетенными съ дикою павиликою, и глинистыми обрывами — и, окончивъ свою работу, отряхнуло пукъ своихъ кистей, и изъ каждаго брызга разцвѣлъ свѣжій цвѣтокъ. Въ другомъ мѣстѣ они наѣзжали на ручей, который вдругъ являлся передъ ними, не-знать откуда, и весело прыгалъ черезъ ветхія колоды повалившихся березъ, какъ бы радуясь солнечному свѣту. Далѣе, сквозь покраснѣвшіе листья дуба-*пѣленя* , синѣла передъ ними перспектива узкой извилистой долины, и черезъ нѣсколько шаговъ закрывалась, какъ занавѣсью, какою-нибудь старою березою, опустившею до самыхъ корней свои вѣтви. Такіе предметы приготовляли душу къ молитвѣ лучше, нежели видъ нынѣшнихъ шумныхъ улицъ, по которымъ гремя и блистая скачетъ въ Печерскую Лавру Кіевская знать, иногда, можетъ быть, слишкомъ далекая отъ тихаго молитвеннаго чувства.

Мать и дочь, углубляясь въ эту пасмурную пустыню, вмѣсто того, чтобъ восхищаться дикими ея

* *Пѣленемъ* называется дубъ, сохраняющій старые сухіе листья въ теченіе всей зимы и весны до новыхъ.

красотами, какъ это свойственно намъ, людямъ образованнымъ, впали въ то раздумье, которое въ простой душѣ заступаетъ мѣсто нашихъ восторговъ— и, при видѣ этихъ уединенныхъ мѣстъ, имъ не разъ противъ воли приходила на мысль какая-нибудь пѣсня, такая жъ пасмурная, такая жъ извилистая, цвѣтистая и полная свободной жизни, какъ и эта пустыня. Но вдругъ онѣ выведены были изъ своей поэтической задумчивости самымъ неожиданнымъ явленіемъ.

По обѣ стороны узкой тропинки раздался конскій топотъ, затрещали сухія вѣтви и между деревьями показались красныя платья двухъ Запорожцевъ. Это были тѣ самые молодцы, которыхъ они оставили въ Михайловскомъ монастырѣ. Женщины почувствовали нѣкоторый ужасъ, особенно, когда вспомнили, что отстали отъ передовыхъ всадниковъ, ибо жупанъ Шрамченка, ѣхавшаго передъ ними, давно уже не былъ виденъ между деревьями.

Запорожцы, повидимому, не нуждались въ тропинкѣ, по которой ѣхали наши богомольцы. Они даже, казалось, вовсе не управляли своими конями; кони какъ будто разумѣли ихъ желаніе, и кружились помежъ деревьями, не опереживая и не отставая отъ испуганныхъ богомолокъ. Женщинамъ страшно было глядѣть, какъ эти бѣшеныя животныя взбирались на бугры, и потомъ бросались съ дерзостью лѣснаго звѣря въ провалье, и исчезали на нѣсколько минутъ изъ виду; только глухой топотъ и храпъ отзывались изъ глубины. Иногда имъ чу-

дилось, что конь опрокинулся и раздавилъ подъ собою отчаяннаго ѣздока; но вдругъ ѣздокъ появлялся надъ ними на возвышенности, въ лучахъ солнца сверкая своими кармазинами.

Въ промежуткахъ между такими ныряньями, Запорожцы вели между собою странный разговоръ, заставлявшій еще болѣе трепетать сердце матери и дочери.

— Вотъ, братъ, дѣвка! кричалъ одинъ. Будь я кусокъ грязи, а не Запорожецъ, если я думалъ, что есть такое чудо на свѣтѣ!

— Э, да ба! отвѣчалъ другой черезъ дорогу. Хоть бачишъ, да не втнешъ!

— Чому не втну! Хочешь, сейчасъ поцѣлую!

— А кіи?

— А що мнѣ кіи? Да будь я чортъ знаетъ что такое, если не готовъ разцѣловать ее передъ всѣмъ Запорожьемъ, хоть бы меня въ тужъ минуту разнесли на сабляхъ!

Путницы наши боялись, чтобъ въ самомъ дѣлѣ онъ не вздумалъ исполнить своихъ словъ; но тутъ встрѣтился глубокій байракъ — и Запорожцы полетѣли въ него, какъ злые духи.

— Василю! сказала Череванша, оборотившись къ своему спутнику; куды се мы заѣхали? Що се зъ нами буде?

— Не бойтесь, пани, отвѣчалъ Василь Невольникъ. Добрые молодцы только шутятъ; они забавляются вашимъ страхомъ.

Это утѣшеніе однако жъ мало подѣйствовало на

встревоженныхъ женщинъ, и онѣ прибавили шагу, чтобъ скорѣй догнать передовыхъ своихъ защитниковъ, мало полагаясь на помощь дряхляго Василя Невольника.

Запорожцы опять показались по обѣ стороны дороги. Платье ихъ было забрызгано грязью, ибо на днѣ байрака было болото, но они не обращали на это никакаго вниманія.

— Гей, брате Богдане Чорногоре! кричалъ опять Запорожецъ Туръ; знаешъ, що я тобѣ скажу?

— А що жъ ты мнѣ скажешъ, побро? отвѣчалъ тотъ. Послѣ того, какъ ты прилипнулъ къ этой бабѣ, наче та муха до патоки, я не надѣюсь услышать отъ тебя ничего путнаго.

— Отъ же брешешъ, брате.

— А ну жъ?

— Скажу тобѣ такую рѣчь, що ажъ оближесся.

— Ого!

— Знаешъ, брате, що? Хоть Сѣчъ намъ и мати, а Великій Лугъ батько, но для такой дѣвчины можно отцураться отъ батька и отъ матери.

— Чи вже бъ то?

— А що жъ?

— А куды жъ?

— Овва!

Тутъ Запорожцы скрылись опять изъ виду. Нашимъ богомолкамъ отъ этаго страннаго совѣщанія стало не веселѣе прежняго, и онѣ начали ѣхать съ возможною для нихъ быстротою. Василь Невольникъ вздыхалъ позади ихъ и говорилъ самъ себѣ:

— Що за любый народъ эти Запорожцы! Охъ, былъ когда-то и я такимъ забіякою, пока лѣта не придавили, да проклятая каторга не примучила!

— Да еще я не то скажу тебѣ! послышался опять грубый голосъ Тура, названнаго такъ не совсѣмъ безъ причины.

— Будетъ съ меня и этого! отвѣчалъ его товарищъ. Хотѣлъ бы я, море, чтобъ слышалъ это батько Пугачъ; тотъ у тебя скоро отбилъ бы охоту къ бабскому племени.

— Нѣтъ, не шутя, Богдане! Какой чортъ будетъ шутить, когда вцѣпятся въ душу такія чорныя брови? Хоть такъ, хоть сякъ, а эта дѣвчина будетъ моею! Чи знаешь що?

— А що?

— Я думаю поглядѣть, що тамъ у васъ за горы?

— Оттакои!

— Такои. Ты не разъ трубилъ мнѣ про нихъ въ уши и порывался бросить наше товариство; не разъ расказывалъ, какъ у васъ добрые юнаки хватаютъ дѣвоекъ *. Отъ же коли хочешь уговорить Кирила Тура промѣнять Сѣчъ на Чорную Гору, то

* Въ Болгаріи и въ Сербіи, по расказу Вуко Караджича, и нынѣ существуетъ обыкновеніе похищать невѣстъ, которыя по этому и называются *отмицами* (отнятыми), а *юнаки*, похитившіе *дѣвойку*, называются *отмичарами*. Молодежь охотно идетъ на дѣвохищеніе, вызывая другъ друга: *Гайде, море, да ти отмемо Милицу дѣвойку*. Весьма часто дѣвохищеніе оканчивается кровопролитіемъ, ибо все село считаетъ себя опозореннымъ, если дастъ увесть дѣвойку, но и отмичарамъ не мало стыда, если должны будутъ возвратиться безъ дѣвойки, а потому когда удается имъ схватить *русу косу* (обыкновенно стараются похитить ее тайно, гдѣ-нибудь у колодезя, что ли), то скорѣе всѣ положатъ свои головы, нежели упустятъ ее изъ рукъ.

уговаривай теперь; и коли хочешь доказать, что ты въ самомъ дѣлѣ не одному товарищу помогъ разжиться на жинку; то доказывай теперь. Схватимъ эту *дѣвойку*, да и гайда въ Чорную Гору!

— И ты оце по правдѣ говоришъ?

— Такъ по правдѣ, якъ то, що я Кирило Туръ, а ты Богданъ Чорногоръ. Съ такою дѣвчиною за сѣдломъ я готовъ скакать хоть къ чорту въ зубы, не то въ Черногорію.

Этотъ открытый заговоръ, не смотря на шуточный свой тонъ, былъ ужасенъ въ устахъ Запорожцевъ—этихъ причудливыхъ и своевольныхъ людей, способныхъ на самыя безумныя затѣи; людей, которые смотрятъ насмѣшливо на жизнь и мало заботятся о томъ, какъ она кончится *. Къ счастію, богомолки въ это время нагнали Шрамка и его спутниковъ, Запорожцы вдругъ исчезли какъ тяжелый сонъ — и уже больше не показывались.

П. Кулѣшъ.

* Любопытно, что даже Турки въ своихъ лѣтописяхъ признали, что «на землѣ нельзя найти народа, который бы менѣе дорожилъ жизнію и менѣе чувствовалъ отвращенія къ смерти, нежели Запорожцы». *(Collectanea z Dziejopisów Tureckich*, I, 181.*)*

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1. *Наблюденія надъ Англіей,* соч. Леона Фоше. Томъ I и II. Парижъ. Гилльоменъ. 1845 (Études sur l' Angleterre, par. M. Léon Faucher).

Многіе отрывки этаго сочиненія уже были напечатаны во Французскомъ журналѣ: Revue des deux Mondes 1843 и 1844 года и частью переведены на Нѣмецкій и даже на Англійскій языкъ. Нынѣ, снова обработанные, они появляются, соединенные въ одно цѣлое, съ новымъ введеніемъ о политическомъ состояніи и учрежденіяхъ Великобританіи. Введеніе начинается разсужденіемъ объ Англійской народной физіономіи, которая въ этомъ народѣ гораздо ярче выражается, нежели во всѣхъ другихъ. Причину врожденной Англичанамъ нетерпимости авторъ полагаетъ въ совершенномъ отсутствіи сообщительности и въ преувеличенномъ чувствѣ сознанія собственнаго своего превосходства надъ всѣми прочими народами. Французы, по мнѣнію Фоше, имѣютъ совершенно противоположный недостатокъ: они слишкомъ большіе космополиты, и трудно въ этомъ отношеніи найти народъ, который походилъ бы на нихъ.

Далѣе авторъ превосходно изображаетъ противоположности, существующія въ Англіи: тамъ можно найтв величайшую свободу и жизнь, ограничен-

ную странными условіями, напр. придворнымъ этикетомъ. За этимъ слѣдуетъ нѣсколько легко набросанныхъ мыслей о могуществѣ денегъ, владѣніи землею, о прозелитизмѣ и религіозномъ фанатизмѣ, и о многихъ противорѣчіяхъ въ общественной жизни и въ правленіи государствомъ. *Наблюденія* собственно начинаются общимъ изображеніемъ Лондона, въ которомъ авторъ не забылъ описать встрѣчаемую тамъ противоположность между самою изысканною роскошью и ужаснѣйшею нищетою. Главную сцену этой картины составляетъ описаніе жизни ткачей въ Спитальфильдѣ и ужасной *торговли дѣтьми* въ Беснальгринѣ. Далѣе онъ подробно описываетъ Вайтъ-чапель, гдѣ живутъ поденщики, мѣнялы и ходячіе торгаши, которые занимаютъ кварталъ, состоящій изъ 4661 дома. Здѣсь смерть собираетъ обильнѣйшую жатву, потому-что не существуетъ болѣе нездороваго мѣста—и даже Голландская чистота ни къ чему бы здѣсь не послужила. Все, восклицаетъ авторъ, обвиняетъ здѣсь Правительство въ беззаботности! И не смотря на то, наемъ комнатки здѣсь ежегодно стоитъ отъ 100 — 200 шиллинговъ и бо̀льшая часть семействъ имѣетъ, обыкновенно одну такую комнатку съ *одною* кроватью. Главное народонаселеніе этаго квартала состоитъ изъ Ирландцевъ и Жидовъ, которые однако превосходятъ Ирландцевъ въ чистотѣ, въ мелкой промышленности и въ болѣе правильномъ образѣ жизни. Фоше сомнѣвается въ томъ, устранитъ ли эту ужасную нищету намѣреніе нѣсколькихъ лордовъ

построить на акціяхъ для этихъ бѣдныхъ дома, въ которыхъ будутъ имѣть попеченіе о здоровьи и чистотѣ. Если этотъ планъ состоится, говоритъ авторъ, то въ нихъ будетъ допущено нѣсколько *избранныхъ!* Слѣдуетъ картина Сентъ-Джильса, квартала, лежащаго въ центрѣ Лондонской жизни и богатства, но куда даже рѣдко осмѣливается проникнуть новая полиція.

Здѣсь авторъ сообщаетъ много любопытныхъ подробностей о безпрерывно возрастающей нищетѣ въ Лондонѣ и переходитъ потомъ къ ремеслу, столь близко соединенному съ бѣдностью. Въ Лондонѣ въ особенности благопріятствуютъ ему положеніе обоего пола рабочихъ на фабрикахъ и ничтожная плата, которую получаютъ бѣдныя дѣвушки, живущія шитьемъ и вышиваньемъ. Самая прилежная швея не можетъ заработать въ день болѣе 40 или 50 коп. мѣдью, потому-что разныя рабочія школы, заведенія для бѣдныхъ и смирительные домà берутъ подобныя работы на-заказъ въ большемъ количествѣ за самую ничтожную цѣну, напр. за шитье дюжины рубашекъ отъ 1 до 2 шиллинговъ! Далѣе, Фоше представляетъ очень подробную параллель преступленій, случающихся въ Лондонѣ и въ Парижѣ. Нормою для Лондона онъ беретъ 1842 г., для Парижа 1841. По-видимому въ Парижѣ обитаетъ несравненно менѣе испорченное народонаселеніе, потому-что преступленія противъ лицъ содержались въ Парижѣ какъ 3 къ 2, а противъ собственности какъ 3 къ 1, не считая 961 случая, каса-

ющагося фальшивой монеты, потому-что деньги — главный кумиръ Парижа. Кромѣ того въ Лондонѣ женской полъ принимаетъ столь обширное участіе въ преступленіяхъ, что въ 1842 г. на 63,124 арестанта приходилось не менѣе 17,686 женщинъ, т. е. по 28 на 100, между-тѣмъ, какъ въ Парижѣ считается только 14—15 на 100; притомъ преступленія женщинъ не уступали въ важности преступленіямъ мущинъ. Воспитаніе дѣтей находится въ страшномъ положеніи: часто шестилѣтнихъ отдаютъ на жалованье опытному вору, или отсылаютъ учиться въ школу мошенниковъ. Безъ сомнѣнія и наказанія, которымъ они подвергаются въ случаѣ поимки, не могутъ возвратить ихъ на путь добродѣтели. За этимъ слѣдуетъ описаніе богатой, трудолюбивой Сити, ея древнихъ, иногда очень дорогихъ обычаевъ, хотя нынѣшняя Сити есть только тѣнь стараго Лондона, который нѣкогда ограничивался одною этою частью города. Число жителей здѣсь не увеличивается, а уменьшается: съ начала XVIII-го столѣтія, когда здѣсь считалось 140 тыс., оно такъ упало, что въ 1841 г. доходило только до 54,626. Напротивъ, оптовыя и мелочныя дѣла увеличиваются въ той мѣрѣ, какъ число жителей уменьшается. Слѣдуютъ описанія лорда-мера, эльдерменовъ, фрименовъ, цѣховъ, огромныхъ доходовъ этаго квартала (900,000 фунт. стерлинговъ ежегодно), Лондонскому или Англійскому банку посвящена особая глава и разсмотрѣно его отношеніе къ Шотландскому и Ирландскому банкамъ. Далѣе авторъ вводитъ

своихъ читателей въ Ливерпуль, городъ, столь важный для Англіи. Сперва онъ бросаетъ общій взглядъ на народонаселеніе большихъ городовъ Европы, безпрерывно возрастающее съ 1800 году, хотя того же нельзя сказать о деревняхъ, которыя Тацитъ называлъ officina gentium. Это явленіе преимущественно поразительно въ Англіи: напр. въ Ланкаширскомъ графствѣ едва ли осталось девять процентовъ къ прежнему народонаселенію деревень; все прочее удалилось въ города, на фабрики, мануфактуры и т. д. Ливерпуль слѣлался потому великъ, что принудилъ море *подойти* къ себѣ (1699) и изобрѣлъ знаменитые доки. Авторъ въ цифрахъ по времени и объему описываетъ проиаводящуюся здѣсь теперь торговлю фабричными произведеніями. Въ 1784 году прибыло въ Ливерпуль изъ Сѣверной Америки въ первый разъ только 8 тюковъ хлопчатой бумаги; теперь Англія получаетъ ежегодно по 800,000 тюковъ, и большая часть этаго количества приходится на Ливерпуль, потому-что этотъ городъ—величайшій и важнѣйшій хлопчато-бумажный рынокъ не только для Англіи, но и для Европы. Въ его магазинахъ находится почти всегда отъ 2 до 300,000 тюковъ. Изъ сравнительной таблицы таможенныхъ доходовъ Лондона и Ливерпуля можно почти заключить, что Ливерпуль возвышается на счетъ Лондона. Въ Ливерпулѣ считаютъ 157 церквей и часовень и одну синагогу; за то ни одинъ городъ, какъ Ливерпуль, не представляетъ столь печальнаго зрѣлища, особенно въ субботу, послѣ обѣда, когда работни-

камъ выдаютъ еженедѣльное жалованье. Картину, начертанную авторомъ, можно почти назвать возмутительною; ее развѣ можно сравнить съ тѣмъ горемъ, которое ожидаетъ домы ткача, его жену и дѣтей. Въ-слѣдствіе возрастающаго числа фабрикъ, здѣсь, какъ въ Лондонѣ и въ другихъ мѣстахъ, безпрерывно увеличивается число преступленій и пороковъ всякаго рода, что доказано таблицами. При этомъ случаѣ авторъ изображаетъ Ливерпульскую, Лондонскую и вообще Англійскую полицію— и, сравнивая ее съ Французскою, доказываетъ, что Французская далеко отстоитъ отъ Англійской, потому-что болѣе старается открыть, нежели предупредить преступленіе. Среднее число лѣтъ жизни каждаго человѣка здѣсь—семнадцать. Изъ этаго нездороваго, въ грязи погрязшаго города, Фоше переходитъ въ Манчестеръ. Кажется, что сама природа благопріятствовали здѣсь труду болѣе, нежели въ прочихъ городахъ, потому-что въ Манчестерѣ много воды, каменнаго угля и, кромѣ того, удобныя пути сообщенія. Надобно удивляться, сколькимъ преслѣдованіямъ должны были подвергнуться и съ сколькими препятствіями бороться изобрѣтатели тѣхъ машинъ, которыя обогатили теперь Манчестеръ и сдѣлали его большимъ городомъ. Вмѣсто 30,000 жителей, считавшихся въ Манчестерѣ лѣтъ 70 тому назадъ, здѣсь живетъ теперь болѣе 300,000. Города, не столь большіе, но не менѣе дѣятельные, каковы Лидсъ, Ольдгамъ, Бьюри, Рошдель, Галифаксъ и т. д. сдѣлалися почти предмѣстіями Манчестера, пото-

му-что соединены съ нимъ желѣзными дорогами. Чужестранецъ, гуляя по чистымъ улицамъ, вовсе не предчувствуетъ, какая жизнь и дѣятельность кипитъ внутри домовъ. Они открываются только послѣ четырнадцати-часовой работы, чтобы выпустить многочисленныхъ работниковъ, которые составляютъ 75 процентовъ всего народонаселенія. Нравственность ихъ находится въ Манчестерѣ на немного высшей степени, нежели въ Лондонѣ и Ливерпулѣ. 30,000 работниковъ даже составили между собою общества, въ которыхъ читаютъ хорошія книги, или слушаютъ лекціи о Химіи, Физикѣ, Исторіи. Не смотря на то, пьянство и бѣдность безпрерывно возрастаютъ въ Манчестерѣ. Состояніе работниковъ немногимъ лучше, нежели въ Ливерпулѣ. Среднее число ихъ жизненныхъ лѣтъ едва ли достигаетъ 18 лѣтъ. Нѣкоторые владѣльцы перенесли свои фабрики *въ села,* чтобы предупредить увеличивающійся физическій и нравственный упадокъ въ фабричныхъ городахъ. Фоше говоритъ очень подробно объ этой моральной сельской мануфактурѣ, и разсматриваетъ все то, что для этаго сдѣлали разныя частныя лица. Преимущественно отличились сэръ Грей, братья Антонъ и Ашвортъ неутомимыми попеченіями о жилищахъ, пищѣ и чистотѣ своихъ работниковъ, о раздѣленіи половъ и о нравственномъ и физическомъ образованіи юношества. Не смотря на то, остается преодолѣть еще много препятствій, чтобы лучше обезпечить здоровье, жизнь и положеніе работника къ хозяину. Авторъ также даетъ свои со-

вѣты и обращаетъ особенное вниманіе на учрежденіе собственныхъ и вспомогательныхъ кассъ, столь важныхъ, напр. въ случаѣ болѣзни. Послѣдняя глава перваго тома содержитъ въ себѣ описаніе *кризисовъ въ промышленности*. Замѣчательнѣйшіе были въ 1819, 1829 и 1841 годахъ. Послѣдній кризисъ продолжался до 1843 года: многіе города, напр. Больтонъ и Стокпортъ, казалось, тогда совершенно вымерли. Бѣдность между работниками, не имѣвшими пропитанія, была безгранична, и съ нею преступленія увеличились на 100 процентовъ. Хотя кризисъ не такъ былъ чувствителенъ въ Манчестерѣ, гдѣ есть много большихъ капиталистовъ, однако мясники и другіе поставщики имѣли сбыту 40 процентами менѣе. Кромѣ того нуждающіеся заложили домашней утвари, кроватей и т. д. на 28,000 фунтовъ стерлинговъ. Утромъ 3000 человѣкъ едва могли дождаться мгновенія, когда раздадутъ супъ. 35,000-амъ семействъ должно было подавать вспоможеніе *въ самомъ необходимомъ* для поддержанія жизни!

Второй томъ начинается описаніемъ богатаго и важнаго мануфактурнаго округа въ западной части графства Йоркъ, описаніемъ Лидса и его окружностей, гдѣ занимаются самыми разнообразными производствами въ большихъ размѣрахъ. Особенною дѣятельностію отличаются полотняныя, суконныя и хлопчато-бумажныя фабрики; но и въ нихъ обнаружились тѣ же гибельныя слѣдствія для тѣлеснаго и духовнаго благосостоянія, о которыхъ мы выше говорили. При этомъ случаѣ авторъ дѣлаетъ разныя

замѣчанія о земледѣліи: положеніе земледѣльцевъ, высасываемыхъ арендаторами, не очень различается отъ положенія фабричныхъ работниковъ. Но всего печальнѣе изображеніе состоянія несчастныхъ дѣтей, употребляемыхъ на фабрикахъ. За горькую судьбу ихъ отвѣтитъ знаменитый Питтъ, который первый указалъ жаловавшимся фабрикантамъ на дешевое употребленіе *этѣхъ силъ*: съ тѣхъ поръ *силы этѣ* злоупотребляются постоянно въ возрастающей прогрессіи. Въ самомъ дѣлѣ, подробности, которыя расказываетъ Фоше, ужасны — и новыя мѣры Англійскаго правительства, вѣроятно, мало принесутъ пользы. За Лидсомъ слѣдуетъ описаніе знаменитаго Бирмингама, гдѣ промышленность приняла какой-то характеръ универсальности. Въ 1780 г. народонаселеніе этаго города простиралось до 50,000. Теперь оно возрасло до 181,000. И здѣсь оказались тѣ же вредныя послѣдствія необыкновенной фабричной дѣятельности. Города Вилльенгаль и Вольвергамтонъ (промышленная пещера, гдѣ созданъ адъ для дѣтей, какъ выражается авторъ), находящіеся недалеко отъ Бирмингама, тѣсно соединены съ нимъ и совершенно отъ него зависятъ. Далѣе авторъ обращаетъ свое вниманіе на низшіе классы народа и на безпокойства, бывшія въ послѣднее время между рабочимъ классомъ, хартистами и т. д. Исторически описываетъ онъ возстаніе въ Гернегиллѣ (1838), безпокойства, причиненныя ребеккаитами въ 1843, возстаніе прядильщиковъ и шерсточесальщиковъ въ Престонѣ въ 1836, опасное

возстаніе хартистовъ, которое окончилось только 1-го Мая 1842 г. Онъ разсматриваетъ обнаружившіяся въ нихъ идеи — и, говоря о духѣ демократіи, замѣчаетъ, что въ Англіи у нея всегда и вездѣ недоставало главы, все приводящей въ порядокъ, потому-что различные классы народа строго отдѣляются другъ отъ друга. О среднемъ классѣ въ Англіи авторъ говоритъ, что онъ только и думаетъ объ аристократіи, любитъ свободу, но не равенство. Особенное вниманіе авторъ обратилъ также на Англійскіе законы о хлѣбѣ, предметѣ чрезвычайно важномъ. Не смотря на многоразличныя перемѣны, они до сихъ поръ не соотвѣтствуютъ своей цѣли и не удовлетворили ни потребностей, ни производителей, потому-что совершенно противорѣчатъ природѣ вещей. Объ anti-corn-law league, составленной многими фабрикантами и другими лицами, авторъ расказываетъ много любопытныхъ подробностей. Вотъ какимъ образомъ участники этаго союза стараются распространить идеи о свободной торговлѣ вообще и слѣдовательно о торговлѣ хлѣбомъ. Еженедѣльно разсылаются изъ Манчестера отъ 60 до 65 тюковъ брошюръ и воскресная газета въ числѣ 20,000 экземпляровъ, чтобы снова возвѣстить этѣ истины всѣмъ избирателямъ въ Англіи. Для прикрытія этѣхъ издержекъ Манчестерскіе фабриканты пожертвовали въ одномъ году 20,000 фунтовъ стерлинговъ. Послѣ этаго авторъ разсматриваетъ, какую роль играетъ въ Англіи аристократія; исторически развиваетъ ея особенности и выказываетъ характе-

ристическіе признаки этѣхъ особенностей. Сочиненіе оканчивается разсужденіемъ о равновѣсіи властей. Авторъ очень живо опровергаетъ мнѣніе Монтескье, будто въ Англіи король, лорды и представители народа *обязаны* взаимно итти впередъ: ему кажется, что аристократической элементъ господствуетъ и имѣетъ надъ прочими огромный перевѣсъ.

Слогъ этаго сочиненія отличается легкостью, которая не утомляетъ читателя, что̀ обыкновенно бываетъ при чтеніи книги, гдѣ главную роль играютъ цифры; даже эта легкость нисколько не вредитъ важности разбираемыхъ предметовъ. Въ подтвержденіе своихъ воззрѣній авторъ безпрерывно приводитъ донесенія извѣстнѣйшихъ Англійскихъ писателей. Конечно главное впечатлѣніе, которое оставляетъ чтеніе цѣлаго сочиненія въ груди чувствительнаго человѣка, непріятно: промышленный элементъ посредствомъ капиталовъ и машинъ развился въ Англіи болѣе, нежели гдѣ-либо; но такъ-какъ страсть къ спекуляціямъ здѣсь не знаетъ никакихъ предѣловъ, то и масса народа безконечно потеряла во внѣшнемъ благосостояніи и въ физическомъ и духовномъ образованіи.

К. Гврцъ.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

1. *Каникулы 1844 года, или Поѣздка въ Москву.* Сочиненіе *Александры Ишимовой.* Въ 12; 270 стран. Спб.

Много было описаній любопытнаго, встрѣчающагося путешественникамъ по дорогѣ отъ Санктпетербурга въ Москву; но мы не помнимъ въ этомъ родѣ ни одной книги, которая бы соединяла въ себѣ столько предметовъ, которая бы представляла ихъ въ такомъ занимательномъ видѣ и такъ отличалась бы новостію, живостію и легкостію расказа, какъ разсматриваемое нами сочиненіе. Въ немъ каждое описаніе отдѣльно сохраняетъ еще свѣжесть и силу впечатлѣнія, которое мгновенно какъ бы переложено въ слова. Необыкновенную цѣну придаютъ книгѣ внесенныя въ нее историческія воспоминанія, дополняющія почти каждый изъ расказовъ о настоящемъ. Преобладающее направленіе сочинительницы состоитъ по-видимому въ томъ, чтобы, пробудивъ полезную любознательность въ душѣ читателей, обратить ее на предметы, драгоцѣнные для сердца, на отечественную исторію, на все, что прекрасно характеризуетъ Русскихъ, ихъ жизнь, нравы, языкъ, религію и общество. Занимательность, полнота и даже художественныя красоты сочиненія, т. е. краски, движеніе, разнообразіе группъ и слогъ, видимо принимаютъ болѣе и болѣе совершенствъ

по мѣрѣ того, какъ вниманіе сочинительницы сосредоточивается въ центрѣ любопытнѣйшихъ явленій, въ сердцѣ Россіи — въ нашей родной Москвѣ и ея историческихъ окрестностяхъ. Читатель проникается умиленіемъ при расказахъ о Московскомъ Кремлѣ, о Сергіевской Лаврѣ, о многихъ другихъ монастыряхъ, о соборахъ и святынѣ, повсюду привлекающей взоры и сердце сочинительницы. Прибавьте къ этому счастливѣйшій выборъ формы для ея книги, въ которой разговоръ, письмо, расказъ, описаніе и размышленіе непринужденно смѣняютъ одно другое — и вы получите понятіе о томъ прекрасномъ расположеніи духа, какое производитъ чтеніе всего этаго. Самый языкъ, вообще натуральный, простой, чистой и живой, безпрестанно принимаетъ оттѣнки описываемыхъ предметовъ. Мы ограничимся указаніемъ на то, что описано въ книгѣ. 1. Новгородъ. 2. Крестцы, Валдай, Вышній Волочокъ, Торжокъ. 3. Тверь и Клинъ. 4. Москва. 5. Донской Монастырь и Кремль. 6. Московскій день, Гостиный Дворъ и Магазины. 7. Симоновъ Монастырь, Терема и Село Коломенское. 8. Кунцово, Александровскій Институтъ. 9. Троицкая Лавра. 10. Хотьковъ Монастырь. Отъѣздъ изъ Москвы.

2. *Воспоминанія Ѳаддея Булгарина.* Отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни. *Часть первая.* Въ 12; XXIII и 332 стран. Спб.

Передъ предисловіемъ къ своей книгѣ сочинитель сказалъ: «Посвящаю доброй женѣ моей, милымъ дѣтямъ моимъ и друзьямъ». Въ предисловіи

же между прочимъ онъ говоритъ: «Талантъ безъ сердца — машина!» И далѣе: «И такъ, почтенные мои читатели, вѣрьте мнѣ, что все сказанное въ моихъ воспоминаніяхъ сущая истина. Никто еще не уличилъ меня во лжи, и я ненавижу ложь, какъ чуму, а лжецовъ избѣгаю, какъ зачумленыхъ». Въ другомъ мѣстѣ: «Предварительно скажу, что я никогда не хвасталъ ничьею дружбой и никакими связями, никогда этимъ не гордился и не буду хвастать и гордиться. Никогда въ жизни я ничего не искалъ, никому и никогда не навязывался, не обивалъ ничьихъ пороговъ, и не задыхался въ атмосферѣ переднихъ». Еще тамъ же говорится: «Много испыталъ я горя, и только подъ моимъ семейнымъ кровомъ находилъ истинную радость и счастіе, и наконецъ дожилъ до того, что могу сказать въ глаза зависти и литературной враждѣ, что всѣ грамотные люди въ Россіи знаютъ о моемъ существованіи. Много сказано (испугавшись прибавляетъ сочинитель) — но это сущая правда». Отрывки, приведенные здѣсь, достаточно свидѣтельствуютъ, въ какой степени сочинитель пристрастенъ къ уклоненіямъ отъ главнаго предмета. Конечно, эта словоохотливость есть также какъ бы характеристическая черта его (если не воспоминаніе, то родъ предчувствія); но она чувствительно вредитъ достоинству книги, заставляя читателя думать, что, можетъ быть, и занимательнѣйшіе изъ расказовъ вошли въ нее по неодолимой наклонности сочинителя къ говорливости. Ежели закрадется въ сердце читателя

подобное предубѣжденіе, то цѣна книги значительно понизится въ его понятіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ не доставится публикѣ и той пользы, которая безъ сомнѣнія была первымъ побужденіемъ сочинителя къ изданію новаго труда его. Выборъ содержанія и современенъ и счастливъ. Что занимательнѣе *Записокъ* человѣка, который самъ говоритъ о себѣ: «Почти двадцать пять лѣтъ сряду я прожилъ, такъ сказать, всенародно, говоря съ публикою ежедневно о всемъ близкомъ ей; десять лѣтъ, безъ малаго, не сходилъ съ коня, въ битвахъ и бивачномъ дыму, пройдя, съ оружіемъ въ рукахъ, всю Европу, отъ Торнео до Лиссабона, проводя дни и ночи подъ открытымъ небомъ, въ тридцать градусовъ стужи или зноя, и отдыхая въ палатахъ вельможъ, въ домахъ гражданъ и въ убогихъ хижинахъ; жилъ въ чудную эпоху, видѣлъ вблизи героевъ, зналъ много людей необыкновенныхъ, присматривался къ кипѣнію различныхъ страстей — и, кажется, узналъ людей»? *Записки* такаго человѣка, котораго выше не выдумаешь и въ повѣствованіи про сказочнаго Наполеона, должны найти читателей повсюду. Кромѣ вышеозначенныхъ совершенствъ, мы ничего не нашли новаго въ книгѣ какъ явленіи художественномъ и даже какъ явленіи литературномъ. Намъ показалось, что въ этихъ воспоминаніяхъ продолжается шутка изъ собранія сочиненій г-на Булгарина же, на которую мы уже указали читателямъ нашимъ (XXIX, 262).

3. *Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ*

Вильны, Ковна, Трокъ, православныхъ монастырей, церквей и по разнымъ предметамъ. Съ приложеніемъ трехъ литографированныхъ рисунковъ. Двѣ части. Въ 4; XCIV—194 и 208 стран. Вильно.

Польза изданія древнихъ памятниковъ словесности исторической и юридической несомнѣнна. Они составляютъ необходимое условіе для прагматической Исторіи. По-этому появленіе въ печати разсматриваемыхъ нами актовъ и грамотъ мы находимъ явленіемъ въ высшей степени важнымъ. Сверхъ того они занимательны даже какъ предметъ историческаго изученія. Для окончательнаго совершенства этаго полезнаго труда недостаетъ только переводовъ на Русскій языкъ подлинниковъ, писанныхъ на Польскомъ, Латинскомъ и старинномъ Руськомъ языкахъ.

4. *Историческій очеркъ Сербскаго государства до конца XV столѣтія. С. Палаузова.* Въ 4; 34 стран. Моск.

Спеціальный историческій трудъ г. Палаузова, въ наше время, достоинъ особеннаго вниманія. Мы живемъ въ эпоху разработки историческаго значенія каждаго изъ Славянскихъ племенъ. Въ книгѣ, разсматриваемой нами, изложена, правда коротко, но занимательно Исторія Сербскаго народа. Онъ между Славянами занимаетъ очень примѣчательное мѣсто и политически и по отношенію къ Славянской литературѣ. Мы увѣрены, что сочинитель, посвятившій труды свои столь важной отрасли Всеобщей Исторіи, не ограничится только этою книгою и пред-

ставитъ намъ разысканія свои касательно прочихъ Славянскихъ народовъ.

5. *Римъ и Италія среднихъ и новѣйшихъ временъ*, въ историческомъ, нравственномъ и художественномъ отношеніяхъ. Соч. *Князя А. Волконскаго*, члена Римской Аркадской Академіи. Въ 2-хъ частяхъ. Въ 8; 344 и 260 стран. Моск.

Этою книгой литература наша соприкасается къ литературѣ Западной Европы. Изслѣдованія автора могутъ привлечь къ его труду вниманіе ученыхъ каждой націи. Онъ избралъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ предметовъ Европейской любознательности. Посвятивъ нѣсколько лѣтъ изученію источниковъ, на которыхъ должно быть утверждено всякое историческое изслѣдованіе, сочинитель представилъ намъ книгу — не компиляцію, а плодъ основательныхъ собственныхъ его занятій. Сколько занимательности въ этомъ сочиненіи! Оно непосредственно принадлежитъ нашему времени, потому-что знакомитъ съ Римомъ Христіанскимъ. Цѣнность достоинства содержанія возвышается еще талантомъ, который художническими совершенствами, красками и слогомъ сообщаетъ сочиненію особенную прелесть. Вотъ чтеніе, которымъ должны заняться люди, ищущіе въ книгахъ пищи, благотворной для ихъ умственныхъ силъ и потребностей дѣятельнаго духа.

6. *Петербургскія вершины*, описанныя *Я. Бутковымъ*. Книга первая. Въ 8; XVI и 168 стр. Спб.

Жаль, что въ этой книжкѣ осталась ошибочка въ заглавіи. Слово *вершина* нейдетъ ни къ городу,

ни къ дому, а употребляется только, когда идетъ рѣчь о деревьяхъ и другихъ остроконечныхъ предметахъ. Въ сочинителѣ книги виденъ талантъ нравоописателя. Онъ умѣетъ схватывать дѣйствительныя, характеристическія черты избираемыхъ имъ предметовъ. Еще занимательнѣе сдѣлаются расказы его, если онъ *неподвижную* описательную прозу оживитъ событіями и тѣмъ сообщитъ болѣе разнообразія и выразительности своимъ литературнымъ картинамъ.

7. *Могила Инока.* Истинное происшествіе XIX столѣтія. Сочиненіе *Ф. Садовникова.* Двѣ части. Въ 16; III и 128 стран. Спб.

8. *Кочубей, генеральный судья.* Историческая повѣсть. *Николая Сементовскаго.* Въ 8; 377 стран. Спб.

9. *Дмитрій Іоанновичь Донской*, или ужасное Мамаевское побоище. Повѣсть XIV столѣтія. Соч. *И. Г.* Въ 18; 122 стран. Моск.

Вотъ три сочиненія, которыхъ предметы заимствованы изъ трехъ разныхъ эпохъ. Но достоинство ихъ оказалось одинаковымъ: всѣ эти сочиненія равно ничтожны, разсматривать ли ихъ со стороны чисто литературной, или вообще художественной. Отсутствіе истины, занимательности и вкуса заставляютъ сожалѣть о потерянномъ времени на ихъ неудачное обработываніе.

10. *Весенній вечеръ*, или собраніе сочиненій. Соч. *Кн. Ив...нисо...* Въ 12; 24 стран. Моск.

Забавные опыты начинающаго учиться авторству.

11. *Воля за гробомъ.* Драма въ двухъ дѣйствіяхъ. Соч. *Ипполита Александрова.* Въ 8; 61 стр. Спб.

12. *Новая школа мужей.* Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Въ стихахъ. Соч. *Р. Зотова.* Въ 8; 118 стран. Спб.

Драма возбуждаетъ смѣхъ, а отъ комедіи навертываются слезы. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не смѣяться, когда дѣйствіе противорѣчитъ естественному смыслу; и какъ не плакать, когда благонамѣренность поступковъ не производитъ никакаго нравственнаго впечатлѣнія и даже отталкиваетъ отъ хорошаго?

13. *Букеты, или Петербургское цвѣтобѣсіе.* Шутка въ одномъ дѣйствіи. Соч. *Гр. В. А. Соллогуба.* Въ 8; 63 стран. Спб.

Въ шуткѣ Гр. Соллогуба мы нашли болѣе сценической красоты, нежели въ драмѣ и комедіи гг. Александрова и Зотова, сложенныхъ вмѣстѣ. Отъ *Букетовъ* чувствуешь запахъ таланта и вкуса. Тутъ есть веселость и игра ума. Тутъ есть знаніе людей и нравовъ эпохи. Мы не противорѣчимъ общему приговору, что безъ Гоголя вѣроятно *Букеты* поднесены бы были публикѣ въ иномъ видѣ, съ другими фразами, и даже при другихъ шуткахъ; но и теперь все же не безъ достоинства они, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что напоминаютъ собою справедливо любимую нынѣ школу.

14. *Отрывки въ стихахъ и прозѣ.* Въ 8; 32 стран. Спб.

См. выше № 10.

15. *Латинско-Русскій словарь.* Въ 12; 312 стр. Моск.

Это учебное пособіе принадлежитъ къ разряду самыхъ обыкновенныхъ и едва ли не безполезныхъ явленій во всѣхъ литературахъ. Составители подобныхъ словарей, сокративъ какой-нибудь изъ старыхъ лексиконовъ, печатаютъ новый, не исправляя въ немъ ни однаго изъ прежнихъ недостатковъ. Этимъ и оканчиваются ихъ ученые подвиги.

16. *Вопросы и задачи изъ Латинской этимологіи.* По грамматикѣ Л. Лейбрехта, съ дополненіями для нижнихъ классовъ 1-ой Московской гимназіи. Въ 8; 40 стран. Моск.

Надобно сознаться, что въ педагогической литературѣ бываютъ очень оригинальныя предпріятія. Не странно бы показалось намъ, если бы встрѣтилась новая брошюра, отдѣльно изданная только по части этимологіи. Но вопросы и задачи изъ этимологіи — это явленіе переноситъ насъ назадъ чуть ли не за столѣтіе.

17. *Руководство къ переводамъ съ Русскаго языка на Нѣмецкій.* Составленное для воспитанниковъ Новгородскаго Графа Аракчеева Кадетскаго Корпуса. Двѣ части. Въ 12; 66 и 116 стран. Спб.

Смотря по особенной цѣли, которой надобно было достигнуть при составленіи этой книги, ея изданіе заслуживаетъ отзывъ одобрительный.

18. *Описаніе новаго числительнаго инструмента*, изобрѣтеннаго *Зелигомъ Слонимскимъ* и удостоеннаго отъ Императорской Академіи Наукъ второстепенной Демидовской преміи. Съ приложеніемъ чертежа. Въ 8; VII и 24 стран. Спб,

Это полезное и удивительное по своей простотѣ изобрѣтеніе превосходитъ все, что ни было придумываемо для производства многосложныхъ счетовъ. Съ помощію инструмента г. Слонимскаго можно механически не только производить со всею вѣрностію умноженіе и дѣленіе, но даже безошибочно извлекать, изъ какаго угодно числа, квадратные корни.

II.

19. *Творенія Святыхъ Отцевъ въ Русскомъ переводѣ,* издаваемыя при Московской Духовной Академіи. Томъ *третій*. Книжка *третія*. Въ 8; 248 стр. Моск.

20. *Достопамятности Москвы*. Изданіе *Корнилія Тромонина. Лицевыя изображенія конца XVI столѣтія* съ замѣчаніями на нихъ. Моск.

21. *Отчетъ Общества для снабженія бѣдныхъ одеждою* за 1844—45 годъ. Въ-листъ; 3 стран. Спб.

22. *Шестый отчетъ* Высочайше *учрежденнаго въ Москвѣ Комитета для разбора и призрѣнія просящихъ милостыни* о распоряженіяхъ его въ 1844 году. Въ 8; 36 стран. Моск.

23. *Мѣсяцословъ на 1846 годъ*. Съ портретомъ Е. И. В. Государя В. К. Михаила Николаевича. Въ 8; 264 стран. Спб.

24. *Медицинскій Энциклопедическій лексиконъ.* Книжка *тринадцатая и четырнадцатая*, обработанныя *Леемъ.* Въ 8; 252 стран. Спб.

25. *Народная медицина*, примѣненная къ Русскому быту и разноклиматности Россіи, изданная докторомъ медицины и хирургіи *А. Чаруковскимъ.* Отдѣлъ *второй.* Сохраненіе здоровья. Часть *четвертая.* Отдѣлъ *третій.* Наружныя болѣзни. Часть *шестая.* Въ 8; 282 и 318 стран. Спб.

26. *Патологическая анатомія Рокитанскаго.* Книжка *третія.* Въ 8; 567—914 и XII стр. Моск.

27. *Труды* Императорскаго *Вольнаго Экономическаго Общества 1845. № 5.* Въ 8; съ 21—54, 151—238, съ 34—96 и съ 29—52 стран. Спб.

28. *О всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи на религіозно-нравственномъ основаніи.* Въ 8; 55 стран. Моск.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

1. *Мери и Флора, Повѣсть для дѣтей.* Переводъ съ Англійскаго *Александры Ишимовой.* Въ 12; 270 стран. Спб.

Для молоденькихъ читательницъ и читателей едва ли когда такъ счастливо была выбрана и такъ прелестно переведена иностранная книжка, какъ *Мери и Флора.* Все въ ней дышетъ живостію, граціею и безпрерывною занимательностію. А сколько трогательнѣйшихъ положеній, умилительныхъ и веселыхъ сценъ! Разнообразіе эпизодовъ, игривость и увлекательность характеровъ, жизнь со всѣми ея заманчивыми событіями — все очаровываетъ читателя. Сторона нравственная и художническая доведены здѣсь до полнаго своего совершенства. Мы поздравляемъ читателей этой книжки съ неописаннымъ наслажденіемъ, которое ихъ ожидаетъ.

2. *Объ обязанностяхъ человѣка,* наставленіе юношѣ. Соч. *Сильвіо Пеллико.* Перевелъ съ Итальянскаго и издалъ *Ев. Серчевскій.* Въ 8; 199 стран. Моск.

Нѣтъ надобности говорить о духѣ и направленіи нравственныхъ началъ Сильвіо Пеллико. Кому неизвѣстенъ этотъ возвышенный, по-преимуществу Христіанскій писатель? Его книги достойны всеоб-

щаго изученія. Очень пріятно, что за переводъ разсматриваемаго нами сочиненія Пеллико взялся человѣкъ, хорошо владѣющій Русскимъ языкомъ и хорошо знающій по-Итальянски. Это причиною, что, читая серьёзное сочиненіе, не чувствуешь того утомленія, какое на всѣхъ такъ часто наводятъ переводы.

3. *О способѣ взаимнаго обученія по системѣ Белля, Ланкастера и другихъ.* Съ изложеніемъ развитія и успѣховъ его въ Англіи, Франціи и другихъ странахъ. Сочиненіе *Іосифа Гамеля.* Переводъ съ Нѣмецкаго. Съ 12-ю чертежами. Въ 8; 179 стр. Спб.

Заглавіе книги вполнѣ оправдывается ея содержаніемъ. Тутъ собраны любопытнѣйшія подробности касательно предмета, столь важнаго для ученія первоначальнаго. Люди, чувствующіе потребность привести въ исполненіе методу взаимнаго обученія, найдутъ здѣсь для себя руководство самое удовлетворительное. По-Русски книга издана съ видимымъ знаніемъ и языка и дѣла.

4. *Записки Дюка Лирійскаго и Бервикскаго во время пребыванія его при* Императорскомъ *Россійскомъ Дворѣ въ званіи Посла Короля Испанскаго.* 1720—1730 год. Переводъ съ Французскаго *Д. Языкова.* Въ 8; 217 стран. Спб.

Герцогъ Лирійскій отправленъ былъ въ качествѣ Посла въ Россію Королемъ Филиппомъ V, когда здѣсь царствовала Императрица Екатерина I. Прежде-нежели Посолъ прибылъ къ нашему Двору, Императ-

рица скончалась—и на престолъ вступилъ Петръ II. Эту эпоху и описываетъ сочинитель, проживший въ России три года. Въ подлинной книгѣ есть расказы и о другихъ земляхъ; но переводчикъ избралъ исключительно то, что касается Россіи, обогативъ переводъ дополненіями своими и примѣчаніями.

5. *Записки полковника Дювара*, побочнаго сына Наполеона. Историческій романъ въ трехъ отдѣлахъ. Въ 12; 330 стран. Спб.

Подлинникъ и переводъ равно не заслуживаютъ вниманія. Это одна спекуляція, основанная на заманчивомъ титлѣ героя.

6. *Карманная библіотека. Графъ Монте-Кристо*, романъ *Александра Дюма*. Полный переводъ *В. Строева*. Часть *первая, вторая и третья*. Въ 18; 172, 175 и 174 стран. Спб.

7. *Карманная библіотека. Три мушкатера*. Романъ *Александра Дюма*. Переводъ съ Французскаго. Часть I. Въ 16; 163 стран. Спб.

Не неудачно попался издателямъ эпитетъ къ библіотекѣ: «*карманная*». Дѣйствительно, у нея нѣтъ другаго стремленія, какъ въ карманы покупщиковъ. Посмотрите, съ какою поспѣшностію литературные ремесленники переводятъ каждый вновь появляющійся въ Парижѣ романъ. Они *переводятъ*, принимая это слово въ обоихъ его значеніяхъ. Между-тѣмъ у издателей вѣрно есть для этихъ переводовъ и особые значки, совсѣмъ непонятные публикѣ. Въ одномъ мѣстѣ говорится: *полный* переводъ такаго-то. Въ другомъ *просто* переводъ. Кому любо-

пытны подобные оттѣнки? Ежели находятся читатели для такихъ подрядныхъ переводовъ; то имъ все равно, какъ и кто бы ни переводилъ.

8. *Графъ Монте-Кристо*. Романъ *Александра Дюма*. Выпускъ *1, 2 и 3*. Въ 8; 68 стран. Спб.

9. *Экономическая библіотека. Три мушкатера*. Романъ *Александра Дюма*. Переводъ съ Французскаго. Часть *первая*. Въ 16; 163 стран. Спб.

Вмѣсто «*карманной*» вотъ и «*экономическая*» библіотека. Это названіе менѣе удачно, потому-что изысканно и темно. Можно подумать, что тутъ собраны статьи изъ извѣстнаго «*Эконома*». Но такъ-какъ содержаніе библіотекъ «*карманной*» и «*экономической*»» одно и тоже; такъ-какъ въ ихъ стремленіи разности не видно — а ужъ о литературныхъ здѣсь совершенствахъ и говорить нѣтъ надобности: то ясно, что для читателей все равно — за ту, или за другую платя — брать изъ «*кармана*» деньги. И-такъ всѣ эти предпріятія чисто-карманныя, а не экономическія.

II.

10. *Всемірная Исторія К. Ф. Беккера*. Переводъ съ Нѣмецкаго, изданный *Николаемъ Гречемъ*. Отдѣленіе *второе*. Средняя Исторія. Часть *шестая*. Въ 8; 445 стран. Спб.

═

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

1. *Битва Русскихъ съ Кабардинцами*, или прекрасная Магометанка, умирающая на гробѣ своего супруга. Русская повѣсть въ двухъ частяхъ. Съ военными маршами и хорами. Сочиненіе *Н. Зряхова*. Изданіе *пятое*. Въ 18; 122 и 130 стран. Моск.

2. *Объ отравленіи виномъ*. Сочиненіе *Гуфеланда*. Изданіе *второе*. Въ 16; 14 стран. Спб.

3. *Берегись первой чарки!* Изданіе *четвертое*. Въ 16; 12 стран. Спб.

4. *Краткая Европейская метрологія*, или описаніе главныхъ мѣръ, вѣсовъ и монетъ, въ Европѣ нынѣ употребляемыхъ. Изданіе *второе*, исправленное. Сочиненіе *Ѳ. Петрушевскаго*. Въ 8; 122 стран. Спб.

ОСМАНЫ.

(Продолженіе.)

Турецкая имперія, и при неспособности большей части султановъ послѣ Солимана, могла бы удержаться на степени силы, страшной ея врагамъ, если бы намѣстники султановъ, визири-аасамы, т. е. великіе визири, могли вполнѣ замѣнять султановъ, какъ на полѣ битвъ, такъ и въ дѣлахъ государственнаго устройства. Правда, нѣкоторые изъ нихъ были люди съ большими дарованіями; но, ограниченные произволомъ султановъ и даже преслѣдуемые ихъ завистію, они чувствовали себя слишкомъ стѣсненными на поприщѣ своихъ дѣйствіи. Къ-тому же, съ теченіемъ времени, значеніе ихъ упало до такой степени, что они пришли въ совершенную зависимость отъ любимцевъ сераля, женъ султановъ и даже эвнуховъ, которые дѣлали все, что хотѣли. Можно ли было ожидать чего хорошаго для государства отъ такихъ правителей? Это постепенное паденіе достоинства визирей изложено очень интересно у Ранке.

«Власть великаго визиря при Селимѣ II была ввѣрена человѣку самому способному, именно Мехмету, бывшему родомъ изъ Босніи. Онъ былъ взятъ изъ дому своего дяди, приходскаго священника въ Сабѣ,

помѣщенъ какъ молодой невольникъ въ сералѣ, и тамъ постепенно возвысился до столь великаго достоинства. Рѣдко Селимъ говорилъ съ другими, кромѣ его. На него обыкновенно возлагалъ онъ заботу о всѣхъ своихъ дѣлахъ до такой степени, что всѣ предложенія иностранныхъ пословъ, всѣ депеши изъ внутреннихъ провинцій государства адресовались на его имя — и онъ на все давалъ рѣшеніе. Онъ былъ уполномоченъ опредѣлять ко всѣмъ должностямъ, раздавать всѣ достоинства и почести. Все судопроизводство гражданское и уголовное лежало на немъ. Можно, слѣдовательно, вѣрить Барбаро, когда онъ говоритъ, что Мехметъ былъ единственнымъ въ имперіи ухомъ, которое выслушивало, и единственною головою, которая рѣшила дѣла. Счастіе и несчастіе, имущество и жизнь всѣхъ подданныхъ находились въ рукахъ невольника изъ Сабы. Непонятно, какъ успѣвалъ онъ все дѣлать. Онъ не только съ ранняго утра до полудня, въ продолженіе четырехъ дней публичнаго дивана, давалъ аудіенціи для рѣшенія тяжебъ, столь разнообразныхъ, что драгоманъ Венеціанскій считалъ долгомъ присутствовать при этѣхъ аудіенціяхъ, чтобы имѣть возможность тотчасъ отвѣчать на всякую неожиданную жалобу, приходящую съ границъ; но онъ еще въ собственномъ своемъ домѣ во всѣ дни и даже въ дни дивана послѣ часовъ публичной аудіенціи выслушивалъ жалобы и рѣшилъ ихъ. Самый послѣдній человѣкъ былъ допускаемъ къ нему. Зала его всегда была наполнена народомъ. Не смотря на

то, въ ней не слышалось ни малѣйшаго шума. Только раздавался голосъ просителя, или секретаря, читавшаго просьбу, Рѣшеніе давалось немедленно. Оно было неизмѣнно и удовлетворяло обыкновенно тѣхъ, къ которымъ относилось. Множество подарковъ, состоявшихъ въ невольникахъ, лошадяхъ, великолѣпныхъ тканяхъ, шелковыхъ матеріяхъ и особенно въ золотыхъ вещахъ, стекалось со всѣхъ сторонъ въ его жилище, въ которомъ, говоритъ Барбаро, находится источникъ золота. Рѣки золота и серебра сливаются туда, говоритъ также Флоріани. Но Мехметъ былъ не изъ такихъ людей, которые запираютъ свои сокровища. Три тысячи человѣкъ питались каждый день его столомъ. Во многихъ мѣстахъ Европы и Азіи виднѣлись мечети, бани, водопроводы, мосты и плотины, которые онъ приказалъ соорудить на свой счетъ. Онъ устроилъ съ особеннымъ тщаніемъ караванъ-сараи, въ которыхъ путешественники безденежно снабжались, въ продолженіи трехъ дней, хлѣбомъ, рисомъ и говядиною, также фуражемъ для лошадей.

Мехметъ не возгордился однако счастіемъ, властію и величіемъ. Это былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ между Турками людей, о которыхъ память дошла до насъ. Онъ постоянно казался добрымъ, миролюбивымъ, воздержнымъ и набожнымъ, не будучи ни мстительнымъ, ни корыстолюбивымъ. Въ 65 лѣтъ онъ былъ еще исполненъ силы и мужества, статенъ, высокъ и величественъ. Ежели и въ правильно-устроенныхъ государствахъ самая труд-

ная задача — воспрепятствовать произволу высшихъ сановниковъ, то особенно замѣчательно, что и деспотизмъ въ нѣкоторой степени рѣшитъ эту задачу, правда не посредствомъ законовъ, но произволомъ самаго деспота. Мехметъ видѣлъ, что его счастіе и жизнь зависятъ отъ малѣйшей ошибки, отъ ничтожной погрѣшности, которыя могли бы произвести дурное впечатлѣніе на султана. Кромѣ великаго визиря въ то время находилось при Портѣ еще нѣсколько другихъ визирей, которыхъ должность хотя и состояла только въ томъ, чтобы приводить въ исполненіе приказанія султана, но эти визири иногда имѣли доступъ къ султану, на пр., когда онъ верхомъ отправлялся въ мечеть, или, сидя на лошади, судилъ дѣла, и еще въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Между ними было два сильныхъ противника Мехмета: Піали, одинъ изъ зятей Селима, и Мустафа, рѣшившій судьбу сраженія Селима съ Баязетомъ, и потому считавшій себя въ большой милости у султана. Имъ удавались иногда нѣкоторые планы противъ Мехмета. Когда Селимъ вздумалъ прославить свое царствованіе какимъ-нибудь завоеваніемъ, мнѣніе ихъ было напасть на Кипръ; Мехметъ же полагалъ, что надобно предпринять походъ болѣе отважный. Султанъ, по характеру своему, согласился на предпріятіе болѣе легкое. Такъ-какъ оно удалось чрезвычайно скоро, то это должно было сдѣлаться опаснымъ для Мехмета. Въ немъ замѣчали сильное душевное волненіе, когда онъ говорилъ о преслѣдованіяхъ со стороны враговъ своихъ. Онъ удво-

илъ бдительность и благоразуміе, и съ безконечными предосторожностями приступалъ даже къ самымъ неважнымъ дѣламъ. Для того, чтобы не возбудить ненависти враговъ своихъ, онъ не хотѣлъ даже украшать Константинополь постройками, и соорудилъ только маленькую мечеть, бывшую памятникомъ его несчастій. Замѣтимъ, что онъ былъ зять султана и похоронилъ въ этой мечети своихъ 12 дѣтей.

При трехъ султанахъ умѣлъ онъ удержаться въ званіи великаго визиря. Двое послѣднихъ, Селимъ и Амуратъ, были обязаны ему мирнымъ восшествіемъ на престолъ. Благопріятствуя Селиму, онъ скрылъ смерть Солимана подъ Сигетомъ. Когда не стало Селима, онъ скрылъ также и его кончину, и тайно пригласилъ молодаго Амурата прибыть изъ Азіи. Мехметъ привѣтствовалъ его въ садахъ, куда онъ явился ночью, и провелъ его въ султанскія комнаты. Вся власть, казалось, находилась тогда въ его рукахъ. Говорятъ, онъ попросилъ султана подождать нѣсколько времени, приказалъ призвать его мать и спросилъ у нея, точно ли Амуратъ — сынъ ея. Послѣ утвердительнаго отвѣта съ ея стороны, онъ поднялъ руки къ небу, воздалъ хвалу Богу, и первый произнесъ молитву о благоденствіи новаго султана.

Ежели произвольная власть султановъ была не безполезна въ отношеніи къ визирямъ, пока она заключалась въ извѣстныхъ границахъ; то власть эта, руководимая одною недовѣрчивостію, а не бла-

горазумiемъ, будучи употребляема слишкомъ часто въ дѣло, должна была сдѣлаться гибельною.

Уже власть Мехмета, столько заслуженная имъ, наводила раздумье на Амурата — и онъ подкрѣплялъ другихъ визирей во враждѣ противъ Мехмета, великаго визиря. Но Мехметъ, не испытавъ еще явныхъ преслѣдованiй, былъ умерщвленъ однимъ тимарлiемъ, раздраженнымъ противъ него за то, что онъ лишилъ его, и можетъ быть справедливо, тимара. Убiйца этотъ прокрался въ домъ великаго визиря подъ одеждою нищаго. Съ Мехметомъ, говоритъ Флорiани, померкла доблесть Турокъ.

Могущество и власть визирей послѣ него уже не имѣли прежняго значенiя. Быстро одинъ за другимъ слѣдовали визири, совершенно противоположные по качествамъ. Тотъ Мустафа, который сражался противъ Баязета и на островѣ Кипрѣ, вступилъ въ исправленiе должности великаго визиря. Сначала противникъ, потомъ преемникъ Мехмета, онъ былъ впрочемъ старикъ добрый и открытый врагъ всякаго лихоимства. Хотя ему было уже 80 лѣтъ, и наружность его была отвратительная (густыя брови осѣняли его глаза и угрюмое лицо), хотя онъ прославился, особенно на островѣ Кипрѣ, своими жестокостями; но онъ умѣлъ скрывать буйное настроенiе души своей посредствомъ прекрасныхъ прiемовъ, льстивыхъ словъ и движенiй вообще прiятныхъ.

Ему поручено было только на нѣкоторое время исправленiе должности великаго визиря; — и его не утверждали въ этомъ достоинствѣ. Честолюбiе

его далеко не удовлетворялось этими неполными почестями — и печаль, которую онъ чувствовалъ, не получая печати имперіи, говорятъ, была до такой степени сильна, что довела его до самоубійства.

Между второстепенными визирями былъ одинъ Альбанецъ изъ окрестностей Скутари, по имени Синанъ, который, уцѣлѣвъ одинъ изъ семи братьевъ, заключенныхъ съ нимъ въ сералѣ, достигъ однаго изъ четырехъ верховныхъ достоинствъ, именно достоинства *ттокодара* *. Пользуясь ссорою Мустафы и Мехмета, онъ снискалъ расположеніе послѣдняго, и потомъ, замѣтивъ непріязнь султана къ Мехмету, умѣлъ вкрасться въ милость Амурата до такой степени, что онъ вручилъ ему визирскую печать.

Западные писатели находили поразительное сходство между этимъ визиремъ и кардиналомъ Гранвеллою, сходство, не дѣлающее большой чести послѣднему. Безстыдство Синана было безгранично. Громко смѣялся онъ, когда думалъ, что испугалъ кого-нибудь своими хвастливыми выходками. Нѣкоторые изъ его военныхъ походовъ въ Аравію и на берега Африки дѣйствительно увѣнчались успѣхомъ. Отправляясь въ походъ противъ Персовъ, Синанъ съ нахальствомъ предсказывалъ, что онъ схватитъ шаха въ Казбинѣ и приведетъ его въ Константинополь. Но, возвратясь изъ похода, не только безъ шаха, но и безъ военной добычи, онъ хвалился однако еще тѣмъ, что завоевалъ земли для пяти-

* Ттокодаръ обязанъ былъ носить эпанчу султана.

десяти санджаковъ. Между-тѣмъ, какъ, въ продолженіе этаго несчастнаго похода противъ Персовъ, Синанъ внушалъ, что нуженъ шахъ для того, чтобы побѣдить шаха, онъ впалъ въ немилость.

Его преемникъ, Кроатецъ, по-имени Сціаусъ, былъ совершенно противоположнаго характера—статный, пріятной наружности, добрый, привѣтливый и опытный. Онъ вѣрно не ожидалъ такаго возвышенія въ тотъ день, когда, сопровождая сестру свою, ѣхавшую къ мужу, онъ былъ вмѣстѣ съ другимъ своимъ братомъ и сестрою схваченъ на дорогѣ Турками и отведенъ въ неволю. По особенной прихоти счастія, самое это несчастіе было источникомъ его послѣдующаго величія.

Амуратъ пренебрегъ потомъ и обычаемъ, освященнымъ его предшественниками — дѣлать высшими государственными сановниками и визирями только невольниковъ. Османъ-паша былъ единственный изъ всѣхъ генераловъ, прославившійся въ войнѣ противъ Персовъ. Хотя отецъ его былъ беглеръбей, а мать — дочь беглеръ-бея, хотя онъ происходилъ отъ одной изъ первѣйшихъ фамилій въ государствѣ, не смотря на то, султанъ выбралъ его великимъ визиремъ. Но скоро послѣ избранія Османъ поплатился жизнію за свои отважные походы противъ Персовъ.

Потомъ Амуратъ удалился еще болѣе отъ обычая своихъ предшественниковъ. Онъ возвращалъ должность великаго визиря, правда очень не на долго, тѣмъ, которыхъ самъ прежде отрѣшалъ.

Быстро одинъ за другимъ слѣдовали опять Синанъ, Сціаусъ и третій по-имени Ферагъ. Установленъ былъ особенный церемоньялъ для отрѣшенія визирей: посолъ Султана неожиданно являлся въ комнаты, назначенныя для визиря, требовалъ у него печати, которую онъ носилъ на груди, дѣлалъ знакъ удалиться и въ глазахъ его запиралъ дверь. Дверь эта отворялась для его преемника, котораго подобная же участь ожидала чрезъ нѣсколько времени. Каково бы ни было побужденіе къ этимъ быстрымъ перемѣнамъ визирей, недовѣрчивость ли со стороны султана, или особенная способность его получать скорое отвращеніе къ своимъ слугамъ; но многіе думали, что и жажда къ золоту играла тутъ важную роль. Синанъ далъ разъ 100 тысячъ, въ другой 200 тысячъ цехиповъ, чтобы поддержать себя въ колеблющейся милости у султана. Капуданъ Цикала не скрывалъ, что онъ былъ принужденъ совершить походъ для того, чтобы имѣть возможность изъ военной добычи дать султану 200 тысячъ цехиновъ и тѣмъ предупредить свое отрѣшеніе отъ должности. Одинъ изъ его соперниковъ дѣйствительно уже былъ призванъ ко Двору.

Въ такомъ же положеніи оставались дѣла и при преемникахъ Амурата. При Ахметѣ, визири, совершенно противоположные по характеру, смѣнялись безпрестанно одинъ другимъ. То былъ визиремъ Мехметъ, человѣкъ миролюбивый, спокойный, только очень нерѣшительный, выслушивавшій терпѣливо каждое возраженіе и старавшійся из-

слѣдовать причины, приводимыя въ защиту дѣла. То былъ визиремъ Насуфъ, Альбанецъ раздражительный и наглый, дававшій аудіенціи противъ воли, всегда расположенный принять сильнѣйшую сторону. Венеціанецъ Байло жаловался, что онъ съ Насуфомъ носится по океану затрудненій. Этѣ внутреннія революціи, въ короткое время измѣнившія султановъ, необходимымъ результатомъ имѣли и измѣненіе духа администраціи. Визирь сдѣлался слишкомъ зависимымъ отъ капризовъ султана, и потому не имѣлъ уже столько власти, чтобы поправлять ошибки послѣдняго.

Ежели султанъ самъ не способенъ управлять имперіею, ежели визирь, съ другой стороны, не имѣетъ средствъ пріобрѣсти независимость и утвердиться на мѣстѣ, безъ чего невозможно успѣшное управленіе дѣлами; то кому же принадлежитъ это управленіе? Гдѣ побудительная причина внутренняго движенія государства?

И здѣсь повторилось то, что обыкновенно встрѣчается въ деспотическихъ государствахъ восточныхъ: установился новый образъ управленія посредствомъ любимцевъ сераля, матерей, супругъ султановъ, или эвнуховъ.

Мы уже видѣли, какою властію пользовалась Роксолана. При Амуратѣ III женщины имѣли также большую силу, и Синанъ главную свою защиту находилъ въ покровительствѣ одной Альбанки, своей соотечественницы, находившейся въ гаремѣ.

При этомъ султанѣ важнѣйшія дѣла государ-

ственныя были уже не въ его рукахъ и не въ рукахъ визиря. Между-тѣмъ, какъ всѣ достоинства были шатки, капу-агасси, ага *дверей счастія* (говоря Турецкимъ слогомъ), министръ Двора и начальникъ бѣлыхъ эвнуховъ, удерживался одинъ въ милости у Амурата. Онъ умѣлъ льстить причудамъ своего повелителя, то выписывая изъ Венеціи наряды для невольницъ его гарема (иногда онъ требовалъ для нихъ предметовъ совершенно невозможныхъ), то доставляя пріятные подарки, какъ на прим. золотую вазу, наполненную благовоннымъ масломъ и т. п. Онъ приказалъ однажды во внутренности сераля безъ вѣдома Амурата построить великолѣпную галлерею. Ее поставили на одномъ изъ самыхъ лучшихъ мѣстъ сада, откуда взоръ простирался на оба моря. Потомъ онъ открылъ галлерею предъ изумленнымъ Амуратомъ и предложилъ ее въ подарокъ ему. Такимъ образомъ онъ вполнѣ привязалъ къ себѣ султана — и не мудрено, потому что онъ находилъ тысячи случаевъ, которые могъ употребить въ свою пользу. Такъ-какъ одинъ онъ представлялъ челобитныя и докладывалъ султану о всѣхъ новостяхъ, то ему легко было пріобрѣсть вліяніе на его мнѣніе. Часто онъ доставлялъ свободу тѣмъ, которыхъ заключали паши; нерѣдко удавалось ему уговаривать султана къ изданію указовъ, совершенно противныхъ тѣмъ, которые только-что были изданы, такъ-что паши не знали уже болѣе, что и какъ имъ дѣлать.

Этотъ новый образъ управленія нечувствительно

перешелъ въ обычай. Одна изъ супругъ Ахмета имѣла надъ нимъ такую власть, что онъ никогда не отказывалъ ей въ томъ, чего она просила. Она одна обладала его любовью — и, не смотря на то, кизляръ-ага, т. е. начальникъ черныхъ эвнуховъ и собственно гарема, пользовался властію еще бо̀льшею. Его всегда слушалъ султанъ, котораго волю онъ нѣкоторымъ образомъ держалъ въ своихъ рукахъ. Сколько предпріятій, по его проискамъ, не удалось Насуфу? По наружности, пріемамъ и множеству слугъ онъ почти походилъ на султана. Чтобы успѣть при Дворѣ, необходимо было пріобрѣсть благосклонность обоихъ любимцевъ — и самымъ первымъ стараніемъ посланниковъ было достигнуть этой цѣли. Для привлеченія на свою сторону султанши, дарили ей рѣдкія благовонія и драгоцѣнныя воды. Но труднѣе было сладить съ кизляръ-агою. Большія птицы, говоритъ Вальери, требуютъ хорошей пищи; трудно подкупить за дешевую цѣну людей, у которыхъ денегъ очень много.

Такъ внутри гарема образовалась власть, противоположная власти визирей, управлявшая ими и даже смѣнявшая ихъ. Это не была власть, руководимая мыслію объ общей пользѣ имперіи, ни о частной пользѣ султана: это была своекорыстная власть женъ и эвнуховъ, ставшихъ во главѣ этаго воинственнаго государства.

Гаремъ имѣлъ еще другое вліяніе. Когда султаны начали, не только сестеръ своихъ, но и дочерей и невольницъ, выдавать замужъ за вельможъ,

то, въ слѣдствіе того, и нравы сераля перешли въ дома частныхъ людей. Какъ удалились тогда Османы отъ первоначальной простоты жизни лагерной! Сѣдалища свои они обивали теперь парчею, покрывались лѣтомъ самыми легкими шелковыми тканями, а зимою драгоцѣнными мѣхами. Пара башмаковъ знатной Турчанки стоила цѣлаго наряда принцессы Европейской. Не довольствуясь простыми кушаньями, Турки, со временъ Солимана, превзошли роскошью стола Итальянцевъ.

Безъ сомнѣнія пышность эта оказала пагубное вліяніе на людей нисшаго сословія, пріучивъ ихъ мало по малу къ роскоши. Но она была еще гибельнѣе для вельможъ, которые, по примѣру султана, принуждены были увеличивать свои издержки, а потому дѣлать и соглашаться на все для денегъ. Ежели воспитаніе во дворцѣ султана невольниковъ, назначенныхъ для высшихъ должностей, сопровождалось выгодными для государства результатами, то эти результаты теперь совершенно уничтожились.

Правосудіе сдѣлалось продажнымъ. Всѣ достоинства, безъ исключенія, принадлежали тому, кто болѣе платилъ. Но такъ-какъ можно было опять лишиться всего въ одну минуту, то тираннія, притѣсненіе, опустошеніе народонаселенія и отчаяніе были повсюду печальными плодами такаго порядка вещей. Правда, народонаселеніе Константинополя увеличилось частію потому, что каждый считалъ себя болѣе безопаснымъ въ столицѣ, нежели въ провинціяхъ подъ управленіемъ санджакъ-беевъ и

ихъ вассаловъ, частію и потому, что промышленность въ Константинополѣ давала болѣе средствъ къ жизни, нежели земледѣліе въ провинціяхъ; но за то имперія вообще значительно уменьшилась.»

Далѣе слѣдуетъ объ упадкѣ войска, главной подпоры могущества имперіи Оттоманской.

»Испорченность султановъ и измѣненіе къ худшему образа правленія Оттоманской имперіи происходили, какъ мы видѣли, отъ одной причины въ томъ смыслѣ, что послѣднее было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ первой.

Таже самая причина произвела и другія важныя перемѣны, которыя при первомъ взглядѣ кажутся независимыми отъ нея, но которыя тѣмъ не менѣе были ея необходимымъ, хотя непрямымъ и отдаленнымъ результатомъ.

Подобно главѣ своему, это воинственное государство значительно измѣнилось. Особенно это должно сказать о корпусѣ янычаръ, который можно было назвать нервомъ и опорою имперіи Оттоманской.

Всѣмъ извѣстно, какъ много значили янычары въ первыя времена. Извѣстно также, чѣмъ они кончили свое поприще. Но меньше всего знаютъ о томъ, что всего интереснѣе, именно — какимъ образомъ они падали.

Посредствомъ данныхъ, заключающихся въ нашихъ реляціяхъ и еще нѣкоторыхъ другихъ, есть возможность узнать нѣсколько степеней измѣненія, которымъ подверглись янычары.

Замѣтимъ прежде всего, что въ-началѣ имъ за-

рещенъ былъ бракъ, и долго сохранялся обычай, е позволявшій ни одной женщинѣ приближаться ъ ихъ казармамъ. Они не могли жениться ни подъ акимъ видомъ, говоритъ Спандужино. Деспотизмъ, акже-какъ и іерархія нуждались въ людяхъ, вполѣ имъ преданныхъ, которые ни заботами о семействѣ, ни о собственномъ жилищѣ, не могли бы отлекаться отъ однаго и единственнаго своего интеса, т. е. интереса своего повелителя. Потомъ — , безъ сомнѣнія, уже при Солиманѣ — позволили яныарамъ вступать въ бракъ. Хотя въ-началѣ это позоленіе давалось только тѣмъ, которые оказывались енѣе способными къ службѣ, или тѣмъ, которые хранили границы; но нечувствительно оно перешло а всѣхъ янычаръ безъ изключенія.

Такая перемѣна должна была значительно изѣнить образъ ихъ жизни и настроеніе ихъ духа.

За нею быстро слѣдовала и другая, которая епосредственно угрожала сокрушеніемъ самымъ осовнымъ началамъ, на которыхъ утверждались устойство и жизнь корпуса янычарскаго. Надобно было ѣшить, куда дѣвать дѣтей янычарскихъ. Янычары астояли на томъ, чтобы дѣти ихъ были приняты ъ ихъ корпусъ. Реляція Жіовано Франческо Моозини сообщаетъ, какъ янычары вынудили такую ступку при восшествіи на престолъ Селима III. спомнимъ, что великій визирь Мехметъ счелъ поезнымъ скрыть смерть Солимана подъ Сигетомъ. то было въ то время, когда армія, взявъ Сигетъ, а возвратномъ пути достигла уже до Бѣлграда,

11*

а Селимъ, извѣщенный о состояніи дѣлъ тайными лазутчиками визиря, прибылъ уже изъ Азіи къ Мехмету — и смерть прежняго султана и восшествіе новаго были оффиціально объявлены. Тогда, по словамъ Морозини, Мехметъ, не любившій расточать сокровищъ султана, отказалъ Янычарамъ въ подаракахъ, обыкновенно даваемыхъ имъ при вступленіи каждаго новаго Султана на престолъ. Раздраженные этимъ отказомъ, они соединились вмѣстѣ, и съ громкимъ ропотомъ говорили, что дадутъ себя знать въ Константинополѣ. Дѣйствительно, они прибыли туда прежде султана и пошли ему на-встрѣчу. Но когда свита его поравнялась съ ихъ одалярами, т. е. казармами, они преградили путь, объявивъ, что не дадутъ великому повелителю вступить въ сераль, пока онъ не удовлетворитъ ихъ просьбы. Они хотѣли не только обычныхъ подарковъ и прибавки жалованья, но и еще требовали, чтобы дѣти ихъ, которымъ давался уже паекъ, по достиженіи совершеннолѣтія приняты были въ корпусъ янычаръ. Напрасно визири сходили съ лошадей, чтобы укротить возмущеніе ласковыми словами. Напрасно ага янычарскій, покрывъ голову простынею, какою обыкновенно душатъ, упрашивалъ ихъ не срамить султана: визири принуждены были спасаться бѣгствомъ — и ага не больше имѣлъ успѣха. Мятежники не позволили султану вступить въ сераль до тѣхъ поръ, пока ага янычарскій отъ имени султана и въ его присутствіи не изъявилъ согласія на вс

ихъ требованія. Они не отворили дверей до тѣхъ поръ, пока Селимъ, въ залогъ вѣрности поднявъ руки надъ головой, самъ не подтвердилъ обѣщанія исполнить всѣ ихъ просьбы. Послѣ этаго они отворили дверь, устроились въ линіи и ряды, среди которыхъ прошелъ султанъ, и привѣтственными залпами изъ пищалей почтили его.

Привилегіи, данныя имъ, были потомъ конфирмованы при первомъ собраніи дивана.

Такъ-какъ войско янычарское прежде составлялось изъ молодыхъ ренегатовъ, забывшихъ свой отеческій домъ, то необходимымъ результатомъ факта, только-что нами описаннаго, было чувствительное измѣненіе къ худшему войска янычарскаго въ основныхъ его началахъ. И не случайныя и временныя обстоятельства, но законное, хотя и вынужденное, распоряженіе султана произвело эту перемѣну. Скоро дѣти янычаръ стали наполнять ихъ войско — а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалась невозможною прежняя строгая дисциплина.

Такое положеніе дѣлъ должно было способствовать, какъ легко понять, третьему нововведенію. Когда война противъ Персовъ, предпринятая Муратомъ (она была самая трудная изъ всѣхъ, веденныхъ Османами), дѣйствительно сдѣлалась самою трудною; когда она, не доставивъ ни одной побѣды, поглотила цѣлыя арміи, погубила множество янычаръ и заставила думать о пополненіи этаго корпуса всѣми возможными средствами: то не довольствовались уже тѣмъ, что причисляли

къ нему дѣтей янычаръ, но стали зачислять туда и другихъ, природныхъ Турокъ, и вообще всѣхъ Мусульманъ, неопытныхъ, непривыкшихъ къ дисциплинѣ и неспособныхъ даже подчиниться какой-нибудь дисциплинѣ. Слѣдствіемъ этаго было внутреннее разъединеніе въ этомъ корпусѣ. И дѣйствительно: могли ли прежніе янычары, Солимановскіе ветераны, назвать своими товарищами это скопище людей, собранныхъ со всѣхъ сторонъ? Часто боялись, что дѣло дойдетъ у нихъ до драки.

Съ того времени открылся путь для всѣхъ злоупотребленій — и быстро послѣдовали перемѣны за перемѣнами. Прослѣдимъ ихъ. При Солиманѣ, янычарамъ дается позволеніе жениться; при Селимѣ II дѣтей ихъ причисляютъ къ корпусу янычаръ; при Амуратѣ III, противъ ихъ воли, вписываютъ въ ихъ корпусъ природныхъ Турокъ, у которыхъ ни по происхожденію, ни по воспитанію нѣтъ ничего общаго съ ними; при Ахмедѣ, этотъ военный корпусъ доходитъ до того, что янычары, во время обходовъ своихъ по имперіи, или при занятіи пограничной стражи, стали заниматься промышленностью, торговлею — и вообще, мало думая о войнѣ и объ оружіи, пользовались только своими привилегіями. *

* Привилегіи янычаръ: они составляли первый военный корпусъ въ госурдарствѣ; были тѣлохранителями султана, когда онъ выходилъ изъ сераля; получали изъ казны султанской, кромѣ пищи здоровой и достаточной, еще жалованье, которое, будучи умѣреннымъ сначала, увеличивалось по числу лѣтъ службы. Въ преклонныхъ лѣтахъ имъ давали отставку съ пенсіею; имъ же поручалось начальство надъ войскомъ. Наконецъ, при возшествіи на престолъ каждаго султана, они получали значительныя награды

Какое печальное зрѣлище представляли они тогда въ строю подъ ружьемъ! Одинъ Европеецъ не могъ удержаться отъ смѣху, видя, какъ они стрѣляютъ. Крѣпко схватывали они лѣвою рукою прикладъ и стволъ ружья, и, приближая правою фитиль къ затравкѣ, до такой степени боялись выстрѣла, что быстро отворачивали голову назадъ. Какъ не шло тогда къ нимъ ихъ прежнее названіе людей непобѣдимыхъ! Трусость ихъ обратилась въ пословипу: «у янычаръ, говорили, хороши глаза, но для того, чтобы видѣть, когда кавалерія начнетъ отступать, и хороши ноги, на которыхъ бѣжатъ они потомъ безъ оглядки.»

Сдѣлавшись неспособными защищать имперію, янычары обратили теперь противъ своего властителя то оружіе, которымъ они до сихъ поръ поражали непріятелей. И строгость дисциплины не всегда удерживала ихъ въ предѣлахъ долга. Что же должно было сдѣлаться съ ними, когда строгости этой болѣе не было? Но при нихъ остались и прежняя спѣсь и прежнія притязанія. Наглость этаго войска сдѣлалась невыносимою. Они принудили Амурата III выдать имъ на казнь нѣсколькихъ дефтердаріевъ и пашей, и умертвили пашу Кипрскаго, вмѣсто котораго Амуратъ далъ имъ другаго пашу. Наконецъ, боясь наказанія, не смотря на всю умѣренность султана, они стали обѣщать ему покорность и прі-

что впрочемъ, особенно въ послѣднее время, часто не исполнялось по причинѣ оскудѣнія государственной казны. Кромѣ того, нѣкоторые одасы пользовались еще особенными привилегіями, которыхъ было довольно много.

обрѣли его довѣріе; но при первомъ благопріятномъ случаѣ окружили его, и свиту его умертвили.

Остается еще показать, съ какаго времени перестали брать молодыхъ Христіанъ для службы въ062 сералѣ. Вѣроятно, этотъ обычай вышелъ изъ употребленія съ тѣхъ поръ, какъ стали принимать въ эту службу природныхъ Турокъ. Марсильи, который составлялъ свои записки въ 1618 г., говоритъ объ этомъ обычаѣ, какъ существующемъ еще. Слѣдовательно, можно положить, что онъ уничтожился между годами 1630 и 1650. Въ реляціяхъ 1637 г. нѣтъ и слѣда его, что конечно было величайшимъ счастіемъ для Грековъ. Могли ли бы они думать когда-либо о возстаніи, о возстановленіи своей независимости, если бы Турки регулярно каждый годъ продолжали брать у нихъ и отводить въ неволю цвѣтъ ихъ юношества? Только по уничтоженіи этаго обычая, въ XVII столѣтіи, явился клефтъ Кристосъ Миліонисъ, прославленный въ Греческихъ пѣсняхъ.

Легко понять, что янычары необходимо должны были сообщить свою испорченность сипаямъ, служившимъ при Портѣ. Война съ Персами была гибельна для сипаевъ въ двоякомъ отношеніи: она не только стоила жизни многимъ изъ нихъ, но и истребила почти совершенно ту превосходную породу лошадей, которыхъ они употребляли до тѣхъ поръ, и которыя не мало содѣйствовали ихъ воинской славѣ. И въ ихъ корпусъ допущены были

природные Турки и вообще всякой сбродъ — и они также всегда готовы были возмутиться. Въ 1589 году они принудили султана Амурата III возвратить достоинство великаго визиря Синану, бывшему уже долгое время въ отставкѣ.

Тимары не имѣли тѣсной связи съ милиціею: но и они не могли не увлечься общимъ паденіемъ. Ни въ печатныхъ Европейскихъ реляціяхъ, ни въ манускриптахъ я не нахожу свѣдѣній о томъ, какъ совершилось это паденіе. Къ-счастію, двѣ достовѣрныя реляціи, составленныя Турками, проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на это событіе. Одинъ вассалъ султана Ахмета, по имени Аини, замѣчаетъ, что прежде рѣшительно нельзя было никому, кромѣ сыновей сипаевъ, получить тимаръ; но что теперь этотъ законъ въ пренебреженіи — и люди самаго низшаго званія могутъ простирать свои притязанія на тимары.

Надобно знать, какъ и когда совершилась такая перемѣна. Если я не ошибаюсь, одинъ декретъ Солимана разрѣшаетъ этотъ вопросъ. Солиманъ зналъ, сказано въ немъ, что сыновей *райевъ* *, владѣющихъ помѣстьями, выгоняютъ изъ тимаровъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они чужеземцы, отнимаютъ у нихъ *бераты*, т. е. акты на владѣніе помѣстьемъ, и выпрашиваютъ противъ нихъ фирманы объ отнятіи у нихъ земель. Очень сильно порицаетъ онъ такіе поступки. «Жители моихъ провинцій и моихъ владѣній, говоритъ онъ, не должны считать другъ

* *Райями* называются въ Турціи вообще всѣ подданные въ имперіи не-Мусульманскаго исповѣданія.

друга чужеземцами; сипаи и райи всѣ — мои рабы, и должны жить въ мирѣ подъ плодотворною тѣнью моей милости.» Слѣдовательно, въ царствованіе Солимана и по его соизволенію, низшіе люди нашли себѣ то покровительство, на которое жалуется Аини, безъ сомнѣнія потому, что результатомъ его были безпорядки.

Слѣдствіемъ такихъ нововведеній было то, что паши и санджаки, получавшіе должности по естественному побужденію ихъ повелителя замѣщать мѣста невольниками, воспользовались въ свою очередь случаемъ давать помѣстья своимъ собственнымъ невольникамъ — людямъ очень часто ни къ чему неспособнымъ.

Успѣвъ въ этомъ, они пошли еще далѣе, и стали, исключительно для своей пользы, добиваться тимаровъ; прежде же они довольствовались тѣмъ, что, не выставляя въ поле всего войска, назначеннаго по закону, извлекали изъ тимаровъ больше выгодъ для себя, нежели для государства. Въ сералѣ скоро замѣтили, какъ это было выгодно для нихъ; но вмѣсто того, чтобы искоренить злоупотребленіе, стали имъ пользоваться для своей выгоды. Что до того времени дѣлали только начальники провинцій, то совершалось теперь въ центрѣ государства. Начали раздавать тимары, подобно милостямъ, не обращая вниманія на ихъ военное назначеніе. По-этому, говоритъ со вздохомъ Аини, проходило двадцать и даже тридцать лѣтъ безъ смотру войскъ; санджакъ, обязанный выставлять сто сипаевъ, выставлялъ ихъ

едва пятнадцать, и часто не было десятой доли войска противъ слѣдующаго по реэстру. Насуфъ, стараясь искоренить такіе безпорядки, приготовилъ тѣмъ свое собственное паденіе. Визирь этотъ нѣсколько времени имѣлъ при себѣ вдругъ двадцать писцевъ, которые занимались только тѣмъ, что составляли новые реэстры, чтобы привесть въ совершенную извѣстность положеніе сипаевъ. Но не легко двигать большія тяжести, говоритъ Вальери; тотъ, кто хочетъ отвесть теченіе рѣкъ, уносится ихъ стремительностію. Насуфъ служитъ тому печальнымъ доказательствомъ.

Мы видимъ такимъ образомъ явное паденіе трехъ главныхъ милицій имперіи. Это паденіе достаточно уже объясняется внутреннею испорченностію, ихъ пожиравшею. Впрочемъ и измѣненіе къ худшему другихъ частей государственнаго устройства много тому способствовало. Государство составляетъ органическое цѣлое, котораго части такъ тѣсно связаны между собою, что разложеніе однѣхъ обыкновенно влечетъ за собою разрушеніе другихъ. Но, не смотря на то, разрушеніе такаго огромнаго организма, какъ государство, нельзя опредѣлить съ надлежащею точностію и ясностію.»

Необходимымъ слѣдствіемъ упадка дисциплины въ войскѣ было то, что Турція установилась въ опредѣленныхъ границахъ, и кончилось ихъ расширеніе посредствомъ завоеваній.

«Имперія Оттоманская (продолжаетъ Ранке) безъ всякаго сомнѣнія въ царствованіе Солимана была силь-

нѣе, нежели когда-либо, и угрожала остальному міру болѣе, нежели-какая либо другая имперія.

Но при этомъ же султанѣ, какъ видно изъ замѣчаній, сдѣланныхъ нами, существенная порча начала съѣдать ея внутреннюю силу. При Солиманѣ началось преобладаніе женщинъ; его указы преобразовали тимары; при немъ янычары стали вступать въ бракъ; онъ же способствовалъ возведенію на престолъ самаго неспособнаго изъ всѣхъ своихъ сыновей. Но это еще не все. Ежели государство основано на завоеваніяхъ, ежели завоеванія съ самаго начала были постояннымъ его занятіемъ; то нѣтъ сомнѣнія, что остановка въ нихъ означаетъ сильное внутреннее разстройство самаго государства. При Солиманѣ, не смотря на его воинственность и счастіе въ битвахъ, имперія получила уже опредѣленныя границы. Со стороны востока, въ Персіи онъ встрѣтилъ конечно народъ слабый и неспособный мѣряться съ нимъ своими силами. Но этотъ народъ боготворилъ шаха, и въ болѣзняхъ своихъ взывалъ къ нему, какъ будто бы онъ имѣлъ даръ врачеванія. Этотъ народъ, опустошивъ свою страну, уходилъ изъ жилищъ, такъ-что нападающіе никогда не могли настигнуть его, и принуждены были остерегаться при отступленіи, чтобы не подвергнуться нечаянной аттакѣ. Съ другой стороны, врагами Солимана были Христіане, ослабленные внутренними раздорами. Но если основаніе Австрійско-Испанской монархіи было въ какомъ-нибудь отношеніи благодѣтельно для Христіанъ, то особен-

но потому, что эта монархія въ состояніи была противостоять Туркамъ въ одно и тоже время въ Африкѣ, Италіи и Венгріи. Вотъ чѣмъ заслужила она признательность всѣхъ націй западной Европы. Съ двухъ сторонъ она останавливала распространеніе могущества Турокъ на западѣ — со стороны моря и материка. Какихъ продолжительныхъ осадъ стоило Туркамъ взятіе нѣсколькихъ маленькихъ крѣпостей Венгріи съ того времени, какъ она стала принадлежать Австрійцамъ! Какія гигантскія усилія не удались имъ подъ Мальтою! Не уже ли Германцы и Персы, остановившіе нѣкогда распространеніе имперіи Римской, должны были подпасть подъ иго Турокъ, которые нападали на оба эти народа въ одно и тоже время?

Турки безъ сомнѣнія питали такую надежду, а остальный міръ боялся ея осуществленія. Ежели паденіе имперіи Оттоманской уже началось, то это паденіе состояло еще только въ измѣненіи побужденій нравственныхъ: оно таилось еще въ нѣдрахъ имперіи — и ни друзья, ни недруги не могли тотчасъ замѣтить его.

Когда Селимъ II достигъ верховной власти, два похода предстояли ему — и оба по тому морскому пути, который проложенъ былъ Турками уже со временъ Магомета II. Первый походъ направлялся противъ главнаго врага имени Магометанскаго — противъ Испаніи — и, по опасности, сопряженной съ нимъ, обѣщалъ славу даже въ случаѣ неудачи, а въ случаѣ успѣха Турки могли ожидать неимо-

вѣрно выгодныхъ результатовъ. Испанія дѣйствительно находилась тогда, по случаю возмущенія Мавровъ, въ большой опасности: въ ней считалось до 85 тысячъ семействъ Мавританскихъ. Мавры нѣсколько разъ посылали повѣренныхъ въ Константинополь къ своимъ единовѣрцамъ съ просьбою о помощи. Другой походъ направлялся противъ Венеціи и острова Кипра. Около 30 лѣтъ Венеціане хранили миръ, показывая уступчивость и даже покорность Туркамъ — и всегда готовы были дѣлать подарки султану и его визирямъ. Не забывали они и Капудана, когда тотъ удерживался отъ грабежа судовъ Венеціанскихъ. Они были самыми щедрыми иностранцами даже въ отношеніи къ драгоманамъ, какъ говорится о томъ въ запискахъ послѣднихъ. Островъ Кипръ былъ уже отчасти подвластенъ Туркамъ и, какъ Египетскій ленъ, доставлялъ подать въ восемь тысячъ дукатовъ. Магометанъ не угнѣтали тамъ — и не было большой славы пріобрѣсти островъ; напротивъ слѣдовало сохранять съ нимъ миръ клятвенно подтвержденный.

Султанъ Селимъ не предпринялъ похода, болѣе рѣшительнаго, болѣе грандіознаго, болѣе полезнаго для Испанскихъ его единовѣрцевъ. Онъ рѣшился на завоеваніе, болѣе легкое, болѣе вѣрное и ближайшее. Трудно было воспрепятствовать высадкѣ Турокъ на островъ Кипръ. Могъ ли городъ Никозія, выбранный столицею острова по счастливому его мѣстоположенію среди горъ, умѣрявшихъ зной атмосферы, могъ ли этотъ городъ, скажемъ мы, устоять про-

тивъ осады? А вмѣстѣ съ нимъ долженъ былъ пасть весь островъ. Турки предполагали, что Венеція не будетъ защищать Кипра, когда увидитъ, что островъ этотъ вмѣшался въ войну серьёзную: потому-что она, какъ говорили, имѣетъ большую надобность въ товарахъ Турецкихъ для своей торговли, и въ хлѣбѣ Турецкомъ для своего пропитанія. Не смотря на живую оппозицію Мехмета и энергическія представленія муфти, который, изображая картину притѣсненія Мавровъ въ Испаніи, поставлялъ султану въ обязанность вступиться за единовѣрцевъ. Селимъ рѣшился на покореніе Кипра; армія его высадилась на этотъ островъ, овладѣла столицею и всею страною.

Но вышло, что предпріятіе, по-видимому болѣе легкое, сдѣлалось на самомъ дѣлѣ до такой степени опаснымъ, какимъ не могло бы никогда быть предпріятіе труднѣйшее.

Ежели бы Турки напали на Испанію, то Венеція никакъ не рѣшилась бы подать ей значительной помощи: сосѣдство Турокъ на всѣхъ границахъ было для нея очень опасно. Но такъ-какъ на Венецію сдѣлано было нападеніе, и Филиппъ II, король Испанскій, также находилъ выгоднымъ вести вдали отъ своихъ владѣній войну съ Турками, угрожавшими со-временемъ ему самому; то обѣ этѣ морскія державы заключили между собою союзъ, къ которому приснупилъ также папа — и три флота были противопоставлены Туркамъ.

Могущество Турокъ на морѣ также было осно-

вано на завоеваніяхъ безпрерывныхъ. Тимары на островахъ, доставлявшіе матросовъ, походили на тимары твердой земли. Съ того дня, 1538 года, когда Шереддинъ Барбарусса съ удивительною отвагою напалъ близъ Превезы на флотъ Христіанскій, несравненно превосходнѣйшій числомъ, и разбилъ его, съ того дня Турки господствовали на Средиземномъ морѣ. Они были увѣрены, что Христіане никогда уже болѣе не осмѣлятся возобновить борьбы. Этотъ перевѣсъ они сохраняли до 1571 года.

Измѣненіе событій часто зависитъ только отъ дарованій и твердой воли мужа великаго. Одинъ молодой человѣкъ, котораго по отвагѣ, энергіи, счастію и величію предпріятій можно сравнить съ Шереддиномъ — именно Донъ Жуанъ Австрійскій — противосталъ тогда Туркамъ. Подъ его предводительствомъ Христіане были побѣдоносны. У Турокъ не было вождя съ равными ему достоинствами; а потому побѣда при Лепантѣ сокрушила ихъ перевѣсъ.

Мы не хотимъ этимъ сказать, что до Шереддина морская сила Турокъ была ничтожна, и что Донъ Жуанъ вновь уничтожилъ ее въ одну минуту: возрастаніе и паденіе совершаются въ продолженіе долгаго времени; дни же сраженій при Превезѣ и Лепантѣ означаютъ только эпохи перемѣны, наступившей въ положеніи дѣлъ.»

(Окончаніе слѣдуетъ.)

КІЕВСКІЕ БОГОМОЛЬЦЫ ВЪ XVII СТОЛѢТІИ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Если бъ я описывалъ подробно тогдашній Кіевъ съ его развалинами, съ его церквами и монастырями, то долженъ былъ бы увеличить вдвое объемъ предлагаемой вамъ книги; а это, думаю, было бы также благоразумно, какъ положить на барку двойной грузъ товаровъ: терпѣніе ваше не вынесло бы такой тяжести, и книга моя пошла бы ко дну Леты тѣмъ быстрѣе, чѣмъ была бы громаднѣе. И–такъ скажу только, что богомольцы наши, по дорогѣ въ Печерскій монастырь, заѣзжали въ *Николаевскую Пустыню* (что нынѣ Никольскій монастырь), состоявшую тогда изъ ветхой деревянной церкви * и нѣсколькихъ убогихъ хижинъ, посреди глухаго лѣса. Отсюда проѣхали они мимо Спасской церкви, построенной Петромъ Могилою на развалинахъ древней Владиміровской, и наконецъ достигли *Святыхъ* воротъ Печерскаго монастыря, также расписанныхъ,

* Нынѣшняя каменная церковь построена въ 1713 году. Большой Николай, или Никольскій соборъ, тогда еще не существовалъ. Онъ построенъ гетманомъ Мазепою около 1696 года.

какъ и теперь, съ тою же церковью надъ воротами, устроенною по образцу стоявшей нѣкогда надъ Золотыми Ярославовскими воротами, и съ такимъ же множествомъ нищихъ по обѣ стороны, какъ и теперь *.

Выслушавъ обѣдню, Шрамко и его спутники обошли всю Великую «небеси подобную» церковь Печерскую, прикладываясь къ святымъ мощамъ и обрзамъ, любуясь изображеніями князей, гетмановъ и вельможъ, писанныхъ во весь ростъ по заднимъ стѣнамъ, и покланяясь ихъ надгробіямъ, къ сожалѣнію теперь несуществующимъ: отчасти истреблены они пожаромъ въ началѣ прошлаго столѣтія, а отчасти уничтожены рукою невѣжества, которое для всякаго рода памятниковъ страшнѣе огня и желѣза; осталась только гробница князя Острожскаго, положеннаго здѣсь въ 1533 году, но и та закрыта отъ взоровъ посѣтителей, не смотря на то, что князь Острожскій былъ въ свое время крѣпчайшею опорою Православія и яркимъ факеломъ просвѣщенія народнаго, и что видъ его монумента долженъ бы былъ по этому внушать всякой Русской душѣ чувства, достойныя того святаго мѣста, гдѣ онъ находится. Грустно было Хмѣльницкому видѣть «красоту церквей Божіихъ опустошенну и на землю поверженну» иноплеменниками и отступниками; не менѣе грустно и

* Монахъ Кальнофойскій, въ своей *Тератургимѣ*, пишетъ: «Этими воротами выходили на предмѣстіе, гдѣ лежитъ много калекъ, сиротъ, вдовъ, нищихъ, какъ и при Великой церкви Печерской, питающихся подаяніемъ благочестивыхъ людей.»

намъ видѣть, какъ мало уцѣлѣло въ нашихъ храмахъ изъ того, что миновала или пощадила даже рука Монгола и католика.

Шрамко въ этомъ отношеніи былъ счастливѣе насъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ читалъ, что такой-то «Симеонъ Лыко, мужъ твердый въ вѣрѣ, испытанный въ храбрости, почилъ по многихъ дѣлахъ, достойныхъ героя»; въ другомъ знаменитый князь какъ бы изъ гроба говорилъ ему: «Многою сіялъ я знатностію, властію и доблестію, а когда взятъ съ позорища сей жизни, то съ убогимъ Иромъ сравнялся, и за свои широкія владѣнія седмь ступеней земли получилъ; не дивуйся таковой отмѣнѣ, читателю: и тебѣ то жъ достанется; узнаешь на себѣ, что не равны раждаемся, равны умираемъ»! далѣе пышный вельможа умолялъ читателя—проходя мимо, «молвить о немъ благое слово: Боже, милостивъ буди къ душѣ раба твоего...*» Видъ этихъ надгро-

* Нѣсколько надписей, бывшихъ на надгробіяхъ въ Великой церкви Печерской сохранилъ для насъ (въ Польскомъ переводѣ) Кальнофойскій въ своей *Тератургимѣ*. Примѣчательнѣйшія изъ нихъ я здѣсь перевожу на тогдашній Русскій языкъ: I. «Глѣба Всеславича князя Кіевскаго супруга, дщерь князя Ярополка Изяславича, послѣ супруга своего въ четыредесять лѣтъ скончася и купно съ нимъ во главахъ Преподобнаго Ѳеодосія положенна, лѣта 6666 (1158) Януар. д. 3, нощи часа 1». (Объ этой княгинѣ въ Воскресенской Лѣтописи сказано: «имѣяшеть бо великую любовь къ св. Богородици и къ отцю Ѳеодосью»). — II. «Воззванная на судъ смертный Евпраксія инокиня, дщерь князя Всеволода, идѣже душею ставися, тамо въ лѣто 6617 (1109) іюля д. 9 тѣло сложи» — III. «Въ лѣто 6979 (1471) христіански скончавшуся князю Симеону Александровичу Олельковичу, дѣдичному (наслѣдственному) господину земли Кіевской, князю Слуцкому, возстановителю святой церкви Печерской, юже обнови при королѣ Казимірѣ и при в. о. архимандритѣ Іоаннѣ, лѣта 6978, грудня 3». Кромѣ Олельковичей, здѣсь были

бій, на которыхъ арматура и знаки достоинствъ перемѣшаны были съ костями, сложенными накрестъ подъ мертвою головою, и чтеніе этѣхъ надписей, говорящихъ разомъ о величіи и ничтожествѣ человѣческомъ, навели на душу полковника Шрамка печальное раздумье, и онъ, подобно внуку Ольгерда, сказалъ вздохнувши: — Сколько-то гробовъ! а всѣ эти люди жили на семъ свѣтѣ, а всѣ отошли къ Богу! Скоро и мы пойдемъ туда, гдѣ отцы и братія наши *.

Въ-слѣдъ за такимъ размышленіемъ, онъ досталъ изъ-за пазухи тяжелую золотую цѣпь, и повѣсилъ ее на окладѣ Богоматери. Череванъ и прочіе богомольцы, даже до послѣдняго изъ нихъ, то есть Василя Невольника, также сдѣлали приношеніе храму дорогими вещами или деньгами.

Смутное, но вмѣстѣ и пріятное, расположеніе души Шрамка и его спутниковъ, было возмущено

погребены князья Ольгердовичи — Владиміръ и Левъ, Скиргайло, Черторыйскіе, Вишневецкіе, Корецкіе, Сангушки, Полубенскіе и другіе. При многихъ надписяхъ находились еще стихи, сочиненные въ честь покойнику. Къ сожалѣнію, они также переведены Кальнофойскимъ на Польскій языкъ.

* Внукъ Ольгерда, князь Андрей Владиміровичь, въ завѣщаніи своемъ, писанномъ въ 1446 году, говоритъ: «Пріѣздилъ есмь въ Кіевъ съ своею женою и съ своими дѣтками, и были есмо въ дому Пречистыя и поклонилися есми пречистому Образу ея и Преподобнымъ Отцемъ Антонію и Ѳеодосію, и прочимъ Преподобнымъ и Богоносным Отцемъ Печерскимъ, и благословилися есми отъ отца нашего архимандрита Николы и у всѣхъ святыхъ старцевъ, и поклонихомся отца своего гробу, князя Владимира Ольгердовича, и дядь своихъ гробамъ и всѣхъ святыхъ старцовъ гробамъ въ Печерѣ, и размыслихъ на своемъ сердци: колико-то гробовъ, а вси тіи жили на семъ свѣтѣ, а пошли вси къ Богу, и помыслихъ есмь помалѣ и намъ тамо поити, гдѣ отцы и братцы и братія наша», и пр.

страннымъ поведеніемъ одного человѣка, который давно уже слѣдовалъ за ними отъ одной гробницы къ другой. Не далеко отъ пышнаго надгробія князя Острожскаго, поставленнаго въ особой аркѣ, убранной трофеями, на четвероугольномъ столбѣ есть изображеніе одного древняго князя, держащаго въ рукахъ золотую цѣпь, составленную изъ квадратныхъ пряжекъ шириною въ вершокъ. Когда Шрамко, на вопросъ Череванши, сказалъ, что эта цѣпь, вѣроятно, означаетъ мученика, умершаго въ оковахъ, вдругъ чей-то грубый голосъ воскликнулъ позади его громче, нежели позволяла святость мѣста: — Овва!

Женщины вздрогнули, и Шрамко оборотившись узналъ того самаго Запорожца, котораго насмѣшливые взгляды и небрежный видъ такъ ему не понравились.

— Овва, панотче! повторилъ Запорожецъ, мало заботясь о томъ, какъ на него смотрятъ. Видно, тебѣ шаблюка больше знакома, нежели монастырскіе расказы.

— Ироде! вскрикнулъ Шрамко, но вдругъ вспомнилъ, гдѣ онъ, и превозмогъ свою досаду.

— Гай, гай! продолжалъ Запорожецъ съ неизмѣннымъ хладнокровіемъ, какая жъ это цѣпь? Это не цѣпь, а поясъ, и коли хочешь знать, якій, то у Кирила Тура и на это достанетъ въ головѣ мозгу!

— Згинь ты, ледащо, съ своимъ поясомъ! сказалъ Шрамко, отвернувшись отъ него, и, чтобъ не сказать еще чего-нибудь хуже, пошелъ къ дверямъ.

— Эге! такъ-то и згинуть! продолжалъ неотвязный Запорожецъ. Я, слава Богу, не муха, а Запорожецъ, да еще братчики и куреннымъ меня величаютъ! Поясъ этотъ, коли хочете знать, есть тотъ самый, по крайней мѣрѣ подобіе того самаго, который былъ пожертвованъ святому Антонію Варяжскимъ князькомъ Симономъ. Отъ що! Вы насъ бурлаками, дурнями величаете *, а мы чаще васъ заглядываемъ въ домъ Божій.

Не смотря на то, что его не слушали и, чтобъ отвязаться, уходили изъ церкви, Запорожецъ пресерьёзно продолжалъ свой расказъ, забавляясь внутренно досадою мужчинъ и отвращеніемъ женщинъ.— Да, вельможные паны, говорилъ онъ, мы не по-вашему слушаемъ бесѣды святыхъ отшельниковъ; и если хочете знать, почему князь намалеванъ съ поясомъ, то вотъ почему. Когда задумали святые отцы Печерскіе строить эту церковь, то не знали, стало быть, пропорціи, сколько въ гору, а сколько въ ширину муръ ставить. Ну...

Но этаго *ну* и дальнѣйшихъ словъ никто уже не слышалъ, потому-что всѣ ушли изъ церкви. Тогда Запорожецъ взглянулъ на своего товарища, который слѣдовалъ вездѣ за нимъ какъ тѣнь, и простодушно засмѣялся, довольный своею выходкою.

* Гетманъ Дорошенко, въ 1671 году, писалъ къ Запорожцамъ: «Зъ якихъ мѣръ мощно вамъ приписати невѣжество, что ви въ отдеглихъ отъ отчизни своея низдпѣпровыхъ лугахъ, тернахъ и хобтахъ, яко дивіе звѣріе, мешкаючи и ни о чомъ, що ся дѣетъ въ мірѣ и отчизнѣ вашей, досконале невѣдаючи, своими власными тилко пораетеся промислами и въ нихъ (яко) дивіе уживаете вепрове» (Лѣт. Величка).

Между-тѣмъ Шрамко быстро шелъ къ пещерамъ, стараясь подавить въ себѣ чувство досады, столь противное тому чувству, съ которымъ онъ вступилъ въ эту святыню, какъ непредвидѣнная встрѣча заставила его вдругъ забыть и неотвязнаго Запорожца и все на свѣтѣ.

На дорогѣ къ пещерамъ, вдали, показалась небольшая группа людей, одѣтыхъ въ яркія платья, что въ тѣ времена было признакомъ старшинства. Впереди всѣхъ важною поступью шелъ высокаго росту мужчина, котораго пріемы, одежда и отдаленіе, въ какомъ держались отъ него прочіе спутники, показывали въ немъ человѣка, облеченнаго высшею властію. Увидѣвши его, Шрамко вздрогнулъ какъ предъ сверхъ-естественнымъ явленіемъ, и вскрикнулъ: — Боже мой! да это жъ Сомко!

Первымъ движеніемъ его было бѣжать навстрѣчу своему любимцу и обнять его какъ роднаго сына; но тутъ же вспомнилъ онъ свои сѣдины, которымъ неприличенъ былъ юношескій порывъ удивленія и радости, вспомнилъ свой полковничій и священническій санъ и рѣшился выдержать себя *поважно*.

— Не торопитесь, сказалъ онъ своимъ спутникамъ, которые прибавили шагу. Вспомните, что, если Сомко для насъ что-нибудь значитъ, то и мы жъ для него не совсѣмъ ничего.

Такимъ образомъ, предшествуя своему обществу, Шрамко медленно приближался къ Сомку, который,

не узнавая его, продолжалъ весело разговаривать съ своими подчиненными.

— Чоломъ пану ясновельможному! сказалъ громко и важно Шрамко, снявъ свою шапку и открывъ высокій свой лобъ съ рубцами, извѣстными всему козачеству.

Сомко тогда только узналъ знаменитаго сподвижника Хмѣльницкаго, и съ такою жъ *повагою* привѣтствовалъ его словами:—Чоломъ благородному полковнику!

Тутъ они обнялись, поцѣловались и долго не выпускали одинъ другаго изъ объятій.

Недаромъ наши лѣтописцы, умалчивающіе обыкновенно о наружности дѣйствующихъ лицъ, пишутъ о Сомкѣ, что онъ былъ «воинъ уроды, возраста и красоты зѣло дивной». Въ самомъ дѣлѣ это былъ человѣкъ совершеннѣйшій въ физическомъ отношеніи. Онъ былъ росту болѣе-нежели высокаго, можно сказать огромнаго; но во всѣхъ его членахъ была такая изящная соразмѣрность, что эта огромность нимало не противорѣчила условіямъ красоты; она только давала ей особенный, величественный характеръ. По-видимому, ему было около тридцати лѣтъ, хотя въ самомъ дѣлѣ онъ доживалъ четвертый десятокъ. Форма лица его была болѣе квадратная, нежели овальная, носъ прямой, глаза голубые, волосы свѣтлорусые, золотистые. Не смотря на то, что тогдашняя мода повелѣвала подстригать ихъ въ-кружокъ и причесывать гладко, они завились въ крупные кудри, приподнялись и открывали высокій, исполнен-

ный благородства лобъ, который могъ бы украсить лице всякаго поэта. Словомъ, Сомко былъ «лицѐмъ и тѣломъ мужъ изрядный *», какъ говоритъ одинъ лѣтописецъ. Глядя на крѣпкое, атлетическое строеніе его тѣла, обѣщавшее самую долгую жизнь, на живой румянецъ щекъ, доказывающій свѣжесть душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, на природную веселость нрава, блиставшую въ его глазахъ и въ неизмѣнной улыбкѣ, можно было ему позавидовать. Казалось, этотъ человѣкъ созданъ былъ для однѣхъ радостей и наслажденій жизни: такъ смѣлъ и спокоенъ былъ его взоръ; такое довольство собою и всѣмъ окружающимъ его выражалось во всѣхъ его движеніяхъ. Одинъ только недостатокъ замѣтенъ былъ въ этомъ чудѣ творенія: имѣя голосъ чистый и звонкій, рѣчь твердую и живую, Сомко иногда немножко заикался, или лучше сказать спотыкался на частицѣ *да,* которая противъ его воли вворачивалась въ его рѣчь. Но—чудное свойство красоты! этотъ недостатокъ Сомка имѣлъ особенную прелесть, такъ-что всѣ любившіе его не согласились бы, если бъ и могли, освободить его отъ его *да.*

— Чоломъ пану бунчуковому! такъ обратился онъ къ Черевану.

Черевань до того обрадовался Сомку, что не могъ даже отвѣчать на привѣтствіе гетмана; только обнявшись, онъ проговорилъ уже: — А, бгатику мій любезный!

* Церковно-Славянское — *изрядный* значитъ прекрасный, превосходный.

Такой же *чоломъ,* вмѣстѣ съ поцѣлуемъ, былъ отданъ и Череванщѣ, которую Сомко назвалъ своею *ненькою* *, что было принято честолюбивою паніею съ немалымъ удовольствіемъ.

— А вотъ и моя невѣста, сказалъ онъ, обращаясь къ Лесѣ съ полною развязностью свѣтскаго человѣка того времени. Вамъ, ясная панно, чоломъ до самихъ ножекъ! — Ну, нечего сказать, говорилъ онъ къ отцу и матери, поцѣловавши Лесю и держа ее за руку, недаромъ молва о вашей царицѣ ходитъ у насъ за Днѣпромъ. Божусь, чѣмъ хочете, что лучшей дѣвушки не было, нѣтъ и не будетъ въ Украинѣ!

И опять поцѣловалъ ее съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто имѣлъ дѣло съ дитятею привлекательной наружности, а не съ дѣвушкою въ цвѣтѣ лѣтъ и красоты.

— Прошу жъ не забывать и моего сына, сказалъ Шрамко. Петро, что ты вкопалъ такъ очи въ землю?

Петро вздрогнулъ, вышедши изъ какаго-то безпамятства, въ которое погрузили его слова Сомка: *вотъ и моя невѣста,* и скрѣпившись сдѣлалъ привѣтствіе счастливому сопернику.

Между-тѣмъ Шрамко и Черевань привитались съ старшинами Сомка, которые были почти всѣ молодые люди, мало имъ извѣстные; знали они хорошо однаго только Сомкова писаря Вуяхевича, котораго козаки прозвали перелицёваннымъ Ляшкомъ

* *Ненька, неня* — матушка, мама.

въ то время, когда онъ въ войскѣ еще ничего не значилъ; теперь же называли его такъ только заочно, а въ-глаза звали Михайломъ Ивановичемъ.

Шрамко и Череванъ не любили этаго человѣка, хотя наружность его и обхожденіе, казалось бы, не могли внушить никому непріязни. Этотъ важный въ то время сановникъ былъ человѣкъ средняго росту, красиво сложенъ и имѣлъ отъ роду лѣтъ около тридцати-пяти. Черты лица его были правильны и даже пріятны; только всякому бросалась въ глаза большая стариковская лысина при моложавомъ его лицѣ и странное противорѣчіе въ выраженіи его губъ и глазъ. Онъ очень часто шутилъ и смѣялся; казалось, это былъ такой же добродушный человѣкъ, какъ и Череванъ; но кто разъ обратилъ вниманіе на выраженіе его глазъ во время смѣху, тотъ постигалъ безконечную между ними разницу: глаза эти никогда не смѣялись: они похожи были на бдительныхъ часовыхъ, поставленныхъ у дверей пиршественной залы съ особеннымъ приказаніемъ: что̀ бъ ни дѣлалось передъ ними, они помнятъ свое и остаются безчувственными ко всему прочему. Къ этому очерку физіономіи писаря Вуяхевича нужно прибавить, что онъ въ тѣ времена невѣжества слылъ человѣкомъ глубоко ученымъ, хотя вся его ученость ограничивалась знаніемъ однаго или двухъ иностранныхъ языковъ и письменныхъ правъ. Особа эта кланялась всѣмъ весьма привѣтливо и отпускала каждому по нѣскольку льстивыхъ словъ, съ которыми такъ хорошо согласовалась его гладенькая лысина, кажет-

ся, и созданная только для того, чтобъ втереться къ кому-нибудь въ довѣренность, польстить кому-нибудь на счетъ его достоинствъ, и потомъ, отошедши въ-сторону, посмѣяться надъ дѣйствіемъ своей лести.

Сдѣлавши каждому изъ нашихъ богомольцевъ нѣсколько лицемѣрныхъ привѣтствій — на которыя Шрамко отвѣчалъ прямыми возраженіями, Череванъ простодушнымъ смѣхомъ, Петро несвязными словами, а Василь Невольникъ восклицаніемъ: *Охъ, Боже правый, Боже правый!* — Вуяхевичь или перелицёванный Ляшокъ обратился наконецъ къ женщинамъ и истощилъ передъ ними весь запасъ своей лести, будучи увѣренъ, что этимъ товаромъ выгоднѣе всего торговать съ добавочною частью человѣческаго рода. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь онъ имѣлъ совершенный успѣхъ, ибо какъ матери, такъ и дочери пріятны были похвалы человѣка, столь близкаго къ гетману.

— Куда жъ вы это разогнались? спросилъ Сомко Паволочскаго попа. Вѣрно, въ пещеры?

— А куда жъ, если не въ пещеры? отвѣчалъ попъ.

— Отложимъ, батько, это до-завтра; а теперь завернемъ ко мнѣ на гостинницу. У меня, какъ нарочно для такихъ гостей, святые отцы приготовили обѣдъ бучный!

— Вотъ, братцы, разумная рѣчь, такъ, такъ! воскликнулъ Череванъ.

— На этотъ разъ я согласенъ съ тобою, пріятелю, сказалъ Шрамко, хотя совсѣмъ по различной

причинѣ: мнѣ и молитва на умъ не пойдетъ, пока не переговорю съ ясновельможнымъ.

— А мнѣ, брат, такъ ѣсть хочется, що ажъ шкура болить, отвѣчалъ Череванъ.

Гостинница монастырская составляла родъ отдѣльнаго хуторка, закрытаго со всѣхъ сторонъ деревьями. Строенія были весьма просты: домъ, конюшни, сараи для сѣна и разной поклажи — все это было деревянное, подъ соломенными крышами.

Сомко ввелъ своихъ гостей въ пространную свѣтлицу. Двѣ двери вели въ боковыя компаты, изъ которыхъ каждая имѣла особый выходъ съ небольшими *ганочками*. Тутъ, помолившись образамъ, гости раскланялись чинно съ своими хозяевами. Шрамко еще разъ обнялъ Сомка и долго держалъ въ своихъ объятіяхъ, между-тѣмъ какъ слезы капали изъ очей его на богатый кунтушъ молодаго гетмана.

— Соколъ мой ясный! восклицалъ онъ, прижимая его къ сердцу.

— Батько мій ридный! говорилъ Сомко, также растрогавшись. Я привыкъ звать тебя своимъ батькомъ, и будь увѣренъ, что какъ сынъ тебя люблю и поважаю.

Шрамко сѣлъ въ концѣ стола, подперъ обѣими руками свою сѣдую, изчерченную сабельными ударами голову и началъ прегорько плакать. Это всѣхъ смутило. Всѣ молча глядѣли на престарѣлаго рубаку и такъ были поражены видомъ его горести, что не смѣли обратиться къ нему съ рѣчью.

Сомко не менѣе другихъ былъ озадаченъ. Онъ зналъ Шрамка, какъ человѣка твердодушнаго, у котораго во время оно не извлекъ изъ глазъ ни одной слезы даже видъ убитаго сына, принесеннаго къ нему въ кровавыхъ ранахъ козаками; а теперь этотъ человѣкъ рыдаетъ передъ нимъ, какъ будто на похоронахъ у Хмѣльницкаго, гдѣ три дня гремѣли печальные выстрѣлы, раздавались вопли и лились рѣкою козацкія слезы.

— Батько мой! сказалъ подступивши къ нему Сомко, что за несчастье съ тобою случилось?

— Со мною? отвѣчалъ Шрамко, поднявши голову. И не стыдъ тебѣ такъ говорить? Я былъ бы баба, а не козакъ, если бъ вздумалъ плакать о собственномъ горѣ!

— Такъ о чемъ же, ради Бога? Кажется жъ, Ляхи не душатъ Украины? Мы вымели ихъ вмѣстѣ съ Жидами и Недоляшками, какъ негодное сметье, и бандуристы наши недаромъ поютъ:

Оттеперъ, люде добры, въ скоки, теперъ берѣтеся въ боки:
Позаганяля козаки Ляшкивъ, що не вернуться й въ три роки!

— Можетъ быть, то и правда, мой соколъ ты ясный, що три роки еще Украина будетъ носить голову прямо, а потомъ смотри, коли не нагнутъ ее подъ такое жъ ярмо, какъ и во время Барабаша!

— Откуда это у тебя, мой батько, такія мысли взялись? Развѣ ты не слышалъ, какъ мы еще недав-

но попотчевали Юруся * съ Ляхами и Татарами? Врагъ меня возьми, если весь Днѣпръ не покрылся ихъ шапками! «Иной трупъ ажъ на Запорожье водою позаносило **!»

— Твоими бъ устами только медъ пить, мой рыцарь ты свѣтлый! Все это такъ, все это такъ! Ты съ своими козаками заигралъ Ляхамъ такую пѣсню, що по всему свѣту стало слышно. Только жъ и козаки твои разтанцовались послѣ этой пѣсни такъ, що и въ головѣ имъ завернулось!

— Ось лихо! Якъ же се такъ?

— Такъ, що теперь на Украинѣ столько жъ порядка, сколько въ котлѣ у пивовара, когда печь полна дровъ. У насъ окаянный Тетера торгуется съ Ляхами за Христіанскія души, у васъ разомъ десять гетмановъ хватаются за булаву, а что Украина «разодрана на двѣ части», до этаго никому дѣла нѣтъ!

— Десять гетмановъ! Хотѣлъ бы я видѣть, какъ хоть одинъ изъ нихъ ухватится за мою булаву, пока я держу ее въ рукахъ!

— Ты ее держишь? А Васюта, а Мартынецъ?

— Васюта старый дурень, которымъ играетъ, какъ самъ знаетъ, человѣкъ, безчестящій свой санъ; а подлаго Мартынца я еще разъ посажу верхомъ на свинью! Гнусная сволочь! Я давно выбилъ бы и вытопталъ всю эту погань, но только честь на

* Юрія Хмѣльницкаго.

** «Ихъ же тѣлеса Днѣпръ недошкритшихъ въ себѣ не сохранши, изверглъ на бреги своя въ снѣдь птицамъ небеснымъ и звѣремъ земнимъ, яже и отъ Іюля 16 до Сентеврія 1 лежаху по брегахъ Днѣпровихъ тлѣюще непогребении» (Лѣт. Величка).

себѣ кладу! Моей ли саблѣ блестѣть надъ ихъ ничтожными головами, когда она гнала изъ Украины тысячи грабителей?

— Однако жъ эта погань не даетъ твоей гетманской власти разширяться по Украинѣ.

— Кто тебѣ сказалъ? Отъ Самары до Глухова вся старшина зоветъ меня гетманомъ. И какъ же иначе, коли на радѣ въ Козельцѣ всѣ полковники, асаулы, сотники и значные козаки присягали мнѣ на послушаніе? Самъ Меѳодій приводилъ ихъ къ присягѣ, и изъ своихъ рукъ далъ мнѣ булаву Хмѣльницкаго. Кто жъ послѣ этаго смѣетъ стоять противъ меня?

— Но вѣдь правда жъ тому, что Васюта съ отцемъ Меѳодіемъ подали на Москву листъ противъ твоего гетманства?

— Правда, какъ нельзя больше, и коли бъ не сѣдые волосы Васюты и не епископскій санъ Меѳодія, то сдѣлалъ бы я съ ними то, что покойный гетманъ съ полковникомъ Гладкимъ. Тутъ, если ты, батько мій ридный, хочешь знать всѣ подробности, замѣшалось преподлое дѣло. Отецъ Меѳодій давно меня къ себѣ приголубливаетъ: у него, видишь ли, есть племянница — шерéпа такая, що только въ пригрубнику бъ сидѣть, а не величаться въ парчѣ да въ аксамитѣ. Що жъ? Владыкѣ вздумалось сдѣлать ее гетманшею! Ха, ха, ха! понимаешь ли? И оце бъ то мнѣ взять за себе таке лихо! Послѣ церемоніи, за обѣдомъ и давай онъ закидать стороною крючка на счетъ невѣсты, а я давно зналъ

про его химеру; думаю себѣ: до коихъ поръ святой отецъ будетъ хотѣть того, чему никогда не бывать? «Святый Владыко! говорю, если гетману въ самомъ дѣлѣ нужно имѣть гетманшу, такъ есть у меня, говорю, давно на примѣтѣ дѣвчина такая,

Що якъ зоговорить,
Мовъ у дзвоны дзвонить;
А якъ засмѣеться —
Дунай разольеться.

Смотрю—насупился мой владыка, а его племянница вмѣстѣ съ своими родичами почервонѣла, якъ ракъ. Послѣ обѣда тотчасъ уѣхалъ вмѣстѣ съ Васютою въ Нѣжинъ, и повѣялъ вѣтеръ совсѣмъ въ другую сторону. Я съ старшиною шлю грамоту къ Царскому Величеству о подтвержденіи меня въ гетманствѣ, а они вдвоемъ крамолы сѣютъ да чернятъ меня на Москвѣ; пишутъ къ Царскому Величеству, що рада Козелецкая не «слушная»; нужно, говорятъ, чтобъ на радѣ «и войско Запорожское было». Васютѣ какъ посулилъ владыка гетманство вмѣстѣ съ племянницею, такъ тотъ съ-дуру и уши развѣсилъ. Къ нимъ пристало нѣсколько старыхъ дурнєвъ; толкуютъ: «Можно ли дать булаву такому молодому козаку, якъ Сомко? У него еще вѣтеръ въ головѣ.» А о томъ и забыли вражьи дѣти, что этотъ-то Сомко и удержалъ при Московскомъ Царѣ весь лѣвый берегъ, что этотъ Сомко очистилъ Украину отъ Татаръ и католицкой сволочи, которая было-расползлась по ней опять якъ сарана; что этотъ Сомко позагонялъ

Ляховъ такъ «що не вернуться и въ три роки»! Подлыя души! Вѣришь ли, батько мой, что я гнушаюсь поднимать па нихъ свою саблю? Я увѣренъ, что и безъ моего труда *обратится неправда ихъ на главу ихъ.*

— Соловей ты мой! сказалъ Шрамко, слушавшій съ жадностью расказъ его. Отъ твоихъ рѣчей мое сердце оживаетъ, какъ вялая трава отъ прохладной росы. Но что ты скажешь о Мартынцѣ?

— О Мартынцѣ не сбрешу, если скажу, что это величайшая каналья, какая только когда-либо подымалась на хитрости. Я готовъ думать, батько мой, что онъ принялъ къ себѣ чорта въ товарищи, когда затѣялъ протянуть руку ажъ до самой булавы гетманской. Хорошъ молодецъ, которому столько жъ можно вѣрить, какъ и лукавой лисицѣ; но Мартынецъ заткнетъ его за поясъ въ плутовствѣ. Онъ дѣлаетъ съ нимъ, что хочетъ: къ Васютѣ подсылаетъ Запорожцевъ, что будто бы Сѣчовики хотятъ выбрать его гетманомъ, а владыку морочитъ обѣщаніемъ взять за себя племянницу; но владыкѣ также этаго не дождать, какъ и Васютѣ гетманства.

— Однако жъ, пане гетмане, это поганое гнѣздо завелось недаромъ: изъ него что-то выплодится-таки. Запорожскіе сѣромахи не наобумъ огласили подлаго Мартынца гетманомъ: чѣмъ-нибудь они надѣются же поддержать свою раду.

— И, батько мій ридный! сказалъ Сомко. Мы смѣемся надъ ихъ затѣями. Наблюдая за ихъ пронырствомъ и плутовскими продѣлками, мы обраща-

емъ все это въ забавные расказы, которые утѣшаютъ веселую компанію нашу. Я нарочно смотрю сквозь пальцы на ихъ шнырянье по Украинѣ, и уподобляюсь въ этомъ случаѣ коту, который такъ хорошо знаетъ проворство и силу своихъ лапъ, что не опасается какихъ-нибудь ничтожныхъ мышей.

— Достается однако жъ иногда и коту отъ мышей, пане гетмане. Мнѣ что-то не слишкомъ пріятно пахнетъ слово *черная рада!*

— Химера, батько мій, козацьке слово, що химера! Мартынецъ думаетъ опереться на поспольствѣ, потому-что всѣхъ его Запорожскихъ сторонниковъ можно забрать въ одну жменю. Вотъ и засылаетъ листы съ подарками на Москву, «чтобъ позволено быть черной радѣ», а тутъ Запорожцы расползлись по всей Украинѣ, пьянствуютъ съ мужиками да выхваляютъ своего гетмана: «Нашъ гетманъ такой да такой, онъ съ нами живетъ за панибрата—не такъ якъ вашъ ясневельможный, що всѣми орудуе, якъ чортъ грѣшными душами». Тѣ съдуру и уши развѣшиваютъ. Я все это знаю, по думаю: ловись, ловись, рыбка! Пусть выѣдутъ бояре отъ Царскаго Величества; посмотримъ, какъ поддержитъ васъ глупая сволочь противъ нашихъ ружей и пушекъ! Запорожцевъ я сдавлю тогда въ кулакѣ и заставлю согласиться на новыя постановленія; ихъ гетмана посажу опять па свинью, а глупой черни разъ навсегда покажу, что именемъ гетманскимъ нельзя играть какъ мячикомъ. Я жду спокойно выѣзда бояръ: пусть моя власть

укрѣпится Царскою силою. На моей сторонѣ вся старшина; мы напишемъ съ боярами статьи, какія сами знаемъ, и пустимъ Украину въ ходъ по лучшей дорогѣ. Полно ей играть безъ толку, какъ молодое пиво; пора оглядѣться на себя разумно, чтобъ упрочить свою судьбу и на будущія времена.

— Золоте слово твое, пане гетмане! сказалъ въ восхищеніи Шрамко. Недаромъ батько Хмельницкій такъ любилъ тебя: онъ зналъ, что у тебя есть царь въ головѣ. Но знаешь ли что? Запорожскіе гультаи подливаютъ дрожжей не въ однихъ поселянъ; они бунтуютъ противъ козаковъ и мѣщанство. Въ Кіевѣ сегодня я наслушался отъ нихъ немало крику по самому простому случаю.

— Знаю и это, батьку, отвѣчалъ Сомко. Но, правду тебѣ сказать, прибавилъ онъ, отводя его къ окну и понизивъ голосъ, этому я даже радъ. Козаки слишкомъ много забрали себѣ въ голову. Они если еще не сдѣлались панами надъ всѣми прочими Украинцами, то готовы сдѣлаться. На что это похоже, чтобъ запрещать мѣщанамъ носить сабли? Не такъ ли дѣлали Ляхи, когда хотѣли имѣть какъ можно поменьше военныхъ людей въ Украинѣ, чтобъ самимъ надъ всѣми верховодить? а? Мнѣ сдается, батько мій ридный, что мало добра, когда одни дѣйствуютъ, какъ сами знаютъ, а прочіе подобятся стаду, *ему же нѣсть разума.* Нѣтъ, пусть стоятъ за свои права; тогда только явятся прочные законы и душевныя силы!

Шрамко пришелъ въ такой восторгъ отъ этихъ словъ, что обнялъ и поцѣловалъ молодаго гетмана:

—О мой соколъ ясный! о мой дорогій клейноде! восклицалъ онъ. *Глаголъ устъ твоихъ сладостенъ мнѣ паче меда и сота!* О, счастлива будетъ Украина, если хоть одинъ десятокъ лѣтъ гетманская булава побудетъ въ рукахъ у такаго гетмана!

— А еще счастливѣе, сказалъ Сомко, когда оба берега Днѣпра преклонятся подъ одну булаву. Нужно тебѣ знать, что у меня есть замыселъ идти на окаяннаго Тетеру, какъ только отбуду Царскихъ бояръ и получу грамоту на гетманство. Мы оттѣснимъ Ляховъ къ самой Случи, и, держась за руки съ царствомъ Московскимъ, какъ братъ съ братомъ, будемъ громить всякаго, кто покусится ступить на Русскую землю. Между-тѣмъ поисправимъ въ Украинѣ всѣ безпорядки, установимъ прочное судопроизводство, заведемъ училища и типографіи, изгладимъ, при помощи Божіей, слѣды Татарскаго и Лядскаго ига и возвеселимъ души древнихъ князей Украинскихъ.

— Боже великій, Боже милосердный! воскликнулъ Шрамко, обративъ набожный взоръ къ образамъ, Ты вложилъ ему въ душу самое дорогое мое желаніе: ниспошли жъ ему и силу привести его въ исполненіе!

Тутъ онъ возмутился духомъ такъ, что не могъ больше говорить, сѣлъ въ концѣ стола и началъ опять прегорько плакать.

Всѣ были тронуты этою сценою и оставались въ молчаніи, устремивъ глаза на сѣдаго энтузіаста, проливающаго слезы. Слышенъ былъ только тихій голосъ Василя Невольника: — Боже правый, Боже правый! есть же на свѣтѣ такіе люди!

Припадокъ чувствительности стараго Шрамка поставилъ всю компанію въ тягостное положеніе, въ какомъ находишься, видя передъ собою рыдающаго человѣка, между-тѣмъ какъ въ ту пору душа настроена на гораздо низшій ладъ. Самъ гетманъ не зналъ, какъ повести съ нимъ рѣчь. Вдругъ Шрамко поднялся съ своего мѣста, отеръ слезы и воскликнулъ съ веселымъ видомъ: — Слава Богу, а тебѣ честь и похвала, пане гетмане! Такъ въ самомъ дѣлѣ не Тетера, а ты владѣешь булавою козацкаго батька?

— Не дождется никогда нечестивецъ Тетера владѣть такою святынею, отвѣчалъ Сомко. Михайло Ивановичь, подай сюда булаву. — Вотъ она! продолжалъ онъ, взявши ее въ руки, вотъ та булава, которая двигала козацкіе полки къ славнымъ побѣдамъ!

— Такъ, я узнаю ее, сказалъ Шрамко; тѣ самые обручики, та самая чеканка, тѣ самые каменья; вотъ и два пустыя мѣста. Эти два камня выпали отсюда въ то время, когда покойный гетманъ, разгорячившись въ спорѣ съ Польскими послами, бросилъ ее съ досады на кирпичный помостъ *.

* Наша Украинская старина такъ мало оставила по себѣ слѣдовъ, что мы должны дорожить всякимъ обломкомъ, всякимъ лоскуткомъ бумаги, носящимъ на себѣ отпечатокъ минувшаго. До сихъ поръ намъ извѣстна только номенклатура гетманскихъ *клейнотовъ* (знаковъ

Всѣ обступили гетмана и Шрамка; булава переходила изъ рукъ въ руки; каждый разсматривалъ съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ этотъ тяжелый скипетръ *единовластнаго пана Русскаго* *. Женщины также подошли ближе. Гетманъ, взявши булаву, хотѣлъ передать Черевантѣ; но Шрамко схватилъ

власти); объ ихъ формѣ и украшеніяхъ мы можемъ сказать очень мало; и потому всякому Украинцу любопытно, думаю, будетъ прочесть «Реестръ старымъ гетманскимъ клейнотамъ», написанный въ 1751 году и найденный мною въ фамильномъ архивѣ А. И. Ханенка.

«1. Булава золотая; на оной красних каменей болших двадцать восемъ; зеленихъ болшихъ тридцать; пустхъ мѣстъ два на самой головѣ; сверху болшой камень одинъ; на первомъ обручике зеленихъ болшихъ каменей десять; меншихъ красниxъ двадцать; на низовомъ обручике зеленихъ каменей девять; пустихъ мѣстъ шесть; в конце красной камень одинъ болшой.

«2. Булава пестропозлащенная; на оной вверху болшой камень сердоликъ одинъ.

«3. Булава серебранная без каменя. Итого три булави.

«4. Перночей серебранихъ и позлащенних чотире; в томъ числѣ в одномъ перо изломлено.

«5. Перночь одинъ медной.

«6. Перночъ одинъ с свинцовою головкою, с серебранною гайкою, в черной кожѣ без наконечника.

«7. Серебранная печать Суда Войскового Генералного з деревянною ручкою.

«8. Печать гетманская серебранная визлоченная.

«9. Бунчукъ одинъ з гайкою позлащенною, з бахрамою, на голубой лентѣ, з древкомъ.

«10. Гетманское знамя з древкомъ и з головкою визолощенною.

«11. Бѣлой камчатной значекъ гетманской без древка. Да сверхъ оних клейнодъ пос..... господиномъ генералъ маіоромъ....... Генлр........... избраніе гетмана..........твенно........ Ея Императорскаго.. (Конецъ реестра истлѣлъ).

* Такъ называлъ себя Хмѣльницкій передъ Польскими послами. *И. М.* I, 219. Надобно замѣтить, что тогда Великороссія не звалась въ Украинѣ Русью или Русскою землею, а просто Московщиною. Козакъ, говоря *Русь* и *Русскій народъ*, разумѣлъ собственно Южную Русь и Южныхъ Руссовъ.

его за руку: — Что ты, пане гетмане! сказалъ онъ. Хиба не знаешь стараго козацкаго обычая? Не долго поносишь булаву, если она побываетъ въ женскихъ рукахъ. Добрый козакъ даже сабли не дастъ въ руки женщинѣ, щобъ на войнѣ «страхъ жиночій не подолѣвъ». Выбачай, шановная пани, обратился онъ къ Череванштѣ, *изъ пѣсни слова не выкидать*.

— А вже жъ! отвѣчала Череванша: *що правда, то не грѣхъ*. Только, пане полковнику, и надъ нашимъ братомъ страхъ не всегда пановалъ. Случалось неразъ, что женщины помогали козакамъ, если не слишкомъ много, то по крайней мѣрѣ столько, сколько лѣвая рука помогаетъ правой. Можетъ быть, не всѣ еще забыли, что когда у козаковъ подъ Берестечкомъ, что называется, *кобыла порохъ поѣла* — выбачайте и вы, панове — и Ляхи гнали ихъ отъ замка до замка; то женщины становились на валы поручъ съ козаками, даромъ, что вмѣсто сабель и винтовокъ держали въ рукахъ косы да горшки съ кипяткомъ.

— Нѣтъ, мы этаго не забыли! сказалъ Шрамко. У насъ этаго и довбнею изъ головы не выбьешь! Женщины наши явили тогда себя настоящими козачками и, спасибо имъ, помогли козацкому батьку удержать разливъ Ляховъ по Украинѣ, пока онъ успѣлъ собрать войско подъ Бѣлою Церковью.

— Ну, добре, отвѣчала Череванша, между-тѣмъ какъ ея мужъ потиралъ отъ удовольствія руки и смѣялся въ знакъ радости, что его жена въ

такой знатной компаніи умѣетъ повести рѣчь, какъ слѣдуетъ — ну, добре, пане полковнику. Коли уже пошло на то, чтобъ хвастать, то я спрошу васъ, кто въ Трилѣсахъ попотчевалъ копитана Штрауса, такъ-что на валъ карабкался съ головою, а съ валу полетѣлъ безъ головы?

-- Га-га-га! засмѣялся Череванъ. А що, бгате! у мене жинка не абы-яка! Проклятый Штраусъ лѣзъ, какъ демонъ, съ своими Нѣмецкими чертями на наши выстрѣлы, взобрался на самый валъ, и хоть я, бгате, досталъ себѣ добрую стальную сорочку, но онъ такъ попотчевалъ меня Нѣмецкою рогатиною, что пропоролъ мнѣ насквозь то, безъ чего я не былъ бы и Череваномъ. Га-га-га! Я къ чорту такъ и повалился, бгате, снопомъ на землю. Какъ тутъ подоспѣла моя Мелася, да какъ хватитъ его косою по шеѣ: голова такъ и отлетѣла!

— Ну, что ты скажешь на это, батько? сказалъ Сомко. Не уже ли, послѣ рукъ такой женщины, гетмана одолѣетъ когда-нибудь женскій страхъ?

И, не дождавшись отвѣта, передалъ Черевашѣ булаву. Шрамко насупился, однако жъ смолчалъ.

— Желалъ бы я, продолжалъ Сомко, найти себѣ гетманшу, подобную пани Черевашѣ.

— Я знаю одну женщину, которая ни въ чемъ ей не уступитъ, сказала Череваша, передавая булаву своей дочери.

— Отъ всей души вѣрю! воскликнулъ Сомко, и какъ я ни въ чемъ не люблю проволочекъ и окольныхъ путей, то сейчасъ же и прямо объявляю

всѣмъ присутствующимъ, что засваталъ у пани Череванши ея Лесю, когда она была еще малюткою. Теперь благослови насъ, Боже, ты, панотче, и ты, паниматко!

Тутъ онъ взялъ за руку смущенную дѣвушку и поклонился отцу и матери.

— Боже васъ благослови, дѣти мои! сказала Череванша, не дожидаясь своего мужа, который отъ удивленія и радости долго не могъ собраться съ духомъ.

— Такъ вотъ зачѣмъ вамъ нужно было на богомолье! сказалъ Шрамко, впрочемъ безъ всякой досады. Ну, счасти жъ вамъ Боже и поможи; а мы себѣ найдемъ невѣсту. *Сёго цвьту багато по всёму свьту.*

— Бгатъ Шрамко! сказалъ Черевапъ: хоть я и радъ такому знатному зятю; но, ей Богу, бгате, лишиться такаго свата, якъ ты, для меня также тяжело, какъ и не ѣсть цѣлые два дня!

— Въ чемъ же тутъ дѣло? спросилъ гетманъ.

— А вотъ въ чемъ, пане гетмане, отвѣчалъ Шрамко. Я не зналъ, что это твоя невѣста, да и сосваталъ-было ее у своего пріятеля за моего Петра.

— А теперь такъ легко мнѣ ее уступаешь?

— Я не знаю, чего бъ я не уступилъ тебѣ, кромѣ души, которая принадлежитъ Богу.

— Таке знай же, батько, что и Сомко не одпаго себя только любитъ! Я знаю, что лучшей дѣвушки нѣтъ во всемъ свѣтѣ, и люблю ее, какъ свою

душу; но если бъ вмѣстѣ съ нею я долженъ былъ вырвать изъ груди свое сердце, то и тогда готовъ для тебя отъ нея отказаться!

— А я скорѣй обреку своего сына на вѣчное заточеніе въ монастырь, нежели приму отъ тебя такую уступку. Нѣтъ, пусть васъ Богъ благословитъ: вы одно для другаго созданы! Пусть будетъ въ коханой нашей Украинѣ гетманъ и гетманша краше всѣхъ владыкъ подъ солнцемъ!

— Если такъ, то зови жъ меня сыномъ, а я тебя передъ всѣми признаю за ридного батька! Благослови насъ, отче!

Онъ преклонилъ передъ Шрамкомъ съ своею невѣстою колѣна, и тотъ благословилъ ихъ съ важностью, приличною патріарху.

Череванъ былъ въ восхищеніи, что опять можетъ звать Шрамка своимъ сватомъ. Но каково было несчастному Петру! Право располагать сватовствомъ до такой степени было тогда предоставлено родителямъ, что никто не обратилъ даже вниманія на бѣднаго моего героя, который стоялъ возлѣ окна, опершись о стѣну, блѣдный и неподвижный, какъ статуя. Только Василь Невольникъ, помня происшествія вчерашняго вечера, взглянулъ на него и, догадавшись, что дѣлалось въ его душѣ, сказалъ тихонько: Охъ, Боже правый, Боже правый! *половина свѣта скаче, а половина плаче.*

При всемъ однако жъ своемъ мученіи, Петро, глядя на Лесю и на Сомка, когда они стояли въ парѣ, не могъ не сознаться, что лучшаго жениха нельзя

было найти для этой царицы женской красоты, и что одинъ Сомко не казался при ней существомъ низшаго разряда. Отъ этаго впрочемъ ему было ничуть не легче, и онъ готовъ былъ лучше провалиться сквозь землю, нежели видѣть это прекрасное само по себѣ, но мучительное для него явленіе.

— Ну, скажи жъ теперь мнѣ, мой старшій сыну, сказалъ Шрамко, чи вже бъ то для однаго сватовства пріѣхалъ ты въ Кіевъ?

— Нѣтъ, батько мій ридный, козацкое слово, нѣтъ! Есть у меня гораздо важнѣйшее дѣло. Я пріѣхалъ къ высокопочтенному отцу игумену Инокентію Гизелю переговорить кое о чемъ касательно училищъ народныхъ и, таки негдѣ правды дѣвать, думалъ было навѣдаться и въ Хмарище, но не для сватовства. Я хочу, чтобъ моя Леся вышла замужъ за гетмана, признаннаго и самимъ Царскимъ Величествомъ, такъ-чтобъ была гетманша на всю губу. Но что это мы такъ заговорились! вѣдь сегодня, вѣрно, никто изъ насъ еще не пилъ и не ѣлъ? Нуте лишь по чарцѣ!

— Вотъ это лучше всего на свѣтѣ, бгате! сказалъ Череванъ. Я совсѣмъ отощалъ, такъ-что не могу и радоваться, какъ слѣдуетъ.

Въ это время кто-то подъ окномъ закричалъ: *пугу!* восклицаніе, перенятое пустынными рыцарями Запорожцами у филина и употребляемое ими для извѣщенія кого-нибудь о своемъ прибытіи. Это было такъ неожиданно, что нѣкоторые вздрогнули. Сомко подошелъ къ окну и посмотрѣвши сказалъ:—

Э, да это нашъ пріятель Кирило Туръ! И потомъ отвѣчалъ ему по обычаю: — Козакъ зъ лугу!

— Ваши головы! сказалъ Запорожецъ.

— Ваши головы, ваши головы! Двери настежъ.

Это значило, что хозяинъ обѣщаетъ въ своемъ дому безопасность и проситъ войти.

— Не знаю, сыну, сказалъ Шрамко, что за охота тебѣ водиться съ этими пугачами? Это самый вѣроломный народъ, на который ни въ чемъ городовому козаку нельзя положиться.

— То правда, батько, отвѣчалъ гетманъ, что добрые молодцы честны только въ своемъ кошѣ, а въ городахъ шутя готовы дѣлать всякія пакости; но межъ ними есть рѣдкіе люди, которыхъ цураться не надо. Этотъ, напримѣръ, Кирило Туръ... Повѣришь ли, что я уже нѣсколько разъ обязанъ ему жизнію? Онъ на Сѣчи куреннымъ отаманомъ, славится межъ Запорожцами силою, отвагою, военнымъ искуствомъ, и сверхъ того презабавный балагуръ. Но разгадать его характеръ также трудно, какъ разсмотрѣть ласточку на лету. Врагъ его знаетъ, что это за странная смѣсь добродѣтелей и пороковъ! Иной разъ ты бъ сказалъ, что это самъ дьяволъ и что въ немъ нѣтъ ни капли человѣколюбія; а иногда онъ является самымъ великодушнымъ и щирымъ человѣкомъ. Всегда таскаетъ за собою какаго-то Черногорца, который только сопится и молчитъ, но котораго онъ любитъ, какъ роднаго брата, и называетъ вторымъ рыцаремъ послѣ себя. Себя жъ безъ церемо-

ніи считаетъ первымъ удальцемъ въ свѣтѣ и готовъ доказать это саблею всякому, кто бы въ томъ усомнился.

— Чтобъ ихъ чортъ побралъ съ ихъ удальствомъ, этихъ бездѣльниковъ! сказалъ Шрамко. Насолили они и самому Хмѣльницкому своими бунтами да самоуправствомъ! Однако жъ грѣхъ не сознаться, что и межъ ними есть добрые люди. Разъ, чатуючи съ десяткомъ козаковъ въ полѣ, я попалъ-было въ такую западню, что не знаю, какъ изъ нея и выбрался бъ. Окружилъ меня цѣлый отрядъ Ляховъ. Нечестивцы узнали меня по моимъ шрамамъ и такъ обрадовались, что половина рубится съ нами, а половина плещетъ въ ладони. Уже подо мною и конь убитъ; я отбиваюсь стоя, а имъ окаяннымъ непремѣнно хочется взять меня живаго, чтобъ потѣшиться такъ, какъ надъ Наливайкомъ, Остраницею и другими несчастными. Вдругъ откуда ни возьмись Запорожцы: *пугу! пугу!* Ляхи наши въ-ростычь, а было ихъ больше сотни. Оглянусь, а Запорожцевъ всего пятеро! Слыханное ли дѣло, чтобъ полдесятка человѣкъ кинулись на сотню *?

* Одинъ добрый человѣкъ, мало изучавшій воинскія дѣянія, усомнился-было въ возможности такаго происшествія. Если бъ мы жили во времена Шрамка, то всего легче было бъ его увѣрить, заставивъ почтеннаго полковника повторить изустно его слова, напечатанныя въ этой книгѣ; но теперь я могъ сослаться только на нѣсколько подобныхъ примѣровъ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію. Добрый мой человѣкъ убѣдился больше всего расказомъ Польскаго жолнѣра XVII вѣка о томъ, какъ ему съ 20-ю, или съ 22 человѣками, удалось не только защититься отъ 300 человѣкъ Польскихъ мародеровъ, но и разбить ихъ. (Pamiętniki Paska, 130 — 134.)

— Да, сказалъ Сомко, межъ ними есть добрые рыцари!

— Скажи лучше, сыну, были, а теперь перевелись къ чорту: зерно высѣялось за войну, а въ кошѣ осталась одна полова.

— Овва! сказалъ громко Запорожецъ, показавшись съ своимъ товарищемъ въ дверяхъ и насмѣшливо глядя на Шрамка.

Привожу этотъ расказъ здѣсь въ переводѣ. «....Какъ вотъ и ѣдутъ на трехъ-стахъ коняхъ. Еще издали, по снѣту, завидѣлъ ихъ жолнѣръ, стоявшій на стражѣ, и застучалъ тотчасъ въ окно: «Вставайте, ваша мость! пожаловали гости!» Тѣ подступили ужъ близко. Жолнѣръ кричитъ: «Кто тамъ?» а ему въ отвѣтъ: «Сейчасъ узнаешь, скурвый сынъ, кто!» У драгуновъ не было пороху; я далъ имъ и велѣлъ поскорѣе заряжать мушкеты; а тутъ и пуль нѣту. У меня ихъ было немного; я зарядилъ свое ружье и драгунамъ удѣлилъ, сколько было можно. Между-тѣмъ, какъ они (непріятели) подступали ближе и ближе, стражникъ закричалъ: «Не наступай! выстрѣлю!» Вахмистръ вышелъ и спрашиваетъ: «Что вамъ надо?» — «Намъ нужно бы пожаловаться за вчеращнее дѣло, что насъ тутъ поколотили. Кто здѣсь старшій?»—«Я старшій, отвѣчалъ вахмистръ: мнѣ уже 45 лѣтъ — прочіе помоложе.»—«Это шутка, отвѣчаютъ ему: да кто тутъ командиръ?» — «Командиръ въ избѣ,» говоритъ вахмистръ. — «Пустишь насъ къ нему?» — «Пущу, говоритъ, только не купой, потому-что съ жалобой такъ не ѣздятъ.»— «Пустите жъ насъ съ десяткомъ коней.» — «Хоть и съ двадцатью.» Тогда пріѣхало ихъ пятнадцать коней. Одни пистолеты были у нихъ за поясомъ, а другіе въ кобурахъ. Какъ только въѣхали, я велѣлъ своимъ стать у воротъ, другіе стояли возлѣ дверей; кони были уже осѣдланы. Они вошли въ избу: — «Чоломъ»! — «Чоломъ»! Тогда спрашиваетъ его-мость полковникъ: «Что тутъ за люди, откуда и куда идутъ, и зачѣмъ вчера ограбили и порубили жолнѣровъ моего полка?» А я ему: «Позвольте жъ узнать, кто его-мость панъ полковникъ?» Говоритъ: «Его-мость панъ Мурашка». А прочіе сопутъ, скрежещутъ зубами, крутятъ и грызутъ усы. Вдругъ 300 коней окружили хату и закричали: «Постойте вы, регалисты, мы васъ тотчасъ перевяжемъ, какъ барановъ.» Я между-тѣмъ отвѣчаю полковнику: «Какъ правый жолнѣръ службы рѣчи посполитой, находящійся въ войсковомъ спискѣ, хотя я и не обязанъ распространяться передъ е. м. паномъ полковникомъ о томъ, откуда я

— Что то за *овва!* вскрикнулъ Шрамко, ъ вспыхнувъ и подступивши къ Запорожцу.

— Овва, пане полковнику! повторилъ Запорожецъ, ни мало не смутившись. Видно, ты такъ же хорошо знаешь Запорожскій кошъ, какъ и монастырскія малёвидла! Ха-ха-ха! Перевелись? Гдѣ те-

иду и куда, но какъ мнѣ нечего стыдиться передъ цѣлымъ свѣтомъ своихъ поступковъ, то я не хочу *denegare* въ отвѣтъ вопрошающему, куда я иду и...» и т. д. Я сказалъ одно Латинское слово *denegare*, и потому кто-то отозвался: — «Мосципане! только не по-Латыни съ нами, — тутъ дѣло идетъ съ простыми жолнѣрами.» — «Вижу, говорю, что ты простой жолнѣръ; однако жъ я объясню и простому просто, и кривому, какъ мнѣ заблагоразсудится.» Между-тѣмъ говорю вахмистру: «Дайте мнѣ ту бумагу, что у васъ.» Онъ досталъ ее изъ кармана и отдалъ мнѣ, а я передалъ полковнику, который, прочитавши ее, спросилъ: «А зачѣмъ вы вчера пошарпали нашу чату и порубили нѣсколькихъ товарищей?» А я ему: «За тѣмъ, что у васъ не въ модѣ грабить дворы въ своей отчизнѣ, а особливо, стоя на квартирахъ. Мы приняли васъ за непріятелей. Но теперь, говорю, когда я свое сдѣлалъ, то и отъ васъ тогоже требую: скажите мнѣ, что за отношеніе, или лучше, что у васъ за претензія къ рѣчи посполитой, когда вы, будучи волонтерами и не заслуживъ у нея ничего, пошли въ конфедерацію, да еще наѣзжаете на шляхетскіе дворы и, кажется, готовы грабить?» — «Ты, говоритъ, того стоишь!» Тогда уже я понялъ, что ласкою немного успѣешь, что нужно прибѣгнуть къ желѣзнымъ объясненіямъ, и такъ сильно хватилъ его въ грудь обухомъ, который былъ у меня въ рукахъ, что онъ повалился подъ лавку. Въ ту жъ минуту двое выстрѣлили по насъ съ вахмистромъ изъ пистолетовъ, вахмистру прострѣлили платье, а меня Богъ спасъ, и, кажется, потому, что я наклонился къ землѣ за пистолетомъ, который выпалъ у меня изъ-за пояса въ то время, какъ я ударилъ обухомъ волонтера. Тогда на нихъ, въ Божій часъ! Половина ихъ осталась въ избѣ, а другая выбѣжала въ сѣни. Вотъ и начали раздачу закусокъ: мы съ вахмистромъ въ избѣ однимъ, а въ сѣняхъ товарищи другимъ. У однаго драгуна былъ страшный Московскій бердышъ, и онъ чудесно потчевалъ имъ тѣхъ, что уходили изъ избы. Тутъ осаждающіе бросились къ хатѣ, выстрѣлили, но наши выдержали огонь въ воротахъ. Только три драгуна выстрѣлили. У непріятеля двое упали съ коней, и нашего одного ранили въ шею. Усмиривъ находившихся въ хатѣ, мы придавили ихъ порядочно, а которые

бѣ, батьку, перевелись? Хиба жъ даромъ сказано въ пѣснѣ:

Течуть рѣчки зъ всёго свѣту до Чорного моря?

Какъ въ Черномъ морѣ вода не переведется, «поки свѣтъ сонця,» такъ и въ Сѣчи во вѣки вѣчные не переведутся добрые рыцари. Со всего свѣту слетаются они туда, какъ орелъ къ орлу, какъ соколъ къ соколу. Вотъ хоть бы и мой побратимъ Черногоръ... Но не о томъ теперь рѣчь. Чоломъ тебѣ,

были въ сѣняхъ, тѣ, схвативъ, что попалось подъ руку, убрались по-подъ заборами безъ коней. Другая жъ купа, отодвинувшись подальше, начала кричать: «А ну-ка самъ въ поле, ну-ка самъ, самъ въ поле!» А я отозвался: «Подождите, говорю, и это можетъ еще быть!» Воротившись въ избу, я велѣлъ перевязать оставшихся и отдалъ ихъ хозяину, отдалъ ему еще и двое саней... Выхожу и думаю: что дѣлать? выѣзжать ли къ нимъ въ поле, или нѣтъ? Одни совѣтовали мнѣ, а другіе отклоняли отъ этаго, говоря, что у нихъ большая сила, и мы не выдержимъ. Мы уже рѣшились было упорно отбиваться и только прогонять ихъ отъ хаты, но видя, что они свозятъ снопы, зажигаютъ и хотятъ кидать ихъ на хату, я закричалъ: «Не безпокойтесь, храбрые рыцари, мы тотчасъ будемъ къ вамъ въ-гости; не вводите жъ ради насъ людей въ убытокъ.» Тогда начало уже свѣтать. Снарядившись хорошенько, драгуны сѣли на лучшихъ своихъ коней, а худшихъ оставили на подворьи, набили мушкеты, чѣмъ попало — камушками, гвоздями; пуль не было; только и поживились у нѣсколькихъ плѣнниковъ тѣмъ, что нашли въ ладункахъ... Тогда я крикнулъ: «Эй, панове, поѣзжайте-себѣ! оставьте насъ»! А они: «Такъ ты, скурвый сынъ, еще и грозишь намъ! Постой, не улизнешь ты отъ насъ даромъ! выкуримъ мы тебя отсюда, какъ крота изъ ямы!» На эти слова отозвался вахмистръ: «Если нападете на насъ, то мы прежде снимемъ головы тѣмъ, что тамъ лежатъ перевязанные.» А они: «Мы уже то перегоревали, да и ты жъ не уйдешь, дьявольскій сынъ!» Послѣ сего они начали подступать съ огнемъ къ хатѣ, крича: «Выходите жъ, вражьи сыны, а то за васъ и бѣднымъ людямъ достанется».—«Сейчасъ, сейчасъ, говорю, мои панове!» Туть мы и выѣхали въ числѣ 20 или болѣе человѣкъ, включая туда и слугъ, колѣно съ колѣномъ. Я же, въ случаѣ бы насъ окружили, приказалъ задней шеренгѣ тотчасъ оборотиться къ непріятелю фронтомъ,

пане ясновельможный! чоломъ вамъ, панове громада! чоломъ и тебѣ, шановный полковнику, хоть и не по нутру тебѣ Запорожцы! Ну, якъ же ты, пане полковнику, вернувся до обозу, не маючи коня?

— Ироде! сказалъ Шрамко, покосивши на не-

а спиной къ переднему ряду, и стрѣлять не болѣе, какъ по два, по три вдругъ, когда я или вахмистръ скомандуемъ: онъ былъ при задней шеренгѣ, а я при передней. Вахмистръ сидитъ на взятомъ у нихъ дикомъ Калмыцкомъ конѣ, который бросается подъ нимъ, какъ коза... Ружей у насъ довольно; мы отобрали у плѣнниковъ. Едва мы отдалились на нѣсколько сажень отъ дома, они тотчасъ отъ насъ улизнули; а послѣ такъ и случилось, какъ я говорилъ: начали подъѣзжать къ намъ полумѣсяцемъ, чтобъ ударить на насъ стылу. Когда они были уже близко, я закричалъ своимъ: «Стойте!» и въ ту жъ минуту задняя шеренга оборотилась спиной къ передней. Тутъ нѣкоторые съ крикомъ бросились па насъ по-непріятельски, сдѣлали густой залпъ изъ пистолетовъ и карабиновъ и наступили близко рядъ на рядъ. Я выстрѣлилъ разомъ изъ двухъ пистолетовъ—третій у меня за поясомъ; мои драгуны также выстрѣлили изъ трехъ или четырехъ пистолетовъ и изъ ружей. Тогда тотъ, что задрался-было со мною, схватился за луку: видно, былъ раненъ; а одинъ изъ моихъ драгуновъ выступивши далъ ему такъ по затылку, что онъ повалился съ коня. Одинъ изъ моихъ драгуновъ въ первомъ ряду также упалъ на земь: подъ нимъ убили коня. Какъ только я увидѣлъ, что драгунъ подымается, отодвинулся немного въ-сторону, потомъ опять ихъ попотчевалъ, и кое-кто изъ нихъ охнулъ. Противъ задняго фланга также нѣсколько противниковъ пало. Видя, что насъ разорвать невозможно, давай кричать: «Возвратите намъ нашихъ! чортъ васъ побери совсѣмъ»! А вахмистръ: «Что жъ вамъ въ нихъ, когда они уже безъ головъ?» Тутъ они бросились на насъ въ третій разъ, но уже начали стрѣлять издалека, не наступая близко. Это намъ было на-руку: подступивши къ нимъ, давай стрѣлять по два; а прочіе заряжали. Противники все больше и больше отступали, и когда вагнали мы ихъ на огороды и густые плетни, они давай ломиться, а мы наступать. Проломивши одинъ, они кинулись къ другому и, бросивши коней, ушли въ лѣсъ, что тутъ же былъ за огородомъ. Тогда-то наша взяла! Я однако жъ не велѣлъ ихъ преслѣдовать; только на плотахъ поймано нѣсколько раненныхъ и двухъ убито. Трехъ нашихъ драгуновъ, меня и моего слугу также ранили; коней ранили у насъ шесть, убили двухъ, но за то было изъ чего выбрать на ихъ мѣсто.»

го сверкающіе изъ-подъ бѣлыхъ бровей глаза: если не хочешь знать, сколько силы осталось еще въ моей старой рукѣ, то держи языкъ за зубами! Я только честь на себѣ кладу въ этомъ святомъ мѣстѣ, а то давно бы проучилъ тебя...

— То есть, вынулъ бы саблю и сказалъ: «а ну, Кирило, помѣряемся»? Козацкое слово, я отдалъ бы шалевый свой поясъ за то, чтобъ только помѣряться съ высокоименитымъ паномъ Шрамкомъ! Но этаго никогда не будетъ. Скорѣй допущу тебя раскроить, якъ качанъ, мою голову, нежели выну свою саблю противъ твоихъ шрамовъ и твоей длинной рясы!

— Такъ чего жъ ты отъ меня хочешь, оса ты проклятая? сказалъ Шрамко, смягчившись этимъ знакомъ уваженія къ своимъ козацкимъ заслугамъ и къ своему священническому сану.

— Ничего больше, какъ только, чтобъ ты разсказалъ мнѣ, якъ ты добравсь до табора пѣшкомъ.

— Тьфу, сатана! сказалъ Шрамко засмѣявшись. Въ самомъ дѣлѣ это престранный человѣкъ! На него нѣтъ возможности сердиться. Такъ и быть, разскажу тебѣ всю эту исторію; только не доводи меня больше до грѣха. Когда разбѣжались къ нечистой матери Ляхи, одинъ Запорожецъ, съ такою толстою мордою, какъ у тебя, только-что вся была въ крови и въ пыли, подъѣхалъ ко мнѣ да и говоритъ: «Э, батьку! да у тебя коня нема? Жаль покинуть такого казака Ляхамъ на потáлу! Братцы,

добудемъ ему коня! Гайда за мною»! и припустилъ въ слѣдъ за Ляхами.

— Що жъ? добули?

— Добули вражьи дѣти! Вернулись съ добрымъ мериномъ! Сдивовались мы съ козаками, — негдѣ правды дѣвать. Якъ же й не сдивоваться, когда у самихъ кони томленные, а скакуна такого достали, что такъ и играетъ въ поводу?

— Это, пане полковнику, значитъ — знай нашихъ! часомъ Запорожецъ и чортомъ орудуе, такъ якъ скотиною! Гмъ, гмъ!

Такъ говорилъ Кирило Тутъ, поглаживая усы и значительно посматривая на все собраніе.

— Я не прочь отъ тоӥ мысли, что тутъ безъ нечистой силы не обошлось, сказалъ Шрамко. Спрашиваю: «Какъ это вы доскочили такого знатнаго жеребца»?—«Намъ-то знать, батьку. Садись да поѣзжай себѣ съ Богомъ, бо Ляхи не за горою: часомъ страхъ у нихъ проходитъ скорѣе, нежели похмѣлье.»

— Ага, у насъ такъ! подхватилъ Кирило Туръ, наши не любятъ передразнивать квочку, що якъ знесе яйце, то накудкудахтае цѣлый двиръ! Ну, за то, что ты разсказалъ мнѣ эту исторію, я раскажу тебѣ, какъ тѣ Запорожцы доскочили коня. Какъ только Ляхи осмотрѣлись, что бояться некого, то уже чуть-было опять на нихъ не напали; но отаманъ приложился изъ карабина и угодилъ ихъ ротмистру якъ разъ межъ очи. Ляхи опять въ ростычъ, а я за коня... тьфу! къ чорту! я хотѣлъ сказать: а отаманъ за коня — да и привелъ тебѣ.

— Що за вража мати! сказалъ Шрамко, присматриваясь къ Запорожцу. Да чуть ли это не съ тобою самимъ я имѣлъ дѣло?

Запорожецъ громко засмѣялся: —Ага, пане полковнику! такъ-то ты помнишь старыхъ знакомыхъ!

— Ну, выбачай, козаче! сказалъ Шрамко, обнявши его. По моей головѣ столько разъ стучали сабли и надѣлки *, что совсѣмъ выбили изъ нея память.

— Однако жъ, пане полковнику, сказалъ Запорожецъ, не обнимай меня такъ, бо нѣ за що. Коли бъ такъ обнимали нашего брата всѣ, отъ кого трапилось отогнать собакъ, то давно бъ измяли человѣка, *мовъ швець Семенъ шкуру*.

— Отъ всей души радуюсь, сказалъ Сомко, что вы сошлись межъ собою подружески. Отъ же тебѣ, козаче, чарка въ руки; выпей — да пора и за столъ.

— Прошу жъ не забывать и моего побратима, отвѣчалъ Запорожецъ.

— Не забудемъ, не забудемъ. Я знаю, что онъ работаетъ саблею лучше, нежели языкомъ.

— Не дивуйся, пане гетмане, что онъ какъ-будто держитъ воду во рту: онъ не изъ нашихъ. Теперь онъ таки-порядочно наломился говорить по-козацки: а скоро пришелъ къ намъ на Сѣчь, то посмѣшилъ братчиковъ довольно своею рѣчью: только и слышали отъ него *бре* да *море*! Видишь ли, у нихъ такое глупое заведеніе, що безъ *бре* и *море*

* Бердыши.

нельзя въ разговорѣ обойтись, такъ якъ кашевару безъ соли. А добрый парень, или, какъ говорятъ у нихъ, *юнакъ!* о, добрый! тяжко добрый! За то жъ я и люблю его тотчасъ послѣ себя.

Сомко началъ усаживать своихъ гостей за длинный столъ. Шрамка и Черевана посадилъ на покутѣ, подъ самыми образами, самъ сѣлъ на хозяйскомъ мѣстѣ, въ концѣ стола—на углѣ, а женщинъ посадилъ по лѣвую руку у себя на ослонѣ, ибо тогда первыя мѣста вездѣ предоставлены были мужчинамъ. Возлѣ Черевана занялъ мѣсто писарь Вуяхевичь съ нѣсколькими другими старшинами, а потомъ Запорожецъ съ своимъ молчаливымъ товарищемъ, посматривавшимъ довольно сурово и гордо на всѣхъ собесѣдниковъ. Взоръ его развеселялся только при взглядѣ на чернобровую красавицу, которой ничего подобнаго, видно, не встрѣчалъ онъ и въ славной своей Черногоріи.

Петру моему пришлось занять мѣсто возлѣ Леси, что во всякомъ другомъ случаѣ было бы ему очень пріятно, но теперь это было для него истиннымъ мученіемъ. Во все то время, когда другихъ забавляли ухватки и рѣчи Запорожца, онъ ничего вокругъ себя не видѣлъ и не слышалъ: видѣлъ только собственную душу, черезъ которую глубокая, непреодолимая тоска лилась широкою рѣкою, опрокидывая, разрушая и потопляя все, что до сихъ поръ составляло ея украшеніе, и превращая ее въ безплодную пустыню, гдѣ ни одно сѣмя надежды и радости не пуститъ корней. Бѣжать отъ этой

пагубной красоты, бросить родину, уничтожить въ своей душѣ всякое чувство любви и привязанности къ людямъ и поселиться гдѣ-нибудь въ безлюдной глуши — было теперь самымъ отраднымъ желаніемъ его озлобленнаго сердца. Теперь онъ горько жалѣлъ и мучился, что съ такою поспѣшностію, съ такимъ безразсуднымъ великодушіемъ повергъ въ жертву этому равнодушному божеству все лучшее, что только заключала въ себѣ его богатая чувствомъ душа, воспитанная поэзіею материнскихъ пѣсень, славою высокихъ патріотическихъ подвиговъ и возвышеннымъ религіознымъ энтузіазмомъ. Впрочемъ не обвинялъ онъ ни Леси, ни Сомка—и грусть его была тѣмъ сильнѣе, что онъ не могъ даже обвинять никого, кромѣ самаго себя и своего пылкаго сердца.

Гости усердно занялись разставленными передъ ними кушаньями, и нѣсколько времени слышны были только стукъ деревянныхъ ложекъ, сербанье вооруженныхъ усами ртовъ и сопѣнье Черевана, который не могъ нарадоваться, что наконецъ кончилось его говѣнье.

Сомко первый прервалъ молчаніе:—Ну, скажи жъ ты мнѣ, пане отамане, обратился онъ къ Запорожцу, какимъ вѣтромъ занесло тебя въ Кіевъ?

— Самымъ святымъ, пане гетмане, какой только когда-либо дулъ «изъ Низу Днѣпра». Провожаемъ прощальника до «святого Межигорского Спаса».

— А кто жъ прощается со свѣтомъ?

— Тотъ, что сказалъ батьку Богдану въ Бѣлой

Церкви: «Такъ-то ты, пане гетмане, берешся до покою зъ Ляхами, и насъ хочешъ выдать Ляхамъ на муки! донелѣ жъ те буде, самъ перше наложишъ головою»!

— Се бъ то Грицько Бугай?

— Онъ самый.

— Не думалъ я, чтобъ онъ такъ долго поносилъ на плечахъ голову. Презавзятая бестія! Я думалъ, что гетманъ тамъ и расплющитъ его своею булавою.

— И стоило бъ! отозвался Шрамко. Можно ли было даже подумать о покойномъ гетманѣ, чтобъ онъ выдалъ козаковъ Ляхамъ на муки? Скорѣй бы орелъ выдалъ своихъ орлятъ воронамъ!

— Гдѣ жъ твое товариство? продолжалъ Сомко.

— Да тутъ же, въ Кіевѣ.

— А ты жъ зачѣмъ отсталъ?

— Раскажу тебѣ, пане гетмане, все подробно, только дай промочить горло.

— Будь самъ своимъ виночерпіемъ. Ѣжъ и пей, чего душа забажае.

— Вотъ это лучше всего. Своя рука владыка. Только у васъ такіе никчемные кубки, що нѣ во що гараздъ и налить. То ли дѣло наши сѣчевые корячки? Въ нашемъ корякѣ можно бъ утопить иного мизерного Ляшка. Бо и не диво: дерево добывается сѣкирою, а сребро саблею; такъ покуда-то его добудешъ на кубокъ, на другоіі. Правду сказать, пане гетмане, и вы, шановная громада, мало толку въ вашихъ городовыхъ обычаяхъ: вы, бьючи Ляховъ,

и сами провонялись Лядскимъ духомъ: нема въ васъ Черноморского вѣтру, чтобъ освѣжить ваши головы и души.

— Что ты плетешь, дурню? сказалъ Сомко.

— Да все жъ на счетъ вашихъ кубковъ да коновокъ, отвѣчалъ Запорожецъ, ни мало не обидѣвшись. Дурни Ляхи, что позаводили у себя столько сребра да золота при столахъ: придали только охоты добрымъ молодцамъ разрывать ихъ таборы да брать города. Оттакъ же, панове, поживятся когда-нибудь и возлѣ васъ добрые люди...

— Кажется, ты сегодня не одинъ разъ уже помолился скляному богу, пане Низовый, сказалъ Шрамко, що городишъ такую несенитницю *?

— Всякая правда, пане полковнику, кажется сперва несенитницею, пока ее добре не разжуешъ...

— Дай ему волю, батько, сказалъ гетманъ; нехай наговорится, *поки не завизно* **.

— Да. такъ берегитесь, панове, продолжалъ Запорожецъ, щобъ и коло васъ не поживились добрые люди. Мы, Низовцы, лучше себѣ выгадали, куда дѣвать сребро-золото. Не заводимъ мы хуторовъ, не нагружаемъ сундуковъ, ѣдимъ и пьемъ изъ деревянной посуды, не справляемъ пышныхъ жупановъ, развѣ только для того, чтобъ покупаться въ дегтѣ — все это временное, скоропреходяще — ска-

* Ни сё, ни то.

** *Завизно* (завозно) говорится о мельницѣ, къ которой такъ много съѣхалось возовъ, что трудно дождаться, пока дойдетъ до тебя очередь молоть. Это-то и называется *завизно*. Отсюда и пословица: *Наговорись, поки не завизно*.

зано: *всуе человѣкъ мятется, сокровиществуетъ и не вѣсть, кому собираетъ*: мы що добудемъ на войнѣ, то «одну часть на Божіи церквы накладаемъ, щобъ за насъ встаючи й лягаючи милосердного Бога благали», а другую часть отдѣляемъ на войсковыя нужды, а третью часть беремъ, пьемъ да гуляемъ! Що Богу человѣкъ отдавъ, то вже не пропаде, а що спивъ, зъѣвъ да згулявъ, того вже нихто не отниметъ: ни Турокъ, ни Татаринъ, ни черная Лядская душа съ Жидовою!

— Правда, бгатъ, ей Богу правда! воскликнулъ Черевань, въ котораго тучномъ тѣлѣ таилось живое сочувствіе къ запорожскому бурлачеству. Я давно говорю, бгатцы, что только въ Сѣчи и умѣютъ жить по людски. Ей Богу, бгатъ, обратился онъ къ Запорожцу, если бъ у меня не жинка да не дочка, то бросилъ бы я всякую суету мірскую да и пошелъ къ вамъ на Запорожье!

— Гмъ! признаюсь, не много такихъ помѣстилось бы въ куренѣ—сказалъ Запорожецъ, окинувши глазами его фигуру, чѣмъ разсмѣшилъ своихъ собесѣдниковъ. Самъ Черевань простодушно смѣялся.

— Я отъ души люблю этаго удальца, сказалъ гетманъ въ полъ-голоса Шрамку. Правда, онъ иногда бываетъ грубъ и даже дерзокъ, но все это въ немъ прикрыто такимъ любезнымъ простодушіемъ и прямотою характера, что на него, кажется, нельзя бъ долго сердиться и за самое злодѣйство, что у нихъ, правду сказать, ни по чемъ. Этотъ народъ смѣется надъ всѣми радостями и горестями человѣ-

чества, и готовъ ради шутки сдѣлать человѣку всякую пакость. По ихъ мнѣнію, ничто въ мірѣ не стоитъ ни радости, ни печали. Философы, бестіи! смотрятъ на міръ изъ бочки, только не изъ пустой, какъ Діогенъ циникъ, а окунувшись по шею въ горѣлку. Этому молодцу, какъ я говорилъ тебѣ, я нѣсколько разъ обязанъ жизнью. Онъ нѣкоторымъ образомъ играетъ ролю моего духа-защитника. Неразъ приходилось мнѣ погибать или отъ ранъ посреди покрытой трупами степи, или въ неравной схваткѣ одинъ противъ цѣлой толпы — вдругъ онъ и явится какъ будто съ неба...

— Только то горе, пане гетмане, сказалъ Запорожецъ, вслушавшись въ послѣднія его слова, только то горе, що не явлюсь тогда, какъ смерть не шутя уже замахнется на тебя косою.... А жаль такой прекрасной головы, если она, не доживши еще до сѣдыхъ волосъ, отскочитъ отъ туловища, свища кровью и мигая этими свѣтлыми очами!

Шутка эта была такъ неожиданна и отозвалась чѣмъ-то такимъ ужаснымъ, что многіе вздрогнули, а женщины не могли удержаться отъ стона.

— Катъ знае, що мелешъ, дурню! сказалъ Сомко; испугалъ только женщинъ. Раскажи лучше, какъ ты отсталъ отъ своей громады. Тамъ, я думаю, «безъ тебя и въ головы низко».

— Катъ? продолжалъ Запорожецъ съ серьёзнымъ видомъ. Ты говоришь, пане гетмане, що катъ про те знае? Не знаю, чи знае винъ, чи не знае...

— Да ну къ нечистому! не за хлѣбомъ згадуючи, прервалъ его Сомко.

— Не понутру тебѣ, пане гетмане, такая казка.... Гмъ! конечно... кому охота умирать?... Такъ вы хочете знать, какъ я отсталъ отъ своей громады? Ось якъ. Можетъ быть, вы слыхали когда-нибудь о побратимахъ? Побратимовъ, говорятъ, въ-старину было въ Сѣчи не мало: какъ ни отрозняйся отъ свѣта, а все душа ищетъ къ кому-нибудь прихилиться: вотъ и выбираютъ себѣ по любви *названнаго* брата. Теперь что-то занехаяли у насъ этотъ обычай. Но вотъ, спасибо ему, мой Черногоръ напомнилъ мнѣ про побратимовъ. У нихъ, говоритъ, побратимы на каждомъ шагу, и все у побратимовъ пополамъ: добыча и жизнь каждаго принадлежитъ не одному ему; если одинъ попадется въ бѣду или въ неволю, другой вызволяетъ; если одинъ женится, другой ведетъ свадебный поѣздъ; а въ войнѣ меньшій старшему служитъ джурою. Э, некъ ёго матери! думаю себѣ, да это славно! — Давай, говорю, и мы сдѣлаемся побратимами, съ тѣмъ, чтобъ не разлучаться до смерти. — «Давай». Вотъ и зашли въ церковь, помолились, взяли благословеніе у панотца, или, какъ говорили въ-старину, взяли *шлюбъ побратимства*, и теперь уже мы родные братья, хоть и не отъ одной матери.

— Ну, а потомъ?

— А потомъ — какъ это всегда бываетъ, что не успѣетъ человѣкъ сдѣлать доброе дѣло, какъ дьяволъ, не за хлѣбомъ згадуючи, и подсунетъ ис-

кушеніе, — потомъ оглянулся, ажъ стоитъ такая краля, що только гмъ! да й годи.

— Ой? чи вже? И будто женщина искушала когда-нибудь Запорожца?

— Ой-ой-ой, пане гетмане! да ще якъ? И не диво: Адамъ, нашъ праотецъ, былъ не нашего брата, да и тотъ не устоялъ противъ этаго искушенія.

— Откуда жъ она взялась?

— Спроси жъ ты ее самъ, откуда, бо зъ такою пышною панною я и заговорить боюсь.

— Такъ это вонъ кто! Э, братъ, шкода жъ твоего повáбу: это моя невѣста.

— Да мнѣ до того мало нужды, пане гетмане, а то горе, що зовсѣмъ меня причаровала.

— Браво! медвѣдь попался въ сѣти. Что жъ теперь будетъ?

— А що жъ? Медвѣдь уйдетъ въ свою берлогу и сѣти за собою потянетъ.

— Какъ? Запорожецъ повезетъ женщину въ Сѣчь?

— Не въ самую Сѣчь. Есть и безъ Сѣчи довольно мѣста на землѣ.

— И вотъ это такой завзятый Сѣчевикъ, да еще и куренный атаманъ, для женщины броситъ товариство?

— А чому жъ? да для такой крали можно отказаться отъ всего на свѣтѣ, не только отъ товариства. Самъ, пане гетмане, бачишъ, що за пышная урода! по неволѣ за сердце хватаетъ!

— Ну, въ какую жъ ты берлогу потянулъ бы этѣ сѣти?

— Въ какую? ты хочешъ пане гетмане, що бъ я щиро во всемъ тебѣ признался?

— Конечно.

— Ну, такъ вотъ же тебѣ вся исторія. Нужно тебѣ знать, что Черногорія, по расказамъ моего побратима, есть та же Запорожская Сѣчь, только тамъ люди не цураются бабскаго роду. А то и подѣлена также, якъ у насъ, на курени, или по ихнему на *братства,* и надъ каждымъ братствомъ также выбирается отаманъ. Воевать же съ бусурманами у нихъ можно хоть каждый день. Да какъ у нихъ воюютъ, если бъ ты зналъ! Когда начнетъ расказывать мнѣ мой побро, то ажъ духъ радуется. Побро мой соскучился безъ своей Черногоріи и давно проситъ меня къ себѣ въ-гости. Почему жъ вольному козаку не погулять по свѣту и не повидать, какъ живутъ иные народы? Я согласился наконецъ поѣхать къ нему поиграть съ Турками и показать передъ его земляками лыцáрство козацкое. Для того и взялъ съ нимъ шлюбъ побратимства, чтобъ воевать вмѣстѣ на невѣрныхъ до тѣхъ поръ, пока положимъ головы. Но какъ увидѣлъ эту кралю, такъ душа вотъ такъ ногами вверхъ и перевернулась! Говорю своему Черногору: «Якъ собѣ хочешъ, побро, а я безъ этой *дьвойки* не въ-силахъ прожить на свѣтѣ и одного мѣсяца». Не дурень же и мой побро: «Море, драгіи побратиме! у насъ, говоритъ, если кому приглянется *руса коса,*

то недолго вздыхаетъ. Хватаетъ русу косу, какъ соколъ чайку, и идетъ къ попу вѣнчаться».

— А если у этой чайки есть братья орлы и родственники соколы? сказалъ Сомко.

— Въ томъ-то и дѣло, пане гетмане, що у нихъ для этаго сами вызываются пріятели: *Гайде, море, да ти отмемо дѣвойку!* соберутся, вооружатся какъ на войну, и уже если приберутъ къ рукамъ русу косу, то скорѣй головы свои положатъ, нежели уступятъ ее родственникамъ. Разумѣется, стараются схватить дѣвойку такъ, какъ волкъ ягненка; а зная, что за ними будетъ погоня, ведутъ ее сперва въ лѣсъ и тамъ вѣнчаютъ, а потомъ уже ѣдутъ въ село. Туда жъ хоть и прибѣжитъ погоня, то уже чорта съ-два что сдѣлаетъ: по неволѣ родные должны примириться; а если вздумаютъ позываться, то и тутъ немного выиграютъ. Когда спросилъ судья: *Или е сила, или драга воля?* то дѣвойка почти всегда отвѣчаетъ: *Ни е сила, веть** драга воля; я щу*** за *нимъ и у гору и у воду,* и тогда уже ничего не остается дѣлать, какъ играть свадьбу ***. Пекъ его матери! Такой обычай пришелся якъ разъ по моему нраву, и врагъ меня возьми, если я самъ не готовъ сдѣлаться *отмичаромъ!*

— Что за балагуръ этотъ усачъ! говорилъ смѣясь Сомко. Видно, у васъ тамъ въ Сѣчи только

* Но.

** Хочу.

*** Но если дѣвушка скажетъ, что была сила и что не станетъ жить съ своимъ похитителемъ ни нынѣ, ни завтра, хоть бы ее изрубили

и дѣлаютъ, что одинъ другаго забавляютъ выдумками.

— Э, пане гетмане! наши братчики дѣлаютъ каждый день столько чудесъ, что не нужно и выдумывать. Но уже, вѣрно, не услышатъ паны молодцы ничего чудеснѣе той штуки, какую выкину сегодня я.

— Какую жъ ты штуку выкинешь?

— Ни больше, ни меньше, пане гетмане, какъ только подхвачу къ себѣ на сѣдло, по-Сербски, эту кралю—да и поминай, якъ звали: махнемъ съ побратимомъ прямо въ Черногорію.

— Да вѣдь это моя невѣста, дурню ты!

— На що тебѣ невѣста, пане гетмане? Совсѣмъ не нужно! Не такая лежитъ тебѣ дорога на этомъ свѣтѣ, чтобъ думать о невѣстѣ. Отдай лучше ее мнѣ. Даромъ, что я взросъ дикимъ волкомъ посреди степей да Днѣпровскихъ луговъ, а ей Богу, ни одинъ городовый козакъ не съумѣетъ такъ щиро кохать дѣвоцького сердца, якъ я! Чéресъ у меня набитъ червонцами туго, выстроимъ въ Черногоріи добрую башню, какія тамъ строятся, и заживемъ безнужно. А тебѣ не о женитьбѣ нужно думать, пане гетмане!... Ахъ, да дѣвчина жъ гарна! воскликнулъ онъ, устремивши на мою Лесю свой волчій взглядъ.

Леся съ самаго начала этой странной бесѣды была, не зная сама отъ чего, сильно встревожена, и долго крѣпилась, стараясь увѣрить себя, что За-

въ куски; то дѣвохититель долженъ высидѣть въ заключеніи извѣстное время и заплатить *глобу*, т. е. штрафъ.

порожцу пришла блажь только позабавиться надъ ея страхомъ, но этотъ взглядъ разстроилъ ее наконецъ совершенно. Она не могла долѣе преодолѣвать своего испугу и, закрывши руками лице, начала плакать такъ сильнө, что слезы капали сквозь пальцы на скатерть. Мать встала изъ-за стола и увела ее плачущую въ другую комнату.

Это однако жъ мало произвело впечатлѣнія на суровыя козацкія сердца. Вмѣсто состраданія и участія, они чувствовали нѣкоторый родъ презрѣнія къ слабости женской природы, и испугъ красавицы заставилъ ихъ преусердно разсмѣяться.

— О, вражій хлопче Запорожче! сказалъ Шрамко. Видишь, до чего договорился! испугалъ бѣдную дитину.

Череванша не возвращалась уже къ обѣду; но никто, вставши изъ-за стола, не вздумалъ освѣдомиться о здоровьи красавицы: такъ мало обращали тогда вниманія на слезы и душевныя страданія женщины.

П. Кулѣшъ.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ.

Было время — это было ужъ давно (мы имѣемъ право сказать: «*давно!*» потому, что *теперь* событія вѣковыя вмѣщаются въ *десятилѣтія)* — было время, когда сбывалось небывалое.

Нашъ Императоръ, въ послѣдствіи *новый* Агамемнонъ, диктаторъ Царей — силою воли и оружія, погналъ двадесять народовъ, наводнившихъ Имперію, опламенившихъ Столицу ея. Онъ шелъ, величественно двигая, *живыми стѣнами*, свои Арміи, присоединяя Царей, освобождая народы. Напоивъ войска свои изъ всѣхъ рѣкъ Европы, *Онъ* повелъ ихъ на Парижъ.

Не пожаромъ заплатилъ Онъ за пожаръ Москвы, но, Царь, пришедшій съ Востока *путемъ солнца*, Онъ засвѣтился солнцемъ милости надъ столицею Запада. И возвратился Онъ во-свояси, и встрѣтила Его Россія привѣтною пѣснію: «Ты возвратился, Благодатный!» Улеглись всколыханныя волны событій; затихло въ Европѣ; уснули тревоги военныя — но пробуднлись *воспоминанія*. Прошедшее, по тому же *ускоренному* ходу времени, сдѣлалось *давнопрошедшимъ, былымъ* — а люди любятъ говорить *о быломъ*.

И вотъ при Дворѣ Государя, на пирахъ частныхъ и въ бесѣдахъ домашнихъ собирались Гене-

ны, которыхъ лики перешли на стѣны извѣстной
ллереи. Это были люди, большею частію, еще
средниxъ лѣтахъ, всё величавые, воинственные.
къ лица осмуглились въ пожарахъ сраженій, въ
ымовомъ воздухѣ батарей и биваковъ; но груди
ъ свѣтлѣлись рядами разностепенныхъ орденскихъ
аковъ и радужились *лентами,* пожалованными Ко-
лями, Герцогами и Князьями владѣтельными.
очти въ каждомъ кругу домашнемъ, въ каждомъ
браніи полуофиціальномъ этихъ людей *того вре-
ни,* являлся человѣкъ въ простомъ фракѣ (кромѣ
ей парада и камергерской службы), въ довольно-
брежно повязанномъ галстухѣ, съ однимъ какимъ-
будь крестикомъ (хотя у него было ихъ уже
ого), съ пріятнымъ лицемъ, съ пріемами, обли-
вшими избытокъ жизни, съ рѣчію, выказывавшею
быточъ образованія. Онъ всѣмъ былъ какъ-то
ій: со всѣми здоровался, всѣ жали ему руку и
зывали его *Александромъ Ивановичемъ.* Онъ зналъ
ѣ и всѣхъ, и всѣ его знали. Необыкновенно-ла-
ово бывалъ всегда принятъ этотъ *фракъ* и своими
чужестранными, особливо дипломатическими,
ндирами—и вездѣ онъ былъ какъ дома. Если бы
умалось кому (пріѣзжему изъ Тобольска, или съ
вказа) спросить *тогда: «кто это?»* всякій и всѣ
вѣчали бы ему: «какъ же вы не знаете? это
ександръ Ивановичь»!... Не было званаго обѣда,
который не былъ бы позванъ Александръ Ива-
вичь, и на которомъ не отличался бы онъ разно-
оронностью раговора и знаніемъ *современныхъ*

дѣлъ. День его былъ какимъ-то круженіемъ, въ которомъ, лицемъ и вліяніемъ своимъ, прикасался онъ къ лицамъ и вліяніямъ почти всего тогдашняго Управленія.

Въ одинъ и тотъ же день подписывалъ онъ бумаги въ канцеляріи своего Департамента, произносилъ рѣчь—и очень краснорѣчивую—въ собраніи *Библейскаго Общества,* былъ при освященіи Церкви, при чемъ обличалась его короткая связь съ высшимъ Духовенствомъ; присутствовалъ — съ проектами въ карманѣ для *пяти* подобныхъ — при открытіи *человѣколюбиваго заведенія,* Богоугоднаго пристанища для нищей братіи—и въ то же время, въ томъ же карманѣ, развозилъ новые стихи Батюшкова, *новую* Балладу Жуковскаго *«какъ Старушка ѣдетъ на черномъ конѣ, и кто сидитъ за сѣдломъ»;* предвѣщалъ славу еще *новаго тогда* Пушкина. Онъ же, съ необыкновеннымъ ему радушіемъ, вводилъ въ извѣстность прекрасное, тогда еще *новое* дарованіе *П.*, и развозилъ первыя произведенія *Козлова.* Имя Александра Ивановича часто повторялось въ устахъ и подъ перомъ Батюшкова, Жуковскаго, И. И. Дмитріева, обоихъ братьевъ Булгаковыхъ и Князя Вяземскаго, котораго благородные и мѣткіе стихи уже искрились брильянтами ума и вкуса. Семейство Карамзина считало его *своимъ.* Члены *Арзамасскаго Общества* (Уваровъ, Блудовъ, Дашковъ, Жуковскій и др.) не сбирались безъ Александра Ивановича. Онъ служилъ *тогда* при Министрѣ, который былъ государственнымъ человѣкомъ своего Государя

и *человѣкомъ по душѣ* своего Благодѣтеля. Мо-етъ быть, позднѣйшій Историкъ, вникнувъ глу-ко въ *свойство* времени и исчисливъ всѣ дан-ія, угадаетъ причину той величественной важно-и, нерѣдко переходившей даже въ задумчивость, торою отличался тогда Императоръ.

Пройдя весь путь славы земной (а кто зашелъ лѣе Его на этомъ пути?), *Онъ* походилъ на чело-ка, у котораго недостало болѣе земли подъ нога-—и вдругъ, лицемъ къ лицу, очутился Онъ предъ зпредѣльнымъ разливомъ океана, и невольно поду-лъ: «куда же далѣе?» И видъ и необъятность вой стихіи кого бы не погрузили въ размышленіе?...

Собравъ всѣ лавры Своихъ побѣдъ и походовъ, ександръ I-й положилъ всю эту ношу земную едъ Алтаремъ Бога небеснаго и благочестиво про-несъ отпечатанное на бронзѣ изрѣченіе: «Не намъ, намъ, а Имени Твоему!»

Изъ великихъ книгъ жизни, прочтена Имъ бы-первая: *книга временнаго*—и, въ царственномъ ве-чіи Своемъ, сидѣлъ Онъ предъ *вторымъ* томомъ, заглавномъ листѣ котораго написано: «*Вѣчное!*»

Министръ зналъ думу Государя и благоговѣлъ едъ чистотою ея. *Александръ Ивановичъ,* Секретарь го Министра, собиралъ *тогда* рѣдкія книги и за-ски — и потому-то, на дѣловомъ столѣ его, изъ-дъ кипъ бумагъ «*о разводахъ и спорныхъ бракахъ*», ь-подъ розовыхъ записочекъ модныхъ дамъ, изъ-дъ кучи визитныхъ и пригласительныхъ *билетовъ* *балъ,* на *свадьбу,* на *похороны* и *крестины,* изъ-

подъ тетрадокъ и листковъ *современныхъ* стиховъ прозы, выказывались *записки о схимникахъ, отшельникахъ и случаяхъ,* не подлежащихъ законамъ обыкновеннаго быта.

По смерти Императора, та же непосидчивость, тоже дѣятельное волненіе *Александра Ивановича* проявилось за границею. Онъ, переѣзжая изъ Рима въ Парижъ, изъ Парижа въ Лондонъ, являлся при Дворахъ Нѣмецкихъ Государей, сносился съ Министрами, добывалъ ключи къ Архивамъ и тайникамъ древней письменности; знакомился съ лордами въ Англіи, съ учеными, антикваріями и художниками по всей Европѣ; слушалъ *лекціи* по университетамъ, *проповѣди* по церквамъ, переносился съ мѣста на мѣсто по рѣкамъ на *парахъ*, по *чугункамъ* на паровозахъ—и вездѣ во все всматривался, все записывалъ. Въ Москвѣ появлялся онъ какъ *мимолётное* видѣнье— и тогда, едва ли *не первымъ*, по крайней мѣрѣ привычнымъ и постояннымъ визитомъ его бывало посѣщеніе *Воробьевыхъ горъ*, или опредѣлительнѣе сказать: *пересыльнаго зáмка*.

Съ мѣшками въ рукахъ и съ командою сановниковъ являлся онъ туда, на послѣднее прощанье съ людьми, отходившими въ далекую Сибирь.

Вотъ отъ чего имя Александра Ивановича слѣлалось извѣстнымъ подъ разными широтами земли.

«Кто это выходитъ съ такою заботливостью, какъ бутдо съ *мыслью:* «нашелъ!» изъ Ватиканскаго Архива?» спрашиваетъ молодой Русскій художникъ въ *Римѣ* у своего товарища.

— Да это *Александръ Ивановичъ!* отвѣчаетъ товарищъ — и думаетъ, что ужъ все сказалъ....

«Съ какимъ это иностранцемъ разговариваетъ *Гизо?»* спрашиваетъ Нѣмецъ-путешественникъ, на раутѣ, у стоящаго подлѣ него Русскаго. — Это Александръ Ивановичъ! отвѣчаетъ Русскій—и, спохватясь, чтобъ пояснить дѣло, прибавляетъ: *камергеръ Русскаго Двора Тургеневъ!*

«Кто, братецъ, выпровожалъ вашу партію изъ Москвы, какъ васъ отправляли сюда?...» спрашиваетъ *ссыльный* на берегахъ *Байкала* у ново-прибывшаго *пересыльнаго.*

«Все, чай, тѣ же, что и васъ: добрый Гос-«подинъ *Газовъ* *: обнимался съ нами и плакалъ «сердешный и давалъ намъ наставленія; да вдругъ «подъѣхалъ *Александръ Ивановичъ:* въ саняхъ всё «мѣшки *съ мѣдью* и весь обложенъ калачами и сай-«ками; всѣхъ одѣлилъ и утѣшилъ!»

И вотъ 5-го Декабря, 1845 года (онъ скончался 3-го), разнесся по Москвѣ слухъ, что *Александръ Ивановичъ* кончилъ земную жизнь и дѣятельность. Въ домѣ близкой родственницы его А. И. *Нефедьевой* оставалось тѣло до выноса. Его Высокопреосвященство Митрополитъ Московскій и Коломенскій Филаретъ соблагоизволилъ самъ передать въ объятія тихой вѣчности этаго многозаботнаго жильца промелькнувшей временности.

У Св. *Власія* (въ старой Конюшенной) отпѣвали

* Такъ называетъ простой народъ почтеннаго доктора *Газа* — филантропа, любимаго въ Москвѣ, извѣстнаго въ Европѣ.

тѣло. Много было на этомъ послѣднемъ прощаньи— людей съ человѣкомъ, и Церкви съ Христіаниномъ, котораго, молитвами своими, сопровождаетъ *она* и за таинственную черту видимыхъ отношеній. Смерть— гроза всего облеченнаго тѣломъ—не пугаетъ Церкви, разгадавшей тайну жизни и смерти. Умилителенъ обрядъ послѣдняго отпѣванія. Когда густыя облака ладана заслоились надъ открытымъ гробомъ; *Архипастырь*, украшенный *бѣлымъ* клобукомъ, и Духовенство сановное въ *митрахъ*, тихо шествовали подъ этимъ искуственнымъ храмовымъ небомъ и становились какъ бы посредниками между сокрывшеюся *временностію* и раскрывающеюся *вѣчностію*. Въ это мгновеніе тихіе, мелодическіе звуки незамѣтныхъ хоровъ носились въ облакахъ куреній, какъ оличенные вздохи, какъ *чувствованія,* принявшія неосязаемую тѣлесность. Тутъ — среди прерывистыхъ всхлипываній родства, дружбы и бѣдныхъ, облагодѣтельствованныхъ покойникомъ — *Любовь* вопіяла къ *Правосудію*, и Церковь, ходатайствуя за подсудимаго, молила Верховнаго *Судію* этими простыми, но знаменательными словами: «Господи! помилуй раба Своего!» И что сказать тутъ кромѣ слова: «*помилуй!*» тѣмъ болѣе, что это слово совпадаетъ такъ близко съ послѣдними словами покойнаго, который, *попросивъ священника,* повторялъ на всѣ стороны: «простите! простите меня всѣ, ради Христа!»

Далѣе, казалось, самъ усопшій, отпахнувъ всѣ сомнѣнія земныя и встрѣтясь лицемъ къ лицу съ *Небеснымъ*, устами братій восклицалъ и не преста-

валъ восклицать съ Давидомъ: «Благословенъ еси, «Господи! научи мя оправданіямъ Твоимъ!»

Тѣло покойнаго положено въ *Дѣвичьемъ монастырѣ.*

И-такъ повторимъ два стиха, которые любилъ повторять Александръ Ивановичъ:

Diese Zeiten sind vorbey,
Diese Menschen sind nicht mehr.....

Нестало Министра и Секретаря его!.. На зеленой почвѣ счастливаго Крыма, гдѣ тёплыя волны лобызаютъ *историческіе* берега, почиваетъ Министръ.

Подъ холоднымъ дыханіемъ начинающейся зимы опочилъ Секретарь его.

Весна покроетъ цвѣтами могилы обоихъ; но одна изъ нихъ ближе къ намъ — и, посѣтивъ ее въ одно безмятежное утро, мы замѣтимъ на цвѣтахъ ея *перлы,* которыми выкупаются грѣхи и слабости земнаго человѣка и вмѣстѣ съ толпою нищихъ скажемъ: «Господи! помилуй раба Своего!» —

Ѳедоръ Глинка.

ОТЗЫВЪ ГРАБОВСКАГО О ПУШКИНѢ.

Послѣ разбора нѣкоторыхъ сочиненій Гоголя, который мы недавно сообщили читателямъ Современника — разбора краткаго, но критически-глубокаго и много-содержательнаго — читателямъ нашимъ безъ сомнѣнія любопытно будетъ узнать мнѣніе знаменитаго Критика о произведеніяхъ другаго генія нашей литературы, Пушкина. Разбирая одинъ современный вопросъ въ книгѣ своей: *Литература и Критика,* Грабовскій коснулся мимоходомъ *Полтавы* Пушкина—и, чтобъ вполнѣ представить Публикѣ взглядъ свой на великаго Русскаго поэта, онъ помѣстилъ въ концѣ книги особое примѣчаніе о нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ. Это примѣчаніе, какъ отдѣльную статью, мы приводимъ здѣсь для читателей Современника.

*

«По уничтоженіи разбойничьяго улья на Таврическомъ полуостровѣ, откуда налетали на насъ и на сосѣднія страны хищные рои Татаръ, мѣста давняго ихъ гнѣзда привлекали къ себѣ въ спокойнѣйшія времена любопытство путешественниковъ и поэтовъ. Дикія поля, на которыхъ паслися стада и кочевали орды наѣздниковъ, оканчиваются у моря роскошною и живописною полосою, огражденною

отъ сѣвернаго холода и отъ степей стѣною высокихъ горъ. Этотъ южный эдемъ воспѣвалъ въ чудныхъ сонетахъ своихъ Мицкевичь—и почти въ то же самое время посѣщалъ его поэтъ еще сѣвернѣйшей Славянщины, Пушкинъ. На этомъ-то южномъ берегу Крыма жили роскошные владыки дикихъ и разбойничьихъ ордъ, скитавшихся по сосѣдней степи. Въ Бакчисараѣ донынѣ стоятъ опустѣлыя палаты. Въ жилищахъ хановъ, въ остаткахъ мечетей и гаремовъ, до сихъ поръ видны рѣшетчатыя окна, позолоченные и лакированные своды и стѣны, Арабскія пиластры и арки. До сихъ поръ сохранились тамъ еще живые или замолкнувшіе фонтаны и слѣды всей пышности восточной архитектуры, богатой и фантастической. Это Альгамбра нашего края, столь бѣднаго архитектурными памятниками старины.

Пушкинъ хотѣлъ оживить поэтическимъ вымысломъ этѣ живописныя развалины. Поэма его не имѣетъ собственно драматическаго движенія. Она представляетъ только рядъ картинъ, которыя поэтъ вызвалъ изъ минувшаго на самомъ мѣстѣ ихъ существованія. Во-первыхъ видимъ мы въ ней грознаго и задумчиваго хана посреди раболѣпнаго Двора мурзъ и невольниковъ, потомъ уединенный гаремъ, скучный и долгій день невольницъ, женскія лѣтнія купанья, ночную стражу боязливаго эвнуха въ гаремѣ, забавы вокругъ сребристаго водомета, игры и пѣсни одалысокъ. Прекрасную противоположность этѣмъ всегдашнимъ картинамъ роскошныхъ обычаевъ изнѣженнаго Востока представляетъ одинъ

уголъ Гиреева гарема. Тамъ, совершенно чуждая окружающей ее жизни, живетъ гордая, хоть и несчастная невольница. Во глубинѣ узорчатыхъ и задѣланныхъ рѣштечатыми окнами Восточныхъ залъ, въ концѣ пристроекъ, увѣнчанныхъ Магометанскою луною и украшенныхъ изрѣченіями изъ Алькорана, предъ Христіанскимъ образомъ Богоматери горитъ день и ночь уединенная лампада, и проситъ покровительства и защиты молящаяся дѣвушка. Это невольница, недоступная какъ божество, это плѣнная Полька, которую ханъ любитъ, но уважаетъ. Короткая строфа, въ которой поэтъ изображаетъ Татарскій набѣгъ на Польшу, набѣгъ, предавшій Марію въ руки Гирея, содержитъ въ себѣ выразительныя и вѣрныя черты.

Цвѣтущій край осиротѣлъ;
Исчезли мирныя забавы;
Уныли села и дубравы,
И пышный замокъ опустѣлъ.
Тиха Маріина свѣтлица.
Въ домовой церкви, гдѣ кругомъ
Почіютъ мощи хладнымъ сномъ,
Съ короной, съ княжескимъ гербомъ,
Воздвиглась новая гробница....
Отецъ въ могилѣ, дочь въ плѣну.
Скупой наслѣдникъ въ замкѣ правитъ
И тягостнымъ ярмомъ безславитъ
Опустошенную страну.

Единственное обстоятельство, составляющее завязку повѣсти, есть ревность прежней любовницы

хана. Страстная Черкешенка проникаетъ ночью въ жилище уединенной Польки и предостерегаетъ ее объ опасности, какой подвергнется она, если завладѣетъ сердцемъ Гирея. Въ-послѣдствіи поэтъ заставляетъ читателя догадываться объ убійствѣ, внушенномъ ей любовною ревностію. Гирей мститъ Азіатскою казнію, а въ память Маріи воздвигаетъ *Фонтанъ слезъ,* который и составляетъ предметъ поэмы. Это прекрасная картина во вкусѣ Восточныхъ картинъ Байрона, написанная для однаго изъ поэтическихъ и живописныхъ остатковъ старины, разсѣянныхъ по-надъ берегами Чернаго моря.

Кавказскій Плѣнникъ вредитъ себѣ слишкомъ длинными, хотя и прекрасными, описаніями природы и обычаевъ Горскихъ. Это старинная описательная поэзія, которую нынѣ не хотятъ признавать за произведеніе художническое. Герой поэмы также — извѣстное Байроновское лицо. Впрочемъ вторая половина повѣсти почти вся исполнена достоинствъ. Выѣздъ Горцевъ на набѣгъ, видъ опустѣлыхъ, по ихъ удаленіи, ауловъ, а особливо разставанье любовниковъ и добровольная смерть Черкешенки, не хотѣвшей пережить своей разлуки — все это написано прелестно.

Быть можетъ, я ошибаюсь, но признаюсь, что ставлю *Цыганъ* несравненно выше обѣихъ первыхъ поэмъ. Эта поэма гораздо свѣжѣе и оригинальнѣе. Въ ней виденъ уже художникъ опытный, который не хочетъ болѣе поэтизировать предметы по извѣстному, указанному ему образцу, и видитъ поэзію въ

простотѣ и истинѣ, который сознаетъ, что имѣетъ собственный поэтическій взглядъ, открывающій ему неисчерпаемыя красоты окружающей его природы, и убѣжденъ, что все будетъ художественнымъ произведеніемъ, во что ни облечется этотъ взглядъ его. Отнынѣ это становится искуствомъ Пушкина—и пора, въ которую художникъ доходитъ до такаго сознанія, есть для него пора спокойствія, силы и богатства.

Пушкинъ, желая изобразить поэтически картину глухихъ и безлюдныхъ степей Херсонскихъ и Таврическихъ, поражавшихъ его во время путешествія его по этѣмъ странамъ, почувствовалъ, что съ унылымъ ихъ видомъ лучше всего соединить картину какой-нибудь изъ дикихъ и живописныхъ ватагъ, которыя въ самомъ дѣлѣ встрѣчалъ онъ бродящими по этѣмъ пустынямъ «надъ рубежами древнихъ становъ».

По правиламъ живописи, чтобы пейзажъ оживить и охарактеризовать соотвѣтствующею ему группою людей, ничего нельзя было придумать болѣе кстати, какъ посреди этихъ ровныхъ полей поставить непортящій ихъ уединенности и увеличивающій ихъ унылость — низкій шатеръ цыгана, всегдашняго, убогаго и дикаго здѣшняго бродяги. Но поэтъ не ограничился однимъ подражаніемъ искуству, родственному поэзіи, но гораздо бѣднѣйшему (такъ дѣлаютъ только поэты *описательные)*; онъ зналъ, что сила, которою обладаетъ онъ, можетъ не только создать живописную панораму, но сообщить этѣмъ группамъ и движеніе

драматическое, посвятить насъ въ поэзію ихъ жизни, и тѣмъ увеличить до высшей степени прелесть искуства для нашего сочувствующаго ему сердца. И-такъ, объ этомъ дикомъ семействѣ, которое поселилъ посреди дикихъ, пустыхъ полей, расказываетъ онъ намъ простую и дикую повѣсть, чистое произведеніе цыганскаго быта—и эта повѣсть составляетъ новую гармонію со внѣшнею гармоніею мѣстности. Вотъ она. Въ таборъ кочующей цыганской орды приходитъ бѣглецъ изъ образованнѣйшаго общества. Цыганка приводитъ его ночью къ шатру своего отца — и пришлецъ дѣлается ея мужемъ, какъ у нихъ обыкновенно водилось попросту. По обычаямъ грубой и свободной толпы, эта любовь не налагаетъ однако жъ обязанности постоянства. Но пришлецъ не хочетъ знать того. Онъ страстенъ и ревнивъ. Напрасно отецъ старается укротить его; напрасно представляетъ ему въ примѣръ самаго себя, и расказываетъ объ измѣнѣ жены (матери Земфиры), которая оставила его и ушла съ другимъ цыганомъ, когда орда кочевала на Кагульскихъ степяхъ. Алеко ревнуетъ и подозрѣваетъ. Земфира мало обращаетъ на то вниманія. Ей надоѣлъ мужъ — и она любитъ другаго. Алеко застаетъ ихъ ночью на любовномъ свиданіи— и убиваетъ обоихъ. Устрашенные и пораженные этимъ цыганы уходятъ отъ ужаснаго убійцы. Остался одинъ осиротѣлый шатеръ съ телегою.

Такъ иногда передъ зимою,
Туманной утренней порою,

Когда подъемлется съ полей
Станица позднихъ журавлей
И съ крикомъ вдаль на югъ несется,
Пронзенный гибельнымъ свинцомъ,
Одинъ печально остается,
Повиснувъ раненымъ крыломъ.

Вотъ какъ проста основа повѣсти. Всѣ обстоятельства ея также просты и вѣрны самымъ грубымъ обычаямъ. Можетъ быть, тотъ, кто видитъ поэзію въ возвышенности и украшеніяхъ слога, не найдетъ ея здѣсь; но кто видитъ ее въ самомъ предметѣ, не украшенномъ, но изображенномъ какъ онъ есть, тотъ почувствуетъ здѣсь всю ту гармонію, о которой говорилъ я выше. Въ этой поэмѣ заслуживаетъ, между прочимъ, вниманія прекрасный и съ удивительнымъ искуствомъ вставленный эпизодъ объ изгнанникѣ Овидіи.

Небольшая поэма: *Братья Разбойники*, имѣетъ тѣ же достоинства, какъ и *Цыганы*. Въ ней слогъ свѣжій, мужественный, слогъ созрѣвшаго художника, гдѣ нѣтъ лишняго слова, гдѣ нѣтъ черты, которая бы не была необходима для картины и не усиливала обдуманнаго поэтомъ дѣйствія на читателя.

Но выше всѣхъ сочиненій Пушкина должно, кажется, поставить его стихотворный романъ: *Евгеній Онѣгинъ*. Нѣкоторыя критическія мысли, изложенныя въ первомъ томѣ моей *Литературы и Критики*, заставили моихъ рецензентовъ страннымъ образомъ подозрѣвать, будто я считаю поэзіею только поэзію историческую. Совсѣмъ нѣтъ. Я хорошо по-

нимаю, что значеніе поэзіи не зависитъ отъ предмета вдохновенія ея. *Евгеній Онѣгинъ*—поэма, совершенно въ родѣ Байроновскаго *Донъ Жуана* и не имѣетъ въ себѣ ничего историческаго (въ обыкновенномъ значеніи этаго слова), ничего средневѣковаго, ничего простонароднаго (доказывали, будто я только это считаю поэзіею). Напротивъ, это самый новый предметъ. Поэма эта основана на изображеніи Европейскаго образованія, на тонѣ высшаго общества, даже на модѣ, и при всемъ томъ она для меня отъ доски до доски — поэзія! Отъ чего это? Отъ того, что здѣсь каждое слово носитъ на себѣ печать таланта; что это создалъ человѣкъ, одаренный творческимъ духомъ, живымъ воображеніемъ, и живѣйшимъ, хоть и утишеннымъ чувствомъ. Не прочитавъ *Евгенія Онѣгина*, или—справедливѣе—не вчитавшись въ него, трудно понять, какъ въ повѣсти, родственной съ недоконченною юмористическою повѣстью Байрона, въ повѣсти, не оставляющей никогда легкости свѣтскаго тона, облекающейся нарочно въ иронію и шутку, можетъ постоянно вѣять духъ глубокой меланхоліи и отзываться могущественный голосъ пламеннѣйшаго поэта! По этому случаю можно бы сказать многое. Но наконецъ, при кажущейся безпорядочности этой поэмы и охотѣ автора переходить къ посторонним ъ предметамъ и мечтамъ, нужно сказать, что это превосходный романъ, завязанный просто, но отлично развитый и доведенный до конца. Пушкинъ вездѣ тутъ непринужденно натураленъ, какъ будто вовсе и не думаетъ о

томъ, что принялся за авторскую работу (одно изъ величайшихъ достоинствъ этаго произведенія); и хоть, кажется, ничего больше не дѣлаетъ, какъ только въ-слухъ мечтаетъ передъ нами, но вѣщимъ умомъ господствуетъ онъ въ цѣлости своего творенія, а въ исполненіи его владѣетъ и тѣмъ искуствомъ пластическаго поэта, что, гдѣ захочетъ начертать картину, сцену, фигуру, разговоръ, служатъ ему къ тому самыя короткія и простыя слова, тогда-какъ сцена полна драматическаго движенія, люди живутъ и говорятъ языкомъ и даже акцентомъ своего вѣка, состоянія и характера. Это особенное свойство поэзіи Пушкина, что онъ соединяетъ два рода ея, называемые нѣкоторыми *объективнымъ* и *психическимъ*, или вѣрнѣе, сказать, что онъ владѣетъ ими попеременно, то есть, постоянно переходитъ отъ однаго къ другому—и, только-что вовлекши насъ въ какой-то сонъ наяву, или настроивъ на тонъ страстныхъ воспоминаній и поэтическихъ мыслей, вдругъ ставитъ передъ нами какую-нибудь картину простую, естественную, исполненную колорита дѣйствительности и жизни. Это особенное свойство причиною тому, что поэмы, въ которыхъ онъ соединяетъ эти два элемента, облечены необыкновенною прелестью и стоятъ несравненно выше другихъ. Потому-то, можетъ-быть, въ моихъ глазахъ имѣетъ столько красоты одна изъ мелкихъ его повѣстей — *Домикъ въ Коломнѣ*. Повѣсть эта основана на пустомъ анекдотѣ, на шуткѣ, по-видимому, ни къ чему негодной, однако жъ, по моему мнѣнію, имѣетъ

великую цѣну, ибо тутъ подъ наружностью смѣха и ироніи не могла утаиться неотступная меланхолія и глубокость духа поэта. Проглядываютъ онѣ и въ размышленіяхъ ега о двухъ-этажномъ домѣ, занявшемъ мѣсто хижины, и въ изображеніи дѣвушки съ ея простыми пѣснями, и въ изображеніи блистательной, но тайно-несчастной графини, и въ смерти убогой кухарки. Что же касается до *Онѣгина*, то если бъ мы захотѣли прослѣдить этотъ глухой, меланхолическій речитативъ, который вездѣ сопутствуетъ самымъ ироническимъ и небрежнымъ мыслямъ поэта, нужно бы намъ было повторить здѣсь цѣлую поэму, расказать всѣ ея частности, частности, которыя хотя мѣстами оживлены веселостью, но въ цѣломъ составляютъ самую грустную повѣсть. Романъ этотъ есть жизнь и ея истинныя происшествія; это исторія всякаго изъ насъ: всѣ мы извнѣ показываемъ усмѣхающееся и довольное лицо, не смотря на то, что каждый внутри имѣетъ свои раны и болѣзни Эта картина свѣта и жизни непремѣнно должна быть истинною поэзіею, ибо ихъ изображаетъ человѣкъ, такъ понимающій жизнь, такъ глубоко заглядывающій въ сердце, одаренный такою гибкою и здравою мыслительностью, одаренный такой поэтической душою! Великое достоинство этой картины состоитъ также и въ томъ, что это произведеніе человѣка свѣтскаго, который зналъ, что нѣтъ ничего смѣшнѣе утрированнаго поэтизированья; потому-то нѣтъ здѣсь другой поэзіи, кромѣ той, которая невольно вытекаетъ изъ самаго пред-

мета—и какъ много здѣсь этой поэзіи! Кромѣ того, такъ-какъ каждая картина въ *Евгеніи Онѣгинѣ* отличается совершеннѣйшею истиною, и какъ поэтъ живописалъ картины дѣйствительныя, то можно быть увѣрену, что здѣсь много и мѣстнаго колорита, а въ этомъ отношеніи *Онѣгинъ* есть поэма и *историческая* и *народная*, ибо и настоящее время принадлежитъ *исторіи*, ибо и самая новая народность есть *народность*, по крайней мѣрѣ я никогда этихъ словъ въ другомъ значеніи не принималъ. И-такъ поэма, о которой идетъ дѣло, какъ нельзя больше относится къ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Въ ней вѣетъ воздухъ той эпохи: довольно указать на ту особенность—на Байроновскій колоритъ высокаго тона и модныхъ понятій. Впрочемъ Пушкинъ, не маскируя своей индивидуальной физіономіи, образованной духомъ вѣка и Европейскимъ воспитаніемъ, умѣлъ придать своей поэмѣ и прелесть мѣстности — и эта мѣстность есть его отечество. Ничто тутъ не позабыто: жизнь городская и деревенская, старинные обычаи, поэтическая фантазія (напримѣръ, сонъ Татьяны), климатъ (чудныя картины зимы), все здѣсь соединено въ самомъ совершенномъ образѣ. И-такъ, повторяю еще разъ, что все въ *Евгеніи Онѣгинѣ* имѣетъ высокую цѣну по своей естественности, по отсутствію насильственнаго авторства, преувеличеній и гримасъ; все потому только поэзія, что представлено такъ точно, какъ оно есть въ самомъ дѣлѣ.»

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Исторія осьмнадцатаго вѣка и девятнадцатаго о паденія Французской имперіи. Сочиненіе Фр. Шлоссера. Гейдельбергъ. 5 томовъ. 1843 и 1844 Geschichte des achtzehnten Iahrhunderts und des neunzehnten bis zum Sturz des französichen Kaiserreichs. Mit besonderer Rücksicht auf geistige Bildung. Von F. C. Schlosser).

Въ XL томѣ Современника мы представили общую характеристику знаменитаго и важнаго творенія Шлоссера. Желая еще болѣе ознакомить читателей съ этимъ произведеніемъ, сообщаемъ слѣдующій отрывокъ о трехъ великихъ Англійскихъ Историкахъ,

Робертсонъ, Юмъ и Гиббонъ.

Перемѣна, происшедшая въ Англійской Литературѣ въ отношеніяхъ къ жизни и государству, всего яснѣе видна въ тонѣ и направленіи трехъ великихъ Историковъ и преимущественно въ тѣхъ похвалахъ, которыми былъ осыпанъ Гиббонъ. Соединяя прилежаніе и основательность Англичанина съ совершенно-Французскимъ образованіемъ, онъ первый вполнѣ совершилъ то, что хотѣлъ совершить

Вольтеръ, однако не въ состоянiи былъ бы сдѣлать. Къ этому (третьему) перiоду XVIII столѣтiя собственно принадлежитъ одинъ Гиббонъ; о Робертсонѣ и Юмѣ мы уже упоминали въ прошломъ перiодѣ; но чтобы яснѣе представить прогрессъ времени, необходимо изобразить здѣсь ихъ дѣятельность съ другой стороны.

Хотя Робертсонъ и умеръ только въ 1793 году, однако онъ нисколько не принадлежитъ къ тому направленiю, которое мы назвали *Французскимъ направленiемъ перiода, слѣдовавшаго за Семилѣтнею войною:* онъ былъ Шотландецъ и остался имъ во всѣхъ отношенiяхъ. Онъ никогда не покидалъ своего отечества; былъ священникомъ у народа, реформированнаго совершенно въ Кальвиновомъ духѣ; отлично зналъ, что читающая его публика благоразумна, разсуждаетъ и имѣетъ совершенно-практическое направленiе; поэтому писалъ спокойно и правильно, сообразуясь со вкусомъ читателей, воспитанныхъ въ парламентскихъ прѣнiяхъ и въ Шотландскихъ и Англiйскихъ школахъ. Онъ писалъ отлично-размѣренными перiодами, хорошимъ, правильнымъ слогомъ, гдѣ каждая фигура и каждый тропъ находили себѣ опредѣленное уже Квинтилiаномъ мѣсто. Какъ всякая умная посредственность, онъ былъ обожаемъ массою читателей. Дать новое направленiе умамъ, или непрiятно взволновать, т. е., оскорбить кого бы то ни было необыкновеннымъ воззрѣнiемъ на человѣческiя дѣла, онъ не могъ и не хотѣлъ. Онъ писалъ не для небольшаго числа пытливыхъ

и мыслящихъ умовъ, но хотѣлъ быть полезнымъ во внѣшней жизни людямъ практическимъ—и вполнѣ достигъ этой цѣли. Поэтому заслугу Робертсона въ отношеніи къ успѣхамъ его времени должно считать въ томъ, что онъ болѣе очищалъ путь новому духу времени, нежели самъ его распространялъ. Читателей его составляли такъ называемый образованный классъ, дипломаты и государственные люди, которые не любятъ, чтобы ихъ принуждали задумываться глубоко надъ человѣческими дѣлами, или устрашали яркими мыслями, или наконецъ приводили въ заблужденіе какимъ бы то ни было сомнѣніемъ надъ принятыми вѣрованіями и ходячими системами. Онъ былъ всѣмъ доступенъ, потому-что изображалъ въ исторіи одну разсудочную и политическую жизнь, да приспособленіе исторіи къ торговлѣ и общественнымъ сношеніямъ. Приговоры его такъ же умѣренны, какъ періоды круглы и гладки, а факты почерпнуты изъ того, что онъ, наравнѣ со всѣми, считалъ источникомъ, потому-что оно искони имъ считается. Онъ обработывалъ свой расказъ по школьнымъ правиламъ, такъ же прилежно, какъ дипломатъ, адвокатъ, или министерскій чиновникъ, который умѣетъ владѣть перомъ; но искры генія въ немъ нѣтъ: никогда смѣлый полетъ не вынесетъ его за однажды-предначертанную линію. Поэтому у него мало встрѣтишь той энергіи, которая одушевляла Юма и Гиббона, стремилась уничтожать старые, господствующіе предразсудки и содѣйствовать перерожденію устарѣвшихъ теологичес-

кихъ и соціальныхъ системъ. Судьба сочиненій Робертсона ясно доказываетъ, что искусно-расчитанныя на свое время, они его мало чѣмъ пережили.

Робертсонова Исторія Шотландіи при Маріи Стуартъ и Яковѣ VI, которая появилась около 1769 года, давно уже устарѣла, но Исторія Карла V всегда останется прилежно-обработанною, полезною, поучительною историческою книгою. Исторія Америки и разысканія объ Индѣйцахъ принадлежатъ къ тому роду исторіографіи, о которомъ мы здѣсь не можемъ говорить, потому-что разборъ его увлекъ бы насъ въ ученыя разысканія. Можетъ быть, всего лучше можно означить — по крайней мѣрѣ для немногихъ самобытно-мыслящихъ читателей — то мѣсто, которое занимаетъ Робертсонъ и вліяніе его по всей справедливости распространенной и любимой исторической методы слѣдующимъ отрывкомъ изъ записокъ Гиббона. Изъ него можно увидѣть, что этотъ честолюбивый юноша, чувствовавшій свое достоинство, не сомнѣвался ни на мгновеніе, что онъ достигнетъ всего того, что Робертсонъ пріобрѣлъ трудомъ, изученіемъ и прилежаніемъ; напротивъ Юмъ ужасалъ его глубокомыслящимъ духомъ и врожденнымъ геніемъ. Эти немногія, но важныя по содержанію, слова, находятся въ концѣ 11-й главы записокъ Гиббона. Онъ говоритъ о своемъ намѣреніи прославиться историкомъ: «Тогда уже было рѣшено, что Робертсоновою Исторіею Шотландіи и Юмовой Исторіею Англіи опровержено заблужденіе, будто въ Англіи еще не воздвигнутъ алтарь

музѣ Исторіи. Однако не могу умолчать о совершенно-различномъ впечатлѣніи, которое сдѣлали на меня сочиненія этихъ двухъ писателей. Хорошо обдуманное расположеніе всего сочиненія, сильный языкъ, круглые періоды Доктора Робертсона *воспламенили во мнѣ честолюбивую надежду, что я нѣкогда буду въ состояніи идти по его слѣдамъ.* Спокойная философія, неподражаемыя, безъискуственныя красоты его друга и соперника *часто заставляли меня покидать его сочиненіе съ смѣшаннымъ чувствомъ восторга и отчаянія».* Различіе Юма и Робертсона въ понимапіи человѣческой жизни, ея сущности и страстей, и съ тѣмъ вмѣстѣ въ образѣ ея изображенія, кромѣ врожденнаго различнаго характера, заключается безспорно и въ томъ, что Робертсонъ всю жизнь провелъ очень спокойно въ своей Шотландіи, гдѣ, какъ извѣстно, господствовалъ тогда совершенно-опредѣленный порядокъ жизни. Онъ не заботился о великихъ переворотахъ, потрясавшихъ въ то время Государство и Литературу; напротивъ Юмъ рано былъ брошенъ въ средину этихъ движеній. Сравненіе исторіи его жизни съ его литературнымъ поприщемъ доказываетъ, что Робертсонъ зналъ людей только въ Эдимбургѣ, и слѣдовательно обработывалъ свои творенія по образцу придворныхъ и государственныхъ историковъ, которые за жалованье, ордена и чины пишутъ изящно и правильно ученыя сочиненія; онъ слѣдовалъ притомъ опредѣленному плану и умному расчету. Нетаковъ былъ Юмъ. Онъ зналъ жизнь и

страсти столицъ и тѣхъ классовъ людей, которые правятъ государственною машиною. Онъ началъ свои историческіе труды по собственному побужденію, одушевленный мыслію о возрожденіи человѣчества, о которомъ нѣкоторое время мечталъ съ Руссо, когда съ нимъ познакомился. Робертсонъ писалъ свою Исторію какъ практическій Шотландецъ, кроткій богословъ и прагматирующій раскащикъ; Юмъ—какъ глубокомыслящій, строго-пытливый скептическій философъ.

Что касается до философіи Юма, то онъ не только находился въ Парижѣ въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ энциклопедистами и блисталъ въ ихъ салонахъ, но и тѣсно соединился съ Руссо, взялъ даже съ собою въ Англію этаго гонимаго мечтателя, не смотря на предостереженія д'Аламбера, Дидро, Морелле и другихъ; дружески заботился тамъ о немъ: за что, само собою разумѣется, и получилъ плохое вознагражденіе. Но главнымъ обстоятельствомъ здѣсь остается то, что Юмъ перешелъ къ исторіи не отъ богословія, не отъ Шотландскаго или Женевскаго либеральнаго, или отъ какаго-нибудь другаго, совершенно-простаго и часто пошлаго воззрѣнія на жизнь, не отъ многаго чтенія разныхъ по порядку, или безъ всякаго порядка изученныхъ книгъ, какъ Гиббонъ, или Іоаннъ Мюллеръ, не отъ серьёзнаго стремленія къ истинѣ и отъ философской критикѣ мнѣній господствовавшихъ, или съ незапамятныхъ временъ существующихъ, или слѣпо передаваемыхъ отъ однаго поколѣнія другому. Собствен-

но исторія была для Юма дѣломъ постороннимъ: она служила ему только средствомъ распространить пріятнымъ и занимательнымъ образомъ его философію и его воззрѣніе на государство и разные образы правленій, не въ школахъ, между ограниченными учеными, или такими, которые извлекали выгоды изъ господствовавшихъ злоупотребленій, но именно между образованнымъ классомъ народа. Поэтому сходство Англійскаго мыслителя съ людьми, которые въ наше время въ Германіи и Франціи также какъ простое средство употребляютъ исторію, только кажущееся.

Софисты нашего времени, сколь они ни ловки и оборотливы, всегда вносятъ въ исторію политику *какой-либо партіи* и *философію извѣстной системы*, часто со всею ея терминологіей. Исторія отъ того перестаетъ быть картиною жизни и свободнаго движенія; объемъ ея стѣсняется въ тѣсную рамку; она одѣвается въ школьныя формы, и проповѣдуетъ, вмѣсто скромности, неприличную гордость и смѣло произноситъ высокомѣрные приговоры.

Напротивъ политика Юма чисто-человѣческая; его философія жизни имѣетъ мало связи съ его философскою школьною системою; она принадлежитъ ему одному и почерпнута изъ жизни.

Юмъ былъ глубокій мыслитель. Онъ сперва вступилъ на поприще философіи и прошелъ лабиринты всѣхъ системъ: вотъ что придало достоинство его историческимъ трудамъ, а не ночное бдѣніе или цитаты. Только тотъ можетъ пролить свѣтъ на

существо и дѣла людей во времени и пространствѣ, кто съ успѣхомъ пытался уразумѣть происхожденіе человѣческой мудрости, связь міра видимаго и міра фантазіи, законы духовнаго и тѣлеснаго міра, сходство между необходимостью того, что человѣкъ логически-правильно думаетъ, и міромъ, устроеннымъ по вѣчнымъ законамъ—однимъ словомъ, кто уразумѣлъ сущность дѣлъ и понятій. Конечно свидѣтельства, подлинные акты и источники необходимы; но человѣкъ съ пустою головою, если даже станетъ на ходули для того, чтобы казалось, что онъ смотритъ на жизнь свысока, изъ лучшихъ источниковъ извлечетъ кой-какія полезныя замѣчанія о разныхъ вещахъ—это далеко еще не будетъ исторія.

Если бы мы могли здѣсь пройти поодиначкѣ философскія сочиненія Юма, которыя уже съ 1738 года находились въ рукахъ публики, то намъ легко было бы доказать, какъ его скептицизмъ съ одной стороны былъ сродни философіи его Парижскихъ друзей, но съ другой превосходилъ ее такъ, какъ превосходитъ наука — смѣлые приговоры, или результатъ изысканій мыслителя — салонную болтовню. Такъ называемые Французскіе философы, которые такъ были лѣнивы и разсѣяны, что не могли сами думать, пользовались потомъ Юмомъ точно такъ, какъ Паскалемъ и Арно д'Андильи. Такъ дѣлалъ не только Вольтеръ, который вездѣ ссылается на Юма, но даже Гольбахъ перевелъ для своей, отъ Юма совершенно различной, цѣли его разсужденія о самоубійствѣ и о безсмертіи души.

И-такъ, какъ мы замѣтили прежде, Исторія Юма не могла подѣйствовать до тѣхъ поръ, пока его, или съ нею схожая, философія не пустила глубокихъ корней въ школахъ. Это случилось только тогда, когда тѣ Французы, которые нападали со всякаго рода орудіемъ на школы и средневѣковыя учрежденія, признали въ немъ союзника, хотя его скептицизмъ мало походилъ на ихъ скептицизмъ. Вездѣ существовавшее ученіе онъ не замѣнилъ, подобно Руссо, какою-то невозможною сентиментальностью, или, подобно Вольтеру, дерзкимъ вольнодумствомъ и утонченною чувствительностью: онъ зналъ и училъ, что въ насъ живетъ Божество, которое проявляется въ нашемъ духѣ и въ мірѣ...

Конечно Исторія Юма была для историковъ-изыскателей, обсуживающихъ ее съ обыкновенной точки зрѣнія, недовольно учена и основательна, потому-что онъ (что совершенно справедливо) въ употребленіи источниковъ былъ не только небреженъ, но даже поверхностенъ. Но эти люди не думали о томъ, сколь важно было даже для самыхъ прилежныхъ изыскателвй то обстоятельство, что столь основательный мыслитель, каковъ былъ Юмъ, привелъ всѣ ему извѣстные факты въ такой порядокъ, что они однимъ своимъ расположеніемъ давали понятіе о внутренней связи Божескихъ и человѣческихъ дѣлъ, связи, видимой только внутреннему оку мыслящаго наблюдателя.

Историку, который не можетъ надѣяться на свой геній подобно Юму, никогда не удастся совер-

шить то, что совершилъ Юмъ. Это даже доказываетъ примѣръ Вольтера, коего Исторія, какъ исторія, вовсе не имѣетъ никакаго достоинства. Итакъ, путь разысканія всегда вѣрнѣйшій путь, потому-что тогда несомнѣнно достигнешь какихъ-либо результатовъ. Впрочемъ Юмъ, что весьма благоразумно, обращался не къ педантамъ, школярамъ и собирателямъ, но къ противникамъ существовавшихъ тогда заблужденій и злоупотребленій, къ большому свѣту, къ которому и самъ принадлежалъ, и къ мыслящимъ государственнымъ людямъ каждой страны. По-этому Юмъ великъ тамъ, гдѣ требуется знаніе людей, правильное обсужденіе монашеской морали и средневѣковыхъ предразсудковъ; однимъ словомъ, гдѣ надлежало обсудить прошедшее время съ точки зрѣнія настоящаго. Онъ не считалъ полезнымъ переноситься на точку зрѣнія прошлыхъ вѣковъ; что онъ могъ бы это сдѣлать, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Онъ былъ великъ въ своемъ родѣ, и, не смотря на то, не пожертвовалъ, подобно Вольтеру, собственною исторіею въ пользу своей философіи. Всего несправедливѣе и всего менѣе мыслителемъ является онъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь идетъ о Пуританахъ, о первобытной церковной жизни на Сѣверѣ, и всего болѣе тамъ, гдѣ говоритъ о людяхъ, которые употребляли миракулезныя легенды, какъ орудіе цивилизаціи, желая этимъ средствомъ довести грубыхъ людей до того, чтобы они, принявъ Христіанство, цивилизировались. Исторія Юма вела къ той же цѣли,

до которой хотѣлъ достичь Вольтеръ своею Исторіей; но Юмъ умѣлъ притомъ внести въ свою Исторію столько настоящей исторіи, что она долгое время оставалась не только въ Англіи, но и во всей Европѣ единственнымъ источникомъ для изученія Англійской Исторіи. Юмъ былъ одинъ изъ преимущественнѣйшихъ распространителей Французскихъ воззрѣній XVIII вѣка.

Въ этомъ отношеніи онъ довольно-счастливо отдѣлался отъ ортодоксныхъ Англичанъ; напротивъ на Гиббона напали они съ ожесточеніемъ. Впрочемъ это ожесточеніе было скорѣе полезно, нежели вредно большому творенію Гиббона, которое было сочинено и выполнено совершенно во Французскомъ духѣ.

К. Герцъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЯРОСЛАВЪ.

(Изъ Краледворской рукописи).

Раскажу я славную вамъ повѣсть
О бояхъ великихъ, лютыхъ браняхъ;
Собирайте вы свой умъ и разумъ:
Нынче будетъ вамъ чего послушать!
Тамъ, гдѣ правитъ Оломуцъ землями,
Невысокая гора поднялась,
Называютъ гору ту Гостайновъ;
На ея вершинѣ Христіанамъ
Чудеса творила Божья Матерь.
Долго, долго жили мы въ покоѣ;
Было все кругомъ благополучно:
Да поднялась отъ Востока буря,
А поднялась ради дщери ханской,
Что̀ за злато Нѣмцы погубили,
За жемчу́гъ, за до̀роги каменья.
Дочь Кублая, красотой что мѣсяцъ,
О земляхъ на Западѣ узнала,
И узнала, что въ нихъ много люду:
Собиралась въ дальнюю дорогу
Посмотрѣть житье-бытье чужое.
Съ нею десять юношей срядилось,
Да еще двѣ дѣвы молодыя.
Было все потребное готово.
Тутъ они на быстрыхъ сѣли ко̀ней
И свой путь по солнышку держали.
Какъ заря передъ восходомъ блещетъ
Надъ густыми, темными лѣсами,
Такъ блестѣла дочь Кублая хана̀
Красотою кра̀сна и нарядомъ,
Золотой она парчей покрылась,
Лебедину шею обнажила,
Дорогихъ навѣшала каменьевъ.
Ханской дочери дивились Нѣмцы,
На ея сокровища польстились,
Выжидать засѣли на дорогѣ
И въ лѣсу Кублаевну убили,
Все богатство ханское побрали.
Какъ про то услышалъ ханъ Татарскій,
Что̀ съ его Кублаевной случилось:
Собиралъ несмѣтныя онъ рати
И пошелъ, куда уходитъ солнце.
Короли на Западѣ узнали,
Что Кублай готовится ударить:
Перемолвились, набрали войско
И къ нему поѣхали на встрѣчу;
Становили станъ среди равнины,
Становили, поджидали хана.
Вотъ Кублай сбираетъ чародѣевъ,
Звѣздочетовъ, знахарей, шамановъ,
Чтобъ они рѣшили ворожбою,
Будетъ ли, не будетъ ли побѣда.
Притекли толпами чародѣи,
Звѣздочеты, знахари, шаманы;
Разступившись, кру́гомъ становились,
Положили черный шестъ на землю,
Разломили на̀-двое, назвали
Половину именемъ Кублая,
А другую на̀звали врагами;
Стародавнія запѣли пѣсни;
Тутъ шесты затѣяли сраженье:
Шестъ Кублая вышелъ цѣлъ изъ бою.
Зашумѣли въ радости Татары;
На коней садилися ретивыхъ
И рядами становилось войско.
Христіане ворожбы не знали,
А пошли на басурмановъ просто:
Сколько силы, столько и отваги!
Загремѣла первая тутъ битва!
Задождили стрѣлы, будто ливень;
Трескъ отъ копій, словно рокотъ грома:
Блескъ мечей, что̀ молнія изъ тучи.
Обѣ стороны рубились крѣпко,
И одна другой не уступала.
Вдругъ шатнули Христіане по̀гань
И совсѣмъ бы смяли супостатовъ,

Да пришли къ нимъ чародѣи снова
И шесты народу показали;
Тутъ опять Татары разъярились.
Въ Христіанъ ударили свирѣпо
И погнали ихъ передъ собою,
Словно псы испуганнаго звѣря.
Здѣсь шеломъ, тамъ щитъ желѣзный брошенъ;
Тамъ несется конь съ вождемъ убитымъ,
Что ногою въ стремени повиснулъ:
Здѣсь одинъ вотще съ врагами бьется,
А другой помилованья проситъ.
Такъ Татары были крѣпки въ битвѣ,
Что налоги съ Христіанъ собрали
И два царства отняли большія:
Старый Кіевъ да Новгородъ людный.
Выростало горе на долинахъ.
Весь народъ сходился Христіанскій:
Собиралось ихъ четыре войска,
Звали снова басурмановъ къ бою.
Въ этотъ разъ Татары взяли вправо;
Словно туча съ градомъ надъ полями,
Что грозитъ богатымъ урожаямъ:
Издалеча рати такъ шумѣли.
Вотъ и Угры сдвинули дружины,
Въ сопостата ударили крѣпко;
Да напрасны мужество и храбрость,
Молодецкая напрасна доблесть:
Одолѣли дикіе Татары,
Разметали Угорское войско,
Цѣлый край мечемъ опустошили.
Христіанъ покинула надежда!
Было горе всѣхъ горчѣе горя!
Милосердому взмолились Богу,
Чтобы спасъ ихъ отъ Татаръ свирѣпыхъ:
«Господи! возстань въ Своемъ Ты гнѣвѣ!
Отъ враговъ Ты намъ защитой буди,
Что совсѣмъ сгубили наши души —
Рѣжутъ насъ, какъ ярый волкъ овечекъ!»
Бой потерянъ и другой потерянъ!
Въ землю Польскую пришли Татары:
Полонили все, что было близко;
Добрались до града Оломуца.
Тяжкая кругомъ бѣда вставала.
Брали верхъ поганые Татары.
Бьются день, другой дерутся крѣпко —
Никуда не клонится побѣда.
Вотъ невѣрныхъ рати разрослися,
Словно тьма вечерняя подъ осень.
Посрединѣ ихъ рядовъ нечистыхъ
Колебались Христіанъ дружины,
Продираясь ко святой часовнѣ,
Гдѣ свѣтился чудотворный Образъ.
«Ну, за мною, братья!» такъ воскликнулъ,
Въ щитъ мечомъ греия, Внеславъ могучій —
И хоругвь надъ головами поднялъ;
Всѣ метнулись, какъ едино тѣло,
На Татаръ ударили жестоко
И, какъ пламень изъ земли, пробились
Вонъ изъ полчищъ нехристей поганыхъ.
На пятахъ они поднялись въ гору;
У подошвы раздвинули рати,
А въ долину стали вострымъ клиномъ.
Тутъ покрылись тяжкими щитами
Справа, слѣва, и большія пики
Взбросили на могутныя плечи
Другъ-ко-другу задніе переднимъ.
Тучи стрѣлъ летѣли въ басурманство.
Только ночь остановила битву,
Разостлавшись по землѣ и небу;
Тѣмъ и тѣмъ она закрыла очи,
Что, враждой раскалены, горѣли.
Той порой во мракѣ Христіане
Навалили полъ горою насыпь.
Какъ заря блеснула на востокѣ,
Зашумѣли орды сопостатовъ
И кругомъ ту гору обступили.
Не видать конца полкамъ несмѣтнымъ.
На коняхъ иные тамъ кружили
И на длинныя втыкали пики

Головы отъ труповъ Христіанскихъ,
И носили ихъ предъ ставкой хана.
Собралися въ кучу всѣ ихъ силы,
Къ одному они шатнулись боку,
И полѣзли по горѣ на нашихъ,
Оглашая крикомъ всю окрестность,
Ажно долъ и горы загудѣли.
Христіане подняли́сь на насыпь.
Божья Матерь силу въ нихъ вложила:
Натянулись ихъ тугіе луки,
Ихъ мечи булатные сверкнули—
Отступили отъ холма Татары.
Разъярился народъ некрещеный;
Закипѣло сердце хана гнѣвомъ;
На три полчища разбилъ онъ таборъ;
Съ трехъ сторонъ облавили ту гору.
Тутъ скатили Христіане бревна,
Двадцать бревенъ, сколько тамъ ихъ было,
И за валомъ ихъ сложили въ кучу.
Подбѣжали къ насыпи Татары;
Въ облака ударились ихъ вопли,
И хотѣли вражьи дѣти насыпь
Раскидать — но бревна покатились,
Какъ червей приплюснуло тутъ погань,
И еще давило ихъ въ долинѣ;
Тѣ и тѣ потомъ рубились долго:
Только ночь остановила битву.
Господи! Внеславъ сраженъ могучій
И на землю съ насыпи свалился.
Одолѣло горе наши души,
Изсушила жажда всѣ утробы.
Языки съ травы лизали росу.
Вечеръ тихъ былъ передъ ночью хладной;
Послѣ ночь смѣнилась утромъ сѣрымъ.
Смирно было въ станѣ супостата.
Разгорѣлся день передъ полуднемъ.
Христіане падали отъ жажды,
Рты свои сухіе отворяли,
Хриплымъ голосомъ молились Дѣвѣ,
Истомленныя поднявши очи,
Заломивши руки въ лютой скорби;
Жалостно съ земли смотрѣли въ небо.
«Намъ не-въ-мочь терпѣть такую жажду!
Отъ нея не-въ-силахъ мы рубиться!
Кто не смерти, живота желаетъ:
Дожидайся милости Татарской.»
Такъ одни сказали, а другіе:
«Лучше сгинуть отъ меча намъ, братья,
Чѣмъ отъ жажды на холмѣ издохнуть;
Хоть въ плѣну бы намъ воды напиться!»
— Такъ за мною жъ!—къ нимъ Вестонъ воскликнулъ,
Коли такъ вы, братья, говорите,
Коль измучились отъ жажды тяжкой! —
Тутъ свирѣпымъ туромъ на Вестона
Братиславъ ударилъ, и за плечи
Онъ потрёсъ его рукою мочной:
«Ахъ, ты, змѣй, предатель окаянный!
Погубить людей ты хочешь добрыхъ!
Чѣмъ бы милости просить у Бога,
Ты зовешь ихъ въ мерзкую неволю:
Не ходите, братья, на погибель!
Вѣдь ужъ зной мы тяжкій пережили!
Въ ярый полдень Богъ намъ силы подалъ;
Онъ еще подастъ, коль вѣрить будемъ.
А такія рѣчи непотребны
Тѣмъ, кого зовутъ богатырями!
Пусть мы сгинемъ здѣсь отъ жажды лютой:
Эта смерть отъ Бога будетъ, братья!
А мечамъ невѣрныхъ отдадимся:
Руки сами на себя наложимъ!
Неугодна Господу неволя:
Смертный грѣхъ въ яремъ итти охотой!
Кто такъ мыслитъ, тотъ за мною, мужи,
Тотъ за мною ко святой Иконѣ!»
Двинулись къ часовнѣ Христіане:

:Господи! возстань въ Своемъ Ты гнѣвъ!
ай смирить намъ силы сопостата —
ыслушай моленіе Ты наше!
[ы отвсюду стиснуты врагами:
зъ оковъ нечистыхъ насъ Ты вырви
увлажь росою намъ гортани!
лавословить Тебе, Бога, станемъ!
окруши Ты нашихъ сопостатовъ:
а не прилуть нехристи вовѣки!»
Глядь — ужь тучка въ раскаленномъ небѣ!
уютъ вѣтры, слышенъ рокотъ грома,
азостлались облака по небу,
ечутъ молніи на станъ Татарскій;
трашный ливень рвы холма наполнилъ.
Миновала буря. Идутъ рати
зо всѣхъ земель и странъ далекихъ;
ъ Оломуцу вѣютъ ихъ хоругви,
яжкіе мечи гремятъ у бедеръ,
а плечахъ колчаны со стрѣлами,
на буйныхъ головахъ шеломы;
качутъ-пляшутъ ретивые кони.
Зазвенѣли вдругъ рога лѣсные,
убны, трубы раздалися въ полѣ.
акипѣла яростная битва;
тало темно межъ землей и небомъ:
была послѣдняя то схватка!
вонъ и стукъ пошелъ отъ сабель вострыхъ;
асвистѣли стрѣлы каленыя;
омъ отъ копій, трескъ отъ пикъ тяжелыхъ,
молитвы посрединѣ битвы,
лачь, тревога — и веселья много!
ровь лилась ручьями дождевыми;
тò въ лѣсу деревьевъ, было труповъ.
того мечемъ разрубленъ черепъ:
того не стало рукъ по плечи;
отъ съ коня валится черезъ брата;
Тотъ врага, остервенясь, ломаетъ,
Словно буря на скалахъ деревья:
У иного мечь торчитъ изъ рёберъ,
А тому отнесъ Татаринъ ухо.
Ухъ! кругомъ послышалися вопли:
Христіане сбиты, побѣжали —
Гонятъ ихъ поганые Татары.
Но смотрите: Ярославъ несется;
Чтò орелъ летитъ могучій витязь!
На груди его желѣзный панцырь,
А подъ нимъ отвага и удача;
Подъ шеломомъ крѣпкимъ быстрый,
А въ очахъ играетъ гнѣвъ и ярость;
Расходился, будто левъ косматый,
Чтò, почуявъ запахъ теплой крови,
Раненый, бѣжитъ за человѣкомъ —
Такъ онъ мчался, лютый, на поганство!
Чехи съ нимъ, чтò градъ изъ темной тучи.
Онъ на сына ханскаго нагрянулъ —
И борьба межъ ними закипѣла:
Пиками тяжелыми сразились,
Вдругъ сломились пики у обоихъ!
Ярославъ съ конемъ окровавленнымъ
Ринулся, махнулъ мечемъ широкимъ —
И разнесъ Кублаича до брюха.
Палъ Кублаичь бездыханнымъ трупомъ,
Глухо звякнувъ на плечахъ колчаномъ.
Басурмане всѣ оторопѣли,
Пометали саженныя кòпья —
И, кто могъ, пустились по долинѣ
Въ тѣ края, откол̀ь приходитъ солнце.
И враговъ Татаръ не стало въ Ганѣ.

Н. Бергъ.

1845 года, Ноябрь, Москва.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

29. *Два Слова, произнесенныя по случаю открытія въ Харьковской губерніи новаго женскаго монастыря, именуемаго Никольскимъ Верхнехарьковскимъ.* Въ 8; 19 стран. Харьковъ.

30. *Рѣчь при срѣтеніи на Холодной горѣ Чудотворной Иконы Богоматери Озерянской во время Крестнаго хода изъ Куряжскаго монастыря въ Харьковъ, Сентября 30 дня, 1845 года.* Въ 8; 11 стран. Харьковъ.

Оба сочиненія написаны однимъ и тѣмъ же авторомъ, котораго величественная простота можетъ быть сравнена только съ убѣдительностію его поученій. Вотъ какъ начинаетъ онъ первое свое Слово: «*Дивенъ Богъ во Святыхъ своихъ,* говоритъ единъ изъ тѣхъ, въ коихъ былъ и есть дивенъ Господь. А намъ, взирая на храмъ сей, который какъ бы вышелъ изъ земли, или сошелъ съ облаковъ, во смиреніи и съ благоговѣніемъ подобаетъ рещи: *дивенъ Богъ* не точію *во Святыхъ своихъ*, но и въ насъ грѣшныхъ. Кто бы могъ подумать, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, что здѣсь, на этомъ пустынномъ мѣстѣ, будетъ храмъ, и что къ сему храму стечется на всегдашнюю молитву и обитаніе толи-

сое число душъ, взыскующихъ горняго отечества? Іо, что не приходило никому и на мысль, то исолняется теперь на самомъ дѣлѣ — да увѣдаемъ обственнымъ опытомъ, что *невозможная у челоъкъ возможна суть у Бога*, и что у Него, Всемощаго, *не изнеможетъ всякъ глаголъ. Всякъ глаголъ*, оворимъ мы; ибо все видимое теперь вокругъ сео храма, не заключеніе и конецъ, а только начало залогъ того, что имѣетъ произойти на мѣстѣ семъ. ѣдкая и святая судьба ему предназначена. Ибо дѣсь имѣетъ быть Обитель Благочестія, постоянное ристанище для душъ, кои, оставивъ міръ и все же въ мірѣ, взыскали *единаго на потребу* и обреки себя на всегдашнее служеніе Господу. Но кто змѣнилъ такъ дивно судьбу мѣста сего и произвелъ то, столь рѣдкое въ наши времена, событіе, и очти чудо? Все это сдѣлали Вѣра и любовь къ Боу и ближнимъ. Онѣ, какъ два Ангела небесные, вились на мѣстѣ семъ; овладѣли сердцемъ владѣелей его; открыли имъ очи на суету всего земнаго: озродили въ душахъ ихъ тоску по небесномъ Отеествѣ, и внушили ознаменовать земное поприще вое не суетными замыслами и предпріятіями горости житейской, а учрежденіемъ Обители Благочетія. Примите же, Боголюбивые создатели храма его, примите нынѣ первую награду. Радость дня его первѣе всего принадлежитъ вамъ. Безъ васъ и ашихъ жертвъ здѣсь не было бы не токмо Обиели, но и сего храма, и въ продолженіе цѣлыхъ ѣковъ, по-прежнему, вѣялъ бы одинъ вѣтеръ пу-

стынный. Отселѣ изъ сего храма, въ слѣдъ за молитвами о Вѣнценосцахъ и Пастыреначальникахъ Церкви, будетъ ежедневно возноситься моленіе и о васъ, яко его создателяхъ.»

31. *Историческій атласъ Россіи,* соч. *Н. И. Павлищева,* Члена Совѣта Народнаго Просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ. *Учебныя пособія для военно-учебныхъ заведеній.* Варшава.

Атласъ начинается хронологическою картою Россіи. За нею помѣщены родословныя таблицы Государей Рюрикова дома и Романовыхъ. Потомъ слѣдуютъ историко-географическія карты (числомъ пятнадцать), гдѣ представлена Россія въ различныя эпохи ея. На шестнадцатой картѣ показаны измѣненія государства въ его объемѣ до царствованія Алексѣя Михайловича, и наконецъ пріобрѣтенія Россіи какъ на западѣ, такъ и на востокѣ со времени Царя Алексѣя Михайловича. Это изображеніе Русской исторіи представляетъ одинъ изъ счастливѣйшихъ способовъ къ ея изученію. Атласъ составленъ съ удивительною вѣрностію.

32. *Нумизматическіе факты Грузинскаго царства, Князя Михаила Баратаева.* Въ 4; 500 стран. съ XII таблицами монетъ и медалей. Спб.

Представляемыя нынѣ публикѣ изображенія Грузинскихъ монетъ обнимаютъ время отъ IV столѣтія по Р. Х. до конца XVIII. Они раздѣлены авторомъ книги на четыре разряда. Въ первомъ помѣщены изображенія монетъ, чеканенныхъ въ царствованіе Стефана II и Джованшира, государей Сасса-

нидской династіи. Во второмъ представлены монеты Греческо-Византійскія, явившіяся при царяхъ изъ династіи Бакратіанъ, послѣдовавшей на престолъ по пресѣченіи предшествовавшей. Въ третьемъ собраны изображенія монетъ, на которыхъ имена царей и ихъ титулы начертаны Грузинскими и Арабскими буквами. Монеты съ Арабскими надписями чеканены въ царствованіе Димитрія II, бывшаго на престолѣ съ 1272 до 1289 года. Къ четвертому разряду отнесены изображенія монетъ, чеканенныхъ съ 1717 по 1800 годъ, при Государяхъ, начиная съ Бакара и до Георгія XIII. Это рѣдкое и во всѣхъ отношеніяхъ столько же полезное, какъ и любопытное собраніе разливаетъ новый свѣтъ на исторію страны, еще недостаточно изслѣдованной учеными, особенно касательно ея исторіи. Мы увѣрены, что книга Князя Баратаева принята будетъ съ полнымъ вниманіемъ и у насъ въ Россіи и за границею, къ чему должно способствовать, сверхъ внутренняго ея достоинства, самое изданіе ея на трехъ вдругъ якыкахъ: Грузинскомъ, Русскомъ и Французскомъ.

33. *Четырнадцатое присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ.* Въ 8; IV и 261 стран. Спб.

Вся книга состоитъ изъ пятнадцати отдѣльныхъ статей, которыя суть: 1. Общій отчетъ Непремѣннаго Секретаря Академіи; 2. Разборъ (Академика Бера) сочиненія Г. Аделунга: Kritisch-literärische Uebersicht aller Reisen der Ausländer in Russland bis 1700, deren Berichte bekannt sind; 3. Мнѣніе Академ.

Фуса и Буняковскаго объ ариѳметической машинѣ Г. Слонимскаго; 4. Разборъ (Акад. Остроградскаго и Буняковскаго) сочиненія А. Зеленаго: Краткое руководство начертательной геометріи; 5. Разборъ (Ак. Мейера) сочиненія Г. Рупрехта: Symbolae ad Historiam et Geographiam plantarum Rossicarum; 6. Разборъ (Ак. Брандта) сочиненія Г. Эверсманна: Fauna lepidopterologica Volgo-Uralensis; 7. Разборъ (Ак. Бередникова) сочиненія Г. Дубенскаго: Изслѣдованіе «Слова о полку Игоревѣ»; 8. Разборъ (Акад. Грефе) сочиненія Г. Ильенкова: Краткая Синонимика Латинскаго языка, изложенная по Дедерлейну; 9. Разборъ (Г. ф. Гиммельштирна), сочиненій Г. Вольфельдта: Mittheilungen aus dem Strafrecht und dem Strafprozess in Lievland, Esthland und Kurland, и Г. Рихтера: Der Lievländische Strafprozess; 10. Разборъ (Г. Бернгарди) сочиненія Барона Зеддfestлера: Исторія военнаго искуства среднихъ вѣковъ; 11. Разборъ (Г. Лоренца) сочиненія Барона Зедделера: Исторія военнаго искуства древнихъ народовъ; 12. Разборъ (Ак. Кеппена) сочиненія Г. Михайлова: Политическая Экономія; 13. Разборъ (Ак. Востокова) Нѣмецко-Русскаго словаря Г. Эртеля; 14. Разборъ (Г. Лоренца) сочиненія Г. Смарагдова: Руководство къ познанію Новой Исторіи; 15. Разборъ (Ак. Бера и Брандта) сочиненія Г. Бредова: Антропофизіологія. Сочиненіе Г. Аделунга заслужило полную премію. Половинныя же назначены: Гг. Слонимскому, Зеленому, Рупрехту, Эверсманну, Дубенскому, Ильенкову, Вольфельдту и Барону Зедделеру.

Почетнаго отзыва удостоены сочиненія Гг. Михайлова, Эртеля, Смарагдова и Бредова. Ежегодное появленіе Академическихъ присужденій болѣе и болѣе приноситъ пользы ученой критикѣ нашей. Въ журнальной литературѣ нашей теперь почти не встрѣчается критикъ, достойныхъ предмета: онѣ замѣнены или не очень пристойными шутками, или очень непристойными спорами. Въ Академическихъ разборахъ поучительны не только изслѣдованія касательно наукъ, но самый тонъ и языкъ.

34. *Замѣтки за границею въ 1840 и 1843 годахъ. Ф. П. Л.* Въ б. 8; 370 стран. Спб.

Сочиненіе раздѣлено на 43 отдѣла, изъ которыхъ во всякомъ содержатся особыя замѣтки касательно какаго-нибудь любопытнаго предмета, или города. Сперва изложены мысли о хозяйствѣ въ Германіи. Мѣстныя замѣтки начинаются съ Эрфурта, а оканчиваются Венеціею. По выбору предметовъ, о которыхъ говоритъ авторъ, по сужденіямъ и выводамъ его, нельзя не замѣтить, что онъ много наблюдалъ въ жизни, многое сравнивалъ и исполненъ практическихъ знаній. Его языкъ напоминаетъ собою первыя десятилѣтія текущаго вѣка. Чтеніе книги его не служитъ къ обыкновенному развлеченію праздности, но наводитъ на серьёзныя размышленія. Такаго рода сочиненія у насъ теперь рѣдки, хоть и много издается книгъ съ обольстительными заглавіями.

35. *Путешествіе вокругъ свѣта*, изд. *Ѳ. Студитскимъ. Южная Европа.* Съ картинкою, гравиро-

ванною на мѣди, и 15 политипажами. Въ 12; 113 стран. Спб.

Читателямъ Современника знакома «Географія для дѣтей», изданная Г. Студитскимъ. Постоянно заботясь о доставленіи основательныхъ знаній молодому поколѣнію по этой части, онъ нынѣ предлагаетъ имъ чтеніе очень занимательное. «То, о чемъ въ Географіи только упоминается (говоритъ онъ), въ Путешествіи излагается съ бо̀льшими подробностями, и слѣдовательно дѣти будутъ представлять предметы яснѣе и составлять болѣе отчетливое понятіе». Г. Студитскій намѣренъ выдать десять книжекъ Путешествія. Первая содержитъ въ себѣ обозрѣніе южной Европы и заимствована съ Французскаго. Слѣдующія книги, изъ которыхъ во второй предложено будетъ описаніе южной Америки и Антильскимъ острововъ, онъ составитъ самъ, чему можно порадоваться — потому-что въ его собственномъ расказѣ, взглядѣ на предметы и выборѣ ихъ всегда видно было очень много занимательности и искуства все приспособлять къ дѣтскому возрасту.

36. *Рѣчи и Отчетъ Московской 1-ой Гимназіи за 1844—45 учебный годъ.* Въ 4; 60 стран. Моск.

По Отчету можно видѣть, въ какомъ цвѣтущемъ состояніи находится это учебное заведеніе. Лица, преподающія въ немъ науки, трудятся въ то же время и для общей пользы. Учитель Греческаго языка Коссовичь печатаетъ Греческо-Россійской лексиконъ, а Нѣмецкаго языка Д. Ферманъ «Deut-

sche Lese und Schreibenbungen». Въ Гимназіи обучается болѣе 400 человѣкъ.

37. *Повѣсть.* Сочиненіе *Ал. Пл.* Въ 12; 45 стран. Моск.

Это *оригинальное* сочиненіе доказываетъ, съ какою пользою дамы наши такъ внимательно читаютъ повѣсти и романы современныхъ Французскихъ писателей и писательницъ. Въ розовомъ воображеніи прекраснаго пола только и мелькаютъ теперь герои въ родѣ «Солнцева (героя повѣсти)». Не ищите тутъ описанія господствующихъ понятій, привычекъ, нравовъ и дѣйствительныхъ страстей. Такъ-какъ ничего подобнаго нѣтъ въ подлинныхъ сочиненіяхъ, то откуда же эт явится въ подражаніяхъ?

Невскій альманахъ на 1846 годъ. Въ б. 8; 280 и IV стран. Спб.

«Половина, выручаемой продажею этой книжки, «суммы — обращается въ пользу воспитанниковъ «Николаевской школы, при домѣ Призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ въ С. Петербургѣ; «другая половина составитъ пособіе одному обѣднѣвшему семейству.» Вотъ что между прочимъ сказано на оберткѣ книжки. Она, по этому обстоятельству, не подлежитъ обыкновенной критикѣ. Но если бы кому вздумалось и разбирать ее, даже строго; то издатель равнодушно долженъ принять всякое покушеніе на честь изданія, за двадцать лѣтъ тому назадъ воспѣтаго Пушкинымъ въ извѣстныхъ стихахъ, исполненныхъ граціи и остроумія —

тѣмъ болѣе, что, и при перемѣнѣ именъ участниковъ въ Невскомъ альманахѣ, о немъ опять можно сказать съ поэтомъ:

«Примите Невскій Альманахъ;
Онъ милъ и въ прозѣ и въ стихахъ.
Вы тутъ найдете Полеваго,
Василья Пушкина, ...кова,
К . . . , дальній вашъ родня.
Украсилъ также книжку эту;
Но не найдете вы меня:
Мои стихи скользнули въ Лету.
Что слава міра? дымъ и прахъ!
Ахъ, сердце ваше мнѣ дороже...
Но, кажется, мнѣ трудно тоже
Попасть и въ этотъ альманахъ.

39. *Робинсонъ. Расказъ для дѣтей.* Въ 16; 80 стран. Спб.

Дѣти, знакомыя съ истиннымъ Робинзономъ, не подойдутъ къ этому самозванцу.

40. *Донъ Кихотъ Ламанчскій. Расказъ для дѣтей.* Съ гравированными картинками. Три книжки. Въ 24; 177, 150 и 180 стран. Спб.

Вандальское нападеніе на красоту Испанской литературы.

41. *Исторія Петра Великаго для дѣтей*, украшенная 18-ю литографированными рисунками. Въ 24; 146 стран. Спб.

Мелочная промышленность книжнымъ товаромъ доходитъ теперь у насъ до крайности. Вы, на прим., очень хорошо знаете книгу, принятую всѣми какъ

необходимое пособіе при воспитаніи дѣтей, сочиненную Г-жей Ишимовой, подъ названіемъ: *Исторія Россіи въ расказахъ для дѣтей.* Въ этой книгѣ, напечатанной въ 8 долю листа, расказывается о Петрѣ Великомъ на 140 страницахъ. Расказъ полный, чрезвычайно занимательный, написанный лучшимъ языкомъ. Промышленность книжная, пользуясь готовыми матерьялами, составляетъ свой расказъ, вялой, сбивчивый, полуграмотный, и печатаетъ его на 146 страницахъ, но въ форматѣ, уменьшенномъ втрое, слѣдовательно на 46 страницахъ. Желая прикрыть ничтожество жалкой компиляціи, промышленность перекладываетъ листки столь же плохими картинками, какъ и текстъ. Покупайте послѣ этаго дѣтскія анонимныя книги!

42. *Мать Наставница,* или Разговоры о многоразличныхъ предметахъ, образующихъ умъ и сердце полезнѣйшими познаніями, представленное въ разговорахъ матери съ своими дѣтьми. Съ 118 раскрашенными фигурами. Для обучающихся Французскому языку. Въ 16; 153 стран. Спб.

Можетъ быть, эта мать-наставница сколько-нибудь и разумѣетъ по-Французски, но ужъ по-Русски нисколько.

43. *Пантеонъ Русскихъ баснописцевъ.* Въ 16; 124 стран. Спб.

Здѣсь сошлись, для забавы читателей, столь разнородные баснописцы, что и появленіе ихъ въ одной и той же книгѣ есть уже притча во языцѣхъ.

44. Елка. Подарокъ на Рождество. *Азбука съ*

примѣрами постепеннаго чтенія. Въ 8; VII и 112 стран. Спб.

Вотъ прекрасная книжка для дѣтей, начинающихъ учиться читать. Она раздѣлена на 36 уроковъ, такъ-что, полагая въ недѣлю по 6-ти, съ помощію ея можно въ полтора мѣсяца кончить то, что иными раскладывается на цѣлый годъ. Составительница книжки этой предлагаетъ показать ребенку сперва только гласныя буквы и какую-нибудь одну изъ согласныхъ, чтобы недолго томить его складами. Этотъ скорый переходъ къ чтенію словъ, въ которыхъ есть смыслъ, спасаетъ ребенка отъ скуки и отвращенія къ урокамъ. Частое повтореніе пройденнаго принято здѣсь какъ средство доставить прочное основаніе ученію. Наконецъ книжка украшена картинками, что служитъ также средствомъ къ возбужденію охоты учиться. Каждая мать, сама занимающаяся первоначальнымъ обученіемъ дитяти, съ признательностію обратится къ этой книжкѣ и убѣждена будетъ, что ни ея труды, ни труды составительницы новой азбуки не были тщетными.

45. *Руководство къ первоначальному изученію Русской Исторіи.* Сочиненіе *Н. Устрялова*, признанное Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія учебною книгою въ Уѣздныхъ Училищахъ. Съ историческимъ атласомъ. Въ 16; 120 стран. Спб.

Не только Уѣздныя Училища, но и всѣ первоначальныя учебныя заведенія могутъ принять эту книжку за руководство преподаванія Русской Исторіи. Учебникъ обработанъ съ удивительною во всемъ

отчетливостію и бережливостію; въ немъ расказано со всею пропорціональностію одно необходимое для первоначальнаго знанія, чѣмъ сохранено много времени для прочихъ частей ученія.

46. *Проекты каменныхъ и деревянныхъ церквей въ Русско-Византійскомъ стилѣ*, со всѣми деталями, иконостасами и чертежами устройства парусовъ, куполовъ, сводовъ, кружалъ, стропилъ, лѣсовъ и всѣхъ укрѣпленій практическихъ. Составлены архитекторомъ *В. Морганомъ*. Тетрадь I. Спб.

Это прекрасное изданіе достойно всеобщаго вниманія. Оно не только теперь необходимо для каждаго архитектора по причинѣ утвердившагося у насъ въ архитектурѣ церквей Византійскаго вкуса, но и драгоцѣнно какъ изящный памятникъ нашей эпохи: какъ пріятно заняться изслѣдованіемъ предмета, столь близкаго каждому изъ насъ!

47. *О вредныхъ насѣкомыхъ*. Издано Ученымъ Комитетомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ. Въ 8; VIII и 278 стран. Съ шестью листами раскрашенныхъ рисунковъ. Спб.

Всѣмъ извѣстно, сколько вреда причиняютъ въ хозяйствѣ нѣкоторыя изъ насѣкомыхъ. Правительство изданіемъ разсматриваемой нами книги желало предотвратить такаго рода явленія. Оно составило краткое, но вполнѣ достаточное описаніе насѣкомыхъ, вредныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, и приложило точныя ихъ изображенія. Все сочиненіе составитъ нѣсколько частей. Вышла первая. Въ ней говорится о насѣкомыхъ, которыхъ гусеницы вредятъ

лѣсамъ. При описаніи каждаго изъ насѣкомыхъ говорится, какія бываютъ его видоизмѣненія (отъ яйца до бабочки), какъ оно живетъ, гдѣ и въ какое время появлялось у насъ въ Россіи. Затѣмъ исчислены средства къ его истребленію. Все это можетъ принести чрезвычайную пользу, если сельскіе жители, вопреки равнодушію своему ко всѣмъ нововведеніямъ, охотно послѣдуютъ совѣтамъ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ.

48. *Балясы.* Въ 18; 12 стран. Моск. Едва ли кому послужатъ онѣ и потѣхою.

49. *Петербургскій Сборникъ*, изданный Н. Некрасовымъ. Нѣкоторыя статьи иллюстрированы. *В. Г. Бѣлинскій, Ѳ. М. Достоевскій, Искандеръ* (псевдонимъ), *А. И. Кронебергъ, А. И. Майковъ, Н. А. Некрасовъ, А. В. Никитенко, Кн. В. Ѳ. Одоевскій, И. И. Панаевъ, Гр. В. А. Соллогубъ, И. С. Тургеневъ.* Въ б. 8; 360 стран. Спб.

Характеръ этой книги нисколько не составляетъ уже новости въ Россіи. Со временъ Полярной Звѣзды и Сѣверныхъ Цвѣтовъ до Новоселья, Руской Бесѣды и Утренней Зари довольно являлось у насъ Сборниковъ. Да и Журналы наши (исключая специальные и оффиціальные) такіе же Сборники, какъ и Петербургскій. Въ этихъ изданіяхъ не найдешь единства мысли, не отыщешь цѣли. Сборникъ, въ видѣ Журнала, по крайней мѣрѣ вводитъ насъ въ опредѣленную эпоху, и для историка останется однимъ изъ указателей тогдашней литературной дѣя-

тельности. Но Сборникъ, выходящій въ неопредѣленное время, случайно, не относящійся къ одному роду знаній, есть явленіе въ родѣ дефекта какаго-нибудь Журнала, безъ первыхъ и послѣдующихъ его книжекъ. Но такъ-какъ много читателей, для которыхъ начало и конецъ изданія не составляютъ необходимой его принадлежности: то и Петербургскій Сборникъ можно радушно привѣтствовать, тѣмъ болѣе, что, по выписаннымъ уже нами именамъ участниковъ въ немъ, видно, какъ онъ долженъ быть занимателенъ. Читатели Современника, въ разное время, при разныхъ обстоятельствахъ, хорошо ознакомлены съ талантами, духомъ, слогомъ и прочими литературными особенностями почти всѣхъ лицъ, названныхъ въ заглавіи. Одно между ними является въ печати въ первый разъ: это *Ѳ. М. Достоевскій*. Его статья называется: *Бѣдные люди, романъ*. Она занимаетъ 166 страницъ — очень значительную часть всей книги. Въ этомъ романѣ два элемента поэзіи: серьёзный и комическій. Первый гораздо болѣе втораго носитъ на себѣ той *художнической истины*, которая такъ высоко цѣнится въ произведеніяхъ таланта. Комическое же здѣсь какъ-то изыскашно и составляетъ замѣтное подражаніе тону, краскамъ и даже языку Гоголя и Квитки. Мѣста, гдѣ авторъ говоритъ серьёзно, восхитительны, на прим. «Описаніе осенняго вечера и озера» на стран. 121—124. Намъ особенно понравились, какъ чисто-романическое, «Записки бѣдной дѣвушки», расказывающей сперва о своемъ дѣтствѣ, и послѣ о

первой любви своей (отъ 24 стран. до 58). Авторъ такъ хорошо постигнулъ свой предметъ, создалъ столь независимо положенія и характеры лицъ, выраженіямъ ихъ сообщилъ такую вѣрность, естественность и оригинальность, наконецъ расказъ свой велъ съ такимъ мастерскимъ искуствомъ, усиливая интересъ и кончивъ его самымъ трогательнымъ образомъ, что никто не усомнится въ его неподдѣльномъ, прекрасномъ талантѣ. Другія части этаго же романа не произвели на насъ столь пріятнаго дѣйствія. Намъ даже показалось, когда мы проходили длинный рядъ этѣхъ шуточныхъ сценъ, картинъ и прочихъ украшеній, этѣхъ каррикатуръ, не безъ претензіи на характеръ трогательнаго, намъ показалось, что г-нъ Достоевскій все это вызвалъ къ жизни усиленно, теоретически, безъ сердечнаго раздѣленія описанныхъ ощущеій.

II.

50. *Русское чтеніе,* издаваемое *Сергѣемъ Глинкою.* **II.** Духъ вѣка Екатерины второй. Въ 8; 326 стран. Спб.

51. *Описаніе Россійской Имперіи* въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. *Томъ I. Книга III. Олонецкая губернія.* Издано *Гедеоновымъ и Пушкаревымъ.* Съ картою губерніи, гербами и планами городовъ и рисунками. Въ 4; XV и 107 стран. Спб.

52. *Библіотека для воспитанія.* Отдѣленіе пер-

вое. *Часть V.* Годъ второй. Въ 12; 228 стран. Москва.

53. *Библіотека для воспитанія.* Отдѣленіе второе. *Часть II.* Годъ второй. Въ 12; 96 стр. Моск.

54. *Санктпетербургская Флора,* съ раскрашенными рисунками. Составленная *Карломъ Левинымъ.* Часть *третья.* Въ 8; 23 стран. Рисунковъ 24. Спб.

55. *Труды* Императорскаго *Вольнаго Экономическаго Общества. 1845 № 6.* Въ 8; VI; съ 55—88; 239—386; 97—135, и 53—54. Спб.

56. *Воскресныя посидѣлки.* Книжка для добраго народа Русскаго. Пятокъ *послѣдній,* въ которомъ пятки *седьмый, осьмый, девятый* и *десятый.* Въ 16; III и 380 стран. Спб.

57. *Бесѣды о сельскомъ хозяйствѣ,* составляющія курсъ этой науки, публично преподаваемый въ Моск. Универс. въ 1844—45 академ. году *Ярославомъ Линовскимъ.* Томъ *вторый. Земледѣліе.* Въ 8; 242 стран. Моск.

58. *Чтеніе общей химіи, приложенной къ фабричному и заводскому дѣлу, Р. Геймана.* Выпускъ *второй.* Въ 8; 187—330 стран. Моск.

═

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

11. *Теорія садоводства,* или опытъ изъясненія главнѣйшихъ производствъ садоводства изъ началъ растительной физіологіи. Сочиненіе г. *Линдлея,* философіи доктора, вице-секретаря Лондонскаго Общества садоводства и профессора ботаники при Университетѣ. Переводъ съ Англійскаго. Издалъ съ разными дополненіями и замѣчаніями *И. Шиховскій.* Въ 8; 417 стран. Съ 37 древорѣзными рисунками, вставленными въ текстъ. Спб.

Начàла. принятыя авторомъ для очищенія понятій о садоводствѣ, такъ вѣрны и удобопримѣняемы въ искуствѣ, что его книгу перевели па всѣ Европейскіе языки. Можно по-этому приблизительно опредѣлить пользу и важность труда, который принялъ на себя переводчикъ Русскій, усвоившій литературѣ нашей книгу Линдлея. Переводъ, исполненный Профессоромъ ботаники, представляетъ образецъ, какъ надобно трудиться въ подобныхъ предпріятіяхъ.

12. *Онанизмъ.* Сочиненіе доктора *Тиссота.* Съ Французскаго перевелъ докторъ *Александръ Никитинъ.* Въ 8; 104 стран. Спб.

Въ Медицинской литературѣ едва ли являлась книга по этому предмету столь удовлетворительная, какъ сочиненіе Тиссота, переведенное нынѣ на Русской языкъ. Изслѣдованія автора необыкновенно важны и обнаруживаютъ въ немъ глубокое знаніе дѣла. Понятно, отъ чего переводомъ этой книги занялся одинъ изъ отличныхъ Русскихъ врачей. Литературѣ нашей это принесло большую пользу: теперь въ ней явилась книга, достойная общаго вниманія и со стороны изслѣдоланія и со стороны изложенія.

13. *Практическое руководство къ бережливому хозяйству*, или собраніе множества секретовъ, касающихся до разныхъ предметовъ хозяйства, которы можное дѣлать каждому дома и недорогими средствами. Книга для всѣхъ сословій. Переводъ съ Нѣмецкаго. Въ 8; 94 стран. Спб.

Если въ заглавіи книги, добрый читатель, найдешь ты слова: *множество секретовъ*, или: *для всѣхъ сословій, для всѣхъ состояній*, то послѣдуй совѣту опытныхъ людей: не трать денегъ на пріобрѣтеніе такаго сочиненія; тутъ ничего не бываетъ путнаго.

14. *Вѣчный Жидъ*. Пародія. Часть *вторая*. Въ 16; 99 стран. Спб.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

5. *О всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи на религіознонравственномъ основаніи.* Изданіе *второе.* Съ дополненіями. Въ 8; 90 стр. Моск.

6. *Новоселье.* Изданіе *второе.* Двѣ части. Въ 8; 444 и 428 стран. Спб.

7. *Маленькія дѣти.* Повѣсти *Бланшара* для дѣтей перваго возраста. Съ 11-ю литографированными картинками. Изданіе *второе,* значительно исправленное. Въ 12; 144 стран. Спб.

8. *Альманахъ для дѣтей.* Украшенный виньетками З. Ковригина, гравированными на деревѣ Барономъ Неттельгорстомъ. Въ 36; 80 стран. Спб.

9. *Книга для постепенныхъ переводовъ съ Русскаго языка на Нѣмецкій.* Составленная *Егоромъ Гугелемъ.* Изданіе *четвертое.* Въ 12; 260 стран. Спб.

10. *Введеніе въ грамматику Русскаго языка.* Изданіе *второе.* Тетрадь I. Въ 8; 48 стран. Моск.

11. *Новѣйшая грамматика съ присовокупленіемъ піитическихъ правилъ.* Изданное для обученія юношества *Яковомъ Пожарскимъ.* Въ 8; 67 стран. Спб.

12. *Домостроеніе съ планами, фасадами каменныхъ и деревянныхъ, городскихъ и сельскихъ зданій,* расположенныхъ въ изящномъ и простомъ вкусѣ и проч., и проч. Составлено тит. сов. *А. Рудольскимъ.* Въ трехъ частяхъ. Изданіе *второе,* исправленное. Въ 4. 21, 14 и 9 стран. Съ 121 таблицею. Моск.

НА ПАМЯТЬ.

Когда на зло моимъ желаньямъ
Насъ воля рока разлучитъ;
Пускай мой стихъ воспоминанье
Въ васъ о минувшемъ пробудитъ;

Напомнитъ вамъ о томъ, кто счастье
Лишь съ вами въ жизни находилъ,
Кто вамъ за дружбу и участье
Любовью искренней платилъ;

Кто никогда передъ толпою
Вамъ льстивыхъ словъ не расточалъ,
Но вдохновенный красотою
Вамъ тайно стихъ свой посвящалъ;

Напомнитъ все — и, на досугѣ
Прочтя завѣтный вашъ альбомъ,
Вы пожалѣете о другѣ,
Вздохнете, можетъ быть, о немъ.

Такъ намъ порой напоминаетъ
Цвѣтокъ засохшій о веснѣ,
Звукъ пѣсни грустной исторгаетъ
Изъ глазъ слезу о старинѣ.

А. П — — въ.

1844.

ОБЪ УКАЗАТЕЛѢ СОВРЕМЕННИКА.

Обѣщанный читателямъ Современника (т. XL, стран. 111) Указатель къ этому журналу за все прошлое его десятилѣтіе вышелъ изъ печати. Онъ составленъ по методѣ совершенно новой и можетъ доставить много пользы занимающимся исторіею литературы Русской. Указатель Современника раздѣленъ на три части. Въ первой, въ азбучномъ порядкѣ, показаны всѣ важнѣйшіе предметы, особенно по Исторіи и Литературѣ, и всѣ безъ исключенія лица, о которыхъ было говорено въ журналѣ, такъ-что одна иногда статья представляетъ разрѣшеніе нѣскольких вопросовъ, особо помѣщенныхъ въ Указателѣ. Во второй его части приведены имена писателей, помѣщавшихъ въ Современникѣ свои статьи въ прозѣ. Въ третьей исчислены имена поэтовъ, помѣщавшихъ свои стихотворенія въ Современникѣ, и подъ каждымъ именемъ названія самыхъ пьесъ, тоже въ азбучномъ порядкѣ.

Указатель Современника составилъ пять печатныхъ листовъ, или 80 страницъ въ такомъ же форматѣ, какъ и самый журналъ. Онъ отдѣльно продается по 25 коп. сер. въ книжномъ магазинѣ П. Крашенинникова и К° на Невскомъ проспектѣ въ домѣ Имзена. За пересылку иногородные прилагаютъ вѣсовыхъ за фунтъ.

ОСМАНЫ.

(Окончаніе.)

«Послѣ битвы Лепантской Турки потеряли много въ общемъ мнѣніи. Они замѣтили скоро недостатки своего флота. Главная ошибка ихъ въ этомъ отношеніи состояла въ томъ, что они изучали только искуство сражаться на морѣ, а всѣ прочія заботы предоставляли невольникамъ. Невольники, обязанные строить корабли безъ собственной для себя выгоды въ этомъ дѣлѣ, употребляли при постройкѣ сырой лѣсъ, а потому корабли, при всей добротности ихъ матерьяла, легко пропускали воду. Изъ многихъ сотенъ галеръ, находившихся въ гаваняхъ, можно было набрать едва ли пятьдесятъ неповрежденныхъ. Управляли кораблями также невольники и притомъ еще скованные. Не смотря на эту службу, съ ними обходились какъ съ рабами, а не какъ съ людьми; по-этому большая часть изъ нихъ погибала. Барбаро видѣлъ, какъ пять разъ возвращался флотъ, и всякой разъ почти безъ матросовъ. При абордажѣ капитаны кораблей не надѣялись уже на добычу и ожидали погибели невольниковъ отъ рукъ непріятелей, если невольники оставались вѣрными; въ противномъ же случаѣ они страшились хъ возмущенія, и по-этому всего болѣе избѣгали абордажнаго боя съ Христіанами въ открытомъ морѣ.

Дурное состоянiе флота, неспособность и трусость матросовъ, которыя, будучи прикрываемы прежде мужествомъ и счастiемъ, теперь сдѣлались очень замѣтными, накопецъ огромныя издержки на вооруженiе флота — все это на долгое время у преемниковъ Селима отбило охоту къ значительнымъ морскимъ экспедицiямъ; и необходимымъ слѣдствiемъ этаго была какъ бы остановка Турокъ въ попыткахъ ихъ къ морскимъ завоеванiямъ.

Но страсть къ завоеванiямъ сухопутнымъ еще не исчезла. Желанiе владычествовать надъ всѣмъ мiромъ было глубоко вкоренено въ сердцахъ султановъ. Амуратъ III, не смотря на свою испорченную природу, продолжалъ войны съ цѣлiю завоеванiй, безъ всякаго къ тому принужденiя, по одной прихоти, и уменьшалъ такимъ образомъ огромныя сокровища, собираемыя имъ съ такою заботливостiю. Онъ не хотѣлъ заключать мира иначе, какъ на условiяхъ, выгодныхъ только для себя.

Онъ началъ двѣ войны, которыя кончились истощенiемъ лучшихъ источниковъ богатства его имперiи: противъ Персовъ и противъ Венгровъ. Въ той и другой онъ встрѣтилъ трудности совершенно различнаго рода.

Въ Персiи онъ нашелъ страну безъ крѣпостей и безъ городовъ, но за то безъ деревень и безъ жителей на пространствѣ шести и семи дней пути. Его войска перешли безъ сопротивленiя границы, съ намѣренiемъ опустошенныя туземцами, утвердились по ту сторону границъ въ Ширва-

нѣ, построили корабли въ Темиркапеѣ, переплыли море Каспійское и основали даже крѣпость въ Таврисѣ на тѣхъ высокихъ горахъ, которыя отдѣляютъ Иранъ отъ Мессопотаміи. Но это не были такія завоенія, съ которыхъ доходами можно было бы умножать сокровища, или строить великолѣпныя мечети. Нельзя было пріобрѣтенной страны даже раздѣлить на тимары: остатокъ туземныхъ жителей спасся въ неприступныхъ горахъ, или удалился во внутренность Ирана, гдѣ невозможно было настигнуть ихъ; по-этому не было подданныхъ ни для содержанія тимарлія и его лошади, ни для платежа поголовныхъ податей. Амуратъ принужденъ былъ дать приказаніе построить крѣпости и содержать въ нихъ гарнизоны на свой собственный счетъ. Желаніе обладать всѣми странами, которыя попирались ногами коней Османскихъ, и надменное вѣрованіе, будто бы ему суждено сдѣлаться повелителемъ Востока и Запада, могли поддерживать въ немъ рѣшеніе продолжать войны, въ которыхъ подданные его сражались болѣе съ голодомъ и климатомъ, нежели съ мечемъ непріятельскимъ, въ которыхъ полководцы его должны были столько же бороться съ своими собственными мятежными войсками, сколько и съ арміями непріятельскими. Къ тому же въ началѣ этой войны несогласія князей Персидскихъ, благопріятствовавшія успѣху войскъ Турецкихъ, исчезли, и шахъ Аббасъ вступилъ на тронъ Персидскій. Государь этотъ рѣшительно не походилъ на преемниковъ Османа. Онъ былъ при-

вѣтливъ и добръ, дѣятеленъ, мужественъ и побѣдоносенъ. Послѣ счастливыхъ войнъ въ Хоразанѣ онъ заключилъ союзъ съ Грузинцами, хвалившимися тѣмъ, что каждый изъ нихъ готовъ идти противъ пяти Турокъ, и скоро возстановилъ прежнія границы своего государства.

Если Амуратъ III имѣлъ, по крайней мѣрѣ сначала, нѣкоторый успѣхъ въ Персіи, за то онъ не былъ такъ счастливъ въ Венгріи. Другія препятствія, столь же великія, какъ тѣ, которыя онъ встрѣтилъ въ Персіи, противостали осуществленію мечтательныхъ плановъ его полководцевъ, которые предполагали овладѣть гаванями Германіи и Италіи и покорить Богемію. Эти препятствія заключались въ военномъ устройствѣ границъ, въ сильныхъ крѣпостяхъ и, по крайней мѣрѣ сначала, въ рѣшительной непріязни Трансильваніи къ Туркамъ, также въ шаткомъ положеніи Валахіи. Здѣсь не мѣсто слѣдовать за ходомъ этѣхъ войнъ, но мы замѣтимъ, что завоеванія Османовъ остановились. Персы и Германцы не были побѣждены, и если завоеванія Османовъ распространялись прежде въ трехъ главныхъ направленіяхъ: по морю Средиземному и на материкѣ къ Востоку и Сѣверо-Западу; то завоеванія эти остановились во всѣхъ направленіяхъ, именно въ послѣднихъ двухъ при Амуратѣ III и въ первомъ еще при Селимѣ II.

Въ слѣдствіе всѣхъ вышеизложенныхъ причинъ имперія Оттоманская рѣшительно потеряла свое

прежнее значеніе и перестала внушать ужасъ своимъ сосѣдамъ.»

При Амуратѣ IV, какъ пишетъ Ранке, въ 4-мъ и послѣднемъ отдѣлѣ, она была уже совершенно не та, что прежде. Вообще эта глава о состояніи имперіи Турецкой при Амуратѣ IV занимательна въ высшей степени.

«При Амуратѣ IV въ имперіи Турецкой уже не было внутренней энергіи, которая, соединяя вождя съ войскомъ, побуждаетъ ихъ къ безпрерывнымъ завоеваніямъ. Кормило правленія находилось въ рукахъ любимцевъ сераля, женщинъ и эвнуховъ. Тѣлохранительная стража султана, нѣкогда доставлявшая ему вѣрныя побѣды и охранявшая его собственную особу, теперь вмѣстѣ съ потерею дисциплины лишилась и мужества. Сосѣднія націи не боялись уже Османовъ болѣе другихъ непріятелей и могли жить спокойнѣе, не будучи принуждены вести отчаянную борьбу за сохраненіе своей свободы.

И основныя начала политической конституціи, которыя нѣкогда всѣ согласно стремились къ одной цѣли, служа такимъ образомъ порукою за успѣхи Турокъ, теперь распались, или, лучше сказать, сдѣлались враждебными одно другому.

Часто повторяли, что ложно мнѣніе, приписывающее султану власть безусловную, что власть эта ограничивалась то іерархіею улемовъ, то силою милицій. И дѣйствительно тѣ и другія часто возставали противъ своего повелителя.

Но если принять въ соображеніе, что султанъ есть иманъ и верховный калифъ, что одна статья закона религіознаго говоритъ: *онъ имѣетъ безусловную власть; всякой долженъ подчиняться ему; не позволяется никому признавать другаго господина, кромѣ его*, что въ другой статьѣ сказано: *не необходимо, чтобы султанъ былъ справедливъ, добродѣтеленъ и безукоризненъ*, что наконецъ въ третьей главѣ заключается: *ни тираннія, ни другіе пороки не даютъ никому права низвергнуть его* — если все это принять въ соображеніе, то какимъ образомъ можно было противиться султану, не оскорбляя его особы и не нарушая закона? Когда Амуратъ IV уничтожилъ одно изъ первыхъ правилъ Магометанства, котораго хранителями долженствовали быть улемы, именно когда онъ позволилъ употребленіе вина; то осмѣлились ли улемы противиться ему? Муфти, глава всей духовной іерархіи, есть не болѣе, какъ представитель султана, который возводитъ его въ это званіе и можетъ, если захочетъ, низвести его съ высоты почестей.

Милиціи съ другой стороны могли ли, однѣ, или въ союзѣ съ улемами, противиться своему государю? Мураджа замѣчаетъ, что въ Турціи на всякое возстаніе всегда смотрѣли, какъ на дѣло противозаконное, какъ на преступленіе противъ священной особы султана.

Слѣдовательно тѣ, которые утверждаютъ, что власть султана Турецкаго была ограничена, смѣшиваютъ фактъ съ правомъ, чего дѣлать не слѣдуетъ.

Послѣ смерти Ахмета II, янычары, казалось, совершенно подчинили себѣ престолъ и овладѣли правомъ жаловать имъ претендентовъ по своему усмотрѣнію. Ахметъ по добротѣ своей пощадилъ брата своего Мустафу, который былъ слабоуменъ до такой степени, что многимъ его безсвязные отвѣты напоминали изрѣченія оракула. Янычары, не смотря на совершенную его неспособность, возвели его послѣ смерти Ахмета на престолъ, переходившій прежде непремѣнно отъ отца къ сыну. Но недолго онъ царствовалъ. Тѣ же янычары, низвергнувъ его, провозгласили султаномъ Османа, сына Ахмета. Можетъ быть, никто болѣе Османа не чувствовалъ тяжести ихъ необузданнаго покровительства. Но какъ скоро онъ сталъ обнаруживать желаніе освободиться изъ-подъ ихъ опеки (думаютъ, что онъ хотѣлъ перенести столицу въ Дамаскъ, или въ Каиръ); то они возмутились, вытащили на веревкѣ слабаго Мустафу изъ глубокой подземной темницы, въ которой онъ былъ, такъ сказать, заживо похороненъ, умертвили Османа и опять возвели на престолъ Мустафу, въ трепетѣ ожидавшаго себѣ вѣрной смерти. Легко можно вообразить, какъ царствовалъ Мустафа. Раскazываютъ, что разъ, бросая серебро въ море, сказалъ онъ: «надобно же, чтобы и рыбы имѣли что-нибудь на расходы.» Не должно ли слова эти понимать въ фигуральномъ смыслѣ? Расточительностію своею онъ чувствительно уменьшилъ сокровища Селима и Амурата. Наконецъ янычары

одумавшись смѣнили Мустафу Амуратомъ IV, вторымъ сыномъ Ахмета.

Но вести борьбу съ этимъ султаномъ было для нихъ очень опасно. Амуратъ, достигшій уже возмужалыхъ лѣтъ, обладалъ необыкновенною физическою силою и ловкостію. Отличный наѣздникъ, онъ легко перескакивалъ съ одной лошади на другую, безъ промаху бросалъ въ цѣль *джеридъ* и натягивалъ лукъ съ такою силою, что стрѣла, пущенная съ него, достигала далѣе, нежели пуля охотничьяго ружья. Стрѣлою, говорятъ, пробивалъ онъ желѣзныя доски въ четыре фута толщиною. Но за то государь этотъ не имѣлъ ни однаго изъ блестящихъ качествъ душевныхъ. Между-тѣмъ, какъ мать его, не смотря на сорокапятилѣтній возрастъ, еще красавица, одаренная превосходными качествами души, по прежнему пользовалась вліяніемъ на дѣла, пріобрѣтеннымъ ею при Ахметѣ; между тѣмъ какъ визири перемѣнялись послѣ каждаго неудачнаго похода, и войска колебались между возмущеніемъ и покорностію — Амуратъ предавался гимнастическимъ упражненіямъ, пьянствовалъ, или забавлялся среди фигляровъ и музыкантовъ. Наконецъ великое возстаніе сипаевъ и янычаръ окончательно образовало его характеръ. Мятежники умертвили всѣхъ тѣхъ, которые въ то время пользовались его довѣренностію: великаго визиря, агу янычарскаго, дефтердаря и однаго мальчика, страстно имъ любимаго. Амуратъ рѣшился наказать ихъ. Не могши сдѣлать этаго открыто, онъ приказалъ тайно умертвить од-

[др]аго за другимъ всѣхъ главныхъ зачинщиковъ мя[т]ежа. Часто по утрамъ видѣли трупы ихъ плавающими по морю. Безъ сомнѣнія, ему удалось такимъ [о]бразомъ отдѣлаться отъ враговъ своихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ развилась въ его душѣ страсть къ [у]бійству, что доказываетъ между прочимъ и его [с]пособъ охотиться. Онъ не находилъ никакаго удо[в]ольствія въ преслѣдованіи звѣрей, которыхъ ты[с]ячи людей, по его приказанію, сгоняли въ одно [м]ѣсто; но за то истиннымъ наслажденіемъ было [д]ля него — убивать звѣрей, такимъ образомъ собран[н]ыхъ вмѣстѣ. Въ 1637 году насчитывали до 25,000 [ч]еловѣкъ, въ продолженіе пяти лѣтъ убитыхъ по [е]го приказанію, и весьма многихъ изъ нихъ онъ [у]мертвилъ своею собственною рукою. Страшно [б]ыло выраженіе лица его, въ половину прикрытаго [к]аштановыми волосами и длинною бородою; гроз[н]ые взгляды бросали его темнобурые глаза; но [в]сего опаснѣе былъ онъ въ то время, когда [н]ахмуривалъ свои черныя брови. И тогда-то его [и]скуство метать дротикъ и пускать стрѣлы не[м]инуемо дѣлалось убійственнымъ. Съ трепетомъ [п]рислуживали ему, и нѣмыхъ нельзя было отличить [о]тъ другихъ невольниковъ сераля, потому-что всѣ [г]оворили знаками. Въ то время, какъ моровая язва [к]аждый день похищала въ Константинополѣ до [.]500 людей, онъ приказалъ принести изъ Перы са[м]ыя большія чаши и до полуночи пилъ изъ нихъ [п]ри громѣ пушекъ.

Насильственныя средства могутъ приносить

пользу при уничтоженіи закоренѣлыхъ золъ; но убійство для Амурата было удовольствіемъ, а не средствомъ. Не такъ возстановляютъ государства.

И эти средства не удались ему. Его непомѣрная строгость безъ сомнѣнія укротила мятежныхъ воиновъ. Онъ запретилъ имъ сходки, на которыхъ, возбужденные и отуманенные парами табаку и кофе, они проводили цѣлые дни въ одномъ только занятіи, именно въ составленіи заговоровъ. Онъ перемѣнилъ (потому-что ему такъ хотѣлось) одежду сипаевъ и не позволилъ имъ болѣе предаваться на улицахъ шумному буйству, исключилъ неспособныхъ изъ корпуса янычаръ и принудилъ способныхъ къ службѣ, вопреки ихъ желанію, идти противъ непріятелей. Онъ возстановилъ порядокъ въ тимарахъ и въ сералѣ, но не могъ возвратить мужества и побѣдъ своимъ войскамъ. Сипаи очень хорошо чувствовали отсутствіе щедрыхъ подарковъ, которыми надѣляли ихъ прежніе султаны — и, такъ какъ жалованье было слишкомъ недостаточно для нихъ, то, пренебрегая имъ, они оставляли и самую службу. Янычары могли теперь внушать страхъ Западнымъ Европейцамъ только видомъ и криками, а не оружіемъ. Предъ непріятелемъ они не обнаруживали болѣе ни знанія тактики, ни мужества. Ага ихъ отправился разъ изъ Константинополя съ цѣлымъ корпусомъ и привелъ только три тысячи въ Алепо; остальные разбѣжались по дорогѣ. Военныхъ должностей убѣгали теперь съ такимъ стараніемъ, съ какимъ прежде добивались ихъ посред-

ствомъ подкуповъ и всевозможныхъ доказательствъ своего усердія. Войска Оттоманскія возвратились опять въ прежнее состояніе, въ какомъ они были до Амурата I, и тимарліи опять сдѣлались опорою государства. Но и лучшія изъ этихъ войскъ тимарліевъ, именно расположенныя на границахъ Венгріи и сражавшіяся безъ отдыха, были всё-таки плохи. Христіане радовались, что Богъ, къ счастію вѣрующихъ, создалъ Турокъ малоспособными къ битвамъ и сравнивали ихъ съ быками, которые грозны и страшны по наружности, но при умѣ и ловкости легко могутъ быть побѣждены силами гораздо меньшими. Нельзя было надѣяться многаго отъ такой арміи, въ составъ которой входили и дурныя войска, служившія при дворѣ султана, и собственныя войска пашей. * Амуратъ отправился въ походъ,

* Въ случаѣ надобности Высокая Порта уполномочивала иногда пашей собирать войска въ провинціяхъ, ввѣренныхъ ихъ управленію. Паши пользовались такимъ полномочіемъ для своего обогащенія и увеличенія своей власти. Корпуса войскъ, набранные ими, всегда были многочисленны и состояли изъ бо̀льшаго числа воиновъ, нежели сколько ихъ требовалось правительствомъ. Привязавъ къ себѣ эти войска, паши нерѣдко находили средства при содѣйствіи ихъ противиться султанамъ. Между частыми примѣрами подобнаго возстанія довольно упомянуть объ Али-пашѣ Янинскомъ и Али-Мехметѣ, пашѣ Египетскомъ. Эти частныя войска, составлявшія главную силу арміи Оттоманской въ войнахъ противъ Русскихъ при Екатеринѣ II, преобразовали Турцію въ агрегатъ мелкихъ владѣтелей, которые наблюдаютъ другъ за другомъ, враждуютъ между собою и часто ослушаются самаго султана, не переставая однако признавать его своимъ верховнымъ повелителемъ. Одно важное обстоятельство не позволяетъ имъ пріобрѣсти совершенной независимости — именно: управляя пашалыками, они не могутъ передать ихъ своимъ дѣтямъ. По смерти паши пашалыкъ переходитъ къ новому пашѣ по назначенію султана, въ рукахъ котораго слѣдовательно находятся средства держать въ зависимости отъ себя всѣ провинціи.

чтобы завоевать Багдадъ. Дѣйствительно онъ овладѣлъ этимъ городомъ, но во время сраженія ему пришлось поражать своихъ солдатъ, малодушно бѣжавшихъ съ поля битвы и убить собственною рукою своего визиря.

Впрочемъ Амуратъ, какъ ни могущественъ, какъ ни независимъ казался онъ, тѣмъ не менѣе подчинялся вліянію сераля. Онъ лишилъ власти свою благочестивую мать и два раза заточалъ ее въ старомъ дворцѣ. Только щедростію своею она могла заставить Турокъ забыть злодѣйства Амурата. Выкупая бѣдныхъ людей изъ темницъ, куда они сажались за долги, она надѣялась вымолвить у Неба счастіе своему сыну. Но онъ все болѣе и болѣе предавался своимъ любимцамъ. Расказываютъ множество анекдотовъ о его любви къ вѣчно-пьяному Мустафѣ. Наши реляціи говорятъ объ его силагдарѣ, родомъ изъ Босніи, пользовавшемся вполнѣ его расположеніемъ. Амуратъ далъ ему стражу изъ трехъ тысячъ человѣкъ, которая должна была повиноваться только ему; назначилъ ему въ супруги свою дочь, и такъ возвысилъ его, что тотъ не хотѣлъ болѣе присутствовать въ Диванѣ, въ гордости не признавая власти великаго визиря. Амуратъ говорилъ, что силагдаръ его равенъ съ нимъ по власти. Дѣйствительно, кто дѣлалъ подарокъ султану, тотъ боялся позабыть слугу его; одинъ безъ другаго ничего не значилъ.

Мы уже видѣли, какъ султанъ былъ жаденъ къ богатствамъ. Увѣряютъ, что мольбы и ходатай-

ство, законъ и право имѣли мало власти надъ нимъ при видѣ золота, къ которому онъ обнаруживалъ ненасытимую жажду. Ему ненужны были ни роскошныя матеріи, ни драгоцѣнные предметы искуства: только кошелькамъ придавалъ онъ значеніе. * Всякой тогда старался казаться бѣднѣе, нежели онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Остерегались имѣть золотыя и серебрянныя вещи и носить дорогія платья; деньги скрывали; боялись возбудить въ одно и тоже время двѣ страсти султана: корыстолюбіе и кровожадность.

Такъ управлялъ Амуратъ своею имперіею. Безъ сомнѣнія онъ умножилъ свои сокровища, обезопасилъ свою жизнь, и спокойно, въ санѣ падишаха, умеръ на одрѣ своемъ. Но страхъ, доставившій ему эту безопасность, ослабилъ вмѣстѣ съ тѣмъ силы имперіи. Мечь, стяжавшій ему богатства, лишилъ его людей, которыхъ имена наводили ужасъ на Христіанъ.»

Наконецъ авторъ изъ всего сказаннаго имъ объ имперіи Турецкой выводитъ такаго рода заключеніе.

»Имперія Оттоманская не была основана ни народомъ, ни господствующимъ племенемъ, ни воинами, соединившимися добровольно: она основана была, по крайней мѣрѣ мы такъ думаемъ, господиномъ

* Кошелекъ заключаетъ въ себѣ пятьсотъ піастровъ, а въ піастрѣ на наши деньги — около 4 рублей асс.

NB. Всѣ примѣчанія, помѣщенныя въ этой статьѣ, заимствованы изъ Révolutions de Constantinople en 1807 et 1808 par A. Juchereau de Saint-Denys.

и его рабами. Подобно калифамъ, съ кораномъ въ одной рукѣ и съ мечемъ въ другой, воинственное семейство Османа, увлеченное дикимъ безуміемъ религіознаго фанатизма и воспламененное жаждою завоеваній, ринулось на сосѣдніе народы и возмыслило покорить весь міръ. Имя господина сдѣлалось естественно именемъ всего общества, и Турки стали называться Османами.

Когда связь, соединявшая господъ съ рабами, ослабѣла, и потокъ завоеваній остановился, случилось то, что легко было предвидѣть: дѣла приняли положеніе болѣе естественное. Но они не могли притти вполнѣ въ естественное положеніе, потому-что истекали изъ начала, совершенно противнаго человѣчности, именно изъ деспотизма. Каждый членъ іерархіи сдѣлался деспотомъ, и это-то обстоятельство упрочиваетъ деспотизмъ въ Турціи.

Османы, переставъ быть завоевателями, утвердились среди древнихъ крѣпостей. Пословица говоритъ: «трава не выростетъ болѣе тамъ, гдѣ лошадь Оттоманская ступила ногою.» Опустошеніе прекраснѣйшихъ странъ міра, покоренныхъ ими, кажется, достаточно подтверждаетъ ее. Надобно прибавить, что Османы всегда отвергали благодѣтельныя дѣйствія цивилизаціи. Правда, многіе изъ нихъ обладаютъ добродѣтелями, украшающими человѣчество; не безъ основанія хвалятъ также ихъ прaводушіе, постоянство, щедрое гостепріимство. При всемъ томъ, они остаются варварами, для которыхъ все прекрасное заключается только въ прелестяхъ золо-

га и женщинъ. Въ нихъ почти незамѣтно никакаго желанія изучить міръ, узнать его истинныя явленія, а не лживые призраки. Есть заблужденія, которыя могутъ совершенно овладѣть душею, которыя дѣлаютъ взоръ слабымъ для познанія истины, сжимаютъ жизнь въ тѣсныя границы мрачнаго фанатизма, и это — именно заблужденія Османовъ.

Нельзя отрицать, что имперія эта обладаетъ началомъ жизни весьма энергическимъ. Всегда можетъ статься, что явится какой-нибудь султанъ съ качествами, отличавшими первыхъ султановъ, и натянетъ ослабѣвшія пружины государственной жизни (Мураджа д'Оссонъ вѣрилъ еще въ такую возможность), или изберутъ визиремъ такаго человѣка, который восторжествуетъ надъ препятствіями, противопоставляемыми ему сералемъ и тѣлохранителями, и возбудитъ въ народѣ внутреннія силы. И дѣйствительно: сдѣлать это пытались Кіуприлы. Первый изъ нихъ, при помощи тѣлохранительной стражи, отдѣлывался отъ враговъ своихъ — любимцевъ сераля. Онъ умѣлъ наконецъ подчинить себѣ и самыя войска, увлекая ихъ безпрестанно отъ одной войны къ другой. Въ его время Османы могли, по крайней мѣрѣ не безъ чести, вести борьбу съ своими сосѣдями, отняли островъ Кандію у Венеціанъ и часто являлись на границахъ съ своими побѣдоносными знаменами.

Такимъ образомъ Османы въ состояніи упадка сохранили, не смотря на то, въ продолженіе цѣ-

лыхъ столѣтій, свою самостоятельность. Сначала, къ счастію ихъ, не было болѣе съ Востока вторженія цѣлыхъ народовъ, подобнаго прежнимъ переселеніямъ — причинѣ ихъ собственнаго возвышенія. Потомъ, когда (развиваясь болѣе и болѣе) утвердилась политика Европейская каждое государство наблюдать въ отношеніи ко всѣмъ другимъ и всѣ государства наблюдать въ отношеніи къ каждому въ особенности; то эта политика доставляла всегда союзниковъ Османамъ въ величайшихъ опасностяхъ и спасала ихъ.»

Прочитавъ эти замѣчанія на историческій обзоръ Османовъ Ранке, изъ котораго самую значительную часть мы передали въ переводѣ, нельзя не согласиться, какъ вѣренъ взглядъ автора на причины прежней силы и настоящаго упадка имперіи Турецкой. Излишнимъ считаемъ замѣчать на счетъ обдуманности плана въ расположеніи матерьяловъ, извлеченныхъ изъ множества манускриптовъ, что конечно увидитъ каждый изъ нашихъ читателей въ приведенныхъ отрывкахъ. Въ одномъ только можно упрекнуть автора. Представивъ такъ разительно и отчетливо картину имперіи Турецкой во времена ея упадка, онъ набросалъ только легкій эскизъ ея состоянія въ цвѣтущій періодъ. За то причины этаго процвѣтанія онъ изложилъ болѣе, нежели удовлетворительно, изложилъ прекрасно въ I отдѣлѣ — объ основахъ могущества имперіи Оттоманской.

А. Вороновъ.

КІЕВСКІЕ БОГОМОЛЬЦЫ ВЪ XVII СТОЛѢТІИ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ И ПОСЛѢДНІЙ.

Послѣ обѣда гетманъ предложилъ Шрамку идти вмѣстѣ съ нимъ и съ писаремъ Вуяхевичемъ къ архимандриту для политическихъ и другихъ совѣщаній.

— А меня съ собою возьмете? спросилъ Запорожецъ.

— Тамъ такихъ гостей ненужно, отвѣчалъ Шрамко, и бесѣда наша будетъ для тебя *темна вода во облацѣхъ*.

— Ось лихо! будто я зъ роду и въ школѣ не учився!

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ гетманъ Шрамку, этотъ розбишака кажется съ умысломъ грубѣе, нежели въ самомъ дѣлѣ есть. Повѣришь ли, батько, что онъ знаетъ даже linguam latinam?

— А вы думаете, панове, сказалъ Запорожецъ, що я справди хочу идти на вашу высокоученую раду? Що бъ минѣ такъ лиха хотѣлось! Я поѣду лучше погуляю съ товариствомъ по Кіеву. Только скажу, что вы себѣ тамъ якъ хочете мудруйте, а мы лучше васъ вымудруемъ... Гмъ!... А на вареники вечеромъ пріѣду, и коли хочете, то и Божьяго Чело-

вѣка приведу — шкода только, що тутъ не припадае ему ударить въ струны.

— А ты знаешь, гдѣ Божій Человѣкъ? спросилъ Шрамко.

— Спроси, пане полковнику, чего я не знаю. Я знаю даже и то, какъ вы съ нимъ вчера гуляли у пана Черевана. Божій Человѣкъ — дѣдусь себѣ не-вроку: вездѣ поспѣетъ. Только у васъ не слишкомъ-то вчера поживился. Никто не брязнулъ и однимъ дукатомъ. А онъ играетъ только за золото рѣдко за сребро, никогда за мѣдяки, а еще больше никогда за кусокъ хлѣба. И не соромъ вамъ, панове? приняли Божьяго Человѣка какъ простаго старца!

— Кто жъ ему виноватъ, бгате, сказалъ Черевапъ, что, не дождавшись ладу, исчезнулъ, якъ та ма́ра, изъ Хмарища?

— Потому-то онъ и исчезнулъ, что ваши капшуки слишкомъ туго были завязаны. Божій Человѣкъ хорошо знаетъ, что когда чарка да пѣсня не развяжутъ капшука на подаяніе, то уже на кислое похмѣлье надѣяться нечего. Недаромъ сказано: *пьяный решетомъ гроши мѣрае.* Наши приняли его не по-вашему: дукаты да талеры такъ и сыплются. Когда засядутъ добрые молодцы обѣдать, Божій Человѣкъ берется за бандуру *, разстелетъ передъ собою ху-

* Этотъ обычай сохранился до послѣднихъ временъ козачества. Пани Кребсова въ своихъ запискахъ о Колѣивщинѣ говоритъ, что когда Уманскіе козаки послѣ своихъ маневровъ садились за обѣденные столы, то бандуристы своими пѣснями и думами приводили ихъ въ такое восторженное состояніе, что Поляки, опасаясь отъ этаго дурныхъ для себя послѣдствій, запретили бандуристамъ пѣть пѣсни

сточку, а самъ начнетъ выспѣвувать подъ бандуру такую старину, да вспоминать такихъ лыцарей да такія пригоды, що волосъ вяне! За то жъ къ концу обѣда полную хустку грошей загорне.

— Не хвастай, козаче, своею Запорожскою щедростью, сказалъ Шрамко. Мы, городовые, уступимъ вамъ только въ пьянствѣ и лѣни, но въ щедрости и храбрости никогда.

— На счетъ храбрости не буду спорить съ паномъ Шрамкомъ, но щедрыми хоть бы вы и хотѣли быть, то куда вамъ за вашими жинками да дѣтьми!

— Правда, бгатъ, ей Богу правда! сказалъ Черевань. Коли бъ не моя Меләся, то давно бъ я пораздавалъ добрымъ людямъ все свое золото и сребро.

— Розумно бъ зробивъ, нечого сказать! отозвался изъ другой комнаты голосъ его жены.

— Ну, какъ бы то ни было, козаче, продолжалъ Шрамко, хоть мы и не такъ щедры, какъ Запорожцы, а ты всё-таки приведи къ намъ Божьяго Человѣка. Онъ хорошъ и безъ бандуры. Вечеромъ раскажетъ намъ про давнихъ князей Кіевскихъ и про руину старой Украины Русской.

— Добре, добре, приведу, коли захоче; бо сей дѣдусь такъ якъ мала дитина: що хоче, те й робить. Ну, да я уже знаю, якъ уговорить его: скажу, что нужно полѣчить панночку, а то не выдержитъ такой трудной дороги, какъ въ Черногорію.

о Хмѣльницкомъ. Въ Звенигородкѣ одинъ старикъ, расказывая мнѣ о Запорожцахъ, говорилъ также, что когда Запорожцы пировали, то бандуристы «на кобзѣ имъ грали, пидобгавши ноги».

Послѣ этихъ словъ Запорожецъ удалился съ своимъ товарищемъ, напѣвая любимѣйшую тогда въ Украинѣ пѣсню:

Да не буде лучче, да не буде красче, якъ у насъ на Вкраинѣ:
Да немае Ляха, да немае Жида, не буде Уніи...

Гетманъ въ сопровожденіи Шрамка, Вуяхевича и другихъ приближенныхъ пошелъ къ архимандриту, Череванъ остался отдыхать, а прочіе разбрелись по монастырю.

Леся въ самомъ дѣлѣ, какъ говорятъ у насъ, разнемоглась послѣ приключенія за столомъ. Каждое слово проказника Запорожца она принимала не какъ шутку, а какъ серьёзный противъ нея замыселъ, и просила свою мать запереть кругомъ двери и окна, чтобъ онъ не ворвался и не схватилъ ее, какъ коршунъ. Напрасно мать употребляла все могущество своего языка, чтобъ разсѣять ея страхъ; бѣдной дѣвушкѣ грезилось одно, и она чувствовала живѣйшее безпокойство, какое бываетъ при ожиданіи угрожающаго бѣдствія.

Череванъ, ввалившись въ ту комнату, гдѣ она лежала полубольная, и узнавши, въ чемъ дѣло, присовокупилъ отъ себя нѣсколько увѣщаній съ такимъ усердіемъ, что даже сказалъ нѣсколько разъ *брате*, воображая, что говоритъ съ какимъ-нибудь пріятелемъ; однако жъ и это не помогло. Впрочемъ заботливый отецъ заснулъ отъ того ни чуть не хуже и проснулся, когда уже начали звонить къ вечернѣ.

Сомко и его спутники возвратились отъ архимандрита въ самомъ радостномъ расположеніи духа, выхваляя его умъ, ученость и благочестивую ревность на пользу ближнихъ. Шрамко обнималъ гетмана, называлъ его ясною зарею Украины, опорою благоденствія народнаго и едва не плакалъ отъ восторга, что будущность его родины обѣщаетъ такъ много великаго и славнаго.

Все это было говорено, при стукѣ кубковъ и привѣтственныхъ возгласахъ, въ свѣтлицѣ, сосѣдней съ тою комнатою, въ которой лежала разстроенная гетманская невѣста.

Череванъ, соединившись съ ними въ церкви на вечернѣ, раздѣлялъ отъ всего сердца ихъ радость, не столько впрочемъ потому, чтобъ сочувствовалъ высокому полету ихъ душъ, сколько потому, что видѣлъ ихъ такими веселыми: добрый человѣкъ больше всего не любилъ видѣть кого-нибудь печальнымъ. Онъ опорожнялъ кубки до дна, и громче всѣхъ раздавался его любимый возгласъ за чаркою: *Що бъ нашимъ ворогамъ було тяжко!*

Хотя по тогдашнему грубому состоянію нравовъ было весьма естественно не обращать вниманія на испугъ и легкое разстройство здоровья женщины, особенно когда дѣло шло о такомъ важномъ предметѣ, какъ благосостояніе Украины; однако жъ женское сердце, этотъ вѣрный камертонъ всякаго естественнаго человѣческаго чувства, докладывало моей Лесѣ, что такъ не слѣдовало бы съ ней обходиться. Не жаловалась впрочемъ она за это ни на

Шрамка, ни на его сына, такъ мало удостоеннаго ея вниманія, ни на своего отца, добраго человѣка, но добраго столько, сколько могъ быть добръ козакъ, преданный веселому своему товариству едва ли не больше, нежели собственному семейству; жаловалась только на своего блистательнаго, но, видно, слишкомъ занятаго важными предпріятіями, жениха. Для любви женщины мало одной красоты, ума и славы, если все это будетъ поставлено нѣкоторымъ образомъ выше ея самой; женщина будетъ тогда только удовлетворена, когда все это будетъ повергнуто любовникомъ къ ногамъ ея, какъ едва достойное того, чтобъ принесть ей въ жертву. По понятіямъ объ отношеніяхъ однаго пола къ другому, въ какихъ была воспитана моя Леся, она не могла сознавать въ себѣ такаго права; но сердце ея, не требующее никакой науки для того, чтобъ чувствовать сильно и глубоко, также точно отъ предмета своей любви жаждало неограниченной преданности, какъ и сердце красавицы нашего времени.

Леся моя любила Сомка съ самаго дѣтства, ибо и у дѣтей есть сильное влеченіе къ людямъ прекрасной наружности и даже къ душамъ благороднымъ и исполненнымъ поэзіи. Череванша сама тоже любила его не меньше дочери. И въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Душа наша не старѣется вмѣстѣ съ тѣломъ, и для нея доступны въ лѣтахъ даже преклонныхъ самыя романическія чувства юности. А какъ время, чѣмъ дальше, все болѣе и болѣе

освобождаетъ духовную половину человѣка отъ вліянія низкой чувственности, то у степенныхъ женщинъ и у пожилыхъ мужчинъ если является любовь, то является возвышенною до самой неукоризненной чистоты и благородства. Съ такой точки зрѣнія прошу васъ смотрѣть на любовь Череванши къ Сомку. Она сама отъ всей души его любила, и вмѣстѣ съ тѣмъ радовалась, что дочь ея питаетъ къ нему то же самое чувство. Мы смотримъ на своихъ дѣтей, какъ на нѣчто лучшее насъ самихъ, взятое изъ нашего существа и чуждое всего того, что въ насъ повреждено, испорчено, не доведено до совершенства; потому-то рады бы одарить ихъ всѣмъ, что только есть въ мірѣ драгоцѣннѣйшаго и прекраснѣйшаго: такъ и Череванша, глядя на Сомка, какъ на образецъ совершенства человѣческаго, желала, такъ сказать, заключить его въ объятія — не собственной души, но души гораздо чистѣйшей и возвышеннѣйшей, нежели ея собственная. И это не представлялось ей въ видѣ самоотверженія. Напротивъ, ей казалось, что она такъ же глубоко, какъ и сама Леся, будетъ наслаждаться чувствомъ любви, когда наконецъ этѣ двѣ пышныя чаши, налитыя до самихъ краевъ напиткомъ жизни, составятъ одинъ нераздѣльный сосудъ. Безпрестанно говоря своей Лесѣ о Сомкѣ, постепенно переливая въ ея душу собственныя чувства, она воспитала въ ней самую поэтическую любовь, способную излить новыя струи поэзіи въ наши чудныя Украинскія пѣсни, кото-

рыя, можно сказать, учатъ цѣлыя поколѣнія Украинокъ любить такъ горячо, такъ нѣжно, такъ преданно, какъ не въ состояніи, кажется, любить ни одна женщина изъ другаго племени. Леся съ нетерпѣніемъ ожидала того времени, когда она увидитъ Сомка, котораго по темному воспоминанію воображала чѣмъ-то сверхъ-естественно прекраснымъ, и, что бываетъ рѣдко, нашла его въ самомъ дѣлѣ такимъ, какимъ воображала; ибо недаромъ суровые и малоглаголивые наши лѣтописцы съ особенною охотою распространяются о красотѣ Сомка, называя ее «чрезвычайною, зѣло дивною» и говоря, что этаго человѣка создалъ Богъ для показанія міру чуда Своего творчества *. О, сколько гордости пробудилось въ сердцѣ моей героини, когда этотъ образецъ человѣка, этотъ герой, прославленный побѣдами, умомъ и красотою, назвалъ ее своею невѣстою! Но какъ заболѣло то же самое гордое, ищущее владычества сердце, почувствовавъ огромное пространство, раздѣляющее ее отъ этаго превосходнаго надъ всѣми, но занятаго, по видимому, однимъ собою и своими великими предпріятіями, человѣка!

Такова была внутренняя драма чувства, совершавшаяся въ груди этой женщины, одаренной такими сильными элементами жизни, что душа ея выступала изъ тѣснаго круга дѣйствія, который тогдашніе нравы назначали женщинѣ посреди могу-

* «Сего человѣка самъ Богъ роди на показаніе свѣту». (Лѣтопись Грабянки).

чихъ и вѣчно волнующихся страстей другаго пола въ Украинѣ.

Что касается до Петра, то онъ, тотчасъ послѣ обѣда, взявши ружье, отправился въ окрестный лѣсъ, подъ видомъ охоты, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобъ быть подальше отъ своей чаровницы, къ которой непонятнымъ образомъ вмѣщались въ его сердцѣ непреодолимая привязанность и вмѣстѣ какая-то злость, хотя его разсудокъ громко оправдывалъ права блистательнаго во всѣхъ отношеніяхъ Сомка и выборъ честолюбивой красавицы.

Въ прежніе годы своей юности Шрамченко иногда ощущалъ въ своей душѣ сильную способность любви, и тогда любовь представлялась ему въ самыхъ очаровательныхъ видахъ, тогда она казалась ему успокоеніемъ сердца и наградою за всѣ его страданія. Если бъ же онъ зналъ, что сквозь его душу, вмѣстѣ съ любовью, пройдетъ такое мучительное оружіе, онъ старался бъ искоренить ее въ себѣ, увѣривъ себя, что любви нѣтъ на свѣтѣ, что это одна мечта, вымышленная людьми, слагавшими пѣсни; онъ старался бъ искоренить ее въ себѣ, утопивъ свой пылъ душевный въ брачныхъ обязанностяхъ къ какой-нибудь громадной Гарпинѣ и въ домашнихъ заботахъ о какихъ-нибудь толстоносыхъ Евтушкахъ и Харитонахъ, произшедшихъ отъ этаго почтеннаго брака.

Таковы были горькія размышленія моего героя, котораго я, не знаю почему, люблю больше, нежели самаго Сомка, украшеннаго такими блистательными

достоинствами. Бродя по лѣсу, онъ завидовалъ птицамъ, изъ которыхъ, по словамъ пѣсни, нѣтъ ни одной безъ пары *, завидовалъ деревьямъ, такъ весело распускающимъ свою зелень: если бы вамъ, думалъ онъ, дать мое сердце, ваша пышная зелень въ одну миниту завяла бъ; завидовалъ камнямъ, что они не имѣютъ никакаго чувства, не могутъ ощущать радости, но неспособны и страдать такъ горько, какъ человѣкъ. Молодой козакъ фантазировалъ въ припадкѣ своей тоски, какъ настоящій поэтъ. Впрочемъ, кого любовь, хоть на короткое время, не сдѣлаетъ поэтомъ?

Бродя по лѣсу, Шрамченко слышалъ звонъ колокола, призывающаго богомольцевъ къ вечернѣ; но онъ не возвратился въ Печерскій монастырь, а пошелъ въ монастырь дѣвичій, который находился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ арсеналъ, противъ Печерскаго монастыря **, и въ которомъ, по словамъ Кальнофойскаго, было много монахинь рода княжескаго, воеводскаго, дворянскаго *** и иныхъ разнаго званія.

Поручивъ свое ружье сѣдобородому звонарю, онъ вступилъ въ скромную деревянную церковь этѣхъ отшельницъ, которыя, казалось, избрали себѣ

* «Жадна пташечка безъ товариша не пробувае въ лѣсѣ».

** Въ 1712 году переведенъ онъ на Подолъ и названъ Флоровскимъ, по имени приходской церкви, при которой онъ тамъ устроенъ.

*** Это потверждается и словами Боплана: «Мнѣ помнится, говоритъ онъ (*Опис. Укр.* 13), что я видѣлъ (въ Кіевѣ) нѣкоторыхъ монахинь столь прелестныхъ, что и въ Польшѣ встрѣчалъ немного подобныхъ красавицъ».

девизомъ слова Преподобнаго Нестора: «Много монастырей поставляется богатствомъ Царей и бояръ, но они не сравняются съ тѣми, которые воздвигаются молитвою святыхъ, слезами, постомъ и бдѣніемъ *». И едва вступилъ онъ въ священный сумракъ храма, и его слуха коснулись молитвы и пѣснопѣнія передъ невидимо присутствующимъ здѣсь Творцемъ сердецъ человѣческихъ, душа его тотчасъ почувствовала облегченіе, какъ-будто какая-то прохлада повѣяла на возгорѣвшіяся въ ней чувства. Видъ этѣхъ дѣвственницъ, отказавшихся отъ знатности рода, богатства и утѣхъ мірскихъ, примирилъ его съ неблагопріятною его судьбою. Онъ уразумѣлъ теперь истину словъ дѣвственнаго Апостола: *все, еже въ мірѣ, есть похоть плотская, похоть очесъ и гордость житейская,* вознесся чистою мыслью къ небесамъ, и изъ очей его полились слезы.

Въ тѣ времена простоты сердечной такія явленія въ храмѣ Божіемъ не были рѣдки. Кто это видѣлъ, тотъ мысленно благословлялъ Бога за облегченіе несчастнаго; а кто плакалъ, тотъ не стыдился своего плача. Въ нашъ только вѣкъ — съ горестью къ нему обращаюсь — это очистительное волненіе души такъ опрофанировано, что даже грозное предостереженіе Спасителя ** не въ силахъ заставить насъ иногда пренебречь ложнымъ стыдомъ отрозниться отъ людей, холодно предстоящихъ предъ лицемъ Божіимъ.

* См. въ *Патерикѣ Кіево-Печерскомъ* «Житіе Преподобнаго Антонія Печерскаго».

** См. Ев. отъ Марка, VIII, 38.

И-такъ Шрамченко вышелъ изъ монастыря, примиренный съ своею участью. Но когда возвратился онъ ввечеру на квартиру и очутился опять посреди людей и предметовъ, припоминающихъ его несчастную любовь, рана его, слишкомъ наскоро залѣченная, снова растравилась, и снова начались мученія, отъ которыхъ онъ не зналъ, куда дѣваться. Горесть его была тѣмъ сильнѣе, что всѣ вокругъ него были веселы, и никому не было дѣла до его страданій. Правда, едва ли кто изъ рыцарей кубка и догадывался объ этомъ. Нѣкоторые изъ нихъ, съ посоловѣвшими глазами, для которыхъ весь свѣтъ казался смѣющимся, радушно предлагали ему круговую. Шрамченко съ-горя взялъ огромную коновку, наполненную какою-то наливкою, и выпилъ ее до дна, думая пьянствомъ заглушить свою горесть. Но онъ и въ этомъ случаѣ не достигъ своей цѣли. Выпивши гораздо больше, нежели случалось ему прежде на самыхъ разгульныхъ козацкихъ пирахъ, онъ чувствовалъ, что хмѣль не имѣетъ надъ его головою никакаго дѣйствія, ибо тоска его была теперь несравненно сильнѣе и безнадежнѣе той, которую онъ вчера у Черевана успѣлъ-было на нѣкоторое время подавить хмѣльными напитками.

Передъ самымъ ужиномъ явился, по своему обѣщанію, Запорожецъ, котораго лице, слова и всѣ пріемы выражали странную смѣсь степенности, насмѣшливости, безпечности и хитрости. За нимъ слѣдовалъ, какъ вѣрный песъ, его угрюмый товарищъ. Леся согласилась-было на убѣжденіе своей матери—

раздѣться и лечь въ постель, но, услыщавъ его голосъ, рѣшилась не раздѣваться и не ложиться спать во всю ночь. А Запорожецъ, какъ бы съ намѣреніемъ позабавиться еще больше ея страхомъ, началъ опять свой странный разговоръ:

— Ну, панове, сказалъ онъ, я уже совсѣмъ собрался въ дорогу.

— Въ какую дорогу? спросилъ Сомко.

— Да въ Черногорію жъ.

— А ты-таки не отстаешь отъ своей затѣи?

— Когда жъ это бывало, чтобъ Низовцы, что-нибудь затѣявши, оставили свой замыселъ безъ исполненія, якъ дѣти, або якъ бабы, которыя много говорятъ, и ничего не дѣлаютъ? О чемъ никто подумать не отважится, то Низовецъ, сидя надъ широкимъ моремъ-лимàномъ, выкомпонуетъ, затѣетъ и скорѣй пропадетъ, нежели броситъ свою затѣю.

— Не къ такимъ ли подвигамъ причисляешь ты и свою поѣздку въ Черногорію?

— А чому жъ? Украсть у жениха невѣсту, да еще у такаго жениха, якъ гетманъ Сомко, провезть ее черезъ столько земель и добраться до Черной Горы, не потерявши ни панны изъ-за сѣдла, ни головы съ плечъ, ни дукатовъ изъ череса — ей Богу, это все равно, что дойти на чайкахъ до Цареграда и «окурить его муры дымомъ мушкетнымъ»! Да когда я подамъ своему прежнему товариству голосъ изъ Черногоріи, то все Запорожье заплещетъ въ ладони! скажетъ: «Отъ, козакъ, такъ такъ! Оттакими молодцами нужно подпереть сѣче-

вую силу, то будетъ стоять, пока свѣтитъ солнце на небѣ»!

— Вражій сынъ Запорожецъ! сказалъ смѣясь Сомко. Тебѣ бъ только бандуристомъ быть?

— Отъ чего жъ только? А такъ нельзя, щобъ и лыцаремъ и бандуристомъ? Вѣдь и Божій Человѣкъ въ свое время ни въ чемъ не уступалъ Кирилу Туру. Онъ-то и былъ однимъ изъ тѣхъ молодцевъ, что въ двадцать-девятомъ году съ Михайломъ Дорошенкомъ, «воюючи въ човнахъ по Эвксипонту, коснулися мужественно и самихъ стѣнъ Константинопольскихъ, и оныя довольно окуривши дымомъ мушкетнымъ, превеликій султану и всѣмъ мешканцамъ Цареградскимъ сотворили страхъ и смятеніе *». Кто знаетъ? можетъ-быть, и мнѣ написано на роду то, что Божьему Человѣку, бо вже щось недаромъ мою Турову голову такъ заморочили дѣвочи очи!

— И ты, будучи Запорожецъ, не стыдишься въ томъ признаваться? сказалъ Шрамко, которому въ этомъ молодцѣ нравились этѣ неистощимыя шутки, эта развязность и бойкость рѣчи. А що скаже товариство, когда узнаетъ, что куреный отаманъ такъ осрамилъ Запорожье?

— Ничего не скажетъ, бо я вже теперь вольный козакъ.

— Якъ то теперь вольный? А хиба жъ козакъ былъ когда-нибудь рабомъ?

— Про городовыхъ ничего не скажу, отвѣчалъ, лукаво посматривая, Запорожецъ, а наши Ни

* Изъ письма кошоваго отамана Сѣрка къ Крымскому Хану.

зовцы никогда не позволяли ѣздить на себѣ Ляхамъ. Однако жъ, пока козакъ считается въ куренномъ товариствѣ, до тѣхъ поръ онъ такой же невольникъ у сѣчевой старшины, какъ и послушникъ монастырскій у своего игумена. Свяжись, когда хочешь, тогда съ бабою, то будешь тямить, *по чимъ кившъ лиха!* Но нашъ монашескій уставъ мудрѣе монастырскаго: у насъ *вольному воля, а спасенному рай.* Чего добраго можно ожидать отъ монаха, которому запахнутъ, какъ говорится, прелести міра сего? У насъ, какъ только человѣкомъ овладѣетъ дьяволъ суеты мірской, то заразъ ему отставка: иди къ бѣсовой матери! выбрикайсь на свободѣ, коли слишкомъ разжирѣлъ отъ товарискаго хлѣба! И неразъ случалось, що бѣдный сѣромаха погуляетъ, погуляетъ по свѣту, *ухватить*, якъ кажуть, *шиломъ патоки,* да увидѣвши собственными очами, что въ мірѣ нѣтъ ничего путнаго, броситъ жинку и дѣтей, придетъ до Сѣчи: «Эй, братчики! примите меня опять межь ваше товариство! Чортма въ свѣтѣ добра: не стоитъ онъ ни радости, ни печали»! А козаки тогда: «А що, брате! *ухопивъ шиломъ патоки!* Бери жъ лишень корякъ да выпей зъ нами сіеи дуры, то може порозумнѣешъ». Отъ бѣдолаха садится межъ милымъ товариствомъ, пьетъ, расказываетъ про свое житье-гореванье въ свѣтѣ, а тѣ только слушаютъ да за бока берутся отъ смѣху. Такъ и мой покойный батько, царство ему небесное, ѣздячи когда-то по Украинѣ, натрапивъ на такія очи, що и товариство стало ему не товариство:

сказано — лукавый замутилъ человѣку голову. Ну, увольнился отъ товариства, сѣлъ хуторомъ гдѣ-то возлѣ Нѣжина, и хозяйство завелъ и дѣтокъ нажилъ двоихъ. Одинъ изъ нихъ былъ карапузъ-хлопець, а другая дѣвочка. Только годовъ черезъ пять-шесть такъ ему все опротивѣло въ той сторонѣ, какъ орлу въ неволѣ. Сумуе да и сумуе козакъ, бо чи можно жъ козацкую душу заполнить жинкою квочкою да дѣтьми пискдятами? Козацкой души и весь міръ не заполнитъ. Весь міръ она прогуляетъ и разсыплетъ, якъ дукаты зъ кишени, и насытится только тогда, когда обратится всѣми мыслями къ Богу....

— Що жъ сталось съ твоимъ батькомъ? спросилъ Сомко. Ты уже когда говоришь, то говори одно, бо разомъ всего не скажешь.

— Съ моимъ батькомъ? сказалъ Запорожецъ, выходя изъ какой-то несвойственной ему задумчивости, въ которую впалъ онъ послѣ своего разсужденія. Эге! Я жъ кажу, що женившись батько мой скоро побачивъ, що *пожививсь, якъ собака мухою,* и заскучалъ по Запорожью. Уже неразъ говорила ему моя мати такъ, якъ та жинка въ пѣснѣ:

Що ты, милый, думаешъ-гадаешъ?
Мабуть, мене покинути маешъ?
Рано встаешъ, коня наповаешъ,
Жовтенького вивса пидсыпаешъ,
Зеленого сѣнця пидкладаешъ;
Въ сѣнечки йдешъ, нагайки пытаешъ,
Въ комору йдешъ, сѣдельця шукаешъ,

Дитя плаче, ты не поколышешъ,
Все на мене важкимъ духомъ дышешъ...

Только мой батько не пускался въ такіе жалобные раздобары, якъ той козакъ съ своею жинкою, а надумавшись, нагадавшись, сѣлъ разъ на коня, взялъ на сѣдло съ собою карапуза своего сынка, то есть меня поганаго, да и гайда на Запорожье! Не выбѣгала въ-слѣдъ за нимъ моя мати, якъ въ той пѣснѣ, не хватала за стремена, не упрашивала вернуться, выпить вареной горѣлки, нарядиться въ голубой жупанъ и еще хоть разъ посмотрѣть на нее. И наливки и жупаны оставилъ онъ ей на прожитье, а самъ въ простой сермягѣ удралъ за границу бабскаго царства, на Запорожье. Отъ же и мнѣ, видно, придется пойти по батьковскимъ слѣдамъ.

— Ну, садись же, сказалъ Сомко, да повечеряй на дорогу: путь не близокъ до Черногоріи.

Всѣ сѣли за приготовленный ужинъ при красноватомъ свѣтѣ заходящаго солнца, котораго лучи, пробиваясь въ окна сквозь колеблющіеся листья деревъ, играли на стѣнѣ и на столѣ, покрытомъ серебряными коновками и кубками.

— Пью за успѣхъ необыкновеннаго твоего замысла! сказалъ гетманъ, наполнивши свой кубокъ.

— Отъ всей души благодарю! отвѣчалъ Запорожецъ и опорожнилъ въ отвѣтъ свой кубокъ. Когда ты самъ, пане гетмане, пьешь за успѣхъ моего замысла, то вѣрно онъ исполнится, какъ нельзя лучше.

— Что ты думаешь? сказалъ Шрамко поти-

хоньку гетману. Мнѣ кажется, что этотъ бурлака не совсѣмъ шутитъ. Смотри еще, чтобъ въ самомъ дѣлѣ дьяволъ не подвелъ его на какую-нибудь сумасбродную шутку.

— Богъ знаетъ что! отвѣчалъ смѣясь гетманъ. Я слишкомъ хорошо знаю этаго гультая. Не смотря на свои лукавые и насмѣшливые взгляды, онъ имѣетъ душу болѣе нѣжную, нежели бы можно ожидать отъ человѣка, взросшаго на Запорожьи. Когда я прогонялъ Ляховъ изъ Украины и отбивался отъ Юруся и Татарвы, онъ съ своимъ Черногорцемъ оказалъ мнѣ немало услугъ. Онъ былъ моимъ вѣстникомъ, шпіономъ, тѣлохранителемъ, и все это за кубокъ наливки да за доброе слово. Неразъ насыпалъ я ему полную шапку талярей, но онъ, выходя отъ меня, выбрасывалъ ихъ вонъ какъ соръ. «Откуда это, говоритъ, столько половы набилось въ мою шапку»! Такой чудодѣй! Бывало говорю: «Кирило, скажи, ради Бога, чѣмъ мнѣ наградить тебя за твои услуги? вѣдь ты неразъ спасалъ меня отъ смерти». — «А развѣ жъ это не награда? говоритъ. Мало радости вырвать у смерти такую голову»! вотъ и все. Послѣ этаго можно ли сомнѣваться, что онъ искренно ко мнѣ привязанъ? А на его шутки нечего смотрѣть: у него всегда что-нибудь подобное на языкѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ Шрамко, это золото, а не Запорожецъ! Пане отамане, сказалъ онъ Кирилу Туру, иди сюда, дай я обниму и поцѣлую тебя.

— За що се такая ласка? отвѣчалъ тотъ своимъ ироническимъ тономъ.

— Иди, иди, мнѣ-то знать, за що!

И Шрамко прижалъ Запорожца къ своей груди.

— Мало радости, повторилъ онъ, вырвать у смерти такую голову! Вотъ за что я тебя цѣлую.

— Эге, батьку! отвѣчалъ Запорожецъ. Се ще дурниця, да такъ меня приголубливаешь. Якъ же ты приголубишъ Кирила Тура за то, что онъ украдетъ у самаго гетмана невѣсту и провезетъ въ Черногорію?

— Врагъ меня возьми, братцы, отозвался Черевань, который особенно любилъ балагурство во вкусѣ Кирила Тура — врагъ меня возьми, если я когда видѣлъ подобнаго молодца! Душа, а не Запорожецъ! Иди, брате, и ко мнѣ, и я тебя поцѣлую.

— Вотъ добрые люди! сказалъ Запорожецъ, освободясь отъ мягкихъ объятій Черевана. У нихъ дочку крадешь, а они тебя цѣлуютъ! Ей Богу, бездобные люди! Шкода, що вже, може, больше не побачимся, бо въ Чорногорію и воронъ костей вашихъ не занесетъ. А славная сторона Черногорія! Подумайте только, що все горы, все горы, такъ что ровнаго мѣста тамъ развѣ десятая часть противъ горъ. Потому-то и не завоюетъ ее никакой чортъ! А не такъ, якъ наша Украина, що приди да и хозяйствуй, якъ дома. Тамъ бы заложить Сѣчь, то була бъ воля козаку до конца свѣта! Знае, що я думаю? Навѣдаюсь туда, да когда въ самомъ дѣлѣ тамъ такъ добре воевать съ невѣрными, какъ го-

воритъ мой побро, то будь я катъ знае що, коли не переманю туда половины Запорожья и не заведу на Черной Горѣ настоящаго коша!

— Хе, вража мати! сказалъ Шрамко, потерши лобъ. Можно ли думать, чтобъ въ такой безалаберной головѣ родилась такая пышная мысль! Заложить Сѣчь на двухъ рогахъ Турецкаго царства! Что ты думаешь, сыну? обратился онъ къ Сомку, можетъ быть, эта минута чревата· Богъ знаетъ какими славными дѣлами!

— Я всегда говорилъ тебѣ, батько, отвѣчалъ Сомко, что въ головѣ моего розбышаки больше мозгу, нежели кажется. Потому-то я и люблю его такъ.

— А чи знаете, панове, продолжалъ Запорожецъ, будто бы не замѣчая ихъ похвалъ, отъ чего Черногорія такъ наерошилась горами?

— А ты и это знаешь? сказалъ Шрамко.

— Якъ же мнѣ не знать, коли мой побро только и рѣчи, что трубитъ мнѣ въ уши про свою родину? Мнѣ кажется, будто я самъ тамъ родился. Вотъ видите ли, когда творилась земля, то якіися боги не хотѣли, чтобъ добрые люди карабкались по горамъ; хотѣли выгладить всю такъ чисто да гарно, якъ нашу Украину. Вотъ и давай носить мѣшкомъ горы да бросать въ море. Долго они трудились такъ для насъ грѣшныхъ, какъ однажды набрали въ мѣшокъ столько горъ, что и мѣшокъ не выдержалъ. Только-что они доходятъ до моря, а мѣшокъ трѣсь! и прорвался; горы и засыпали всю Черногорію. А боги сказали: «Долго ли намъ тру-

диться для этихъ грѣшниковъ! Будутъ жить, если захочутъ, и межъ горами»! да и оставилъ такъ землю.

— Это уже твоя выдумка, пане отамане! сказалъ Сомко.

— Моя! не повѣрилъ бы ты моему побро! Даромъ, що ты гетманъ, а онъ и на тебя насупилъ бы брови!

— Брс, побро! отозвался наконецъ Черногорецъ. Нѣтъ, гетманъ такой юнакъ, котораго я столько жъ уважаю, какъ и нашего владыку.

— Какаго владыку? спросилъ Шрамко.

— Ге, пане полковнику! отвѣчалъ Запорожецъ. Черногорія сторона чудная! Тамъ-то ты процвѣталъ бы, «якъ горòдѣ рожа»! Подумай только, что этѣми удалыми головами правитъ человѣкъ съ такою жъ длинною бородою и въ такой же рясѣ, какъ и ты. Однимъ словомъ — епископъ, архіерей, преосвященный владыка! Що у насъ гетманъ, то у нихъ владыка. А тамошніе попы и игумены знаются не съ одними требниками да псалтырями. Нѣтъ, батько! какъ только загремитъ и покатится по горамъ непріятельскій выстрѣлъ, святые отцы, не хуже тебя, снимаютъ со стѣны ружья, подпоясываютъ сабли, садятся на коней и выступаютъ впереди храбрыхъ юнаковъ противъ невѣрныхъ *!

* Такіе обычаи до сихъ поръ существуютъ въ Черногоріи, которая по справедливости есть страна героевъ. Сдѣлаю небольшую выписку изъ занимательнаго путешествія г-на Ковалевскаго, посѣщавшаго Черногорію, кажется, въ 1840 году: «У самыхъ монастырскихъ воротъ мы встрѣтились съ человѣкомъ, покрытымъ потомъ и кровью, съ отрубленною человѣческою головою у сѣдла. Одна борода отличала его отъ другихъ Черногорцевъ. Онъ лихо соско-

Вотъ народъ! вотъ сторона! А у насъ немного поповъ доказало этой славы!

— Въ самомъ дѣлѣ, это рыцарская сторона! воскликнулъ Шрамко въ восхищеніи. Если ты подлинно думаешь навѣдаться въ Черногорію, чтобъ завязать между ними и нами узелъ на погибель враговъ Христіанства, то вотъ тебѣ мое благословеніе!

— Благодарю, святый отче! сказалъ Запорожецъ, поцѣловавши огромную, жилистую руку Шрамка. Теперь я нимало не сомнѣваюсь въ успѣхѣ своего предпріятія.

Вечернее пированье продолжалось не очень долго, потому-что благочестивымъ людямъ не прилично было въ монастырской гостинницѣ гулять допоздна. За часъ до полуночи, всѣ уже спали, нарушая тишину ночи только разнаго рода храпѣньемъ, которое раздавалось отъ покоевъ, занятыхъ сановнѣйшими изъ гостей, до конюшень, гдѣ помѣстился Василь Невольникъ и нѣсколько другихъ козаковъ. Многіе улеглись подъ открытымъ небомъ на подворьѣ, и хоть ночь была довольно прохладна, но для этихъ крѣпкихъ людей, разгоряченныхъ напитками, прохлада ночная, по-видимому, была такъ пріятна и живительна, какъ и для травъ, привянувшихъ на солнечномъ жару. Кругомъ по лѣсу раздавалось пѣніе соловьевъ, покрываемое иногда ди-

чилъ съ коня, радушно привѣтствовалъ насъ и, радуясь искренно нежданнымъ гостямъ, приглашалъ насъ въ монастырь. Это былъ отецъ игуменъ». (*Четыре мѣсяца въ Черногоріи*, 111.)

кимъ голосомъ пугача *, который очень явственно выговаривалъ свое зловѣщее *пугу!* Козацкое солнце ** высоко поднялось надъ лѣсами, какъ бы для того, чтобъ поглядѣть на своихъ любимцевъ, безпечно покоящихся подъ его сіяніемъ. Звѣзды осыпали небо, какъ ризу, своими сверкающими искрами.

Пышная картина ночи въ умѣ Украинца облекается рядомъ благочестивыхъ и поэтическихъ мыслей. Мѣсяцъ своими таинственными пятнами напоминаетъ ему вражду двухъ первыхъ братьевъ: чтобъ предостерегать на вѣки вѣковъ родъ человѣческій отъ подобнаго злодѣянія, Богъ начерталъ Своею рукою на этомъ свѣтилѣ небесномъ образъ Каина, несущаго на плечахъ своего брата, въ знаменіе того, что никогда мысль о содѣянномъ убійствѣ не оставитъ души преступника. Звѣзды представляются воображенію Украинца человѣческими душами, которыя, воспользовавшись усыпленіемъ грѣховной плоти, во время ночи вознеслись къ своему Творцу, чистыя и блистающія. Если покатится по небу и погаснетъ падающая звѣзда, Украинецъ заключаетъ, что погасла жизнь какаго-нибудь человѣка, и усердно перекрестится, прося Бога отпустить ему хрѣхи его. Къ нѣкоторымъ изъ неподвижныхъ звѣздъ и созвѣздій онъ обращается, какъ къ священнымъ знакамъ творческой руки Божіей, благодѣтельнымъ для разныхъ временъ года. для разныхъ

* Такъ въ Украинѣ называютъ филина.

** Такъ называютъ иногда въ Украинѣ мѣсяцъ.

занятій, промысловъ и тому подобное. Такъ созвѣздіе *Возъ* * считается благодѣтельною звѣздою чумаковъ; другія покровительствуютъ жатвѣ, скотоводству и прочая.

Ночь, распростершаяся надъ Печерскимъ монастыремъ и его холодными лѣсами, была очаровательно-прекрасна; но никто не любовался ею, хотя и былъ въ числѣ разгульныхъ богомольцевъ одинъ человѣкъ, который напрасно думалъ найти сонъ на травѣ, покрывавшей подворье гостинницы. Этотъ человѣкъ долго переворачивался съ одного бока на другой, вздыхалъ, изрѣдка стоналъ, подобно раненному воину, который, при всемъ своемъ мужествѣ, не можетъ перенести терпѣливо боли своей раны; наконецъ всталъ и вышелъ сквозь низенькую форточку въ лѣсъ.

Вы конечно догадались уже, что это былъ не кто другой, какъ Петро, ибо до кого мнѣ больше надобности, спитъ ли кто, или страдаетъ безсонницею въ Печерской гостинницѣ? Правда, я очень желалъ бы заглянуть въ комнату моей Леси, но туда заглядывать не наше дѣло. И-такъ, это былъ бѣдный Петро, который таилъ отъ всѣхъ несчастную любовь свою и тѣмъ жесточе мучился. Да и къ чему было бы ему кому-нибудь открываться, если такая откровенность, вмѣсто участія, дала бы другому случай посмѣяться надъ чувствами, которыя всякой влюбленный считаетъ самыми священными въ своей душѣ? Если и въ нашъ образованный вѣкъ

* Большая Медвѣдица.

такъ мало вѣрятъ возможности истинной любви, то что же сказать о томъ грубомъ вѣкѣ, когда женщину принимали въ спутники жизни только по матерьяльнымъ нуждамъ, а не по требованію духа, чувствующаго себя неполнымъ, недосозданнымъ безъ сліянія съ тѣми высокими и нѣжнѣйшими его элементами, которыя вложены Создателемъ въ прекрасную душу женщины? Въ-старину любили, можно сказать, однѣ женщины: доказательствомъ тому осталось множество сложенныхъ ими пѣсень *. Мужчина только тогда возвышался до любви чисто-духовной, когда дѣлался семьяниномъ и отцемъ.

Какія думы, какія чувства занимали душу моего печальнаго героя, не берусь расказывать вамъ, да и самъ онъ едва ли былъ бы въ-состояніи выразить что-нибудь словами. Если бъ онъ имѣлъ мать, для которой всякое страданіе сына становится собственнымъ страданіемъ, или сестру, которую Украинскія наши пѣсни такъ хорошо назвали *жалибницею* ** — онъ бы имъ расказалъ свое горе; ибо, если козакъ стыдился обнаруживать свои нѣжныя

* Тотъ ошибется, кто всѣ пѣсни, въ которыхъ говорится отъ имени *козака*, припишетъ мужчинамъ: женщины, любя всею душою и выражая свою любовь въ пѣсняхъ, вкладывали въ уста мужчинъ и тѣ нѣжности, которыхъ онѣ такъ бы отъ нихъ желали, и тѣ укоры и холодныя рѣчи, отъ которыхъ такъ страдало ихъ сердце. Даже тѣ пѣсни, въ которыхъ изображаются опасности военнаго быта, смерть козака и т. п., сложены женщинами. Для козаковъ все это была прозаическая дѣйствительность, а въ воображеніи безпокоящихся объ ихъ участи матерей, женъ, сестеръ и любовницъ — «козацкія пригоды» облекались въ поэзію.

** Напримѣръ:

«Полетѣть, синици, де мои сестрици,
Нехай мене одвѣдають мои жалибници».

чувства передъ козакомъ и прикрывалъ ихъ всегда насмѣшливымъ тономъ, то онъ невольно дѣлался простодушнымъ юношею, когда мать начинала окружать его своими трогательными заботами, или сестра принималась расчесывать его кудри, распрашивая о чужой сторонѣ, объ ужасахъ, нуждахъ и опасностяхъ, какимъ онъ подвергался. Мой Петро не имѣлъ ни матери, ни сестры; казалось бы, его чувства тѣмъ удобнѣе могли огрубѣть посреди забіякъ-товарищей и суровыхъ воинскихъ занятій. Но вышло напротивъ: они достигли тѣмъ большей силы въ глубинѣ его души, закрытой и нѣмой для всѣхъ женщинъ до этаго роковаго знакомства.

Петро медленно бродилъ по узкой дорожкѣ, извивающейся по-межъ старыми дубами и березами, сквозь которыя мѣсяцъ, спустившись съ высоты неба, проливалъ по травѣ и по истрескавшимся корнямъ древеснымъ длинныя полосы своего свѣта. Ночь была уже на исходѣ. Вдругъ слышитъ онъ въ лѣсу конскій топотъ. Шумъ постепенно къ нему приближался. Опытный слухъ его скоро распознàлъ умѣренную рысь двухъ лошадей. Избѣгая съ кѣмъ бы то ни было встрѣчи, онъ отошелъ въ сторону и черезъ минуту или черезъ двѣ началъ различать голоса двухъ разговаривающихъ людей, изъ которыхъ въ одномъ нетрудно было узнать Запорожца Кирила Тура. Несвободная, наполненная ошибками противъ языка и перемѣшанная съ Сербскими восклицаніями *бре* и *море* рѣчь его собесѣдника обна-

руживала въ немъ всегдашняго спутника его Богдана Черногора.

— Хотѣлъ бы я знать, побро, говорилъ Сѣчевикъ, что скажутъ ваши отмичары о Запорожскомъ удальствѣ, когда ты имъ раскажешь, какъ Кирило Туръ подхватилъ себѣ дѣвойку — да еще какую!

— Бре, побро! отвѣчалъ Черногорецъ, я до тѣхъ поръ буду считать это одною изъ твоихъ шутокъ надо мною, пока не увижу этаго чуда на свои очи.

— Мѣсяцъ еще нескоро зайдетъ; ручаюсь тебѣ, что увидишь.

— Какъ же ты отмешъ дѣвойку такъ, штобъ никто стуку и крику не услышалъ?

— Эге-ге! такія ли дѣла приходилось Запорожцамъ совершать на своемъ вѣку? Ты думаешь, що у насъ всякаго выберутъ отаманомъ? Э, нѣтъ, дзусъ! характрéство * не такая вещь, чтобъ далось всякому дурню!

— Море! воскликнулъ Черногорецъ. Ты бъ уже хоть меня не дурачилъ, когда находишь забаву въ томъ, чтобъ морочить добрыхъ людей.

— Ты не вѣришь? Щò-то не нашого поля ягода! А чѣмъ же ты заставилъ бы всѣхъ спать смертельнымъ сномъ, когда я буду тамъ хозяйствовать? Чѣмъ бы заставилъ ты замки и зотворы отворяться передо мною безъ всякаго стуку и шуму? Я не

* Такъ назывались у Запорожцевъ чародѣйскія средства, употребляемыя, будто бы, ихъ предводителями (характéрниками) для успѣха въ военныхъ предпріятіяхъ.

только украду дѣвойку, но даже и коня для нея осѣдлаю и выведу изъ конюшни, бо эта дѣвойка на дитя не похожа. Врагъ меня возьми, коли я знаю дѣвку рослѣе и здоровѣе! Мало того, что она *добра яко луна, избра́нна яко солнце*, нужно́ еще прибавить, что она *страшна, яко вчиненны!* Только ты, пане брате, не тямишъ, що то за вчине́нны. Это значитъ — воины, стоящіе въ боевомъ порядкѣ. Именно, она *добра яко луна, избра́нна яко солнце, и страшна яко вчиненны!* Еслибъ не лѣкарство отъ переполоху, которое дали ей выпить, то не знаю, какъ бы я усадилъ ее на сѣдло.

— Яжъ же ты, побро, будешъ съ нею жить, когда называешь ее такою страшною?

— Эге, брате! чужа сторона не то, что подворье, полное козаковъ. Помирится со мною по неволѣ и будетъ такъ любо жить, що чудо! бо *дьвка,* кажуть, *якъ верба: де ни посади, то приметься.*

— Ну, и прямо въ Черногорію?

— Нѣтъ, нагонятъ вражи дѣти и отнимутъ дѣвойку. Притомъ же, нужно сперва расквитаться и распрощаться честно съ торинствомъ. Мы оставимъ ее въ одномъ хуторѣ, возлѣ Хотова, а сами вернемся въ Кіевъ и завтра еще поможемъ дурнямъ отыскивать дѣвойку. Будутъ у насъ такіе, що скажутъ, гдѣ ее и съ кѣмъ встрѣтили и всѣ примѣты раскажутъ...

Между-тѣмъ, какъ Петро съ любопытствомъ и удивленіемъ слушалъ этотъ разговоръ, козаки проѣхали мимо него и отъѣхали такъ далеко, что го-

лоса ихъ начали покрываться неумолкавшимъ во всю ночь пѣніемъ соловьевъ.

Теперь этѣ странныя рѣчи Петру не казались уже шуткою, и первымъ его движеніемъ было идти въ гостинницу и разбудить козаковъ. Но сдѣлавши нѣсколько быстрыхъ шаговъ къ монастырю, онъ перемѣнилъ свои мысли, и ему стало даже стыдно, какъ могъ онъ быть такъ легкомысленъ, чтобъ допустить возможность успѣха въ предпріятіи пьянаго, какъ онъ думалъ, Запорожца, которому вбилась въ голову Богъ знаетъ какая затѣя, а онъ принялъ ее за серьёзное дѣло!

Однако жъ онъ продолжалъ приближаться медленнымъ шагомъ къ гостинницѣ. — Мнѣ съ первого взгляда не пришелся по душѣ этотъ бурлака, думалъ онъ: его ухватки, взгляды и слова слишкомъ нахальны, хоть онъ и храбрый козакъ. Да какъ-будто нельзя быть храбрымъ и вмѣстѣ звычайнымъ *; а то шумитъ и бурлитъ, якъ кабанъ въ корытѣ. Я отъ души буду доволенъ, если ему тамъ за эту шутку Сомко, также шутя, велитъ нагрѣть дубиною плечи.

Послѣ нѣсколькихъ шаговъ мысли его приняли другое направленіе. — Неразъ слышалъ я, думалъ онъ, отъ старыхъ и бывалыхъ козаковъ, что эти бурлаки Запорожцы, сидя тамъ на Низу помежъ комышами, помежъ болотами, имѣютъ больше случаевъ обнюхаться съ нечистымъ, нежели мы, городовые козаки. Часто случалось имъ выкрадывать

* Вѣжливымъ.

изъ Турецкихъ крѣпостей не только своихъ товарищей невольниковъ, но и самихъ Туркень такимъ чуднымъ способомъ, что безъ особенной помощи Божіей или безъ ничистой силы обойтись, кажется, было бы трудно. Правда, почему жъ не быть помощи Божіей для освобожденія невольника изъ басурманской земли, или для того, чтобъ невѣрная Туркеня сдѣлалась Христіанскою? Но отъ такихъ разбишакъ, у которыхъ безпрестанно на языкѣ какая-нибудь гадость *, и Богъ отступится. Притомъ же недаромъ, должно быть, носится межъ народомъ слухъ про ихъ характерство. Одинъ дѣдъ расказывалъ мнѣ, что видѣлъ своими очами, какъ Запорожецъ уходилъ отъ Татаръ чрезъ Днѣпръ: разостлалъ на водѣ бурку, сѣлъ на нее да и поплылъ на другой берегъ; еще, сидя на буркѣ, и отъ Татаръ отстрѣливается! Конечно, то пустяки, что Ляхи вѣрятъ, будто бы Запорожцы родятся на Днѣпровскомъ Лугу, какъ грибы, и что, павши, въ бою, они оживаютъ до девяти разъ, потому будто бы, что у каждаго Запорожца девять душъ въ тѣлѣ **. Можетъ

* Запорожцы любили вворачивать въ свою рѣчь такія выраженія, которыхъ никакимъ образомъ нельзя помѣстить въ печатной книгѣ и которыя считались неприличными и отвратительными даже у городовыхъ козаковъ тогдашняго времени. Самый грубый цинизмъ въ словахъ и дѣйствіяхъ былъ общею, вкоренившеюся обычаемъ, чертою Запорожцевъ. У городовыхъ козаковъ напротивъ въ обращеніи развита была «поважная звычайность», и какъ для однихъ казались смѣшными городскія приличія, такъ для другихъ былъ отвратителенъ Запорожскій цинизмъ.

** Объ этомъ говоритъ Польскій писатель XVI вѣка Николай Рей въ своемъ Zwierzyncе, на листѣ III, также и Николай Пашковскій въ своей Choragwie Sauromackiej.

быть, и переправа чрезъ Днѣпръ немножко подкрашена. Но говорятъ, что Запорожскому характернику украсть у добраго человѣка что-нибудь также легко, какъ достать тютюну изъ собственнаго гамана *. Что жъ, если сатана поможетъ ему въ этомъ случаѣ? Пойду скорѣй, чтобъ въ самомъ дѣлѣ не надѣлалъ намъ бѣды этотъ пройдисвѣтъ.

Но, прошедши шаговъ десять, онъ опять остановился. — Что я за безумная голова! сказалъ онъ почти въ-слухъ. Кому я иду помогать? Кого спасать? Развѣ у нея нѣтъ жениха, который долженъ охранять ея спокойствіе и честь? Что жъ я за вартовый, который долженъ не спать по цѣлымъ ночамъ для того, чтобъ какой-нибудь пьяница не подкрался изподтишка и не испугалъ гетманской невѣсты? Когда ты выходишь за гетмана, такъ пусть вокругъ тебя на всѣхъ дверяхъ и воротахъ поставитъ сторожу; а мои уши ничего не слышали и очи не видѣли... Пусть васъ хоть всѣхъ перехватаютъ эти гайдамаки; мнѣ какое дѣло? Воображаю я завтра ясновельможнаго пана, когда узнаетъ, что Запорожецъ изъ-подъ носа у него укралъ невѣсту! Воображаю и тебя, пышная пани Череванша: такъ ли гордо будешь ты поглядывать на нашего брата, когда этотъ женихъ со звѣздами вмѣсто очей, съ солнцемъ на лбу и мѣсяцемъ на затылкѣ, проспитъ свою гетманшу хуже всякаго гультая? Воображаю и

* *Гаманомъ* называется небольшая кожаная ладунка для табаку и принадлежностей трубки. Вмѣсто гамана Украинцы носятъ еще *саквы* т. е. двойной мѣшокъ.

тебя, царица, когда эта шибай-голова замчитъ тебя межъ Черногорцевъ, гдѣ, говорятъ, женщины цѣлуютъ въ руку всякаго мужчину, а тѣ на нихъ даже взглянуть считаютъ великою милостью? Будешь ты скакать тамъ черезъ саблю этаго дикаго Тура, и неразъ вспомнишь пѣсню:

Любивъ мене, мати, Запорожецъ,
Водивъ мене босу на морозецъ...

Тутъ его мысли были прерваны послышавшимся вдали топотомъ коней. Все его вниманіе обратилось въ ту сторону, откуда слышался топотъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ этотъ Запорожецъ знается съ нечистою силою? подумалъ онъ. Но посмотримъ, не одни ли они возвращаются? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ они ее везутъ! воскликнулъ онъ мысленно, примѣтивши вдали трехъ лошадей, отъ которыхъ длинныя тѣни доставали по травѣ почти до куста, гдѣ онъ скрывался.

Похитители—или, уже говоря языкомъ того народа, по обычаямъ котораго сдѣлано это похищеніе — *отмичары* скоро подъѣхали очень близко. Межъ ними на конѣ сидѣла *отмица,* которую они поддерживали съ двухъ сторонъ подъ руки.

Видъ бѣдной дѣвушки, попавшейся этимъ чародѣямъ, поразилъ сердце моего Петра нѣкоторымъ ужасомъ. Она казалась дѣйствительно заколдованною, ибо сидѣла на своемъ конѣ съ закрытыми глазами и опущенною головою, между-тѣмъ, какъ видно было, что она чувствуетъ свое положеніе.

Петро услышалъ даже нѣсколько прерывистыхъ фразъ, сказанныхъ слабымъ голосомъ красавицы; но за топотомъ коней и за свистомъ соловьевъ, которые передъ разсвѣтомъ пѣли громче прежняго, не могъ разслушать, что она говорила. Онъ хотѣлъ было выдти изъ-за куста, заступить отмичарамъ дорогу и сразиться съ ними, не смотря на всѣ ихъ чары; но вспомнилъ, что при немъ нѣтъ никакаго оружія, кромѣ короткаго ножа, составлявшаго въ то время принадлежность всякаго козака и мѣщанина и служившаго во время пиршества вмѣсто століоваго.

Когда они проѣхали мимо, Петро еще съ минуту не зналъ, на что рѣшиться, ибо, не смотря на состраданіе къ Лесѣ и негодованіе къ Запорожцу, въ его сердцѣ всё еще не исчезла ревность и низкое чувство мести къ счастливому сопернику и къ тѣмъ, что такъ мало поняли любовь его. Онъ еще разъ обратился къ любимымъ своимъ размышленіямъ на счетъ досады и стыда людей, съ которыми Запорожецъ сыгралъ такую злую шутку. — Посмотримъ, говорилъ онъ мысленно, много ли поможетъ моей царицѣ гетманскій санъ ея суженнаго... Вдругъ до его слуха долетѣлъ довольно явственный вопль увозимой красавицы, и ему показалось, что онъ слышалъ въ немъ свое имя. Сердце его затрепетало такъ сильно, что онъ схватился рукою за лѣвый бокъ свой, и въ ту жъ минуту пробудилась въ немъ вся энергія, вся готовность пожертвовать за эту дѣвушку своею жизнію,

хоть бы только для того, чтобъ она сказала: «добрый человѣкъ былъ!»

Онъ бѣгóмъ бросился въ гостинницу, отъ которой былъ недалеко, и сперва хотѣлъ-было разбудить спавшихъ въ покояхъ; но непреодолимое отвращеніе извѣщать Сомка о его невѣстѣ удержало его отъ этаго. Къ-тому жъ онъ боялся потерять время. И такъ онъ вбѣжалъ въ конюшню, разбудилъ спавшаго тамъ Василя Невольника и, пока сѣдлалъ своего коня, расказалъ ему, въ чемъ дѣло.

Василь невольникъ отъ удивленія и страха могъ только произносить: «Боже правый, Боже правый!» и Петро, оставивъ его въ этомъ положеніи, поскакалъ за ворота съ быстротою вихря.

Между-тѣмъ отмичары продолжали свой путь такъ быстро, какъ только позволяло имъ затрудненіе везть полусонную красавицу. Бѣдная Леся, видимо, была напоена соннымъ напиткомъ и притомъ такъ сильно, что до сихъ поръ не могла очнуться. Скоро однако жъ свѣжій ночной воздухъ и движеніе отъ верховой ѣзды произвели надъ нею свое дѣйствіе. Она открыла отяжелѣвшія свои вѣки и, увидя себя въ лѣсу посреди двухъ усатыхъ рожъ, можетъ быть, красивыхъ для глазъ живописца, но созданныхъ не для обвороженія красавицы, сочла это видѣніе за сонъ. При всемъ томъ страхъ ея былъ такъ силенъ, что она пронзительно закричала, призывая своихъ друзей на помощь; и этотъ-то крикъ произвелъ такое благодѣтельное дѣйствіе на любящее сердце моего Петра. Что же касается до сер-

децъ Кирила Тура и его вѣрнаго побратима, то вопль прелестной отмицы тронулъ ихъ не болѣе того, сколько крикъ попавшагося въ пасть собакѣ зайца трогаетъ сердце охотника. Два витязя ночи только взглянулись между собою съ торжествующимъ видомъ и продолжали мчать впередъ свою добычу.

— Куда вы меня везете, звѣри вы безжалостные! вскричала опять бѣдная Леся. Богъ васъ накажетъ за такое злодѣйство!

— Послушай, моя дуся, сказалъ ей Запорожецъ такимъ голосомъ, который заставилъ ее затрепетать, я не знаю вашихъ нѣжностей. Можетъ быть, ясновельможный панъ гетманъ, или кто другой, умѣлъ бы лучше забавить тебя. Я жъ скажу тебѣ только, что кричать тебѣ нечего. Я съумѣю любить тебя не хуже всякаго гетмана. Въ этомъ порукою можетъ служить то, что я отважился украсть тебя, можно сказать, изъ-подъ когтей у спящаго медвѣдя.

Такое утѣшеніе, какъ можете себѣ представить, мало подѣйствовало на красавицу, и она продолжала плакать и громко призывать кару небесную на головы своихъ злодѣевъ.

— Мое ты коханье! отозвался къ ней еще разъ Запорожецъ такъ неохотно, какъ будто считалъ свои слова слишкомъ драгоцѣнными для разговоровъ съ женщиною — мое ты коханье! Совѣтую тебѣ отложить до другаго времени свой крикъ, а то насъ могутъ нагнать, и тогда не думай, чтобъ я возвратилъ тебя имъ живую. Можетъ быть,

у вашихъ сельскихъ волковъ можно вырвать изъ пасти еще незадушеннаго ягненка, но наши луговые волки не привыкли быть такими уступчивыми. Молчи, говорю, если хочешь жить на свѣтѣ!

И зная, какое дѣйствіе имѣетъ на женское сердце видъ сверкающаго оружія, онъ вынулъ свой кинжалъ и блеснулъ имъ при мѣсяцѣ передъ ея глазами, прибавивъ: — не плачь, моя дитино люба! бачъ, яка цяця!

Яростный взглядъ, брошенный изъ-подъ нахмуренныхъ бровей, и голосъ, врѣзывавшійся въ самое сердце того, кому онъ угрожалъ, заставили бѣдную отмицу повиноваться своимъ похитителямъ въ молчаніи и только мысленно возноситься къ Богу, испрашивая Его помощи.

Когда выѣхали они изъ лѣсу на открытое поле, то замѣтили, что блѣдное лунное сіяніе борется уже съ розовымъ свѣтомъ зари, которая начинала окрашивать восточный горизонтъ своимъ прозрачнымъ пурпуромъ. Поля лежали какъ бы огромными волнами, и дорога то спускалась въ долину, то подымалась на отлогую возвышенность холмовъ. Поднявшись на одну изъ такихъ возвышенностей, Запорожецъ оглянулся назадъ и, замѣтивши подъ лѣсомъ скачущаго во весь опоръ всадника, сказалъ: — не будь я Кирило Туръ, если этотъ молодецъ не за нами! И если хочешь знать зоркость моего ока, то я скажу тебѣ и кто это. Это сынъ стараго Шрамка. Врагъ меня побери, если я не догадываюсь, какой зарядъ несетъ такъ быстро эту пулю.

— Море, драгій побратиме! Чего жъ ты сталъ? Утекаймо!

— Не такой, братъ, у него конь, чтобъ намъ уйти съ этою панною. Да и къ-чему это намъ послужитъ? Нѣтъ, лучше остановимся и дадимъ ему бой по-лыцарски.

— Бре, побро! я никогда не прочь отъ бою, но насъ два: стрѣлять намъ противъ него нельзя *, а на сабляхъ не знаю, что можно сдѣлать Шрамченку. Мы только провозимся здѣсь съ нимъ до свѣта, пока на насъ наскачутъ и отнимутъ дѣвойку.

— Я много разъ слышалъ, отвѣчалъ Кирило Туръ, что Шрамченко одинъ изъ первыхъ рубакъ на Украинѣ, и потому-то не хочу, чтобъ онъ видѣлъ спину Кирила Тура въ то время, какъ махалъ ему издали саблею Посмотри, какъ онъ машетъ, какъ будто проситъ добрыхъ пріятелей воротиться къ нему въ-гости. Будь я дрянь, а не Запорожецъ, если сегодня одинъ изъ насъ не достанетъ лыцарской славы, побѣдивши соперника, извѣстнаго во всей Украинѣ.

— Ты хочешь, побро, одинъ съ нимъ биться?

— А вже жъ одинъ? Я скорѣй промѣняю саблю на веретено, нежели нападу вдвоемъ на однаго человѣка!

— Море, побро! ты погибнешь. Я знаю, какъ тяжело падаетъ рука Шрамченка.

* Козаки въ частныхъ своихъ схваткахъ бились большею часть на сабляхъ. Упершись плечами въ стѣну, добрый рубака могъ защищаться отъ цѣлой толпы. Кто при этомъ осмѣлился бы выстрѣлить, тотъ невозвратно потерялъ бы имя честнаго человѣка.

— Погибну или нѣтъ, по крайней мѣрѣ, ты увидишь такой поединокъ, послѣ котораго перестанешь выхвалять смѣлость и спокойствіе своихъ Черногорскихъ юнаковъ при честной расправѣ.

Между-тѣмъ, какъ они разговаривали такъ, остановившись на одной изъ отлогихъ возвышенностей поля, Петро приближался къ нимъ тѣмъ быстрѣе, что Леся, увидя вдругъ столь неожиданную себѣ помощь, вынула изъ кармана бѣлую хустку и махала ему въ знакъ своей радости. Отмичары только-что оставили за собою мостикъ, перекинутый чрезъ глубокое провалье, соединявшее два байрака, какими покрыты надДнѣпровскія мѣста западной Украины. Кирило Туръ, поручивъ свою отмицу попеченію Черногорца, всталъ съ коня и, разобравши ветхій мостикъ, побросалъ составлявшія оный бревна въ провалье, на днѣ котораго ревѣлъ мутный потокъ, врываясь все глубже и глубже въ глинистую землю.

— Нашто ты это творишь, драгій побратиме? спросилъ Черногорецъ.

— На то, отвѣчалъ Кирило Туръ, чтобъ этотъ молодецъ доказалъ сперва свое право имѣть дѣло съ Запорожцемъ. Пусть сперва перепрыгнетъ черезъ это провалье, тогда я готовъ съ нимъ рубиться хоть до страшнаго суду.

— Бре, побро! къ чему это? Если ты думаешь, что ему трудно перепрыгнуть, то лучше оставимъ его по ту сторону, а сами доберемся скорѣй до Хотова.

— Можетъ быть, у васъ въ Черногоріи такъ

дѣлаютъ, что думаютъ только объ успѣхѣ, а у насъ важнѣе всего «честь и слава, войсковая справа», которая бъ и «сама себя на смѣхъ не давала, и ворога подъ ноги топтала». О головѣ заботиться нечего. Недаромъ сказано: *человѣкъ яко трава.* Не сегодня, такъ завтра она «поляже якъ одъ вѣтру на степу трава», но —

Слава не вмре, не поляже,
Лыцарство козацьке всякому роскаже.

Между-тѣмъ, какъ этотъ молодецъ, дѣйствуя по-разбойничьи, мечталъ о рыцарской славѣ (что впрочемъ водилось и въ Нѣмецкомъ рыцарствѣ), Шрамченко прямо летѣлъ на него съ обнаженною саблею; но конь его, доскакавши до провалья, вдругъ остановился, упершись въ землю передними ногами и дико всхрапнувши отъ ужаса.

— Ге-ге-ге! сказалъ смѣясь Запорожецъ. Видно не по твоему вкусу такіе ярки?

— Подлый человѣкъ! вскричалъ ему Шрамченко. Такъ-то ты заплатилъ за гостепріимство гетману?

— За гостепріимство! Отъ диво велике! отвѣчалъ Кирило Туръ. У насъ въ Сѣчи пріѣзжай кто хочетъ, ратище воткни въ землю, а самъ садись, ѣжь и пей хоть трѣсни — никто тебѣ ложкою очей поротъ не станетъ. А эти городовые кабаны только потому все считаютъ своимъ, что прежде другихъ забрались въ огородъ. Олухи вы Царя небеснаго! подумали бъ вы сперва, Кто тотъ огородъ засадилъ всякою пищею на потребу человѣка!

— Іуда ты нечестивый! продолжалъ Шрамченко. Тебя обнимаютъ и цѣлуютъ за вечерею, а ты умышляешь въ то самое время злодѣйство!

— Ха-ха-ха! засмѣялся Запорожецъ. Вольно дурнямъ обнимать и цѣловать меня, когда я въ-глаза имъ говорю, какъ честный человѣкъ, безъ обмана, что увезу сегодня панночку! Вмѣсто того, чтобъ городить такіе пустяки, лучше попробуй перепрыгнуть это провалье, то мы съ тобою покажемъ этому юнаку, какъ бьются настоящіе лыцари.

Шрамченко и безъ его совѣта намѣренъ былъ это сдѣлать. Оборотивши коня назадъ, онъ разогнался съ тѣмъ, чтобъ перепрыгнуть пространство шириною около полуторы сажени; но его конь, видно, не былъ пріученъ къ подобнымъ скачкàмъ, или не надѣялся на легкость своихъ ногъ. Добѣжавши до провалья, онъ уже поднялъ было переднія копыта, чтобъ прыгнуть на другой берегъ, но вдругъ, ужаснувшись глубины рва и глухаго рева воды, онъ всталъ на дыбы и такъ отшатнулся назадъ, что едва не опрокинулся на спину. Шрамченко однако жъ удержался въ сѣдлѣ.

Запорожца такъ забавляли этѣ напрасныя попытки, что онъ отъ души хохоталъ, стоя на другомъ краю пропасти и по-видимому вовсе не заботился о своемъ положеніи.

— Ай, ай! кричалъ онъ, — ай да козакъ! дѣвка по неволѣ перескочила съ нами черезъ провалье; а онъ, взявшись отнять ее, не смѣетъ сдѣлать двойнаго скачка!

— Я бъ тебѣ скоро заткнулъ глотку, Иродова душа! сказалъ раздосадованный Шрамченко, если бъ не забылъ взять своихъ пистолетовъ!

— Никогда я не повѣрю, отвѣчалъ тотъ преравнодушно, чтобъ сынъ Шрамка взялся за разбойничье оружіе одинъ противъ однаго, тогда-какъ имѣетъ въ рукѣ честную саблю. Скажи, что жъ бы мнѣ мѣшало отдѣлаться отъ тебя пулею и ѣхать дальше, вмѣсто того, чтобъ ждать, пока ты отважишься скакнуть черезъ этотъ ровчакъ?

— Подлая кожа! сказалъ между-тѣмъ Шрамченко, досадуя на своего коня. Чтобъ тебя волки съѣли! Я обойдусь и безъ твоихъ ногъ! И отошелъ нѣсколько шаговъ назадъ, чтобъ разбѣжаться и сдѣлать отчаянный прыжокъ.

Угадавъ его намѣреніе, Леся закрыла въ ужасѣ глаза и мысленно молила Бога подкрѣпить его силы. Впрочемъ, глядя на высокій его ростъ, стройность тѣла и гибкость движеній, можно было ожидать, что онъ исполнитъ свое намѣреніе не подвергаясь большой опасности. Въ самомъ дѣлѣ прыжокъ былъ такъ ловокъ, что Шрамченко ступилъ правою ногою на другой берегъ; но едва коснулся земли, какъ она подъ нимъ обрушилась подобно хрупкому слою снѣгу, и онъ полетѣлъ бы на дно глубокаго провалья, если бъ Запорожецъ не подбѣжалъ и не подалъ ему руки.

— Молодецъ, братъ, ей Богу молодецъ! говорилъ этотъ затѣйливый чудакъ. Недаромъ о тебѣ

идетъ такая слава. Ну, теперь я отъ всей души готовъ съ тобою стукнуться саблями.

— Слушай, товарищъ, сказалъ ему Шрамченко, я не въ состояніи съ тобою биться; ты меня обезоруживаешь своимъ козацкимъ прямодушіемъ и неустрашимостью.

— Какъ? ты отказываешься отъ своей горлицы?

— Нѣтъ, козацкое слово — нѣтъ! Скорѣй откажусь отъ собственной жизни!

— То-то жъ! Ато, не будь я Кирило Туръ, если бъ не столкнулъ такаго тюхтѣя назадъ въ провалье!

— Но послушайся меня, братъ, продолжалъ Шрамченко, отдай мнѣ эту панну, кончи на этомъ свою шутку, и вотъ тебѣ рука моя, что я буду твоимъ вѣрнѣйшимъ другомъ.

— Ха-ха-ха! вотъ чудеса! воскликнулъ Запорожецъ. Я зналъ, что въ тебѣ бездна отваги, но не зналъ, что такъ мало толку. Не совсѣмъ же ты, козаче, пошелъ по батьку! Какой бы дьяволъ заставилъ меня затѣвать съ гетманомъ такую шутку, если бъ самъ сатана не засѣлъ въ моемъ сердцѣ? Нѣтъ, братику, умереть отъ сабли такаго козака, якъ ты, для меня ничего не значитъ, но отдать назадъ такую кралю — ой, ой, ой! Итакъ годи балакать. Стукнемся лучше такъ, щобъ ажъ ворогамъ було тяжко, какъ говоритъ панъ Черевань, и пусть лучше про нашу славу Божій Человѣкъ сложитъ пѣсню, нежели разойтись чортъ знаетъ по якому, испугавшись однаго блеску сабель.

И говоря это, онъ обнажилъ свою тяжелую и длинную шаблюку.

— И-такъ ты въ самомъ дѣлѣ не намѣренъ уступить мнѣ безъ бою своей бранки? спросилъ Шрамченко.

— Що бъ я на страшный судъ не вставъ, отвѣчалъ Запорожецъ, если допущу тебя дотронуться до нея прежде, нежели у меня не будетъ голова разсѣчена надвое, якъ кочанъ капусты!

— Нехай же насъ Богъ разсудитъ, а меня проститъ, что поднимаю руку на того человѣка, который недавно спасъ меня, можетъ быть, отъ смерти!

И съ этими словами сталъ въ оборонительное положеніе.

— Коханый побро! обратился тогда Кирило Туръ къ Черногорцу, если я паду, то не препятствуй козаку взять себѣ нашу отмицу: она будетъ принадлежать ему по праву меча; а самъ ступай въ Черногорію и скажи, что есть еще на свѣтѣ одна земля, гдѣ молодцы не уступаютъ въ храбрости Черногорскимъ юнакамъ. Жаль, що далеко до шинку, ато бъ и мы зробили такъ, какъ ты расказывалъ про ваши юнацкіе поединки, що сперва сошедшись стукнутъ по доброй чаркѣ горѣлки, поговорятъ, пошуткуютъ и начинаютъ смертный бой якъ весело, какъ танецъ. Що жъ ты, козаче, не нападаешь? обратился онъ къ Шрамченку. Твое право нападать, а мое отбиваться.

Шрамченко началъ сѣчу. Никогда, можетъ быть, не сходились вмѣстѣ два бойца, столь равные

по силѣ, искуству, неустрашимости и хладнокровію, какъ Кирило Туръ и Петро Шрамченко. Плотная фигура Запорожца обѣщала на первый разъ болѣе силы, но за то стройные и гибкіе члены молодаго козака обѣщали больше проворства и неутомимости. Стукъ сабельныхъ ударовъ, наносимыхъ и отражаемыхъ съ равною силою и искуствомъ, приводилъ въ трепетъ сердце моей Леси, и только глаза такаго человѣка, каковъ былъ Черногорецъ, могли смотрѣть на этотъ страшный бой безъ ужаса. Въ поединкѣ, происходившемъ передъ нимъ, онъ видѣлъ нѣчто столь высокое въ своемъ родѣ, что, глядя на него, забылъ и объ опасности своего друга и о собственномъ положеніи. Съ восторгомъ артиста наблюдалъ онъ, какъ удары съ обѣихъ сторонъ отпускались сперва изрѣдка и съ умѣреннымъ напряженіемъ силы, какъ они постепенно дѣлались быстрѣе и крѣпче, какъ оба противника перемѣняли постепенно одинъ за другимъ способы сражаться и отвѣчали другъ другу съ такимъ присутствіемъ духа, знаніемъ дѣла и единодушіемъ, какъ два музыканта, дающіе концертъ на скрипкахъ. Между-тѣмъ по воспламенившимся воинскою яростью ихъ взорамъ, по искрамъ, сыплющимся при каждомъ стукѣ сабель, и напряженію ихъ рукъ и всего тѣла можно было каждую минуту ожидать, что чья-нибудь голова распадется на двѣ части. Этаго однако жъ не случилось, потому-что послѣ долгой и равно славной для обѣихъ сторонъ битвы, сабли

вдругъ перебились, и противники остались обезоруженными.

— Ну, чѣмъ же кончимъ поединокъ? сказалъ Шрамченко, разгорячившись и уже забывши свои кроткія мѣры. Давай бороться или стрѣляться на пистолетахъ. Мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ кто-нибудь сказалъ, что я не справился съ Запорожцемъ Туромъ.

— Къ чорту борьбу! отвѣчалъ Запорожецъ, тяжело дыша. Это шутовскій поединокъ, и я не надѣюсь, чтобъ ты бросилъ меня объ землю такъ, чтобъ и духъ вонъ. А признаюсь, мнѣ пріятнѣй пойти къ чорту въ зубы, нежели видѣть, какты завладѣешь моею бранкою. Пистолеты также къ чорту! Немного чести и удальства раздробить человѣку черепъ глупою пулею! Есть у насъ, когда хочешь, кинжалы равной величины и однаго мастера. Схватимся за руки по-братски, по стародавнему обычаю, такъ-какъ рубились когда-то козаки съ Печенѣгами на берегахъ Альты за того Ярослава, что лежитъ въ Святой Софіи *, и пусть намъ Господь милосердый отпуститъ наши согрѣшенія!

Въ слѣдъ за тѣмъ онъ взялъ у своего побратима кинжалъ и подалъ Шрамченку, который схватилъ съ какою-то безумною радостью это губительное оружіе. Потомъ они взялись крѣпко лѣвыми руками, и между ними началась битва, гораздо ужаснѣе первой.

— Эй, драгій побратиме! сказалъ Чѣрногорецъ,

* *Ист. Гос. Росс.*, II, 17.

оканчивай скорѣй поединокъ, бо вонъ уже погоня летитъ за нами.

— Не бойся, побро! отвѣчалъ прерывисто Запорожецъ, продолжая сражаться; пока переправятся черезъ ровъ, то всему будетъ конецъ.

— Ахъ, наши, наши! вскричала Леся, обративши на дорогу глаза, устремленные до сихъ поръ съ ужасомъ на сражающихся.

Въ самомъ дѣлѣ къ нимъ приближалось нѣсколько всадниковъ съ такою быстротою, какая только возможна была для ихъ лошадей. Впереди всѣхъ, какъ легко можно догадаться, скакалъ Сомко. За нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи поспѣшалъ Паволочскій попъ. Удивительно было видѣть этаго старика, несущагося съ быстротою вѣтра, между-тѣмъ какъ сѣдые его волосы въ кудряхъ и бѣлая борода развѣвались по вѣтру. Но еще удивительнѣе было видѣть въ числѣ козаковъ Череванш[у], при всей своей дородности не уступающую мужчинамъ въ быстротѣ и смѣлости верховой ѣзды. С[ъ] отчаяннымъ взоромъ, съ разгорѣвшимися щеками она подобна была львицѣ, у которой похитили един[]ственное дитя ея. Крикомъ своимъ она выража[ла] досаду, что конь не въ состояніи бѣжать такъ быстро, какъ бы ей хотѣлось. Василь Невольникъ, ед[ва] поспѣвая за нею, всякую минуту опасался, что ко[нь] вышибетъ ее изъ сѣдла; но конь напротивъ стал[ъ] какъ-будто ея собственными ногами; съ такою де[р]зостью и увѣренностью въ своей силѣ она понужд[а]ла его скакать быстрѣе.

Выѣхавъ изъ лѣсу, они скоро замѣтили вдали на возвышеніи двухъ сражающихся человѣкъ, которыхъ сабли блистали красными полосами, потому-что востокъ уже зардѣлся отъ лучей солнца, еще не вышедшаго изъ-за горизонта. Шрамко, догадавшись, въ чемъ дѣло, и зная силу и искуство своего сына, увѣренъ былъ, что онъ положитъ на мѣстѣ обоихъ хищниковъ, не смотря на видимую крѣпость Кирила Тура и смѣлый видъ его товарища. Но когда поединщики взялись за кинжалы, у него замерло сердце, ибо онъ зналъ, что въ этомъ случаѣ не рѣдко оба противника падаютъ разомъ. И дѣйствительно, едва Сомко доскакалъ до провалья, гдѣ конь его вдругъ остановился, Шрамченко и Кирило Туръ нанесли въ одно и то же мгновеніе другъ другу въ грудь такіе глубокіе удары, что оба повалились замертво.

П. Кулѣшъ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Окончаніе Шлоссерова разбора Робертсона, Юма и Гиббона.

Мы не будемъ здѣсь ни хвалить творенія Гиббона, считая это совершенно излишнимъ, ни подвергать его подробному анализу; но обратимъ вниманіе на одно отношеніе творенія Гиббона къ Парижской философіи, потому-что Гиббонъ не имѣлъ своей. Такъ-какъ мы имѣемъ цѣлью одно фактическое и практическое изложеніе, то будемъ извлекать замѣчанія изъ его собственныхъ писемъ и замѣтокъ, изъ которыхъ видно, что онъ, подобно Іоанну Мюллеру, съ самыхъ пеленокъ хотѣлъ сдѣлаться не только знаменитымъ, но и великимъ человѣкомъ, къ чему у него, какъ у Мюллера, не было природныхъ дарованій. Оба должны были обратиться къ реторикѣ и софистикѣ, какъ герои и завоеватели обращаются къ вѣроломной политикѣ, потому-что они искали только наружнаго блеска. Неограниченное тщеславіе, жажда славы и блеска, поддерживаемыя умомъ и прилежаніемъ, могутъ произвести художниковъ и совершенныя художественныя произведенія; но настоящая любовь къ истинѣ, праву и уединенной жизни, которую Исторія, изображая бурныя волненія свѣта, именно должна питать и

сохранять, бѣжитъ отъ нихъ, какъ отъ злыхъ духовъ. Любовь къ вѣчной истинѣ и вѣчному праву свыше нисходитъ посредствомъ благодати и живетъ только благодатью въ сердцѣ простомъ и смиренномъ. Впрочемъ Юмъ и Гиббонъ только въ одномъ совершенно сходились: они были первые историки, которые подобно Вольтеру, осмѣлились средневѣковую жизнь освѣтить не философіей среднихъ вѣковъ, но свѣточемъ новой жизни; они осмѣлились часто быть несправедливыми къ среднимъ вѣкамъ, чтобы, ярко рисуя яркія противоположности, тѣмъ полезнѣе быть своему времени. Гиббонъ, коего характеръ и образованіе были болѣе Французскіе, нежели Англійскіе, въ этомъ дѣлѣ дошелъ до крайней границы. Онъ не остался, подобно Юму, при одномъ скептицизмѣ, но осмѣлился, надѣясь на реторику и софистику, тамъ, гдѣ ему казалось удобнымъ, замѣнить реальную истину идеальной, историческую — поэтической. Это все объясняется намъ изъ того различія, которое не столь поразительно во Французѣ, сколько въ Англичанинѣ, изъ различія между тѣмъ, чѣмъ онъ въ самомъ дѣлѣ *былъ*, что въ самомъ дѣлѣ думалъ и хотѣлъ сдѣлать, и тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ *казаться*, и что, какъ великой писатель, дѣйствительно сдѣлалъ. Нѣмцы считаютъ исключительнымъ достоинствомъ въ Исторіи объективныя изображенія, художественное воспріятіе и возсозданіе прошлыхъ временъ. Авторъ этаго сочиненія, человѣкъ, стоящій при цѣли своей жизни и обращающій взоры по другую сторону ея, презирая смѣшное высо-

комѣріе метрополій цивилизаціи, хочетъ здѣсь воздать полную справедливость субъективному, естественности, простотѣ и силѣ безыскуственной природы, не смотря на то, что его мнѣніе можетъ имѣть видъ, будто бы онъ несправедливъ къ великимъ людямъ. Это только *видъ:* художникъ отъ того ничего не потеряетъ, его художественное произведеніе удержитъ за собою похвалы всего міра; и если въ слѣдующихъ строкахъ авторъ описываетъ впечатлѣніе, которое *на него одного* произвела противоположность между понятіями *быть* и *казаться*, между Гиббономъ-писателемъ и Гиббономъ-человѣкомъ, то тѣмъ яснѣе будетъ, что Гиббонъ и Мюллеръ были совершенно справедливы, думая, что убѣжденіе и истина никогда не сдѣлаютъ писателя знаменитымъ, великимъ и безсмертнымъ въ свѣтѣ и въ толпѣ.

Хотя Юмъ перешелъ отъ Англійскаго образованія къ Французскому, однако онъ первое присвоилъ себѣ въ совершенствѣ; Гиббонъ напротивъ образовался въ Лозаннѣ, вблизи резиденціи Вольтера, гдѣ господствовало только Парижское образованіе, хотя и подъ протестантской модификаціей.

Впрочемъ въ его неотесанномъ туловищѣ находилась душа, которая дѣлала его способнымъ ко всему, что можетъ сдѣлать Французскій реторъ и софистъ, если хочетъ слѣдовать всякому измѣненію моды, воспринимать и воспроизводить каждое впечатлѣніе и съ важностью давать совѣты большому свѣту.

Въ 1753, шестнадцати лѣтъ, въ Оксфордскомъ Университетѣ, онъ также легкомысленно перешелъ въ католическую вѣру, какъ вскорѣ послѣ ее оставилъ. Все это дѣло кажется ему столь легкимъ, что онъ даже не беретъ на себя труда говорить о немъ серьёзно, потому-что его расказъ о переходѣ къ католицизму похожъ на плохую остроту, плохо сказанную о подобномъ поступкѣ. Столь же легкомысленнымъ, какъ и въ религіи, онъ явился потомъ, во время пребыванія своего въ Лозаннѣ, въ любви, оскорбя священнѣйшія чувства чистой и непорочной души. Это указываетъ на одинъ и тотъ же существенный недостатокъ великаго ретора, потому-что что такое любовь безъ религіи и религія безъ любви? Онъ разорвалъ, самымъ безславнымъ для себя образомъ, прекрасную связь съ дѣвицею Кюршо, которая была тогда бѣдна, а потомъ сдѣлалась женою министра Неккера. Этотъ холодный эгоизмъ въ молодомъ человѣкѣ такъ сильно разгнѣвилъ противъ него Руссо, что онъ вовсе ничего не хотѣлъ знать о Гиббонѣ.

Во время его пребыванія въ Лозаннѣ, мы видимъ, что онъ менѣе заботится о томъ, какъ пріобрѣсти *себѣ* истинное знаніе, основательно образовать *свою* душу и наукою содѣлать ее истинно-человѣческою, но — до поры и времени — онъ уже хочетъ блистать легко и скоро пріобрѣтенными свѣдѣніями и природнымъ умомъ. Конечно, онъ на девятнадцатомъ и двадцатомъ году очень напитанъ чтеніемъ и хорошо знакомъ съ древностью и древними писателями;

но онъ тотчасъ старается воспользоваться съ оборотливостью дипломата великимъ уваженіемъ, которымъ пользовались тогда на твердой землѣ путешествующіе Англичане, и съ тщеславнымъ желаніемъ Нѣмецкихъ, Швейцарскихъ и Французскихъ ученыхъ прославиться за границею и распространить извѣстность своего имени между Англичанами. Безъ приглашенія пишетъ онъ къ Кревье въ Парижъ, къ Матіасу Геснеру въ Геттингенъ, къ Брейтингеру въ Цюрихъ. Онъ самъ расказываетъ намъ, по какой причинѣ познакомился съ Вольтеромъ, который провелъ двѣ зимы (въ 1757 и 58-мъ годахъ) въ Лозаннѣ, тогда принадлежавшей гордой Бернской аристократіи. По-этому Руссо принимаетъ его за софиста и бранитъ съ жестокостью, которая граничитъ съ несправедливостью, за связь съ дѣвицею Кюршо, разорванную по образцу расчетливыхъ свѣтскихъ людей, потому-что онъ видитъ въ немъ только однаго изъ смертельно имъ ненавидимыхъ Парижскихъ философовъ, враждебныхъ всякому истинному чувству. Такаго человѣка вѣроятно съ перваго взгляда узналъ въ немъ Гельвецій, который эгоизмъ знатныхъ людей и богачей возвелъ въ систему, потому-что тотчасъ съ нимъ подружился. Когда Гиббонъ пріѣхалъ въ Парижъ, то онъ былъ его другомъ и покровителемъ и ввелъ въ извѣстное общество аристократическихъ атеистовъ у Гольбаха. Первое свое сочиненіе Гиббонъ расчиталъ на Парижъ. Онъ хотѣлъ, пріѣхавъ туда, тотчасъ уже быть извѣстнымъ. Иначе онъ едва ли написалъ бы

на Французскомъ языкѣ сочиненіе (Essai sur l'étude de la littérature), которое было имъ написано во время пребыванія въ Англіи. Вѣроятно онъ не старался бы также напрасно рекомендовать изученіе древнихъ писателей въ книгѣ, назначенной для Англичанъ.

Гиббонъ расчиталъ вѣрно: его Французское сочиненіе и рекомендація леди Герве ввели его тотчасъ, какъ скоро онъ явился (въ 1763 г.), въ тѣсный кругъ тогдашнихъ Парижскихъ софистовъ. Съ восторгомъ женскаго тщеславія пишетъ онъ своей матери, какимъ образомъ познакомился у извѣстной г-жи Жофренъ съ Гельвеціемъ и какъ Гельвецій его болѣе всѣхъ привлекъ. Отцу своему онъ пишетъ, что Гельвецій принимаетъ въ немъ болѣе всѣхъ участія въ Парижѣ, и прибавляетъ, что этотъ человѣкъ равно превосходенъ по сердцу, уму и по денежнымъ обстоятельствамъ. Преимущественно благодаренъ онъ ему за то, что онъ ввелъ его у Гольбаха. При этомъ единственномъ случаѣ, онъ показалъ, что, не смотря на свое Французское образованіе, онъ былъ Англичанинъ, а не совершенный Французъ. Именно, онъ описываетъ подробно, сколько у каждаго изъ Парижскихъ Меценатовъ ежедневнаго дохода. Впрочемъ, чтобы узнать его Французскую натуру, стòитъ только прочесть въ его запискахъ, во сколько онъ предпочитаетъ Французскій салонный разговоръ отечественному, и какъ въ Парижѣ онъ посѣщаетъ гораздо болѣе домовъ, нежели въ Лондонѣ. И это доказы-

ваетъ, что онъ родился реторомъ, что для него природа была гола и пуста, а искуство и искуственность богаты и обильны, что *быть* было для него — ничто, а *казаться* — все.

Гиббонова подвижность духа и безграничное честолюбіе, не находившее удовлетворенія въ государственной жизни (потому-что у него недоставало практическихъ способностей и ораторскаго таланта); непреодолимое побужденіе сдѣлаться великимъ человѣкомъ въ литературѣ; счастіе и талантливость, посредствомъ которыхъ онъ достигъ до исполненія своего желанія — все это напоминаетъ Іоанна Мюллера. Оба писали *по-видимому* только для народа, который Гиббонъ, подобно Вольтеру, глубоко презиралъ; оба имѣли въ виду аристократическую публику, которой различныя мнѣнія и воззрѣнія на Христіанство и средніе вѣка опредѣлили и ихъ воззрѣнія.

Мюллеръ имѣлъ въ виду Бернскихъ и прочихъ Швейцарскихъ опекуновъ народа, Вѣнскую и Майнцскую аристократію, гордившуюся своими предками и т. д. По-этому въ своей Швейцарской Исторіи онъ умѣлъ найти въ среднихъ вѣкахъ и въ іерархіи какую-то поэтическую сторону и писалъ о союзѣ князей и о папахъ въ тонѣ, въ которомъ написаны его сочиненія о союзѣ князей и о путешествіяхъ папъ. Гиббонъ могъ надѣяться пріобрѣсти большую славу, о которой онъ только и думалъ съ самаго начала своего поприща, лишь отъ общаго настроенія умовъ, господствовавшаго во время пер-

ваго появленія его сочиненія (1776 г.) въ салонномъ свѣтѣ и направленнаго противъ всего стараго: оно опредѣлило его направленіе и выборъ точки зрѣнія. Его образованіе, собственный вкусъ, характеръ и свойство его природы — все привело его къ Французской реторикѣ. Опытъ доказалъ потомъ, что искуственность и великое умѣнье замѣнять реторикой недостатокъ глубины мысли одни даютъ славу какъ въ театрѣ, такъ и на сценѣ человѣческой жизни. По-этому, для достиженія превосходства въ избранномъ имъ родѣ, онъ умно и справедливо пожертвовалъ простотою и естественностію наружному блеску, славѣ и имени великаго художника, которое у него никто не оспоритъ. Онъ отказался отъ сознанія, что стремящійся къ истинѣ, а не къ эффектности, долженъ болѣе всего уклоняться украшеній рѣчи, сообразуясь съ своимъ характеромъ и своими природными свойствами; онъ избралъ, въ угожденіе свѣту, не тотъ путь, который ведетъ къ тихому одобренію немногихъ благородныхъ умовъ, но путь къ блестящей славѣ.

Ни его рѣчь, ни слогъ, ни языкъ не суть въ собственномъ смыслѣ совершенно-Англійскіе, особенно, ежели обратить вниманіе на вопросъ: выразился ли въ нихъ древне-Англійскій характеръ? Это однако не мѣшаетъ причислить его со всею справедливостью къ классическимъ Англійскимъ писателямъ, какъ Виландъ считается у Нѣмцевъ классикомъ, не смотря на его галлицизмы. По-этому онъ между Англійскими писателями тотъ, который

всѣхъ лучше и совершеннѣе умѣлъ Французскую легкость и Французскую реторику одѣвать въ Англійскія формы. Мы могли бы даже сказать, что его Англійскій слогъ и декламація часто относятся къ слогу Французскихъ реторовъ такъ, какъ Нѣмецкій слогъ Іоанна Мюллера къ слогу Греческихъ и Римскихъ классиковъ; т. е. одинъ изъ подражанія чужеземному пожертвовалъ естественностью Англійскаго, а другой Нѣмецкаго слога. Оба ничего не щадили, чтобы сравниться съ чужеземцами, только съ тою разницею, что Гиббонъ имѣлъ дѣло съ Англичанами, которые не любятъ всему подчиняться, какъ Нѣмцы... По-этому, хотя оба писателя перестали говорить языкомъ ежедневной жизни, но Гиббонъ не осмѣлился перестать говорить, какъ слѣдуетъ, по-Англійски, т. е. онъ не смѣлъ говорить непонятно, или на языкѣ, который бы самъ для себя создалъ.

Отъ историковъ XVIII столѣтія, если они должны остаться вѣрны характеру своего вѣка, не должно ожидать стоицизма Тацита, простоты Геродота, глубокаго взгляда на природу человѣка и человѣческихъ отношеній, отличающаго Ѳукидида, и наивности, преданности и трогательной вѣры нѣкоторыхъ лѣтописей среднихъ вѣковъ. По-этому, намъ кажется, лучше и даже умнѣе, если историки XVIII вѣка, подобно Гиббону, вовсе не изъявляютъ притязаній на одно изъ этихъ качествъ, нежели, подобно Іоанну Мюллеру, аффектируютъ обладать ими всѣми. Сколь ни мала была душа Гиббона, однако онъ расчиты-

вающимъ умомъ своимъ и природными способностями совершилъ невѣроятное. Онъ даже умѣлъ пріобрѣсти себѣ, когда требовала его цѣль, способность бороться за право и просвѣщеніе съ мракомъ и деспотизмомъ, за истину и разумъ съ ложью и предразсудками. И-такъ онъ почти невозможное сдѣлалъ для себя возможнымъ. Человѣкъ, великій только по искуственности, уму и наружному блеску въ свѣтѣ, подобно Гиббону, могъ сдѣлаться великимъ только какъ реторъ — изобиліемъ цвѣтущаго слога и великолѣпнымъ, всеувлекающимъ потокомъ декламаціи. Вездѣ, гдѣ ни появлялся Гиббонъ въ жизни, онъ былъ посредственъ, тщеславенъ, а въ дѣйствіяхъ своихъ даже мелокъ и жалокъ. И его внѣшній видъ находится въ яркой противоположности со всею его жизнію. Сравните только очеркъ всей его фигуры, приложенный къ его запискамъ, съ обстоятельствами его жизни и съ положеніемъ въ томъ обществѣ, которое онъ искалъ! Не образуетъ ли его Англійская фигура, состоящая изъ неуклюжаго тѣла съ надутымъ лицемъ, ужаснаго противорѣчія съ его непомѣрнымъ тщеславіемъ и легкомысленною ироніею, господствующею въ его большомъ сочиненіи, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь идетъ о Христіанствѣ; съ его хвастовствомъ ученостью, которая очень не глубока, что извѣстно тому, кто знаетъ, какъ нетрудно придать себѣ ученый видъ; съ смѣлостью его сужденій; съ ежедневнымъ блистаніемъ въ легкихъ Парижскихъ кругахъ; съ его обхожденіемъ съ дама-

ми, однимъ словомъ — со всѣми качествами вѣтреннаго Француза?

Гиббонъ не былъ, подобно Юму, человѣкомъ самомыслящимъ, стремящимся познать существо вещей, бытіе и мышленіе. Напротивъ, онъ въ томъ походилъ на Француза, или даже на Шотландца Брума (который, подобно ему, получилъ Французско-Женевское образованіе), что умѣлъ скоро присвоивать себѣ чужія мысли и разысканія и отлично ихъ излагать. Подобно, какъ и у великихъ Французскихъ писателей, у него быстрый и великій взглядъ на самыя разнообразныя отрасли человѣческаго знанія. По-этому чрезъ его посредство можно всего легче ознакомиться съ результатами ученыхъ трудовъ великихъ собирателей матерьяловъ о богословіи, философіи и юриспруденціи временъ упадка древностей и начинанія среднихъ вѣковъ. Такъ-какъ его краснорѣчіе и великое искуство изложенія придаютъ блескъ и прелесть мыслямъ, которыя онъ хочетъ распространить; то Гиббонъ имѣетъ полное право на привиллегію великихъ государственныхъ и ученыхъ людей, которая состоитъ въ томъ, что у нихъ никто не смѣетъ спрашивать, чего имъ именно хочется, гармонируютъ ли ихъ рѣчи и поступки между собою? Мы обращаемъ особое вниманіе на этотъ пунктъ по исторической причинѣ. Именно Гиббона, этотъ идеалъ доктринеровъ, мы обязаны освѣтить тѣмъ же свѣтомъ, которымъ будемъ освѣщать исторію всѣхъ тѣхъ людей, которые (съ 1789 г.) обманывали народъ посредствомъ діалектики, рето-

рики и ложнымъ одушевленіемъ къ свободѣ и праву — и тѣмъ охладили его ко всему тому, что неосязательно для руки.

Именно съ тѣхъ поръ, какъ мы видимъ Гиббона въ государственной службѣ, онъ ведетъ себя точно такъ, какъ съ 1789 г. до нынѣшняго дня ведутъ себя всѣ софисты, реторы, адвокаты и остроумные ораторы того народа, котораго онъ избралъ себѣ въ образецъ для подражанія. Гиббонъ, пріобрѣвшій себѣ своимъ безсмертнымъ твореніемъ славу предвозвѣстника истины, защитника правъ разума, врага обмановъ, горькаго противника тиранскихъ и эгоистическихъ министровъ и правителей, позволилъ себя, какъ слѣпое орудіе, употребить министерству, самому ненавистному и враждебнѣйшему свободѣ, которое правило Англіей въ XVIII вѣкѣ. Появленіе перваго тома его «Исторіи упадка Римской имперіи», превосходно декламирующаго о свободѣ, благородствѣ и величіи Древнихъ, одновременно съ Американскою войною — и въ это самое время министерство заднею дверью ввело Гиббона въ Парламентъ, посадило на министерскую скамью, гдѣ онъ молча съ охотою просидѣлъ бы долѣе, не подавая голоса, если бы годился на что-нибудь болѣе. Именно, когда въ началѣ войны лордъ Норсъ искалъ въ Парламентѣ голосовъ людей, пользующихся извѣстностью, но продажныхъ, то лордъ Элліотъ ввелъ Гиббона въ Парламентъ, сдѣлавъ его представителемъ однаго изъ тѣхъ мѣстечекъ, которыя теперь исчезли. Мы не знаемъ, предавался ли

онъ сну (что часто дѣлалъ лордъ Норсъ) въ то время, когда направо и налѣво говорили за него его сосѣды Тюрлау и Веддерборнъ; но извѣстно, что природа отказала ему въ способности говорить, хотя искуствомъ, прилежаніемъ и трудомъ онъ усвоилъ себѣ въ высщей степени способность писать. Извѣстно даже, что онъ, какъ вѣрноподданный, подавалъ свой голосъ всегда въ пользу министерства. Ему, какъ и другимъ, заплатили за его голосъ: онъ получилъ мѣсто въ Коллегіумѣ торговли, гдѣ, при большомъ жалованьѣ, ему вовсе не нужно было работать. Гиббонъ, въ своихъ запискахъ, оправдываетъ поведеніе свое, но очень слабо и недостаточно. Въ наше время его легко оправдать примѣромъ первыхъ и отличнѣйшихъ ученыхъ всѣхъ монархическихъ государствъ. Другое оправданіе, которое Мильтонъ называетъ the tyrants plea — *necessity*, еще ближе къ истинѣ, потому-что въ нынѣшнемъ свѣтѣ громкую славу стараются поддержать роскошною жизнію, по правилу: слава безъ денегъ — пустяки. Впрочемъ, то мѣсто въ Гиббоновыхъ запискахъ, гдѣ онъ говоритъ о своемъ Парламентскомъ поприщѣ, надобно каждому отличному умному рекомендовать какъ memento mori.

К. Герцъ.

РѢЧЬ ГРАФА МОЛЕ АЛЬФРЕДУ ДЕ ВИНЬИ.

От Редакціи Современника. Словесность во Франціи, какъ и у насъ, представляетъ двѣ стороны: на одной стоятъ люди, глубоко чувствующіе достоинство литературы по тому вліянію, какое обнаруживается въ сужденіяхъ и направленіи общества, проникающагося духомъ писателей; на другой — люди безъ сочувствія съ искуствомъ, безъ взгляда на будущее, болѣе искатели приключеній, нежели истины, счастливые минутными успѣхами въ настоящемъ, и мало заботящіеся о послѣдствіяхъ какой бы то ни было мысли. Ежели мы назовемъ одну сторону *правою,* а другую *лѣвою;* то увидимъ, что на правой заботятся объ изученіи каждаго предмета въ его источникѣ, въ его развитіи, въ эпохѣ его процвѣтанія, и отыскиваютъ причины измѣненія его. Трудъ нелегкій: отсюда происходитъ малочисленность произведеній правой стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и незыблемость ихъ посреди всѣхъ измѣненій вкуса и моды. Правая сторона дорожитъ вѣрностію каждой черты въ картинѣ, силою всякаго слова, натуральностію положенія и его мѣста, отвѣтственностію за употребленное выраженіе, однимъ словомъ: она все творитъ въ разумѣ природы и съ сознаніемъ истины. На лѣвой сторонѣ во всемъ преобладаетъ страсть къ эффектности посредствомъ

преувеличенія, которое она признала вѣрнѣйшимъ средствомъ къ жалкому своему успѣху. Преувеличеніе, въ ея глазахъ, свидѣтельствуетъ о высокости и силѣ дарованія. Оно и дѣйствительно поражаетъ толпу, когда страсти, движенія, свѣтъ, тѣни, краски, языкъ — все доведено въ изображеніи до иперболы. Отсюда безпрерывная клевета на человѣческое сердце и постыдная ложь въ Исторіи.

Мы сообщаемъ читателямъ нашимъ Рѣчь Графа Моле, которую произнесъ онъ въ нынѣшнемъ 1846 году $^{17}/_{29}$ Января по случаю принятія Альфреда де Виньи въ Члены Французской Академіи. Новый Академикъ, поступая на мѣсто Этьена, прочиталъ въ честь его Похвальное Слово. Графъ Моле, какъ Директоръ Академіи, отвѣчалъ ему своею Рѣчью, которая, не смотря на случай, совершенно частный для Русской литературы, по нашему мнѣнію, представляетъ много назидательныхъ, общихъ истинъ. Главное достоинство ея заключается въ способѣ критики произведеній стороны лѣвой. Все, что сказано было Альфредомъ де Виньи объ Этьенѣ въ формахъ преувеличенія, все разобрано Графомъ Моле съ классическою отчетливостію. Точно такъ онъ коснулся и прочихъ сочиненій Альфреда де Виньи. Истина восторжествовала. Всеобщее одобреніе осталось на сторонѣ ея защитника. Это новаго рода состязаніе нисколько не повредило важности Академіи. Она благосклонно выслушала мнѣніе достойнаго представителя правой стороны—и безъ сомнѣнія надѣется, что новый Академикъ, въ нѣдрахъ ея, незамѣтно сбли-

зится съ понятіями о существенныхъ законахъ искуства, прекраснаго какъ природа и незыблемаго какъ вѣчность.

*

Дѣйствительно, я имѣлъ честь предсѣдательствовать въ Академіи, и уже назначенный ея уставомъ оканчивался срокъ моимъ обязанностямъ, когда смерть, нанося ударъ за ударомъ въ рядахъ Академіи, похитила Этьена. Къ скорби, раздѣляемой всѣми нами, присоединилось собственно для меня грустное чувство сожалѣнія о томъ, что не могъ я проводить къ послѣднему жилищу того, чье мѣсто теперь вы заступите, и чью жизнь вы описали съ тою прелестью расказа, которою отличаются многочисленныя ваши сочиненія. Но позвольте мнѣ остановиться. Подлѣ пустыхъ креселъ Этьена и Суме я замѣчаю еще одно, передъ которымъ тридцатилѣтняя дружба чувствуетъ потребность высказать свою скорбь и свое сожалѣніе. Франція и Академія ихъ раздѣляютъ съ нею. Онѣ оплакиваютъ незамѣнимую потерю: это былъ послѣдній изъ подобныхъ ему; человѣкъ, который жилъ и умеръ уважаемый всѣми партіями. Онъ не принадлежалъ нашему времени; но ему не было отказано въ уваженіи, нынѣ столь рѣдкомъ. Скоро люди, достойные своего призванія, прославятъ здѣсь память Руайе-Коляра.

Надѣюсь, мнѣ простятъ, что, пользуясь случаемъ, я, гордившійся его дружбою, приношу на эту могилу, какъ бы затаившуюся отъ нашего вниманія, дань моей дружбы и дань уваженія, которое тѣмъ

болѣе возрастало, чѣмъ сильнѣе соединялись сердца наши. Вы не могли знать этихъ людей, которые задолго до васъ здѣсь дѣйствовали. Вы даже мало знали Этьена. Подобно намъ, вы не могли съ восхищеніемъ чувствовать его ровнаго характера, его снисходительной и тонкой вѣжливости, прелести этѣхъ бесѣдъ столь поучительныхъ, въ которыхъ являлись его остроуміе, его языкъ, гибкій, краткій и чистый, такъ справедливо оцѣненный всѣми въ его драматическихъ и полемическихъ сочиненіяхъ. Его умъ очевидно образовался по Вольтеру и лучшимъ писателямъ XVIII вѣка—и, говоря современнымъ языкомъ, прибавлю, что онъ исключительно принадлежалъ ихъ школѣ. Я не хотѣлъ бы выводить васъ изъ пріятнаго заблужденія; но, не смотря на всѣ ласки, съ которыми принялъ васъ Этьенъ, не смотря на справедливость, которую съ удовольствіемъ онъ вамъ отдавалъ, самъ онъ всегда оставался вѣренъ однѣмъ и тѣмъ же въ литературѣ идеямъ. Однимъ словомъ, и онъ, какъ многіе, почерпалъ вдохновеніе, по крайней мѣрѣ осмотрительно, изъ тѣхъ животворныхъ источниковъ, которыхъ открытіе вы нынѣ приписали себѣ съ помощію друзей вашихъ. Не могу также умолчать о представленіи его комедіи «*Интриганка*», которой вы придали излишнюю важность, и при этомъ случаѣ такъ превознесли Этьена, что онъ не принялъ бы похвалъ вашихъ. Этьенъ и я не знали *Французскихъ семействъ, спасавшихся бѣгствомъ отъ фирмановъ, при которыхъ посылали молодую невольницу въ видѣ награды*

янычару Онъ могъ въ то время открыто говорить и сожалѣть вмѣстѣ со мною о злоупотребленіяхъ власти, когда они случались, равно какъ и о томъ— случаи, повторявшіеся чаще — что были родители, которые, изъ видовъ честолюбія, или заботясь о достояніи своемъ, принуждали дочерей выходить замужъ по указанію властелина, а не по ихъ склонности. Но совсѣмъ между нами не было тогда ни *молодыхъ невольницъ,* ни *янычаръ:* Этьенъ никакъ съ этимъ именемъ не узналъ бы воиновъ, отличившихся при Маренго, Аустерлицѣ и Іенѣ.

Каждый обязанъ защищать свое время отъ противодѣйствія новыхъ партій, или отъ крайностей, въ которыя вдаются иногда и самые отличные писатели. Вы пристрастны къ анекдотическому роду и ловко умѣете частный случай выставить общимъ, чтобы нарисовать столько же важныя, какъ и драматическія картины. Позвольте же человѣку, бывшему въ 1813 году въ дружеской связи съ тѣмъ, чьею славою вы такъ мало дорожили, въ точномъ видѣ представить здѣсь тогдашнія событія, по крайней мѣрѣ такъ, какъ сохранила ихъ память его. Въ «*Интриганкѣ*», авторъ, котораго комическое дарованіе не щадило ничего смѣшнаго, никакихъ злоупотребленій, даже людей, которыхъ порицаніе могло бы повредить ему въ общественной жизни, представляетъ пронырливую женщину: она хвалится довѣренностію, которой у нея нѣтъ; она обѣщаетъ и грозитъ именемъ высшей власти, чтобы заставить племянницу вытти за одного придворнаго. Но отецъ молодой дѣвушки пря-

мя обращается къ этой власти, и интриганка остается безсильною и въ замѣшательствѣ, Это истинная развязка Она согласна со всѣми моими воспоминаніями. При всемъ томъ, я не скрываю, въ 1813 г. уже иначе думали, нежели во время Консульства и въ первые годы Имперіи: истощенная нація начинала спрашивать, гдѣ конецъ этимъ пожертвованіямъ, и гдѣ остановится это по-видимому безграничное честолюбіе? Нація начала судить и даже внимала внушеніямъ всегдашнихъ порицателей того, кому до сихъ поръ только удивлялась.

Громкія рукоплесканія партера и отвѣчавшіе имъ свистки тотчасъ сообщили «*Интриганкѣ*» такое значеніе, какаго авторъ не предвидѣлъ. Съ каждымъ новымъ представленіемъ волненіе возобновлялось, такъ-что перестали играть эту пьесу. Что касается до другаго представленія въ Сен-Клу, о которомъ вы говорили съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто бы сами тамъ присутствовали, я только удивляюсь чудной силѣ воображенія и таланта—силѣ, которая сообщаетъ опору и жизнь всему, до чего касается; которая переносится назадъ—и лицемъ къ лицу видитъ то, что изобразить желаетъ, волшебствомъ красокъ замѣняя отсутствіе дѣйствительности. Къ счастію, какъ и вы замѣтили, Этьенъ не лишился ни однаго изъ своихъ мѣстъ. Въ 1814 г., когда отказался онъ ссудить своею пьесой желавшихъ воспользоваться ею противъ плѣнника Европы, заключеннаго на Эльбѣ, ему казалось, что онъ только остается

вѣрнымъ, а не выставитъ себя, какъ вы сказали, великодушнымъ. Позвольте мнѣ еще защитить его память отъ упрека, который не мнѣ одному непріятенъ, но всѣмъ, знавшимъ его. Вы сказали, что Этьенъ, противъ реставраціи, приводитъ въ исполненіе медленную, но вѣрную месть — месть оппозиціи, *продолжавшейся шестнадцать лѣтъ.* Онъ никогда и не думалъ объ отмщеніи за себя. Оппозиція, составленная имъ противъ приверженцевъ реставраціи, возникла изъ его истинныхъ убѣжденій. Я въ-правѣ сказать это, потому-что никогда не принадлежалъ къ ней — и Этьенъ иногда за то даже нападалъ на меня въ своихъ письмахъ о Парижѣ, въ которыхъ блестятъ талантъ и сила, и которыя такъ дѣйствовали на умы. Съ 1830 г. Этьенъ постоянно являлся въ наши правительственныя засѣданія; онъ приносилъ туда плоды долговременной опытности и эту разсудительность, отличающую людей, которые, достигнувъ зрѣлаго возраста, умѣли защититься отъ вражды, увлеченій зависти, и служатъ только справедливости и истинѣ. Вся жизнь его, какъ и его сочиненія, была литературная и политическая. Ваша, до сихъ поръ, была посвящена литературѣ, и вы вступленіемъ своимъ въ наше общество обязаны славѣ своихъ литературныхъ успѣховъ. Принимая въ нѣдра свои всѣ школы и почетнѣйшихъ изъ ихъ представителей, Академія выразила убѣжденіе свое, что только время рѣшитъ наши споры, время, которое всему произноситъ справедливый приговоръ, и котораго уклоненій исчислить невоз-

можно. Вы сами превозносили Этьена за то, что онъ *не увлекался рукоплесканіями и общимъ восторгомъ.*

Есть, дѣйствительно, много неопредѣленныхъ отношеній между писателями и публикой одной эпохи. Писатели. движимые однимъ чувствомъ съ публикою, подвергаясь тому же вліянію, впивая, такъ сказать, тотъ же воздухъ, согрѣваясь тѣмъ же солнцемъ, безотчетно вызываютъ рукоплесканія, которымъ нуженъ былъ только случай, чтобы раздасться. Публика восхищена, что ей помогли войти въ себя, искать тамъ какаго-то пресыщенія, или какихъ-то желаній новаго, чего прежде она не осмѣливалась обнаружить; она гордится, что возвышено на степень теоріи смѣшанно и робко его предчувствованное — и въ громкихъ рукоплесканіяхъ выражается восторгъ ея, ея живое удовольствіе; она какъ властелинъ расточаетъ свои милости тому, въ комъ вѣрно сама отражается, и кто оправдываетъ даже ея слабости. Такъ образуются всѣ школы, за которыми слѣдуютъ всѣ теоріи поэзіи — и каждую, при ея появленіи, привѣтствуютъ равными восторгами. Такъ писателямъ, явившимся послѣ Августова вѣка, даже въ эпоху упадка Римской литературы, раздавались рукоплесканія современниковъ, столь же громкія, какъ нѣкогда Виргилію и Горацію, Титу-Ливію и Цицерону рукоплескали ихъ современники. Впрочемъ, мы не должны забывать, что союзъ человѣка съ прекраснымъ не можетъ рушиться. Между прекраснымъ и нашею нравственною природою есть ненарушимое соотношеніе, которое каж-

дый народъ призванъ выразить, когда наступаетъ его очередь итти во главѣ гражданственности человѣчества, подобно тому, какъ свѣтлое облако въ пустынѣ указывало путь Израилю: послѣ Грековъ и Периклова вѣка являются Римляне и вѣкъ Августа; за ними эпоха Возрожденія, потомъ Франція и нашъ вѣкъ Людовика-Великаго. Угодно ли было Провидѣнію лишить поколѣніе наше возможности долго хранить въ полномъ обладаніи чистое чувство прекраснаго въ литературѣ и искуствахъ, и не должны ли мы достигать предназначенной цѣли только для того, чтобы вдругъ ниспускаться оттуда? еще ничего не дознано, ничего еще не сказано объ этихъ великихъ вопросахъ. Преемники наши озарятъ ихъ новымъ свѣтомъ. Я согласенъ съ вами, что замѣтно стремленіе, вдругъ обнаружившееся послѣ паденія Имперіи, между многими молодыми писателями, изъ которыхъ вы намъ только-что указали свое мѣсто, а нѣкоторые заняли его въ рядахъ подлѣ писателей, составляющихъ славу Франціи и Академіи. Но да позволено мнѣ будетъ, въ дополненіе картины, привести одно упущеніе, конечно невольное. Лѣтъ за пятнадцать передъ тѣмъ явился человѣкъ, который хотѣлъ отмстить за пренебреженіе обиды Христіанству въ XVIII вѣкѣ. Пламенный почитатель Расина и Мольера, языка Паскаля, Ла-Брюйера, Боссюэта и Фенелона, онъ говорилъ только ихъ языкомъ. Онъ отвергъ все, что въ прошедшемъ было стѣснительнаго и слишкомъ ограниченнаго; вмѣсто господства правилъ, онъ принялъ го-

сподство прекраснаго. Его слогъ, казалось, сіялъ и блескомъ прошедшаго и живымъ свѣтомъ будущности. Этотъ человѣкъ, этотъ великій писатель — вы его назвали уже — имя его Шатобріанъ. Онъ разрушилъ преграды: этимъ воспользовались, чтобъ устремиться — но не по слѣдамъ его, а въ ту область, гдѣ рядомъ съ естественными красотами, которыхъ тамъ искали, могли встрѣтиться и воздушные призраки, обманывающіе путешественника въ пустыняхъ Востока. Сказали бы, что вы это поняли: не предаваясь исключительно своему воображенію, столь богатому и обильному, вы почти всегда обращались къ исторіи прошедшаго или современнаго за событіями и характерами, изъ которыхъ умѣли образовать сочиненія, сдѣлавшіяся вашими собственными и отличающіяся достоинствомъ оригинальности. Вы это называете, если не ошибаюсь, *истиною въ искуствѣ* — слова, заключающія въ себѣ цѣлую систему, которую вы изложили въ одномъ небольшомъ сочиненіи. Эта *истина въ искуствѣ*, если я умѣлъ понять ее, то же самое, что мы, простые читатели, называемъ историческимъ романомъ въ самомъ полномъ его развитіи. Мнѣ надобно сознаться, что я не очень люблю, столь глубоко наносимые, эти удары истинѣ, а слѣдовательно и нравственности исторіи; но считаю также нужнымъ прибавить, что историческій романъ можетъ ихъ избѣгнуть. Ничто такъ не плѣняетъ, ничто такъ живо не возбуждаетъ участія, какъ полетъ таланта или генія, стремящагося оживить прошедшее и вста-

вить всю драму человѣческой жизни въ картину исчезнувшихъ установленій и нравовъ. Не то ли сдѣлалъ Вальтеръ Скоттъ, особенно въ одномъ изъ лучшихъ своихъ произведеній — въ *Пуританахъ*? Такова была и ваша цѣль въ «*Сен-Марѣ*». Это сама исторія, но пересозданная искуствомъ, пересозданная въ романъ. Всѣ событія взяты изъ нашихъ лѣтописей; но ваше воображеніе, столь обильное и блестящее, немногимъ изъ нихъ оставило истину. Что касается до вашихъ лицъ, конечно они самыя значительныя въ этой эпохѣ. Если вы рѣшились, по требованіямъ драмы, оживить отца Іосифа, умершаго до этой эпохи за четыре года, и взять въ герои Сенъ-Мара, этаго двадцати-двухъ-лѣтняго любимца, тщеславнаго и надменнаго, столь же вѣтреннаго, какъ и безразсуднаго соперника кардинала Ришельё, и который, чтобъ избавиться отъ перваго министра, хотѣлъ иностранцамъ предать Францію; то, позвольте узнать, не значитъ ли это ужъ нѣсколько излишне распространять программу или права *истины въ искуствѣ*? Но довести до такихъ размѣровъ одного изъ величайшихъ государственныхъ мужей новѣйшей исторіи; министра, котораго неограниченное честолюбіе устремлено было только на утвержденіе могущества и возвышеніе Франціи; который обезсмертилъ себя, устроивъ народное наше единство утвержденіемъ королевской власти на незыблемыхъ основаніяхъ; который, конечно, слишкомъ забывалъ, что милосердіе есть часто лучшій совѣтникъ королей, какъ доброта всегда есть умъ ихъ правосудія,

но который, уничтоживши всѣ соперническія силы, опасныя для трона, первый открылъ поприще слабымъ, и трудился согласно съ предначертаніями Провидѣнія, уже означившимися надъ главою его, въ странахъ, недоступныхъ его взору — такіе люди принадлежатъ болѣе истинѣ, нежели искуству. Замѣшивать ихъ въ вымыслы, ихъ подчинять прихоти остроумныхъ и романическихъ соображеній — значитъ показывать ихъ въ уменьшенномъ видѣ, нисколько не изображая. Вы, безъ сомнѣнія, найдете естественнымъ, что, посреди этаго собранія, котораго кардиналъ Ришельё былъ знаменитымъ основателемъ, подъемлется голосъ во славу и защиту его памяти. Есть другое лице, которое вы изобразили, заставили говорить, дѣйствовать въ одномъ изъ занимательнѣйшихъ вашихъ произведеній, въ «*Камышевой трости*—и вы согласитесь, какъ я увѣренъ, что на мнѣ лежитъ обязанность отвѣчать, не на тѣ справедливые упреки, которые можетъ въ его обвиненіе произнести потомство, но на крики клеветы и озлобленія партій.

Клянусь вамъ, можетъ ли кто-нибудь, даже самый смертельный врагъ Императора, приблизиться къ нему, не испытавъ хотя нѣсколько того, что чувствовалъ я, читая эту сцену, этотъ мнимый разговоръ его въ Фонтенебло съ достойнымъ почтенія Піемъ VII? Даже я предупреждаю вашъ отвѣтъ: *Камышевая тростъ* есть только вымыселъ, игра вашего воображенія. Вы не думали обратить его во что-нибудь другое. Я знаю, вы не любите удивле-

нія, и не уважаете его. Вы заставляете говорить вашему капитану Рено: «я ненавижу удивленіе; это развратное и развращающее чувство». Вотъ, безъ сомнѣнія, гдѣ причина, что умъ вашъ такъ часто возстаетъ противъ величайшихъ знаменитостей нашей исторіи, и съ удовольствіемъ унижаетъ тѣхъ, предъ кѣмъ преклонялись поколѣнія. Я открою вамъ всю тайну нашего, можетъ быть, разногласія, которое, къ великому сожалѣнію моему, встрѣчается между нами касательно нѣкоторыхъ предметовъ. Я страстно люблю удивляться; по моему понятію, это жизнь на степени высшаго своего могущества. Удивленіемъ твореніе возносится къ своему Творцу; имъ человѣкъ утѣшается въ неравенствѣ съ тѣмъ, что превосходитъ его. Оно заставляетъ человѣка подражать тому, чему, безъ чувства удивленія, онъ только бы завидовалъ; наконецъ, если удивленіе, какъ вы его обвиняете въ томъ, заставляя насъ благоговѣть, доводитъ до обманчивыхъ представленій—причиной этому его благородное свойство: удивленіе есть любовь и почитаніе всего, что только создано Богомъ прекраснаго, наилучшаго и самаго великаго. Позвольте мнѣ привести здѣсь еще одну мысль. Изъ множества историческихъ романовъ, мнимыхъ записокъ, современныхъ біографій, появившихся съ начала послѣдней четверти столѣтія, невозможно будетъ, я это утверждаю, ни о чемъ дознаться истины, и ни о комъ справедливаго. Но къ счастію, еще довольно ученыхъ и трудолюбивыхъ усилій для защиты и поддержанія истори-

ческой истины. Порукою въ этомъ «*Исторія Консульства и Имперіи*», столь жадно читаемая Франціей и Европой; въ этомъ сочиненіи, одна книга, посвященная Конкордату, представляетъ самую полную и самую вѣрную картину переговоровъ и сношеній Императора съ Папою. *Камышевая трость* — не больше, какъ глава изъ тома, подъ названіемъ: *Величіе и рабство военное*. Томъ этотъ заставляетъ сожалѣть, что несомнѣнный талантъ, умѣющій такъ плѣнять и увлекать своихъ читателей, самъ увлекся, особенно въ «*Красной печати*», далѣе истинныхъ намѣреній автора, обвиняя нашихъ офицеровъ и солдатъ въ самомъ слѣпомъ и самомъ варварскомъ рабствѣ. Теперь я прихожу къ самому безграничному примѣненію системы *истины въ искуствѣ*. Оно въ книгѣ вашей «*Стелло*». Вашъ черный докторъ, чтобы развлечь своего больнаго, расказываетъ ему объ ужаснѣйшихъ сценахъ въ темницахъ и на эшафотахъ 1794 года. «Это мое частное убѣжденіе», говоритъ онъ ему, «что нѣтъ ни героевъ, ни чудовищъ». И по-этому-то вамъ бы не надобно было избирать доктора историкомъ подобнаго времени, потому-что жертвы ознаменованы были героизмомъ, а имя чудовищъ одно и можетъ дать понятіе о палачахъ. Я зналъ этѣ жертвы — и мнѣ тогда недоставало только однаго или двухъ лѣтъ, чтобы стоять въ ихъ рядахъ подлѣ отца моего. Ихъ именемъ, равно какъ и именемъ дѣтей ихъ, собравши всѣ силы души моей и мои воспоминанія, я отвергаю нечестивое смѣшеніе горестной ихъ памяти съ лег-

комысленными сценами кокетства и любви, еще болѣе съ расказами, въ которыхъ почтенныя матери семействъ, или достойные уваженія люди предаются гнуснымъ играмъ; съ расказами, которые, сверхъ важнѣйшаго, отнимаютъ всякое достоинство у смерти ихъ, и весь блескъ у ихъ бѣдствій. Я зналъ, я уважалъ тѣхъ, о которыхъ расказываетъ докторъ: и вы можете, къ удовольствію своему, узнать—онъ до невѣроятности ошибся. Еще не умерли иные изъ тѣхъ заключенныхъ, которыхъ 9-е термидора застало въ-живыхъ въ Сен-Лазарѣ, и которые, при надобности, подтвердятъ вамъ это съ бо̀льшимъ, нежели я, чувствомъ, съ бо̀льшею достовѣрностію.

Вы пользуетесь столь высокимъ уваженіемъ всѣхъ знающихъ васъ, равно какъ, позвольте прибавить, и моимъ, что я почитаю обязанностію извиниться въ горячности, съ какою выражаюсь. Я только-что прочелъ ваши сочиненія — и занимательность, которую вы умѣли сообщить имъ, не могла довести меня до того, чтобы не пробудились во мнѣ многочисленныя мои воспоминанія, чтобы не обнаружились живыя впечатлѣнія мои. Впрочемъ, что вамъ за дѣло до впечатлѣній уединеннаго читателя, когда вы видите постоянные свои успѣхи? И въ «*Стелло*», впрочемъ, есть чѣмъ изъяснить эти успѣхи: не тамъ ли вы помѣстили эту раздирающую сердце исторію Чаттертона, послужившую вамъ предметомъ драмы, которой не забудутъ ея многочисленные зрители? Вы, сценическими ощущеніями, хотѣли сильнѣе у-

бѣдить въ справедливости идеи, что есть существа, для которыхъ образуется родъ необходимости умереть, потому ли, что ихъ организація, очень слабая, утонченная и нѣжная, не можетъ сносить ежедневныхъ столкновеній и ошибокъ, или потому, что стеченіе затруднительныхъ обстоятельствъ превращаетъ жизнь ихъ въ самое тяжелое бремя — идея, мнѣ нужно это сказать, которая поразила бы самыя пріятныя и самыя глубокія мои убѣжденія. Если бы Чаттертонъ, если бы этотъ молодой человѣкъ осьмнадцати лѣтъ, обнажилъ передо мною всю глубину души своей, уже ли вы думаете, что я, подобно лорду меру, или лорду Тальботу, только открылъ бы ему кошелекъ свой: нѣтъ, его душа страдала болѣе, нежели тѣло; ее надобно было исторгнуть изъ того яда, которымъ она питалась, изъ разслабляющаго и развращающаго очарованія пустыхъ и меланхолическихъ мечтаній; надобно было показать ему на землѣ эту практическую жизнь, общую намъ всѣмъ, а надъ головою его что-то возвышеннѣе и болѣе поэтическое, нежели поэзія его; надобно было сказать ему, что любовь и вѣра равно удерживаютъ слабое покушеніе бѣжать во гробъ. Его сердце, столь благородное, его юность, столь чистая, скоро бы вспомнили, что Тотъ, отъ Кого получили мы дыханіе жизни, Одинъ въ-правѣ отнять его у насъ, и что Онъ никогда не отказываетъ вдругъ и въ облегченіи нашихъ бѣдствій, и въ содѣйствіи къ перенесенію ихъ. Какъ бы то ни было, оба характера — Чаттертона и Кетти Бель — пред-

ставляютъ созданіе, исполненное искуства и прелести, которыя принадлежатъ вамъ совершенно. Нѣтъ ничего имъ подобнаго, даже и въ томъ, что напоминаетъ ихъ, какъ Жильберъ, Вёртеръ, самый Рене, и все это, увы, столь привлекательное потомство болѣзненныхъ душъ и умовъ, начавшееся съ Ж. Ж. Руссо. По истеченіи XVIII вѣка исчезли уже и слѣды его. Они принадлежатъ, повѣрьте мнѣ, поколѣніямъ изнѣженнымъ, гражданственности разслабленной, когда человѣкъ, погружаясь въ самаго себя, и опираясь на свое собственное назначеніе, уединяется отъ подобныхъ себѣ и сосредоточиваетъ все свое бытіе въ безплодной и скорбящей гордости.

Но опасаюсь, что я слишкомъ забываю усталость этаго собранія; у меня недостаетъ времени на исчисленіе всѣхъ вашихъ сочиненій; я сожалѣю объ этомъ, потому-что ни однаго изъ нихъ нѣтъ, которое бы не было принято публикою благосклонно. Между-тѣмъ не могу не упомянуть о вашихъ переводахъ *Мавра* и *Венеціанскаго купца*, которыми вы доказали, что геніальныя созданія Шекспира безъ особаго ущерба могутъ явиться и на Французскомъ языкѣ. Въ предисловіи и въ письмѣ передъ переводомъ вы не поберегли унизительныхъ оскорбленій, говоря о Расинѣ и писателяхъ его школы. Но не время ли кончить эти прѣнія? Къ чему послужатъ они? Пускай сожалѣющіе объ этихъ правилахъ, бывшихъ въ уваженіи при отцахъ нашихъ, еще сохраняютъ ихъ; пусть останутся они чувствительнѣе, нежели современники ихъ, къ сценическо-

му очарованію и къ условіямъ правдоподобія: они въ-правѣ. Теперь, когда система предупрежденія во всемъ отвергнута, въ-началѣ современникамъ, а напослѣдокъ потомству предоставляется истребить ее: они должны судить о произведеніяхъ, которыя геній человѣка замыслитъ и создастъ въ полной и совершенной своей свободѣ. И-такъ, пускай писатель, художникъ принимается за свое твореніе, прислушиваясь къ внутреннему голосу, который говоритъ ему; пускай каждый въ себѣ находитъ тотъ образъ прекраснаго, который онъ получилъ при своемъ рожденіи; но пусть помнитъ, что, судя по тому, какъ онъ хранилъ свою душу и какъ управлялъ ею, этотъ образъ могъ или остаться чистымъ, или переродиться и омрачиться. Пусть другіе, сколько имъ угодно, уклоняются отъ прошедшаго, которое въ-силахъ презирать они; но пускай гордость нововведенія оградитъ себя, по крайней мѣрѣ, отъ покушенія къ подражанію. Оригинальными становятся только тогда, когда и не думаютъ объ оригинальности. Малѣйшее къ тому усиліе непремѣнно остановитъ успѣхъ. Неисчерпаемая новость, оригинальность затаена только въ естественномъ, только въ самомъ человѣкѣ, какъ онъ есть. Я желалъ бы, признаюсь, чтобы въ классицизмѣ было болѣе свободы, а въ романтизмѣ — менѣе поддѣльности, принужденности и надутости. Отъ однаго конца гражданственности до другаго, люди, по-видимому, сочувствуютъ между собою, чтобы въ нынѣшнее время собирать всѣ плоды этой свободы, какіе принести она можетъ. Постановленія, нравы,

словесность, искуство — все къ тому способствуетъ, все вдругъ принимаетъ въ томъ участіе. Нашъ государь, стоя наравнѣ съ вѣкомъ и заимствуя отъ него одно просвѣщеніе, понимаетъ это и направляетъ, непричастный къ его предубѣжденіямъ. Просвѣщенный покровитель наукъ, онъ знаетъ, что въ наше время лучшая и благороднѣйшая имъ услуга заключается въ доставленіи имъ этой независимости. У каждой эпохи есть своя литература, выраженіе ея нравовъ, ея страстей, ея вкуса. Но между произведеніями, озаряющими ее свѣтомъ, надобно различать два рода: есть сочиненія, относительнаго достоинства, принаровленныя къ большинству читателей; ихъ сопровождаютъ громкія одобренія; это современное торжество. Но есть еще сочиненія, почерпаемыя изъ источниковъ вѣчныхъ истинъ и изъ того прекраснаго, которое на землѣ чувствуетъ только человѣкъ: ихъ принимаютъ сперва почти равнодушно; имъ предназначено выждать приговоръ избранныхъ, которыхъ голосъ, повторяясь изъ вѣка въ вѣкъ, со временъ Гомера, называется извѣстностію, называется славою, и передаетъ будущему имена неисчезающія.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Англія. Дикенсъ (Boz) издаетъ новый романъ: The cricket of the hearth, который однако не такъ нравится публикѣ, какъ его *Пѣснь на Рождество Христово.*

Бульверъ издалъ собраніе лучшихъ статей покойнаго Ламанъ Бланшара, который принадлежалъ къ числу самыхъ плодовитыхъ и любимыхъ Англійскихъ журналистовъ и участвовалъ въ изданіи *Курьера*, но самъ лишилъ себя жизни въ Февралѣ 1845 года. Собраніе его сочиненій называется: Sketches from life. By the late Laman Blanchard. With a memoir of the Author by sir E. Bulwer Lytton. Bart. 3 vols. (H. Colbarn).

Явилось посмертное собраніе стихотвореній извѣстнаго юмориста Т. Гуда: Poems by Thomas Hood. 2 vols. Edw. Moxon. 1846. Англійскіе журналы отзываются о немъ съ большою похвалою.

Лей-Гонтъ (Leigh Hunt), послѣ долгаго молчанія, издалъ рядъ прозаическихъ расказовъ изъ Итальянскихъ поэтовъ: Данте, Боіардо, Аріоста, Пульчи и Торквато Тассо.

Любопытное дополненіе къ Исторіи Британскаго права составляютъ біографіи Англійскихъ лордъ-канцлеровъ, соч. лорда Камбеля. Первый отдѣлъ, изданный въ 3-хъ томахъ, доходитъ до революціи

1688 года. The life of the Lord Chancellors and Keepers of the Grect Seal of England, from the Carliest times to the reign of the King George IV. By John Lord Campbell. London. Murray.

Вышла любопытная для Исторіи Стуартовъ книга: Memoirs of the Jacobits of 1715 and 1745. By Mrs. Thomson. London. 1845.

Италія. Чрезвычайно остроумное разсужденіе о Философіи Исторіи издалъ А. Раніери: Prolegomini diema introduzione allo studio della scienza storica. Firenze. 1845.

Ученый Маркизъ Джино Каппони издалъ: Sulla dominazione dei Longobardi in Italia. Firenze. 1845.

Вышла первая часть новаго превосходнаго сочиненія о Данте: Dante, Bibliografia Dantesca dal Visconte Colomb de Batines, Prati. 1845.

Журналы отзываются съ особенною похвалою о новомъ философскомъ трудѣ Барона Винспера (Winspeare), потомка одной Англійской фамиліи, поселившейся въ прошедшемъ столѣтіи въ Неаполѣ: Saggi di Filosofia intellectuale. Napoli. 1843—1845. in 4°

Германія. Т. Рётшеръ, извѣстный своими сочиненіями о сценическомъ искуствѣ, издалъ біографію актёра Зейдельмана.

Два извѣстные Нѣмецкіе поэта написали двѣ новыя комедіи: Гейнрихъ Лаубе — Gottsched und Gellert, а Гуцковъ — Anonym.

Выходитъ второе изданіе извѣстнаго Staats-Lexicon von Rotteck und Welcker.

Франція. Извѣстный писатель Кормененъ, авторъ книги: Livre des Orateurs, издалъ: Entretiens de village, par Timon. Paris. Paguerre.

Изучающіе Политическую Экономію могутъ обратить вниманіе на: Etudes sur l'économie sociale, par Marbeau. 1 vol.

Чрезвычайно современный интересъ имѣетъ слѣдующее сочиненіе объ anti-cornlaws bague: Cobden et la ligue ou l'agitation anglaise pour la liberté du commerce, par M. Bastiat. Paris. 1 vol.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

59. *Объ источникахъ Христіанской Религіи по ученію Православно-Каѳолической Церкви, сравнительно съ ученіемъ Лютеранъ о семъ предметѣ.* Сочиненіе баккалавра Санктпетербургской Духовной Академіи *Евграфа Бенескриптова.* Въ 8; 74 стран. Спб.

Сочинитель излагаетъ избранный имъ предметъ чисто-исторически, не вдаваясь въ отвлеченныя объясненія. Это сообщило его сочиненію такую убѣдительность, такую ясность, что, прочитавъ его, во всемъ соглашаешься съ нимъ вполнѣ. Другое достоинство этаго сочиненія заключается въ спокойствіи и послѣдовательности. Все идетъ такъ естественно и вѣрно, какъ будто повторяются передъ вами событія. Обиліе указаній не только на учителей Церкви, но и на свѣтскихъ иностранныхъ писателей, доказываетъ несомнѣнно, что сочинитель достойно приготовился къ изслѣдованію столь важному, особенно въ нашу эпоху. Такое сочиненіе, на какомъ бы языкѣ ни появилось, привлечетъ сердечное участіе къ себѣ каждаго читателя. Расказъ о тѣхъ явленіяхъ, которыя сопровождали въ Германіи новое ученіе Лютера, между прочимъ, содержитъ слѣдующее мѣсто, которое мы приводимъ, чтобы познако-

мить читателей съ самымъ изложеніемъ сочиненія (стран. 47—48). «Вмѣсто того, чтобы со смиреніемъ «и въ простотѣ сердца подчиняться неложному слову «Св. Писанія, нѣкоторые вздумали усвоять себѣ не-«посредственныя Божественныя откровенія, которы-«ми будто бы опредѣлялось истинное уразумѣніе «Писанія, чѣмъ думали подвигнуть еще далѣе на-«чатое преобразованіе, и чрезъ то приводили еще въ «бо̀льшее движеніе мятущуюся толпу. Лютеръ съ «ужасомъ смотрѣлъ, какъ опустошаютъ Божіе поле; «но онъ не могъ уже поправить дѣла. Будучи въ «это время внѣ Виттенберга, онъ такъ писалъ къ «Курфирсту Саксонскому: *Все, что я теперь сдѣ-«лалъ, для меня есть одинъ только позоръ. Я же-«лалъ бы, если бы могъ, искупить оный своею жиз-«нію; ибо это такой поступокъ, въ которомъ я не «могу дать отвѣта ни передъ Богомъ, ни передъ «людьми; онъ лежитъ у меня на сердцѣ, и наводитъ «мрачную тѣнь на самое Евангеліе (это слово исти-«ны, мира и любви)»* и проч. По возвращеніи въ «Виттенбергъ, Лютеръ проповѣдьми своими старал-«ся возвести мятущіяся толпы къ тому образу мы-«шленія, какаго, по его мнѣнію, слѣдовало дер-«жаться въ дѣлахъ, касающихся Вѣры; но вмѣсто «рукоплесканій онъ слышалъ однѣ насмѣшки. Такъ-«то трудно бываетъ поправить дѣло, когда отсту-«пятъ хотя на одинъ шагъ отъ установленнаго по-«рядка!» См. объ этомъ: *Kirchengeschichte von Guericke über die Reformation.*

60. *Величіе Пресвятыя Богородицы и Присно-Дѣвы Маріи.* Въ 8; 262 стран. Моск.

Скромный авторъ, скрывшій отъ насъ имя свое, доказалъ этою книгою, какъ истинная ученость естественно соединяется съ нравственно-религіознымъ настроеніемъ души. Содержаніе сочиненія обнаруживаетъ въ немъ полноту знаній относительно избраннаго имъ предмета, а изложеніе — искуство владѣть языкомъ. Книга обнимаетъ слѣдующіе предметы. Послѣ предисловія приводятся Пророчества о Пресвятой Дѣвѣ и прообразованіяхъ Ея въ ветхомъ завѣтѣ. Жизнь Божіей Матери раздѣлена на три періода: отъ Ея рождества до благовѣщенія Ей Архангела; потомъ до вознесенія на Небо Господа Сына Ея, и наконецъ — до Ея успѣнія. Далѣе приведены похвалы Пресвятой Дѣвѣ: Святаго Андрея Критскаго, Св. Тарасія (Константинопольскаго патріарха), Св. Димитрія (Ростовскаго митрополита) и Рязанскаго митрополита Стефана. Въ заключеніи помѣщена Молитва Богородицѣ.

61. *Радуйся Благодатная, Господь съ Тобою!* Благочестивыя размышленія о рожденіи, земной жизни и взятіи на Небо Пресвятой Дѣвы Маріи. Съ 20 молитвенными возношеніями къ Пресвятой Божіей Матери. Въ 12; 185 и III стран. Моск.

Подобно, какъ и въ предшествовавшей книгѣ, здѣсь содержатся по большей части предметы, на которые мы указали выше.

62. *Сказаніе о томъ, какъ Россія сражалась за*

Вѣру, Царя и Отечество въ 1812 году. Сочиненіе *Ивана Бочарова.* Въ 12; 185 стран. Спб.

Кому изъ васъ, читатели мои, не захочется послушать самаго автора, лишь только взглянете на заглавіе книги его? Это я чувствую и спѣшу удовольствовать васъ, тѣмъ болѣе, что и приговоръ весь, вмѣсто меня, произнесете вы сами по прочтеніи какаго бы то ни было отрывка: всѣ они — на одну стать. «Ну, судари мои, такимъ случаемъ больно захотѣлось Наполеону быть Царемъ на Руси, и порѣшилъ онъ подняться на хитрости; пишетъ онъ къ Александру Павловичу письмо: я первый Вашъ другъ, говоритъ, а самъ то и дѣло пушки отливаетъ, солдатъ осматриваетъ, да полки, близко 300,000 человѣкъ, въ Нѣмечину посылаетъ и къ Россіи подвигаетъ. А Русской-то нашъ Государь Императоръ ему на отвѣтъ: Если, говоритъ, будетъ война, то я буду умѣть сражаться, и даромъ живота не положу!! Ужъ истинно, что по-Руски отвѣтилъ, братцы; за ретивое такъ и задѣваетъ. Шутка вымолвить! То есть, умру, говоритъ, а своихъ вѣрноподданныхъ, которыхъ Господь Богъ мнѣ поручилъ, бусурману не выдамъ. Безмирная, кровавая, смертельная война стала неизбѣжна...» Есть и еще *народнѣе:* «У Московскихъ гостей давно животики подвело. Голодъ легко ходить научитъ; Французы пѣли пѣсни на Московскихъ площадяхъ, ѣли лошадину, кошекъ, ходили на охоту, и гдѣ ворона ни летала, а къ нимъ въ соусъ попала. Бонапартъ выдавалъ своимъ вѣрнымъ героямъ жалованье фальшивыми ассигна-

ціями; а герои эти говорятъ: полно намъ тебя, Бонапартъ, слушаться, коли еще не знаешь, что голодный волкъ завертки рветъ.»

63. *Походъ 1796 года Бонапарта въ Италію.* Сочиненіе *М. Богдановича*, Генеральнаго Штаба полковника, Императорской Военной Академіи профессора. Печатано съ Высочайшаго соизволенія. Въ 8; 423 стран. Спб.

Военная исторія требуетъ отъ писателя не только художническаго таланта, но и положительныхъ знаній военнаго человѣка. Самыя спеціальныя карты, самые подробные расказы не внесутъ въ представленіе автора ясности и истиннаго характера событій, если онъ не посвященъ въ таинства собственно военныхъ наукъ. Разсматриваемая нами книга отличается всѣми совершенствами исторіи, потому-что ея сочинитель видимо проникнутъ убѣжденіемъ въ каждомъ дѣлѣ, которое излагаетъ читателю. Независимо отъ интереса геніальнаго героя, который передъ вами является въ картинѣ, независимо отъ эпохи, столь обильной великими событіями, въ книгѣ господствуетъ достоинство, сообщенное ей авторомъ. Онъ наполняетъ васъ участіемъ, любопытствомъ; завлекаетъ въ эту дивную игру ума, страстей и вдохновенія, гдѣ вы начинаете вполнѣ постигать высокость и величіе вождя, когда онъ на сценѣ. Много было писано объ этомъ предметѣ. Но Г-нъ Богдановичь, съ новымъ трудомъ своимъ, не явился лишнимъ. Онъ умѣлъ придать ему характеръ самобытности. Карта, гдѣ представленъ

театръ описываемой войны, и планы замѣчательнѣйшихъ сраженій довершаютъ достоинство изданія.

64. *Месмеръ и его начальная ѳеорія.* Изданіе *Князя Алексѣя Долгорукаго.* Въ 16; 74 стран. Спб.

Въ этой книжкѣ расказаны съ нѣкоторою подробностію разныя обстоятельства жизни Месмера и развита его теорія животнаго магнетизма. Сочинитель, въ этомъ родѣ, уже и прежде написалъ книгу, о которой мы сообщили читателямъ наши замѣчанія (XXXVI, 335). Въ новомъ его произведеніи, къ сожалѣнію, осталось много такаго, чего мы совѣтовали избѣгать при изданіи книгъ въ публику.

65. *Юмористическіе расказы нашего времени,* издаваемые *Абракадаброю.* Съ политипажами. Въ б. 8; 30, 26 и 28 стран. Спб.

Это три Главы однаго расказа, названнаго сочинителемъ: «Занимательныя похожденія помощника столоначальника Феклиста Парамоновича Вертихвостова.» Первая Глава содержитъ расказъ: «Вотъ тебѣ и Марья Петровна»; вторая: «Счастье отъ собачки»; третья: «Коммиссіонеръ частныхъ порученій». Можно съ удовольствіемъ прочитать всѣ эти расказы, кто любитъ тонъ новѣйшей школы нашей въ литературѣ, потому-что они написаны пріятнымъ и правильнымъ языкомъ, не лишены занимательности вымысла, и даже проведено по нимъ нѣсколько красокъ. Мы только жалѣемъ, что страсть къ подражанію наводитъ однообразіе на литературу нашу и — вмѣсто того, чтобы развертывать новые

таланты — сжимаетъ ихъ въ толпѣ уже многочисленной.

66. *Новый Емеля,* или превращенія. *А. Вельтмана.* Въ четырехъ частяхъ. Въ 8; 250, 232, 232 и 250 стран. Моск.

Г-нъ Вельтманъ по-преимуществу Русской романистъ. Болѣе другихъ писателей онъ знакомъ съ народнымъ языкомъ, съ поговорками и нравами простаго народа. Всѣмъ этимъ онъ умѣетъ пользоваться для составленія сценъ живыхъ и вѣрныхъ. Одно препятствуетъ полному успѣху романовъ Г-на Вельтмана: они безъ общей занимательности въ цѣломъ. Это жизнь неровная, взятая отрывками — и потому не оставляющая въ читателѣ глубокаго впечатлѣнія. Въ соображеніи событій Г-нъ Вельтманъ позволяетъ себѣ столь невѣроятные вымыслы, что участіе, изрѣдка возбуждаемое къ дѣйствующимъ лицамъ, незамѣтно исчезаетъ.

67. *Чортовы салазки.* Въ 16; 16 стран. Моск.

Въ заглавіи пустыхъ этихъ стиховъ проглядываетъ желаніе не отстать отъ модной идеи народности. Вотъ куда можемъ привести безсмысленное подражаніе.

68. *Стихи на объявленіе памятника Исторіографу Николаю Михайловичу Карамзину.* (Посвящаются А. И. Тергеневу). Соч. *Н. Языкова.* Въ 8; 7 стран. Моск.

«Онъ *памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный,*
Достойный праведныхъ похвалъ,

И краше, чѣмъ кумиръ иль столбъ каменосѣчный,
И тверже, чѣмъ литой металлъ!
Тотъ славный памятникъ, отчизну украшая,
О немъ потомству говоритъ
И будетъ говорить, покуда Русь святая
Самой себѣ не измѣнитъ;
Покуда внятны ей родимыя преданья
Давно скончавшихся вѣковъ
Про свѣтлыя дѣла, про лютыя страданья,
Про жизнь и вѣру праотцёвъ;
Покуда нашъ языкъ, могучій и прекрасной,
Ихъ вѣщій, ихъ завѣтный гласъ,
Пѣвучій и живой, звучитъ намъ сладкогласно,
И есть отечество у насъ!»

Такъ начинаются эти вдохновенно-патріотическіе стихи. Они достойны своего предмета. Поэтъ обнялъ созданіе великаго писателя и магически врѣзалъ его характеристику въ свое произведеніе. Сколько глубокихъ, разительныхъ истинъ высказалъ онъ въ заключеніи стихотворенія:

«Великой подвигъ свой онъ совершилъ со славой!
О! сколько думъ раждаетъ въ насъ,
И задушевныхъ думъ, текущій величаво
Его плѣнительный расказъ,
И ясный и живой, какъ волны голубыя
Рѣки, царицы Русскихъ водъ,
Между холмовъ и горъ, откуда онъ впервые
Увидѣлъ солнечный восходъ!
Онъ будитъ въ насъ огонь прекрасной и высокой,
Огонь чистѣйшій и святой,
Уже недвижный въ насъ, заглохшій въ насъ глубоко

От жизни блудной и пустой —
Любовь къ своей землѣ. Насъ преданныхъ чужбинѣ
Краснорѣчиво учитъ онъ
Не рабствовать ея презрительной гордынѣ,
Хранить въ душѣ родной законъ,
Надежно уважать свои родныя силы,
Спасенья чаять только въ нихъ,
Въ себѣ — и не плевать на честныя могилы
Могучихъ прадѣдовъ своихъ!
Безсмертенъ Карамзинъ! Его бытописанья
Не позабудетъ Русскій міръ,
И памяти о немъ — не нужны струнъ бряцанья,
Не нуженъ камень, иль кумиръ:
Она безъ нихъ крѣпка въ отчизнѣ просвѣщенной...
Но слава времени, когда —
И мирный гражданинъ, подвижникъ незабвенный
На полѣ книжнаго труда,
Вѣнчанный славою, и гордый воевода,
Герой счастливый на войнѣ —
Стоятъ торжественно передъ лицемъ народа
Уже на ровной вышинѣ!»

69. *Александръ первый*, отецъ своего народа и другъ человѣчества, или нѣкоторыя черты изъ жизни Благословеннаго и историческіе расказы, народныя преданія и анекдоты, собранные *В. Потаповымъ*, въ 16; 147 стран. Моск.

Собранія подобныхъ расказовъ никогда не остаются безъ читателей. Гдѣ само за себя говоритъ дѣло или событіе, тамъ и простое изложеніе становится прекраснымъ. Такова и эта книжка.

70. *Гостинецъ для дѣтской елки;* книжка въ стихахъ для малютокъ. Сочиненіе *автора Дѣтскаго Цвѣтника и Дѣтскаго Павильона.* Съ десятью раскрашенными картинками. Въ 16; 96 стран. Спб.

Безъ этаго гостинца елка была бы красивѣе.

71. *Словарь къ книгѣ для переводовъ съ Русскаго* на Нѣмецкій, Французскій и Англійскій языки, изданный *Крыловымъ, Студитскимъ и Ульяновымъ.* Въ 8: 288 стран. Спб.

Въ XXXIII т., на 344 стран. Современ. сказано было о той книгѣ, для которой нынѣ составленъ Словарь. Издатели поступили очень добросовѣстно, кончивъ начало, какъ слѣдуетъ. Они помѣстили въ Словарѣ всѣ слова, находящіяся въ прозаической части книги ихъ. При глаголахъ Русскихъ означены виды ихъ—какъ неопредѣленный, такъ и совершенный. Если причастіе получаетъ значеніе, нѣсколько отличное отъ первообразнаго глагола, то и оно внесено въ Словарь какъ особое слово. Наконецъ глаголы неправильные на всѣхъ четырехъ языкахъ напечатаны курсивными буквами, чтобы при первомъ взглядѣ въ Словарь можно было догадаться объ ихъ уклоненіяхъ.

72. *Всеобщій географическій атласъ,* составленный по *Дюфуру,* и приспособленный къ географіямъ Бланка, Арсеньева, Шульгина, Соколовскаго, Ободовскаго и друг. *Лангеромъ.* Текста 51 стран., а картъ тридцать полулистовъ. Спб.

Новое это пособіе къ изученію географіи издано тщательно. Оно тѣмъ вѣрнѣе достигаетъ цѣли

своей, что при началѣ атласа есть краткое историко-географическое обозрѣніе всѣхъ государствъ, а при концѣ алфавитный списокъ всѣхъ значительныхъ мѣстъ, и показано, на какомъ находятся они листѣ и между которыми градусами долготы и широты.

73. *Вотъ наши съ натуры.* Составилъ и рисовалъ на камнѣ *И. Щедровскій.* Портфель *первая.* Двадцать рисунковъ. Спб.

Содержаніе рисунковъ заимствовано изъ жизни простаго народа. Работа хороша. Продолженіе обѣщано къ следующему году.

74. *Политическая ариѳметика*, составленная *Г. К. Бруномъ.* Въ 8, Одесса.

Такъ-какъ въ этой книгѣ собраны однѣ задачи, а систематической науки нѣтъ, то и справедливѣе было бы издать ее подъ именемъ практическихъ занятій политическою ариѳметикою.

75. *Критическій разборъ мнѣній ученыхъ объ условіяхъ плодородія земли, съ примѣненіемъ общаго вывода къ земледѣлію.* Разсужденіе магистра Ботаники и Зоологіи, *Ярослава Линовскаго,* представленное во 2-ое Отдѣленіе Философскаго Факультета Санктпетербургскаго Университета для полученія степени магистра Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства. Въ б. 8; 130 и II. Спб.

Сочиненіе раздѣлено на пять Главъ. Въ первой показано, какъ, послѣ различныхъ мнѣній и отвлеченныхъ сужденій, господствовавшихъ въ древности и въ средніе вѣка, относительно плодородія земли, естественныя науки, благодаря появленію химіи,

получили наконецъ болѣе положительное направленіе; какъ Соссюръ, основываясь на химическихъ и физіологическихъ своихъ изслѣдованіяхъ, объясняетъ процессъ питанія растеній и плодородіе земли. Въ перегноѣ, перегнойной вытяжкѣ видитъ онъ вѣрнѣйшіе источники производительности почвъ. Ученіе это распространяется по всей Европѣ. Гумфри Деви и Шапталь прилагаютъ къ нему дань своихъ открытій. Тэеръ, Фохтъ и другіе просвѣщенные хозяева основываютъ на этихъ данныхъ науку земледѣлія. Во *второй* Главѣ рѣчь идетъ объ изслѣдованіяхъ и теоріи Шпренгеля и Шюблера, которые утверждаютъ, что плодородіе земли зависитъ преимущественно отъ присутствія въ ней перегнойнокислыхъ, среднихъ солей, растворимыхъ въ водѣ. Эта теорія распространена въ настоящее время въ особенности въ Германіи. *Третья* Глава обнимаетъ ученіе Французской школы, которой представителями должно считать теперь Дюмаса, Пеіена и Буссенго. Эта школа, помощію подробныхъ химическихъ анализовъ открывъ во всѣхъ растительныхъ органахъ и сокахъ, во всѣхъ навозахъ, въ каждой почти землѣ, въ бо̀льшемъ или меньшемъ количествѣ, азотъ, полагаетъ, что онъ есть существенный элементъ растеній и животныхъ, что онъ составляетъ важнѣйшій источникъ плодородія земли. По его количеству школа заключаетъ о достоинствѣ почвъ и навозовъ. Въ *четвертой* Главѣ изложено ученіе Либиха, который доказываетъ, въ опровержніе многихъ другихъ естествоиспытателей, что углеродъ, водо-

родъ, находящіеся въ составѣ растеній, заимствуются ими почти исключительно изъ атмосферы, и что земля, навозы тѣмъ только содѣйствуютъ къ питанію растеній, что доставляютъ необходимыя для ихъ роста щелочныя основанія, и что наконецъ плодородіе земли зависитъ преимущественно отъ степени вывѣтренія горныхъ породъ, изъ которыхъ произошли почвы, отъ бо̀льшаго или меньшаго количества находящихся въ нихъ растворимыхъ разныхъ солей. Въ *пятой* Главѣ, изъ сравненія разныхъ системъ, выводится то рѣшеніе, которое, по мнѣнію автора, всего удовлетворительнѣе, всего полезнѣе въ его приложеніи къ промышлености. Плодородіе земли, по мнѣнію Г-на Линовскаго, условливается физическими и химическими ея свойствами. Физическія свойства обозначаютъ бо̀льшее или меньшее вліяніе внѣшнихъ дѣятелей природы на почву. Химическія свойства опредѣляютъ количество и качество питательныхъ началъ растеній, находящихся въ землѣ. Навозы и даже минеральные туки удобряютъ почву не потому только, что они доставляютъ растеніямъ ту или другую соль или щелочь, необходимую для ихъ развитія, но еще и по многимъ другимъ причинамъ. Азотъ есть одна изъ важнѣйшихъ элементарныхъ составныхъ частей плодородныхъ почвъ. Мнѣніе Либиха, что гипсъ удобряетъ землю потому именно, что сѣрная его кислота соединяется съ аммоніакомъ, отдѣляющимся при гніеніи органическихъ веществъ, не совсѣмъ справедливо. Изслѣдованія Шпренгеля и другихъ уче-

ныхъ о перегнойнокислыхъ, ключевокислыхъ и другихъ тому подобныхъ слояхъ, находящихся, по ихъ изслѣдованіямъ, въ перегноѣ, мало содѣйствовали къ развитію или совершенствованію земледѣлія. Главнѣйшая цѣль паханья и бороньбы состоитъ въ томъ, чтобы выставить землю соотвѣтственно вліянію атмосфернаго воздуха. Нѣтъ ни одной системы хозяйства, ни однаго почти сельскаго пріема, которые бы годились въ одинаковой системѣ для всѣхъ странъ свѣта. *Общія* правила сельскаго хозяйства одинаковы для всѣхъ мѣстностей, но *частныя*, которыхъ число самое значительное, измѣняются безпрестанно, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ и потребностямъ края. Мы увѣрены, что, принимая въ соображеніе послѣдніе два тезиса Г-на Линовскаго, никто не припишетъ ему односторонности и пристрастія, и что его разсужденіе заставитъ многихъ быть осмотрительнѣе въ составленіи системъ и теорій Сельскаго Хозяйства.

76. *О коннозаводствѣ вообще и преимущественно въ Россіи*, съ замѣчаніями о конныхъ заводахъ и ихъ управленіи. Сочиненіе *Людвига Берггофера*. Въ 8; 148 стран. Моск.

Книга, явившаяся въ надлежащее время: теперь у насъ обращаетъ на себя общее вниманіе эта важная отрасль казеннаго завѣдыванія. Къ счастію, авторъ, воспользовавшись благопріятнымъ для сочиненія своего временемъ, и приготовился къ нему надлежащимъ образомъ: онъ говоритъ не пустыми фразами, но указываетъ на все какъ знатокъ дѣла.

77. *Настольная книга для всѣхъ сословій.* Въ двухъ частяхъ. Сочиненіе Ивана Буттера. Въ 4; 156 стран. Моск.

Книгу, заключающую въ себѣ во 1-хъ расчеты процентовъ по вкладамъ, займамъ, ссудѣ и частнымъ оборотамъ, съ приложеніемъ правилъ Опекунскаго Совѣта, а равно операціи государственнаго Заемнаго и Коммерческаго Банковъ; во 2-хъ, краткую бухгалтерію и вексельный порядокъ — такую книгу назвать *настольною для всѣхъ сословій,* не значитъ ли выражаться ужъ слишкомъ иперболически?

78. *Вступительная лекція, читанная въ Земледѣльческой Школѣ* Императорскаго *Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства* преподавателемъ сельскаго хозяйства *П. Преображенскимъ.* Въ 8; 25 стр. Моск.

Вмѣсто «вступительной лекціи», по которой совсѣмъ еще нельзя съ точностію опредѣлить совершенства полнаго курса, мы желали бы прочитать собраніе лекцій, относящихся хоть къ одной части преподаванія. Между-тѣмъ (странное дѣло) обыкновенно знакомство наше съ преподавателями только и оканчивается вступительными лекціями, какъ будто они послѣ того пропадаютъ. Нынѣшняя лекція довольно стройна и основательна. Неизвѣстно, таковъ ли и весь курсъ?

79. *Александръ Васильевичь Суворовъ.* Простонародный Русскій расказъ. Сочиненіе *В. Потапова.* Въ 16: 35 стран. Моск.

И этотъ расказъ, подобно предыдущему (см. № 69), не безъ читателей останется: таково свойство его содержанія.

80. *Волшебное зеркало судьбы,* или собраніе всѣхъ извѣстныхъ способовъ узнавать будушее. Въ 16; 64 стран. Моск.

81. *Искуство гадать* посредствомъ хиромантіи, гороскоповъ, кофейной гущи, астрологіи, музыки, огня, воды, земли, воздуха, зеркала, луковицъ, аксиломантіи, и проч. Въ 16; 108 стран. Спб.

Вотъ двѣ книжки, о которыхъ и говорить нечего: говорятъ онѣ сами за себя.

II.

82. *Всеобщая географія,* приспособленная къ преподаванію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Выпускъ *третій.* Въ 8; 225 и 400 стран. Моск.

83. *Практическая медицина.* Лекціи профессора *Дядьковскаго. Третья* книга. Въ 8; XVI и 192 стр. Моск.

═

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

15. *Дополнительныя сказанія о подвижничествѣ Святыхъ и Блаженныхъ Отцевъ.* Переводъ съ Греческаго, изъ книги: Ecclesiae Graecae Monumenta, ed. Lutetiae Parisiorum, a J. B. Cotelerio, 1677 ann., составленный при Московской Духовной Академіи. Въ 8; 313 стран. Моск.

Съ какой бы стороны читатель ни разсматривалъ эту книгу, она представляетъ собою любопытное, занимательное и истинно-назидательное явленіе. Твореніе, писанное за два до насъ столѣтія, уже возбуждаетъ вниманіе духомъ своимъ, формами и красками. Исторія высокихъ Христіанскихъ подвиговъ наполняетъ сердце чистыми, святыми ощущеніями. Голосъ истины, любви и вѣрованія, посреди современной клеветы и лжеученія, есть небесная музыка, утоляющая душевныя болѣзни, распространяемыя суемудріемъ и малосмысліемъ. Въ языкѣ, въ оборотахъ, въ направленіи, въ изображеніяхъ этаго творенія, такъ прекрасно переданнаго намъ по-Русски, чувствуешь что-то освѣжительное и удовлетворяющее нравственной потребности Этотъ переводъ составляетъ великое пріобрѣтеніе въ сокровищницѣ литературы.

16. *Совѣты матерямъ о физическомъ воспитаніи дѣтей.* Сочиненіе *К. Ф. Гуфланда.* Переводъ съ послѣдняго изданія. Въ 16; 142 стран. Спб.

Имя автора этой книги пользуется такимъ уваженіемъ, что появленіе сочиненія его на Русскомъ языкѣ не можетъ не порадовать всякаго, кто только отыскиваетъ хорошія книги. Особенно благоразумныя матери должны быть благодарны переводчику за трудъ его. Наставленія Гуфланда просты, ясны и такъ вѣрны, что исполненіе ихъ всегда вознаграждается успѣхомъ.

17. *Энеиды Виргилія пѣсни I, II и III.* Посвящено О. Н. Перевелъ *I. Ш.* Въ 8; 99 стран. Одесса.

Ежели это опытъ, предпринятый съ какою-нибудь спеціальною цѣлію, то безъ сомнѣнія весь трудъ и кончится на трехъ пѣсняхъ—и литература ничего не выиграетъ отъ появленія ихъ въ печати. Но ежели переводчикъ намѣренъ издавать выпусками всю поэму; въ такомъ случаѣ онъ сдѣлается предметомъ особеннаго вниманія критики. Перевести Виргилія значитъ завоевать цѣлое царство. Но можно ли перевести его достойно, не получивъ таланта, по крайней мѣрѣ близкаго къ его таланту, если ужъ не равнаго? По образцу, представленному намъ на первый разъ, мы не ожидаемъ дѣйствительнаго завоеванія. Много трудностей осталось непреодолѣнными; есть мѣста ослабленныя, ложно понятыя и даже пропущенныя безъ перевода. Съ великими писателями непозволено такъ обходиться. Ихъ надобно

прежде всего изучить въ совершенствѣ. Такъ переведена у насъ Иліада Гнѣдичемъ.

18. *Заколдованный Принцъ*, или переселеніе душъ. Комедія-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, передѣланная съ Нѣмецкаго Императорскихъ Санктпетербургскихъ театровъ режиссеромъ Русской труппы *Н. Куликовымъ*. Въ 16; 107 стран. Спб.

Для развлеченія зрителей достаточно и такой шутки, а читатели могутъ и освободить себя отъ нея.

19. *Переводы Александра Струговщикова*. Книга *первая* статей въ прозѣ. Въ 214 стран. Спб.

Въ XL т. Современ., стран. 203, говоря о стихотворныхъ переводахъ Г-на Струговщикова, мы показали достоинство литературныхъ трудовъ его и ихъ недостатки. Переводы его въ прозѣ представляютъ явленіе болѣе замѣчательное. Онъ остался у прежняго источника своихъ вдохновеній — литературы Нѣмецкой. Это уже много говоритъ въ похвалу его; это значитъ, что не случайно напалъ онъ на нее, а чувствуетъ сродство между своими ощущеніями и красотами Германскихъ поэтовъ. Изъ переведенныхъ имъ пьесъ въ прозѣ напечатаны четыре: 1. Признанія прекрасной души, соч. Гёте; 2. Боги, Герои и Виландъ, сатира Гёте; 3. Петергофскія картины, и 4. Случай изъ жизни Гёте. Въ переводахъ счастливо удержанъ господствующій тонъ подлинниковъ — первая и важнѣйшая заслуга переводчика. Его языкъ свободенъ и разнообразенъ какъ предметы расказа. Мысли удержаны во всей точности. Конечно проза переводится легче стиховъ. Но

не хотѣлось бы намъ думать, что переводчикъ прежде пожалѣлъ труда и усилій. Полюбивъ художнически подлинникъ, и работать надъ нимъ надобно художнически, т. е. со всею страстію и стремленіемъ къ совершенству. Такъ-какъ обѣ книжки Г–на Струговщикова отмѣчены словомъ *первая*, то мы остаемся въ увѣренности встрѣтить при *вторыхъ* плоды несомнѣнной оконченности въ его отдѣлкѣ столь счастливо избираемыхъ подлинниковъ.

20. *Кашка графини Берты.* Сказка для дѣтей. Сочиненіе *Александра Дюма;* переводъ съ Французскаго. Въ 16; 105 стран. Спб.

Нельзя безъ сожалѣнія смотрѣть, какъ работаютъ у насъ въ литературѣ дѣтской. Читатели наши не забыли о томъ, что мы расказали имъ, разбирая одну дѣтскую книжку подъ 41 № на 268 стран. нынѣшняго тома Современ. Подобныя явленія безпрестанно повторяются и въ переводахъ и съ печатаніемъ картинокъ, какъ здѣсь на прим.

21. *Географія въ эстампахъ съ повѣстями и картинами по предметамъ географіи.* Сочиненіе *Ришома* и *Альфреда Вингольда.* Рисунки *Людовика Лассалы.* Въ 8: 283 стран. Спб.

Безсмыслица, господствующая въ самомъ заглавіи, заставляетъ уже читателя возвратиться къ нашему замѣчанію, только-что высказанному передъ симъ.

22. *О дѣйствіяхъ природы въ произведеніи рода человѣческаго,* и проч., и проч. Въ 8; 116 стран. Мос.

По началу заглавія легко уже судить, отъ чего не нашли мы нужнымъ продолжать выписку его вполнѣ. Тамъ еще менѣе смысла. Переводчикъ, для приманки читателей, обѣщаетъ то, чего и нѣтъ совсѣмъ въ книгѣ, заключающей всѣмъ извѣстныя истины касательно брака, и множество подробностей, то смѣшныхъ, то неприличныхъ.

II.

23. *Англійская Индія въ 1843 году.* Сочиненіе *Графа Эдуарда Варрена,* служившаго офицеромъ королевско-Англійской арміи въ Индіи *(Мадрасское Президенство).* Часть *вторая.* Издалъ *Платонъ Голубковъ.* Въ 12; 484 стран. Моск.

24. *Библіотека романовъ, повѣстей, путешествій и записокъ,* издаваемая *Н. Улитинымъ.* Выпускъ *четвертый,* томъ *пятый.* (Странствующій Жидъ, романъ Эженя Сю, автора Парижскихъ тайнъ; переводъ съ Французскаго). Четыре части. Въ 12; 76, 112, 108 и 128 стран. Моск.

═

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

I.

13. *Іоаннъ Грозный и Стефанъ Баторій*. Историческій романъ. Сочиненіе *А. А.* Четыре части. Изданіе *третье*. Въ 16; 128, 158, 224 и 90 стран. Моск.

14. *Черное время*, или нѣкоторыя сцены изъ жизни Емельки Пугачева. Историческій романъ XVIII вѣка. Сочиненіе П*етра С . . . нова*. Изданіе *третье*. Въ двухъ частяхъ. Въ 16; 119 и 96 стран. Моск.

16. *Мирза Хаджи-Баба Исфагани*. Сочиненіе *Моріера*. Вольный переводъ *Барона Брамбеуса*. Изданіе *второе*. Четыре тома. Въ 12; 444, 396, 327 и 360 стран. Спб.

16. *Ермакъ, покоритель Сибири*. Историческій романъ. Изданіе *четвертое*. Въ двухъ частяхъ. Въ 16; 95 и 79 стран. Моск.

17. *Избранныя Русскія стихотворенія* для дѣтей. Въ 8; 126 стран. Спб.

18. *Азбука Нѣмецкая новѣйшая*. Букварь, по которому скоро и легко можно научиться правильно читать и говорить по-Нѣмецки, и проч., и проч., вновь сочиненный *П. Васильевымъ*. Изданіе *осьмое*. Въ 8; 107 стран. Спб.

19. *Народный Русскій пѣсенникъ*, собранный *В. С*. Изданіе *четвертое* съ исправленіемъ и дополненіемъ. Въ 16; 75 стран. Моск.

20. *Старичекъ-балагуръ*. Изданіе *второе*, съ изданія 1841, безъ перемѣны. Въ 8; 12 стран. Моск.

II.

21. Учебныя руководства для военно-учебныхъ заведеній. *Географія*. Часть *третья*. Политическая географія Европы. Составилъ *Н. Соколовскій*. Изданіе *четвертое*, исправленное. Въ 8; 196 стран. Спб.

ПОСЛАНІЕ.

Была пора: какъ добрая семья,
Вы съ искреннимъ радушьемъ собирались —
И пѣнилась душистая струя,
И звучные напѣвы раздавались,
Шелъ рѣзкій толкъ о вѣковыхъ трудахъ,
О счастіи, о упоеньи битвы —
И Купидонъ съ улыбкой на устахъ
Благословлялъ горячія молитвы.

Она была... но вотъ передъ столомъ
Явился гость... взглянулъ на лица ваши
И погрозилъ таинственнымъ перстомъ —
И смолкнулъ смѣхъ и опустились чаши.
Вы поняли, что вамъ судьбы сулятъ
Погибель всѣмъ — и всѣмъ пришло желанье
Опередить — — чтобы не знать утратъ,
Чтобъ не видать собратій изныванье.

И гдѣ же ты, Веніаминъ друзей,
Воителей питомецъ сладкогласный?
Ты не пришелъ ни съ пѣснію твоей,
Ни съ шуткою, незлобіемъ прекрасной.
Но иногда твой легкокрылый духъ
Еще виталъ съ живущими друзьями,
И говорилъ: «о, не тоскуй же, другъ!
Есть лучшій міръ, предчувствованный нами.»

И Гнѣдичъ смолкъ, пересоздавши бой
Подъ вѣчными стѣнами Иліона,
И онъ пошелъ безтрепетной стопой
На славную вершину Геликона,
Чтобъ тамъ сказать: «доволенъ ли ты мной?»
И вотъ слѣпецъ съ всезрящими очами
Склоняется премудрой головой,
Осклабяся Гиблайскими устами.

И ты, и ты, которымъ больше всѣхъ
Гордилася родимая Россія,
Чей каждый стихъ изобличалъ успѣхъ,
Чей каждый трудъ—примѣры золотые,
Чей мощный духъ изъ гроба вызывалъ
Кроваваго, но мудраго владыку,
И чей глаголъ такъ славно доказалъ,
Кому вѣнецъ — отвагѣ или крику,

Во цвѣтѣ лѣтъ, когда твоимъ мечтамъ
Давали вѣсъ мыслительныя силы,
Ты говорилъ тоскующимъ друзьямъ:
«Меня зоветъ, зоветъ мой Дельвигъ милый;
Въ той области, гдѣ не заходитъ день,
Онъ ждетъ меня». Дождался слишкомъ рано...
Явилася возлюбленная тѣнь,
На страшную указывая рану.

О, родину прославившій пѣвецъ!
О, мой, меня не знающій, учитель!
Кому же ты передаешь вѣнецъ?
Достойному? какъ міра побѣдитель.

Достойному! И много ихъ придетъ,
Хваля свои ничтожныя цѣвницы —
Но горе имъ: великій огнь пожжетъ
Невѣжествомъ почтёныя десницы.

И у тебя остался только онъ —
И съ грустнымъ мы волненіемъ взирали,
Когда онъ шелъ подъ южный небосклонъ,
Куда давно его мечты летали.
И передъ нимъ уже завѣтный край,
И дивныя окрестности Ливурны — —
И жеребій — о, нѣтъ! не выпадай...
Но выпалъ онъ изъ смертоносной урны.

Тогда-то ты совсѣмъ осиротѣлъ;
Тогда-то ты, качая головою,
Задумался. О комъ ты такъ радѣлъ,
Какъ былія поблекли предъ тобою.
Но для полей еще придетъ весна,
И имъ опять украситься цвѣтами,
А для тебя, а для тебя она
Лишь горькими помянется слезами.

Одинъ, одинъ... Ты братій пережилъ,
Перетерпѣвъ погибельное пламя.
Такъ рьяный мечь косилъ, еще косилъ,
А все несутъ водительное знамя.
Такъ ураганъ переломалъ кусты,
Такъ молніей попалена осина:
А дубъ стоитъ и смотритъ съ высоты
Спокойными очами исполина.

И ты хотѣлъ вокругъ себя собрать
Имѣющихъ способности и чувства,
Чтобъ выбывшимъ преемниковъ сыскать,
Чтобъ сохранить священный огнь Искуства:
Но золото звенѣло въ ихъ ушахъ,
Но въ ихъ глазахъ пестрѣла роскошь свѣта.
И звучный гласъ, какъ колоколъ въ степяхъ,
Пророкоталъ — и не было отвѣта —

Достойный другъ великихъ мертвецовъ,
Дай руку мнѣ! я сердцемъ ихъ достоинъ.
Я, можетъ быть, не обрѣту вѣнцовъ,
Но пламеный и безкорыстный воинъ.
И пусть въ тотъ день, когда съ струны моей
Сорвется звукъ, ласкающій...
Но что за рѣчь?... на мнѣ горитъ елей,
И нѣтъ во мнѣ тлетворнаго обмана!

О, будь же ты вожатаемъ моимъ!
Учи меня смирять воображенье,
Не щеголять созвучіемъ однимъ,
Давать словамъ ихъ полное значенье,
Переносить тяжелый крестъ скорбей,
Позабывать отмучившія раны —
И сопричти къ числу своихъ друзей,
Какъ сопричелъ создателя Татьяны.

Дмитрій Ҁоптѣвъ.

1-ое Августа, 1843.

БЕНЕШЪ ГЕРМАНЫЧЪ.

Изъ Кралѣдворской рукописи.

Гой ты, солнце наше красно!
Что́ съ лазоревыхъ высотъ
Нынче такъ печально свѣтишь
Ты на бѣдный нашъ народъ?

Гдѣ нашъ князь? Гдѣ людъ военный?
Къ Отту всѣ пошли толпой...
Кто жъ враговъ твоихъ прогонитъ,
Сиротина-край-родной?

Идутъ Нѣмцы длиннымъ строемъ:
То Саксоновъ злая рать;
Отъ вершинъ Згорѣльскихъ древнихъ
Идутъ край нашъ воевать.

Злато-сѣребро сбирайте,
Будьте щедры и добры:
Скоро жечь придутъ злодѣи
Наши хаты и дворы.

Все пожгли враги, побрали
Злато-сѣребро изъ хатъ,
И стада̀ угнали наши;
Къ Троскамъ далѣе спѣшатъ.

Не тужите, добры люди:
Встанетъ травушка въ поляхъ,

Чтó Саксоны притоптали
Проскакавши на коняхъ.

Убирайте же вѣнками
Избавителю, чело!
Зелень выросла на нивахъ;
Все по-старому пошло.

Скоро минетъ наше горе:
Бенешъ Германычь идетъ,
Биться нà смерть съ сопостатомъ
Призываетъ свой народъ.

Вотъ собрались наши люди
Подъ скалой въ лѣсу густомъ;
Всякій шелъ на бой кровавый
Не съ булатомъ, а съ цѣпомъ.

Бенешъ, Бенешъ передъ нами!
Ярый людъ во-слѣдъ ему.
«Горе Нѣмцамъ!» крикнулъ Бенешъ:
«Нѣтъ пощады никому!»

Закипѣли гнѣвомъ лютымъ
Въ битвѣ обѣ стороны;
Взволновалися утробы;
Очи злобой зажены.

Набѣжали другъ на друга —
И давай колоть и сѣчь;
Коломъ колъ тяжелый встрѣченъ,
Зацѣпился мечь за мечь.

Страшно рать на рать валила,
Словно лѣсъ пошелъ на лѣсъ;

От̆ъ мечей летѣли искры,
Будто молнія съ небесъ.

Нивы стономъ застонали;
Всполошило всѣхъ звѣрей;
Всполошило вольныхъ пташекъ
Средь лѣсовъ и средь полей.

До вершины ажно третьей
Слышно было жаркій споръ;
Копья съ саблями трещали,
Словно падалъ древній боръ.

Такъ стояли оба войска,
Сѣвши крѣпко на пяту —
И пришло отъ лютой битвы
Тѣмъ и тѣмъ не въ моготу.

Въ гору Германычь ударилъ;
Чтó махнетъ мечемъ своимъ —
Цѣлой улицей ложится
Вражья сила передъ нимъ;

И направо, и налѣво
Такъ и стелетъ онъ народъ;
Поднялся́ — и супостата
Сверху камнями онъ бьетъ.

На широкой долъ сбѣжали
Мы опять съ холмовъ крутыхъ;
Завопили Нѣмцы, дрогнувъ;
Мы пошли — и смяли ихъ.

Н. Бергъ.

1845 года, Декабрь, Москва.

И. С. АКСАКОВУ.

Прекрасны твои пѣснопѣнья живыя,
И сильны, и чисты, и звонки они:
Да будутъ же годы твои молодые
Прекрасны, какъ ясные вешніе дни!
Бѣги ты далече отъ шумнаго свѣта,
Не знай Вавилонскихъ работъ и заботъ;
Живи ты высокою жизнью поэта
И пой, какъ дубравная птица поётъ
На волѣ; и если тебя очаруетъ
Красавица-роза — не бойся любви;
Пускай она нѣжитъ, томитъ и волнуетъ
Глубоко всѣ юныя силы твои:
Въ груди благородной любовь пробуждаетъ
Высокія чувства — и ею полна
Свѣтло, сладкозвучно бѣжитъ и сверкаетъ
Сердечнаго слова живая волна.
Безпечно и смѣло любви предавайся,
Поэтъ! и безъ умолку пой ты объ ней
Счастливыя пѣсни — и весь выпѣвайся
Красавицѣ-розѣ, пѣвецъ-соловей!
И бури и грозы чтобъ вѣкъ не взрывали
Тѣхъ сѣней, гдѣ счастье себѣ ты нашелъ,
И пѣснямъ твоимъ чтобы тамъ не мѣшали
Ни хитрая кошка, ни критикъ-оселъ.

Н. Языковъ.

Октября 31-го дня, 1845 г.

РАЗНОЕ.

— Здѣшній Университетъ праздновалъ день основанія своего (8 Февр.) публичнымъ актомъ. Это былъ второй актъ послѣ юбилейнаго (1844), когда исполнилось 25 лѣтъ существованію Университета. Изъ лицъ, не принадлежащихъ къ ученому сословію, еще не довольно многія принимаютъ участіе въ этихъ торжествахъ. Такова обыкновенно судьба Университета, когда онъ въ столицѣ, гдѣ вниманіе любознательности дѣлится между тысячью предметовъ, равно важныхъ и занимательныхъ. Не то бываетъ въ Москвѣ и въ другихъ Русскихъ городахъ, гдѣ есть Университеты. Тамъ они дѣйствительно составляютъ средоточіе мѣстной умственной дѣятельности. Здѣшній же Университетъ и младшій изъ собственно-Русскихъ. Отъ основанія Казанскаго и Харьковскаго — 42 года, а Московскаго 91 г. Между-тѣмъ, по составу своему и многимъ другимъ примѣчательностямъ, Санктпетербургскій Университетъ заслуживаетъ общее вниманіе. Число образующагося въ немъ юношества восходитъ нынѣ уже къ 700, не смотря на то, что здѣсь нѣтъ Медицинскаго факультета. Профессоровъ и прочихъ преподавателей 46. Каждый изъ нихъ въ ученой или изящной литературѣ занялъ почетное мѣсто какимъ-нибудь сочиненіемъ. Исключая Казанскій Универси-

тетъ, нигдѣ нѣтъ, какъ здѣсь, столько каѳедръ для изученія Восточныхъ языковъ. Университетская библіотека содержитъ болѣе 35 т. волюмовъ. Въ современной литературѣ конечно всѣмъ извѣстны два прекрасные таланта — И. Тургенева, и А. Майкова: они своимъ образованіемъ обязаны здѣшнему Университету. Многія изъ ученыхъ диссертацій, которыя пишутся студентами въ разрѣшеніе годичныхъ задачь и по опредѣленію Совѣта награждаются медалями, знатоками приняты съ большою похвалой. На нынѣшнемъ актѣ объявлено было, что, между прочими, Г-нъ Тимоѳеевъ, еще 3-го курса студентъ по 1 отдѣленію Филос. факультета, самымъ удовлетворительнымъ образомъ объяснилъ «идею о фило-«софіи Исторіи, возникшую въ новѣйшее время, «показалъ различіе между ею и историческимъ «прагматизмомъ и разсмотрѣлъ въ главныхъ чертахъ «тѣ сочиненія, которыя содержатъ въ себѣ первые «опыты такой философіи.» Чтобы основательно разрѣшить подобную задачу, молодому человѣку надобно было непремѣнно изучить, по крайней мѣрѣ, Вико и Гердера.

— Наканунѣ акта, въ Университетѣ публично защищалъ диссертацію (подъ названіемъ: Критическій разборъ мнѣній Ученыхъ объ условіяхъ плодородія земли, съ примѣненіемъ общаго вывода къ земледѣлію) Магистръ Ботаники и Зоологіи Ярославъ Линовскій, для полученія ученой степени Магистра Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства. Собраніе было довольно многолюдное. Его удостоилъ своимъ при-

сутствіемъ Свѣтлѣйшій Князь А. С. Меншиковъ. Возраженія и отвѣты на нихъ столько же были занимательны, какъ и живы. Предметъ былъ близокъ къ сердцу просвѣщенныхъ землевладѣльцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые не поскупились и на собственные вопросы Г-ну Профессору. Онъ говорилъ не только съ знаніемъ дѣла, но и съ какою-то избранностію рѣчи. Москвичи хорошо знаютъ Г-на Линовскаго по его публичнымъ лекціямъ и справедливо уважаютъ его. Ученое преніе кончилось въ пользу кандидата: Г-нъ Деканъ объявилъ собранію, что II-ое Отдѣленіе Философск. факультета признало его достойнымъ степени Магистра.

— Наконецъ привезено сюда для продажи значительное количество экземпляровъ «Историческаго Атласа Россіи, составленнаго Н. Павлищевымъ», книги, напечатанной въ Варшавѣ и здѣсь бывшей пока рѣдкостью. Мы уже говорили о ней (Т. XLI, стран. 262). Нельзя довольно надивиться, какъ удалось сочинителю исполнить съ такимъ совершенствомъ предпріятіе, во всѣхъ отношеніяхъ оригинальное, требовавшее безчисленныхъ справокъ, выписокъ, указаній—исполнить одному и еще тамъ, гдѣ спеціальныя пособія по нашей Исторіи, особенно на Русскомъ языкѣ, такъ малочисленны и даже рѣдки. Но ревность и постоянство вездѣ и все преодолѣваютъ. Атласъ Г-на Павлищева представляетъ такое пособіе, которому равнаго не только у насъ нѣтъ, но и у другихъ народовъ. Онъ вмѣщаетъ въ себѣ любопытнѣйшія, самыя разносторонніе и самыя

подробныя изслѣдованія касательно Исторіи Россіи, съ древнѣйшихъ временъ до 1844 года. Появленіемъ въ свѣтѣ этаго замѣчательнѣйшаго изъ учебныхъ пособій мы обязаны просвѣщенному покровительству Е. И. В. Великаго Князя Михаила Павловича. Авторъ говоритъ: «многолѣтній трудъ мой остался бы, «можетъ быть, подъ спудомъ, если бъ Е. И. В. В. «К. Михаилъ Павловичь не благоизволилъ обратить «на него милостивое Свое вниманіе, исходатайство-«вавъ мнѣ Монаршее пособіе на покрытіе значи-«тельныхъ издержекъ изданія, съ тѣмъ, чтобы Ат-«ласъ приноровленъ былъ къ потребностямъ Воен-«но-Учебныхъ Заведеній.»

— 19 Февраля появилась и здѣсь Январская книжка Москвитянина. Немножко поздно. Журналъ прежде всего долженъ быть журналомъ, т. е. книгою срочною. Тѣмъ болѣе нетерпѣливы читатели Москвитянина, что въ немъ есть достоинство и честь, Москвитянинъ въ новой книжкѣ по-прежнему разнообразенъ и богатъ занимательными статьями, особенно касающимися собственно Россіи. Здѣсь по всей справедливости первое мѣсто занимаетъ сочиненіе самаго Редактора: «Историческое похвальное слово Карамзину.» Какъ на образецъ ума, вкуса и языка—укажемъ на разборъ С. П. Шевырева «Словъ и Рѣчей Московскаго Митрополита Филарета.» Но не согласны мы съ основною идеею критики Г-на Студитскаго, напечатавшаго родъ обозрѣнія Русской Словесности въ 1845 г. Онъ воображаетъ, что характеръ современнаго намъ направленія Русской ли-

тературы возникъ изъ слѣдующихъ стиховъ Лермонтова:

«Печально я гляжу на наше поколѣнье:
Его грядущее иль пусто, иль темно,
Межъ-тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно-равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы.»

Уже ли г-нъ Критикъ не чувствуетъ, что въ этихъ стихахъ слышится одинъ отголосокъ нѣкогда моднаго направленія поэзіи Байрона, и у насъ лѣтъ пять когда-то нравившагося по милости Пушкина до появленія его Полтавы и Бориса Годунова? Но Г-ну Студитскому показалось, что приведенные стихи послужили темою для сочиненій Гоголя, за которымъ потянулись всѣ его подражатели (до автора Тарантаса включительно) и въ своихъ нравоописательныхъ сатирахъ другъ за другомъ повторяютъ вышеприведенныя три мысли Лермонтова, которыя г-нъ Критикъ изложилъ такъ: 1. Наше прошедшее ребячески пошло; 2. наше настоящее ничтожно; 3. наше будущее постыдно. Въ литературѣ никто еще не слыхалъ и имени Лермонтова, когда уже Пушкинъ съ такимъ восхищеніемъ въ своемъ Современникѣ разбиралъ Гоголя. Если бы въ характерахъ, картинахъ и расказахъ Гоголя повторялись (въ обра-

зѣ амплификаціи) вышеприведенныя три мысли, антилогическія и во всѣхъ отношеніяхъ мелкія; то его сочиненія не обратили бы на себя вниманія даже иностранцевъ, не только Русскихъ. И какъ можно приписывать Лермонтову образованіе школы, когда онъ видимо самъ стремился, то за Пушкинымъ, то за Байрономъ?

— Изъ нашихъ Газетъ мы узнаёмъ, что 22-го Февраля, въ 11 часовъ вечера, отъ нервной горячки, на 50 году жизни своей скончался Н. А. Полевой. Въ продолженіе второй четверти нынѣшняго столѣтія онъ дѣйствовалъ на поприщѣ литературы нашей всѣхъ разнообразнѣе и неутомимѣе всѣхъ. Самое сильное вліяніе произвелъ онъ на характеръ литературы Русской журналомъ своимъ: Московскій Телеграфъ, который издавалъ онъ до переѣзда своего сюда. Программа этаго журнала, въ нѣкоторомъ смыслѣ, послужила въ послѣдствіи времени образцемъ для «Библіотеки для Чтенія», которой планъ безъ измѣненія приняли послѣ П. П. Свиньина и «Отечественныя Записки». Такимъ образомъ Н. А. Полевой можетъ быть названъ родоначальникомъ современной литературной дѣятельности въ этихъ журналахъ. Передъ кончиною своей онъ трудился какъ участникъ въ «Литературной Газетѣ».

ОГЛАВЛЕНІЕ XLI ТОМА.

Конецъ сорокъ-перваго тома.